

ЛЕНИН

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

16

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
IX СЪЕЗДА РКП(б)
и II СЪЕЗДА СОВЕТОВ
СССР

ИНСТИТУТ МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА-ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

В. И. ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

Том четвертый

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1948

В. И. ЛЕНИН

ТОМ
16

Сентябрь 1909—декабрь 1910

ПРЕДИСЛОВИЕ

Шестнадцатый том содержит произведения В. И. Ленина, написанные за время с сентября 1909 года по декабрь 1910 года.

Основное содержание тома составляют статьи и документы, посвященные борьбе за партию, за ее революционные принципы, против двух видов оппортунизма в партии: ликвидаторов, «прямых противников партии», и отзовистов, «скрытых недругов партии», а также против примиренцев, прикрывавших тех и других оппортунистов.

Борьбе с ликвидаторством — агентурой либеральной буржуазии в партии — посвящены работы: «Разоблаченные ликвидаторы», «Приемы ликвидаторов и партийные задачи большевиков», «Голос Социал-Демократа» п Череванин», «Голос» ликвидаторов против партии».

Статьи: «О фракции сторонников отзовизма и богостроительства», «Беседа с петербургскими большевиками», «Позорный провал», «О фракции «впередовцев» направлены против отзовизма и ультиматизма.

В работе «Заметки публициста» дана оценка решений Январского пленума ЦК РСДРП 1910 года, характеристика борьбы на пленуме с ликвидаторами, троцкистами и примиренцами.

Статьи: «Одиннадцатая сессия Международного социалистического бюро», «Вопрос о кооперативах на Международном социалистическом конгрессе в Копенгагене», «Два мира», «Разногласия в европейском рабочем движении» направлены против оппортунизма в европейском рабочем движении, против предательской политики вождей II Интернационала.

Статьи «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России», «О статистике стачек в России» посвящены изучению опыта революции 1905—1907 годов.

В шестнадцатый том включено восемь документов, впервые печатаемых в Сочинениях В. И. Ленина: «Письмо слушателям школы на Капри», вскрывающее антипартийную деятельность каприйской школы; «Об идейном распаде и разброде среди российской социал-демократии»; «О группе «Вперед»»; «Объявление об издании «Рабочей Газеты»»; «Открытое письмо ко всем социал-демократам партийцам» с изложением внутрипартийного положения после Январского пленума ЦК РСДРП 1910 года; два заявления в Центральный Комитет РСДРП. Как и большинство произведений шестнадцатого тома, эти документы посвящены борьбе за партию, борьбе на два фронта.

Среди вновь включаемых статей — большая работа Ленина «Капиталистический строй современного земледелия», написанная в конце 1910 года. Рукопись ее до сих пор полностью не разыскана. Конец статьи с подписью: *В. Ильин*, а также конец I главы и начало II, отсутствовавшие при опубликовании работы в 1932 году, теперь найдены, поэтому главы I, II и VII печатаются впервые полностью.

В. И. ЛЕНИН

1910

РАЗОБЛАЧЕННЫЕ ЛИКВИДАТОРЫ

Читателям известно, конечно, что за последний год нашей партии пришлось иметь дело с так называемым ликвидаторским течением в социал-демократии. Ликвидаторы, это — те наиболее безбоязненные оппортунисты, которые стали проповедывать ненужность нелегальной социал-демократической партии в современной России, ненужность РСДРП. Читателям известно также, что борьбу с этим ликвидаторским течением повел и провел большевизм, — провел, по крайней мере, настолько, что на Всероссийской партийной конференции декабря 1908 года¹ ликвидаторство было самым решительным и бесповоротным образом осуждено против голосов меньшевиков и части бундовцев (другая часть бундовцев восстала против ликвидаторства).

Однако, официальный орган меньшевистской фракции «Голос Социал-Демократа»² не только не признавал себя ликвидаторским, а, напротив, выступал все время с видом необыкновенно «гордым и благородным», отвергая всякую свою причастность к ликвидаторству. Факты были налицо. Но «Голос Социал-Демократа» величественно игнорировал факты. Вышедший недавно № 9 «Дневника Социал-Демократа»³ Плеханова (август 1909 г.) чрезвычайно ценен тем, что один из вождей меньшевизма окончательно разоблачает здесь ликвидаторство. Этим не исчерпывается значение «Дневника», но на этой стороне дела приходится остановиться прежде всего.

В № 45 «Пролетария»⁴ было напечатано письмо меньшевиков Выборгского района (в С.-Петербурге), протестующих против меньшевиков-ликвидаторов. В № 14

«Голоса» (май 1909 г.) это письмо перепечатывается, и редакция замечает: «Редакция «Пролетария» притворяется, будто усмотрела в письме гг. выборжцев шаг от газеты «Голос Социал-Демократа»...».

Выходит «Дневник» Плеханова. Автор его показывает *все содержание* ликвидаторских идей в статье, помещенной без всякой оговорки редакции (и притом в статье, выражающей целиком те же взгляды, каковы взгляды редакции) в № 15 «Голоса». Плеханов цитирует при этом письмо выборжцев и говорит: «Письмо это показывает нам, как влияют подчас на широкие рабочие организации люди, покинувшие нашу партию под предлогом «новой» работы» (стр. 10 «Дневника»). Это — именно тот «предлог», который выставлялся всегда «Голосом»! «Такое влияние — продолжает Плеханов — отнюдь не есть социал-демократическое влияние; это влияние по духу своему совершенно враждебное социал-демократии» (стр. 11).

Итак, Плеханов цитирует письмо выборжцев *против* № 15 «Голоса Социал-Демократа». Мы спрашиваем читателя, *кто же на самом деле «притворяется»?* «Пролетарий» ли «притворялся», обвиняя «Голос» в ликвидаторстве, или «Голос» *притворялся*, отрицая всякую свою связь с ликвидаторством?

Редакция «Голоса» разоблачена в *литературной нечестности*, разоблачена ее вчерашним членом Плехановым.

Но это еще далеко не все.

В № 15 «Голоса» (июнь 1909 г.) в статье, за подписью Ф. Дана, находим заявление, что репутация внефракционности предохраняет «Правду»⁵ «от нелепых и заведомо недобросовестных обвинений в ликвидаторстве» (стр. 12). Сильнее выразиться нельзя. Изобразить на своей физиономии более возвышенное, более благородное негодование по поводу обвинения «Голоса» в ликвидаторстве трудно.

Выходит «Дневник» Плеханова. Автор показывает *все содержание* ликвидаторских идей в одной из статей № 15 «Голоса» и заявляет по адресу меньшевиков, которые разделяют эти идеи: «Зачем обижаться на упрек в ликвидаторстве, когда в самом деле очень сильно грешить этим грехом?» (стр. 5). «Товарища С.» (автора разбираемой Плехановым статьи в № 15 «Голоса») «не только можно, но и должно обвинить в ликвидаторстве, потому что план,

излагаемый и защищаемый им в своем письме, действительно не что иное, как план ликвидации нашей партии» («Дневник», стр. 6). А этот т. С. прямо говорит в своей статье о своей солидарности с «кавказской делегацией», т. е. с редакцией «Голоса», имевшей, как известно, два мандата из трех в этой делегации.

Плеханов продолжает:

«Тут нужно выбирать: или ликвидаторство, или борьба с ним. Третьего нет. Говоря это, я имею в виду, разумеется, товарищей, руководящихся не своими личными интересами, а интересами нашего общего дела. Для тех, которые руководствуются своими личными интересами; для тех, которые думают только о своей революционной карьере, — есть ведь и такая карьера! — для них существует, конечно, третий выход. Великие и малые люди этого калибра могут и даже должны в настоящее время лавировать между ликвидаторским и антиликвидаторским течениями; они должны при настоящих условиях всеми силами отговариваться от прямого ответа на вопрос о том, нужно ли бороться с ликвидаторством; они должны отделяться от такого ответа «иносказаниями и гипотезами пустыми», потому что ведь еще неизвестно, какое течение возьмет верх, — ликвидаторское или антиликвидаторское, — а этим мудрым дипломатам хочется, во всяком случае, быть у праздника: они во что бы то ни стало желают быть на стороне победителей. Повторяю, для таких людей есть и третий выход. Но т. С., вероятно, согласится со мной, если я скажу, что это не настоящие люди, а только «игрушечного дела людешки». О них толковать не стоит: они — природенные оппортунисты; их девиз: — «чего изволите?»» (стр. 7—8 «Дневника»).

Это называется: тонкий намек... на толстое обстоятельство. Действие пятое и последнее, сцена 1-ая. На сцене редакторы «Голоса», все без одного. Редактор Имярек, обращаясь к публике с видом особенного благородства: «направленные против нас обвинения в ликвидаторстве не только нелепы, но и *заведомо недобросовестны*».

Сцена 2-ая. Те же и «он», редактор «Голоса», только что благополучно вышедший из редакции? (делает вид, что не замечает никого из редакторов, и говорит, обращаясь к солидарному с редакцией сотруднику С.): «Или ликвидаторство, или борьба с ним. Третий выход есть только

у революционных карьеристов, которые лавируют, отговариваются от прямого ответа, выжидают, кто возьмет верх. Тов. С., вероятно, согласится со мною, что это не настоящие люди, а игрушечного дела людишки. О них толковать не стоит: они — прирожденные оппортунисты; их девиз — «чего изволите?».

Поживем — увидим, действительно ли согласится с Плехановым «тов. С.», коллективно-меньшевистский тов. С., или он предпочтет сохранить себе в качестве руководителей некоторых игрушечного дела людишек и прирожденных оппортунистов. Одно мы можем смело заявить уже теперь: из меньшевиков-рабочих, если им полностью изложат свои взгляды Плеханов, Потресов («убежденный ликвидатор» по отзыву Плеханова, стр. 19 «Дневника») и «игрушечного дела людишки» с девизом «чего изволите?», не найдется, наверное, десяти из сотни за Потресова и за «чего изволите» вместе. За это можно ручаться. Плехановского выступления достаточно, чтобы меньшевиков-рабочих оттолкнуть и от Потресова и от «чего изволите». Наше дело — позаботиться о том, чтобы рабочие-меньшевики, особенно те, которые трудно поддаются пропаганде, исходящей от большевиков, ознакомились полностью с № 9 «Дневника» Плеханова. Наше дело — позаботиться о том, чтобы рабочие-меньшевики всерьез взялись теперь за выяснение идейных основ расхождения между Плехановым, с одной стороны, Потресовым и «чего изволите» — с другой.

По этому, особенно важному, вопросу Плеханов дает в № 9 «Дневника» материал тоже чрезвычайно ценный, но далеко, далеко не достаточный. «Да здравствует «генеральное межевание!» — восклицает Плеханов, приветствуя размежевание большевиков с анархо-синдикалистами (так называет Плеханов наших отзовистов, ультиматистов и богостроителей) и заявляя, что «мы, меньшевики, должны отмежеваться от ликвидаторов» (страница 18 «Дневника»). Разумеется, мы, большевики, проводившие уже у себя генеральную межу, от всей души присоединимся к этому требованию генерального межевания внутри меньшевистской фракции. Мы с нетерпением будем ждать этого генерального межевания у меньшевиков. Мы посмотрим, где пройдет у них генеральная межа. Мы посмотрим, будет ли это действительно генеральная межа.

Плеханов изображает раскол внутри меньшевиков из-за ликвидаторства, как раскол по организационному вопросу. Но в то же время он дает материал, показывающий, что дело далеко не ограничивается организационным вопросом. Плеханов проводит пока две межи, из которых ни одна еще не заслуживает названия генеральной. Первая межа решительно отделяет Плеханова от Потресова, вторая нерешительно отделяет его от «фракционных дипломатов», игрушечного дела людшек и прирожденных оппортунистов. Про Потресова Плеханов говорит, что он еще осенью 1907 года «высказался, как убежденный ликвидатор». Но этого мало. Кроме этого словесного заявления Потресова по организационному вопросу, Плеханов ссылается на известную коллективную работу меньшевиков «Общественное движение в России в начале XX века» и говорит, что он, Плеханов, вышел из редакции этого сборника, ибо статья Потресова оказалась (даже после исправлений и переработки, потребованных Плехановым и произведенных при посредничестве Дана и Мартова) неприемлемой для Плеханова. «Я вполне убедился, что статья Потресова несправима» (стр. 20). «Я увидел, — пишет он в «Дневнике», — что ликвидаторская мысль, высказанная Потресовым в Мангейме, прочно утвердилась в его уме и что он совершенно потерял способность смотреть на общественную жизнь, в ее настоящем и прошлом, глазами революционера» (стр. 19—20). «Я Потресову не товарищ... мне с Потресовым не по дороге» (стр. 20).

Здесь уже речь идет совсем не о современных организационных вопросах, которых Потресов в своей статье не затрагивал и не мог затрагивать. Речь идет об *основных программных и тактических идеях социал-демократии, «ликвидируемых» коллективным меньшевистским «трудом», выходящим под коллективной меньшевистской редакцией Мартова, Маслова и Потресова.*

Чтобы провести здесь действительно генеральную межу, недостаточно порвать с Потресовым и сделать «тонкий» намек на героев «чего изволите». Для этого нужно *вскрыть обстоятельно, в чем именно, когда именно, почему и как именно «потерял Потресов способность смотреть на общественную жизнь глазами революционера».* Ликвидаторство — говорит Плеханов — ведет в «болото самого позорного оппортунизма» (стр. 12). «Новое вино превращается у них

(ликвидаторов) в кислотину, годную разве только на приготовление мелкобуржуазного уксуса» (стр. 12). Ликвидаторство «облегчает вторжение в пролетарскую среду мелкобуржуазных тенденций» (стр. 14). «Я не раз принимался доказывать влиятельным товарищам-меньшевикам, что они делают большую ошибку, обнаруживая подчас готовность идти рука об руку с господами, от которых в большей или меньшей степени отдает оппортунизмом» (стр. 15). «Ликвидаторство по прямой линии направляется в невылазное болото оппортунизма и враждебных социал-демократии мелкобуржуазных стремлений» (стр. 16). Сопоставьте все эти отзывы Плеханова с признанием Потресова убежденным ликвидатором. Совершенно очевидно, что Потресов обрисован Плехановым (признан теперь Плехановым, вернее будет сказать), как *мелкобуржуазный демократ-оппортунист*. Совершенно очевидно, что, поскольку меньшевизм, представляемый всеми влиятельнейшими литераторами фракции (кроме Плеханова), *участвует* в этой потресовщине (в «Общественном движении»), *постольку* меньшевизм признан теперь Плехановым за *мелкобуржуазное оппортунистическое течение*. Поскольку меньшевизм, как фракция, мирволит Потресову и прикрывает его, меньшевизм признан теперь Плехановым за *мелкобуржуазную оппортунистическую фракцию*.

Вывод ясен: если Плеханов останется одинок, если он не сгруппирует вокруг себя массу или хотя бы значительную часть меньшевиков, если он не вскрыет перед всеми меньшевиками-рабочими всех корней и проявлений этого мелкобуржуазного оппортунизма, тогда наша оценка меньшевизма окажется подтвержденной меньшевиком, наиболее теоретически выдающимся и наиболее далеко зашедшим меньшевиком в тактике 1906—1907 годов.

Поживем — увидим, *в силах ли* будет провозглашенный Плехановым «революционный меньшевизм» провести борьбу со всем кругом идей, родивших Потресова и ликвидаторство.

Говоря о генеральном межевании у большевиков, Плеханов сравнивает большевистских марксистов, социал-демократов, с гоголевским Осипом, который подбирал всякий хлам, всякую веревочку (вплоть до эмпириокритицизма и богостроительства). Теперь большевистский Осип — шутит Плеханов — начал «распространять вокруг

себя пространство», выгонять антимарксистов, выкидывать прочь «веревочку» и прочий хлам.

Шутка Плеханова затрагивает не шуточный, а основной и серьезнейший вопрос русской социал-демократии: *какое* направление внутри нее *больше* служило на пользу хлама, «веревочки», т. е. на пользу *буржуазно-демократическим* влияний в пролетарской среде. Все «тонкости» фракционных споров, все долгие перипетии борьбы из-за различных резолюций, лозунгов и т. д. — вся эта «фракционность» (которую так часто осуждают ныне голыми криками против «фракционности», *поощряющими всего более беспринципность*), — вся эта «фракционность» вращается вокруг этого основного и серьезнейшего вопроса русской социал-демократии: какое направление внутри ее всего более податливо было буржуазно-демократическим влияниям (неизбежным в той или иной степени, на то или иное время, при буржуазной революции в России, как неизбежны эти влияния во всякой капиталистической стране). Ко всякому направлению в социал-демократии неизбежно пристает то большее, то меньшее количество не чисто пролетарских, а полупролетарских, полумелкобуржуазных элементов: вопрос в том, *какое направление* меньше подчиняется им, скорее избавляется от них, успешнее борется с ними. Это и есть вопрос о социалистическом, пролетарском, марксистском «Осипе» по отношению к либеральной или анархистской, мелкобуржуазной, антимарксистской «веревочке».

Большевистский марксизм — говорит Плеханов — есть «более или менее узко и дубовато понятый марксизм». Меншевистский, очевидно, «более или менее широкий и тонкий». Посмотрите на результаты революции, на результаты *шести* лет истории социал-демократического движения (1903—1909), и каких *шести* лет! Большевистские «Осипы» уже провели «генеральную между» и «показали дверь» большевистской мелкобуржуазной «веревочке», которая хныкает теперь, что ее «вышибли» и «устранили».

Меншевистский «Осип» оказался одиноким, вышедшим и из официальной меншевистской редакции и из коллективной редакции важнейшей меншевистской работы, одиноким протестантом против «мелкобуржуазного оппортунизма» и ликвидаторства, царящего и в той и в другой редакции. Меншевистский «Осип» оказался

спутанным меньшевистской «веревочкой». Не он подобрал ее, а она подобрала его. Не он осилил ее, а она его.

Скажите, читатель, предпочли ли бы вы оказаться в положении большевистского или меньшевистского «Осица»? Скажите, тот ли марксизм в истории рабочего движения оказывается «узким и дубоватым», который прочнее связан с пролетарскими организациями и который успешнее справляется с мелкобуржуазной «веревочкой»?

«Пролетарий» № 47—48,
5 (18) сентября 1909 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

ПО ПОВОДУ ОТКРЫТОГО ПИСЬМА ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ МОСКОВСКОГО ОКРУЖНОГО КОМИТЕТА ⁸

По поводу этой резолюции о пресловутой «школе» мы должны заметить, что рабочих, с радостью ухватившихся за возможность поехать за границу поучиться, мы ни в чем не обвиняем. Рабочие эти «связались» и с нами и с ЦК — (в только что полученном письме и Исполнительная комиссия Московского окружного комитета сообщает, что 1 из учеников прислал уже и ей отчет) — и мы разъяснили им значение так называемой школы. Кстати, вот несколько цитат из полученного нами гектографированного «Отчета» этой школы. «Принято решение открыть занятия при наличном числе слушателей (9 товарищей) и лекторов (6 товарищей)». Из этих 6 лекторов хорошо известны партии: Максимов, Луначарский, Лядов, Алексинский. Тов. Алексинский «указал» (при открытии школы): «для школы выбрано определенное место ввиду нахождения там многих лекторов». Тов. Алексинский выразился чересчур скромно: «там» находятся не «многие», а *все* лекторы (некоторые даже говорят: все инициаторы, и организаторы, и агитаторы, и деятели) *новой фракции*. Наконец: «Тов. Алексинский начал практические занятия по организационному вопросу». Сеем надеяться, что на этих «практических» занятиях подробно разъясняется значение намеков в «Отчете» Максимова, касающихся стремления редакции «Пролетария» завладеть имуществом всей фракции...

К ВЫБОРАМ В ПЕТЕРБУРГЕ⁹

(ЗАМЕТКА)

На 21 сентября назначены выборы в С.-Петербурге. При чрезвычайно тяжелых условиях рабочей партии приходится проводить эти выборы. Но их значение в высшей степени велико, и все социал-демократы должны напрячь все свои силы в предстоящей — отчасти уже начинающейся — выборной кампании.

Выборы происходят в обстановке самой бешеной реакции, при полном разгуле контрреволюционного неистовства царской правительственной шайки, — тем важнее, чтобы этой реакции была противопоставлена кандидатура, выдвигаемая социал-демократической партией, единственной партией, которая сумела и с трибуны черносотенной III Думы возвысить свой голос, заявить свои непреклонные социалистические убеждения, повторить лозунги славной революционной борьбы, развернуть республиканское знамя перед лицом октябристски-черносотенных героев контрреволюции и либеральных (кадетских) идеологов и защитников контрреволюции.

Выборы происходят при условиях, совершенно исключая участие широких масс рабочего класса: рабочие исключены из числа избирателей, ряды избирателей скошены торжествующей дворянской бандой, проводшей государственный переворот 3-го июня 1907-го года, — тем важнее, чтобы перед этой, наименее способной вообще сочувствовать идеям социал-демократии, аудиторией выступила партия, соединяющая борьбу за социализм с борьбой за последовательную и решительную демократическую революцию в буржуазной стране. Как ни узка, как ни стеснена была работа социал-демократической партии

среди рабочих масс за последнее время, работа эта все же непрерывно велась и ведется. Сотни рабочих групп и кружков поддерживают традиции социал-демократической партии, продолжают ее дело, воспитывают новых пролетарских борцов. Рабочие социал-демократы через своих депутатов, своих агитаторов, своих уполномоченных выступают теперь перед массой мелкобуржуазных избирателей и напоминают им о тех задачах действительного демократизма, которые забыты партиями и группками буржуазной демократии.

Выборы происходят при абсолютном изгнании социал-демократической партии и всех, каких бы то ни было, организаций рабочего класса из пределов легальности, — при полной невозможности рабочих собраний, при полном запрещении рабочей печати, при полном обеспечении (мерами полиции) монополии на «оппозицию» партии кадетов, которая протестировала себя рядом неслыханно лакейских выходов в черной Думе и помогла самодержавию собирать деньги в Европе на тюрьмы и виселицы, помогла проделать перед европейскими капиталистами комедию конституционного самодержавия. Тем важнее, чтобы эта кадетская монополия, огражденная лесом виселиц и «заработанная» беспредельным либеральным холопством перед царизмом, была *сломана*, сломана во что бы то ни стало, сломана перед широкой массой, которая видит выборы, слышит о выборах, следит за судьбою кандидатов и за результатами выборов. Если буржуазным политикам всех стран, начиная от русских кадетов и кончая «свободомыслящими» Германии или «радикалами» буржуазной демократии во Франции, важнее всего непосредственный успех, важнее всего заполучить депутатское местечко, то для социалистической партии важнее всего пропаганда и агитация в массах, важнее всего проповедь идей социализма и последовательной, беззаветной борьбы за полную демократию. А эта пропаганда измеряется далеко, далеко не одним только числом голосов, специально подобранных по закону 3-го июня, проведенному господами дворянами.

Посмотрите на нашу кадетскую печать: с какой удивительной наглостью использует она свою, заработанную милюковской услужливостью и защищаемую Столыпиным, монополию. «В исходе С.-Петербургских выборов —

пишет *«Речь»*¹⁰ в передовице от 1 августа — никто не сомневается... Если кандидатура Кутлера, одного из наиболее авторитетных депутатов II Думы, фиксируется, то избирательная победа будет еще более импозантной». Ну, еще бы! Что может быть «импозантнее» победы над «левыми», которых «отстранил» черносотенный государственный переворот? Что может быть импозантнее победы над социализмом, проповедывающим свои старые идеалы в нелегальной печати и в нелегальных рабочих организациях, победы со стороны «демократов», свободно уместающих свой демократизм в рамки столыпинской конституции? Что может быть «авторитетнее» в глазах мещанина, в глазах обывателя, в глазах запуганного русского человека, чем *бывший министр* г. Кутлер? Для партии «народной свободы» авторитетность депутата в Думе измеряется его авторитетом в глазах Романова, Столыпина и К^о.

«Надо полагать, — величественно продолжает *«Речь»*, — что на этот раз не будет допущено и бесцельного дробления голосов между прогрессивными кандидатами. В таком именно смысле высказался один из представителей «левого блока» В. В. Водозов».

Как солнце в малой капле вод, отражает эта маленькая тирада всю природу наших кадетов. Дробить голоса «бесцельно» (кадеты уже не говорят: опасно перед лицом черносотенцев, ибо глупую либеральную побасенку о черносотенной опасности слишком наглядно опровергли революционные социал-демократы и опровергли события), — почему же «бесцельно», господа? Потому, что *не пройдет*, это — первый и последний довод кадетов. Да ведь это — довод *октябристский*, любезнейшие воители с октябризмом; это — довод *подчинения* закону 3-го июня, того самого любовного подчинения и радостного повиновения, в котором вы упрекаете октябристов! В том-то и суть вашей природы, что перед выборами, перед избирателем, перед толпой вы изобличаете октябристов в неумении вести принципиальную линию, в оппортунизме фраз о «бесцельности», а на выборах, *перед* начальством, перед царем и Столыпиным вы ведете ту же самую октябристскую политику. «Бесцельно» голосовать против бюджета — будем голосовать за бюджет. «Бесцельно» отстаивать идеалы революции и свободы — будем поносить их,

создадим «Вехи»¹¹, будем обливать помоями революцию, найдем побольше ренегатов — Изгоевых, Галичей, Струве и т. д. для демонстрации нашего отречения от революции. «Бесцельно» бороться против поддержки самодержавия иностранным капиталом — будем помогать самодержавию заключать займы, отправим Милюкова в качестве выездного на запятках колымаги Николая Кровавого.

Но если фраза о «бесцельности» идейной борьбы на выборах искренно передает «идейную» природу кадетов, то следующая фраза — образец прямого избирательного мошенничества. Пользуясь монополией «оппозиции его величества»¹², «Речь» оболгала, во-первых, социал-демократов, которые никогда и нигде не высказывались против дробления голосов (и которые — это очень важно — *повели* за собой трудовиков при знаменитом левом блоке, повели твердой решимостью выставить социал-демократического кандидата *во что бы то ни стало*), а во-вторых, и трудовика Водовозова.

Кроме передовицы, № от 1-го августа дает еще заметку, в которой Водовозову приписаны слова, будто избиратели высказались уже за кадетов, и трудовики должны либо голосовать за кадетов, либо воздержаться. Только в номере от 6-го августа орган партии «народной свободы» помещает на задворках (после «Дачной жизни») письмо г. Водовозова, заявляющего, что приписанных ему слов он *никогда не говорил*. И «Речь» ни капельки этим не смущена, а принимается полемизировать с Водовозовым. Дело сделано, читатель обманут, монополия разрешаемой гг. Столыпинскими печати использована, а прочее все трын-трава. Наконец, в номере от 9-го августа появляется пара строк о социал-демократическом кандидате Соколове и о том, что многие трудовики предполагают отдать ему свои голоса. Все сообщение передовицы 1-го августа относительно левых оказывается сплошной уткой...

Трудности задачи, перед которой оказались петербургские социал-демократы, не испугают их, а заставят удешевить усилия. Не только все партийные организации, каждый кружок рабочих, каждая группа сочувствующих социал-демократам в каком бы то ни было слое общества, — хотя бы эта группа состояла из двух-трех лиц и была оторвана от живой политической работы, как только может быть оторван от политики русский гражданин в эпоху

столыпинской конституции, — все и каждый могут и должны принять участие в социал-демократической избирательной кампании. Одни составят и распространят избирательные воззвания социал-демократов; другие помогут делу распространением думских речей социал-демократов; третьи организуют обход избирателей для проповеди социал-демократических идей и разъяснения задач социал-демократической избирательной кампании; четвертые выступят на собраниях избирателей или в частных собраниях; пятые извлекут из кадетской литературы и кадетских речей букет, способный отбить охоту голосовать за кадетов у всякого, сколько-нибудь честного демократа; шестые... но не нам в заграничной газете указывать пути и способы агитации, которые во сто раз богаче, живее и разнообразнее будут найдены на местах, в Петербурге. Члены думской социал-демократической фракции могут, в силу своего положения, оказать особенно ценные услуги избирательной кампании в С.-Петербурге; на социал-демократических депутатов ложится здесь особенно полезная и особенно благодарная роль. Никакие запрещения администрации, никакие уловки полиции, никакие конфискации социал-демократической литературы, никакие аресты социал-демократических агитаторов не помешают рабочей партии выполнить ее долг: использовать целиком и всесторонне избирательную кампанию для проповеди в массах всей, неукороченной программы социалистического пролетариата, передового борца в русской демократической революции.

Р. S. * Заметка наша была уже сдана в печать, когда мы прочли в номере «Речи» от 13-го августа следующее крайне важное сообщение: «11-го августа состоялось первое собрание трудовиков, посвященное выборам в Государственную думу... Единогласно решено поддержать кандидатуру с.-д. Соколова, причем постановлено не обуславливать этой поддержки никакими политическими обязательствами». Нечего и говорить, что на других условиях социал-демократия и не смогла бы принять поддержки.

«Пролетарий» № 47—48,
5 (18) сентября 1909 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

О ФРАКЦИИ СТОРОННИКОВ ОТЗОВИЗМА И БОГОСТРОИТЕЛЬСТВА

Тт. Максимов и Николаев выпустили особый листок, под названием «Отчет тов. большевикам устранившихся членов расширенной редакции «Пролетария»». Горько-прегорько жалуются публике наши устранившиеся на то, какие обиды нанесла им редакция и как она их устранила.

Чтобы показать партии рабочего класса, какого сорта эта публика горько жалующихся устранившихся, рассмотрим прежде всего принципиальное содержание листка. Из № 46 «Пролетария» и из приложения к этому номеру читатели знают, что Совецание расширенной редакции «Пролетария» признало тов. Максимова одним из организаторов новой фракции в нашей партии, — фракции, с которой большевизм не имеет ничего общего, и сняло с себя «всякую ответственность за все политические шаги тов. Максимова»¹³. Из резолюций Совецания видно, что основой расхождения с отколовшейся от большевиков новой фракцией (или вернее: с отколовшимся Максимовым и его приятелями) является, во-первых, отзовизм и ультиматизм; во-вторых, богостроительство. В трех подробных резолюциях изложен взгляд большевистской фракции на то и на другое течение.

Что же отвечают теперь горько жалующиеся устранившиеся?

I

Начнем с отзовизма. Устранившиеся подводят итоги парламентского или думского опыта за истекшие годы, оправдывают бойкот булыгинской и виттевской Думы, а также участие во II Думе и продолжают:

...«При острой и усиливающейся реакции все это опять-таки изменяется. Партия не может тогда провести крупной и яркой избирательной кампании, не может получить достойного себя парламентского представительства»...

Первая же фраза самостоятельного, не списанного из старых большевистских изданий рассуждения, — и перед нами вся бездонная пропасть отзовистского политического недомыслия. Ну, подумайте-ка, любезнейшие, может партия при острой и усиливающейся реакции провести «крупное и яркое» устройство «инструкторских групп и школ» для боевиков, о чем вы говорите на той же самой странице, в том же столбце вашего произведения? Подумайте-ка, любезнейшие, может партия получить «достойное себя представительство» в таких школах? Если бы вы умели думать и сколько-нибудь способны были рассуждать политически, о, несправедливо устраненные, то вы заметили бы, что выходит у вас величайшая несуразица. Вместо того, чтобы политически *мыслить*, вы цепляетесь за «яркую» вывеску и от этого оказываетесь в положении партийных иванушек. Вы болтаете об «инструкторских школах» и об «усилении (1) пропаганды в войсках» (там же), потому что вы, как и все политические недоросли из лагеря отзовистов и ультиматистов, считаете такого рода деятельность особенно «яркой», но подумать об условиях действительного (а не словесного) применения этих форм деятельности вы не умеете. Вы *заучили* обрывки большевистских словечек и лозунгов, но *понять* в них вы ровнехонько ничего не поняли. «При острой и усиливающейся реакции» партии *трудна* всякая работа, но, как ни велики трудности, а добиться достойного парламентского представительства все же *возможно*. Это доказывает, например, и опыт германской социал-демократии в эпоху «острой и усиливающейся реакции» хотя бы времен введения исключительного закона¹⁴. Отрицая эту возможность, Максимов и К^о обнаруживают только свое полнейшее политическое невежество. Рекомендовать «инструкторские школы» и «усиление пропаганды в войсках» «при острой и усиливающейся реакции» — и в то же время отрицать *возможность* для партии иметь достойное парламентское представительство, это значит говорить наглядные несообразности, достойные помещения в сборник логических нелепостей для учеников низших классов гимназии. И инструкторские

школы и усиление пропаганды в войсках предполагают обязательное нарушение старых законов, прорыв их, — тогда как парламентская деятельность вовсе не обязательно и, во всяком случае, неизмеримо реже предполагает прорыв старых законов новой общественной силой. Теперь подумайте, любезные, когда легче прорывать старые законы: при острой и усиливающейся реакции или при подъеме движения? Подумайте, о, несправедливо устранившиеся, и постыдитесь того вздора, который вы говорите, защищая милых вашему сердцу отзовистов.

Далее. Какого рода деятельность предполагает больший размах энергии масс, большее влияние масс на непосредственную политическую жизнь, — парламентская ли деятельность по закону, созданному старой властью, или военная пропаганда, подрывающая сразу и прямоком орудия материальной силы этой власти? Подумайте, любезные, и вы увидите, что парламентская деятельность в указанном отношении стоит позади. А из этого что следует? А из этого следует то, что, чем сильнее непосредственное движение масс, чем больше размах их энергии, другими словами: чем больше можно говорить об «остром и усиливающемся» революционном натиске народа, а не об «острой и усиливающейся реакции», — тем более возможной, тем более неизбежной, тем более успешной будет становиться и пропаганда в войсках и боевые выступления, действительно связанные с массовым движением, а не сводящиеся к авантюризму оголтелых боевиков. Именно поэтому, о, несправедливо устранившиеся, большевизм умел выдвинуть и боевую деятельность и пропаганду в войсках особенно сильно в период «острого и усиливающегося» революционного подъема; — именно поэтому большевизм умел проводить (начиная с 1907 года) и окончательно провел к 1909-му году отделение своей фракции от того боевизма, который «при острой и усиливающейся реакции» *свелся*, неизбежно *свелся* к авантюризму.

У наших героев, которые заучили обрывки большевистских слов, выходит все наоборот: высшие формы борьбы, не удававшиеся нигде и никогда в мире без непосредственного натиска масс, рекомендуются на первом плане, как «возможные» в эпоху острой реакции, — а низшие формы борьбы, предполагающие не столько непосредственный прорыв закона борьбой масс, сколько

использование закона для пропаганды и агитации, *подготавливающей сознание* масс для борьбы, объявляются «невозможными»!!

Отзовисты и их «устраненные» подголоски слышали и заучили, что большевизм считает непосредственную борьбу масс, вовлекающую в движение даже войска (т. е. наиболее заскорузлую часть населения, наименее подвижную, наиболее защищенную от пропаганды и т. д.) и превращающую боевые выступления в действительное начало восстания, — формой движения высшей, а парламентскую деятельность без непосредственного движения масс — формой движения низшей. Отзовисты и их подголоски, вроде Максимова, это слышали и заучили, но не поняли, и потому оскандалились. Высшее — значит «яркое», думает отзовист и т. Максимов, — ну-ка, я закричу «поярче»: наверное, выйдет всех революционнее, а разбирать, что к чему, это от лукавого!

Послушайте дальше рассуждение Максимова (мы продолжаем цитату на прерванном месте):

...«Механическая сила реакции разрывает связь уже создавшейся партийной фракции с массами и страшно затрудняет влияние на нее партии, а это приводит к неспособности такого представительства вести достаточно широкую и глубокую организационно-пропагандистскую работу в интересах партии. При ослаблении же самой партии не исключается даже опасность вырождения фракции, ее уклонения от основного пути социал-демократии»...

Не правда ли, как это бесподобно мило? Когда речь идет о низших, подзаконных формах борьбы, тогда нас начинают запугивать: «механическая сила реакции», «неспособность вести достаточно широкую работу», «опасность вырождения». А когда речь идет о высших, прорывающих старые законы, формах классовой борьбы, тогда «механическая сила реакции» исчезает, никакой «неспособности» вести «достаточно широкую» работу в войсках не оказывается, ни о какой «опасности вырождения» инструкторских групп и школ не может быть, извольте видеть, и речи!

Вот наилучшее оправдание редакции «Пролетария», почему она должна была *устранить* политических деятелей, несущих *такие* идеи в массы.

Зарубите-ка себе на носу, о, несправедливо устраненные: когда имеются налицо действительно условия острой и уси-

ливающейся реакции, когда механическая сила этой реакции действительно разрывает связь с массами, затрудняет достаточно широкую работу и ослабляет партию, именно тогда специфической задачей партии становится овладение парламентским оружием борьбы; и это не потому, о, несправедливо устраненные, что парламентская борьба выше других форм борьбы; нет, это именно потому, что она *ниже* их, ниже, например, такой борьбы, которая втягивает в массовое движение *даже* войско, которая создает массовые стачки, восстания и проч. Каким же образом овладение низшей формой борьбы может стать специфической (т. е. отличающей данный момент от других моментов) задачей партии? А таким образом, что, чем сильнее механическая сила реакции и чем более ослаблена связь с массами, тем больше выдвигается на очередь задача подготовки сознания масс (а не задача прямого действия), тем больше выдвигается на очередь *использование созданных старой властью* путей пропаганды и агитации (а не непосредственный натиск масс против самой этой старой власти).

II

Для всякого марксиста, который хоть сколько-нибудь вдумывался в миросозерцание Маркса и Энгельса, для всякого социал-демократа, который хоть сколько-нибудь знаком с историей международного социалистического движения, это превращение одной из низших форм борьбы в специфическое орудие борьбы особого исторического момента не представляет из себя ровно ничего удивительного. Анархисты этой нехитрой вещи абсолютно и никогда понять были не в состоянии. Теперь наши отзовисты и их устраненные подголоски пытаются перенести в русскую социал-демократическую среду методы мышления анархизма, крича (подобно Максиму и К^о), что у «Пролетария» господствует теория *«парламентаризма во что бы то ни стало»*.

Чтобы разъяснить, до какой степени неумны и несоциал-демократичны эти крики Максимова и К^о, приходится опять-таки начать с азов. Подумайте-ка, о, несправедливо устраненные, что составляет специфическое отличие политики и тактики немецкой социал-демократии по сравнению с социалистическими рабочими партиями других стран?

Использование парламентаризма; превращение буржуазно-юнкерского (по-русски, примерно: октябристско-черносотенного) парламентаризма в орудие социалистического воспитания и организации рабочих масс. Значит ли это, что парламентаризм есть высшая форма борьбы социалистического пролетариата? Анархисты всего мира думают, что значит. Значит ли это, что немецкие социал-демократы стоят на точке зрения парламентаризма во что бы то ни стало? Анархисты всего мира думают, что значит, а потому нет у них врага, более ненавистного, чем немецкая социал-демократия, нет для них мишени, более излюбленной, чем немцы социал-демократы. И в России, когда наши социал-революционеры начинают заигрывать с анархистами и рекламировать свою «революционность», они обязательно пытаются вытащить те или иные действительные или мнимые промахи немецких социал-демократов и сделать отсюда выводы против социал-демократии.

Теперь пойдем дальше. В чем ошибка рассуждения анархистов? В том, что они, ввиду в корне неправильных представлений о ходе общественного развития, не умеют учесть особенностей конкретного политического (и экономического) положения в разных странах, обуславливающих специфическое значение для известного периода времени то одного, то другого средства борьбы. На самом деле немецкая социал-демократия не только не стоит на точке зрения парламентаризма во что бы то ни стало, не только не подчиняет все и вся парламентаризму, а напротив: как раз она всего лучше в международной армии пролетариата развернула такие внепарламентские орудия борьбы, как социалистическую печать, как профессиональные союзы, как систематическое использование народных собраний, как воспитание молодежи в социалистическом духе и т. д. и т. п.

В чем же тут суть? В том, что совокупность целого ряда исторических условий сделала для Германии *известного периода* парламентаризм *специфическим* орудием борьбы, не главным, не высшим, не крупным, не существенным по сравнению с другими, а именно специфическим, наиболее характерным по сравнению с другими странами. Уменьше использовать парламентаризм *оказалось* поэтому *симптомом* (не условием, а симптомом) образцовой

постановки *всего* социалистического дела, во *всех* его, вышеперечисленных нами, разветвлениях.

Перейдем от Германии к России. Те, кто вздумал бы целиком приравнять условия той или другой страны, впали бы в целый ряд крупнейших ошибок. Но попробуйте поставить вопрос так, как обязательно ставить его марксисту: в чем специфическая особенность политики и тактики русских социал-демократов данного момента? Мы должны сохранить и укрепить нелегальную партию, — как и до революции. Мы должны неуклонно готовить массы к новому революционному кризису, — как и в 1897—1903 годах. Мы должны всячески укреплять связь партии с массой, развивать и использовать в целях социализма всевозможные рабочие организации, — как и всегда и везде все социал-демократические партии. Специфической особенностью момента является именно попытка (и неудачная попытка) старого самодержавия разрешить новые исторические задачи при помощи октябристски-черносотенной Думы. Поэтому и специфической задачей тактики для социал-демократов является использование этой Думы *в своих* целях, в целях распространения идей революции и идей социализма. Не в том суть, чтобы эта специфическая задача была особенно высока, чтобы она открывала широкие перспективы, чтобы она равнялась или хотя бы приближалась по своему значению к тем задачам, которые возникали перед пролетариатом, например, в 1905—1906 годы. Нет. Суть в том, что это — особенность тактики сегодняшнего момента, отличие ее от периода миновавшего и от периода грядущего (ибо этот грядущий период, *наверное*, принесет нам специфические задачи, более сложные, более высокие, более интересные, чем задача использования III Думы). Нельзя овладеть современным моментом, нельзя решить всей совокупности тех задач, которые он ставит перед социал-демократической партией, не решив этой специфической задачи момента, не превратив черносотенно-октябристской Думы в *орудие* социал-демократической агитации.

Отзовистские пустомели болтают, например, вслед за большевиками об учете опыта революции. Но они не понимают, что они говорят. Они не понимают, что в учет опыта революции *входит* отстаивание идеалов и задач и методов революции *изнутри* Думы. Не суметь изнутри

Думы, через наших партийных рабочих, которые могут пройти и которые прошли в эту Думу, *отстоять* эти идеалы, задачи и методы — значит не уметь сделать *первого* шага в деле политического учета опыта революции (ибо речь идет здесь, конечно, не об учете опыта теоретическом, в книгах и в исследованиях). Этим первым шагом наша задача отнюдь и ни в коем случае не исчерпывается. Несравненно важнее, чем первый шаг, будут шаги второй и третий, т. е. превращение уже учтенного массами опыта в идейный багаж для нового исторического действия. Но если сами же эти отзовистские пустомели говорят о «межреволюционной» эпохе, то они должны бы были понять (если бы они умели думать, умели рассуждать по-социал-демократически), что «межреволюционный» как раз и значит *выдвигающий элементарные, предварительные задачи на очередь дня*. «Межреволюционный» есть характеристика неустойчивого, неопределенного положения, когда старая власть, убедившись в невозможности править при помощи одних только старых орудий, *пытается* использовать *новое* орудие в общей обстановке старых порядков. Это — внутренне-противоречивая, невозможная попытка, на которой самодержавие опять идет, неминуемо идет к краху, опять ведет нас к повторению славной эпохи и славных битв 1905 года. Но оно идет *не так*, как шло в 1897—1903 годах, *ведет* народ к революции *не так*, как вело до 1905 года. Вот это «не так» надо уметь понять; надо уметь видоизменить свою тактику, *прибавляя* ко всем основным, всеобщим, первостепенным и важнейшим задачам революционной социал-демократии еще одну, не очень крупную, но специфическую задачу данного момента, нового момента: задачу революционно-социал-демократического использования черносотенной Думы.

Как всякая новая задача, эта задача кажется труднее других, ибо она требует от людей не простого повторения заученных лозунгов (у отзовистов и Максимова дальше этого повторения ума нехватает), а некоторой инициативы, гибкости ума, изобретательности, самостоятельной работы над *оригинальной* исторической задачей. Но на самом деле эта задача особенно трудной может казаться только не умеющим самостоятельно мыслить и самостоятельно работать людям: на деле эта задача, как всякая специфическая задача момента, легче других, ибо ее разрешимость лежит

именно в условиях данного момента. В эпоху «острой и усиливающейся реакции» решить задачу действительно серьезной постановки «инструкторских школ и групп», т. е. такой постановки, при которой бы они были действительно связаны с массовым движением, действительно подчинены ему, *вовсе нельзя*, ибо задача поставлена глупо, поставлена людьми, *списавшими* формулировку этой задачи с хорошей брошюры, учитывающей условия *другого* момента. А решить задачу подчинения массовой партии и интересам массы — речей, выступлений, политики социал-демократов в III Думе *можно*. Не легко, если считать «легким» делом повторение заученного, но *осуществимо*. Как бы мы ни напрягали сейчас всех сил партии, мы не можем решить задачи социал-демократической (а не анархистской) постановки «инструкторских школ» в данный, «межреволюционный» момент, ибо для разрешимости этой задачи нужны совсем другие исторические условия. Наоборот, напрягая все силы, мы решим (и мы уже *начинаем решать*) задачу революционно-социал-демократического использования III Думы, — решим ее не для того, о, обиженные устранием и обиженные богом отзовисты и ультиматисты! — чтобы возвести парламентаризм на какой-то высокий пьедестал, чтобы провозгласить «парламентаризм во что бы то ни стало», а для того, чтобы *после* решения «межреволюционной» задачи, соответствующей сегодняшнему «межреволюционному» моменту, *перейти* к решению более высоких революционных задач, которые будут соответствовать завтрашнему, более высокому, т. е. более революционному моменту.

III

Особенно курьезны эти глупенькие крики Максимова и К^о о «парламентаризме во что бы то ни стало» у большевиков с точки зрения действительной истории отзовизма. Курьезно то, что о преувеличении парламентаризма закричали *как раз* те люди, которые создали и создают особое направление *исключительно* на вопросе о своем отношении к парламентаризму! Как вы себя сами зовете, лобезнейшие Максимов и К^о? Вы зовете себя «отзовистами», «ультиматистами», «бойкотистами». Максимов до сих пор не может налюбоваться на себя, как на бойкотиста

III Думы, и свои редкие партийные выступления обязательно сопровождает подписью: «докладчик бойкотистов на июльской конференции 1907-го г.»¹⁵. Один писатель подписывался в старину: «действительный статский советник и кавалер». Максимов подписывается: «докладчик бойкотистов» — тоже ведь кавалер!

При том политическом положении в июне 1907 года, когда Максимов защищал бойкот, ошибка была еще совсем, совсем невелика. Но когда в июле 1909 года, выступая с своего рода манифестом, Максимов продолжает любоваться на свой «бойкотизм» по отношению к III Думе, то это уже совсем глупо. И бойкотизм, и отзовизм, и ультиматизм — одни уже эти выражения означают создание *направления* из вопроса об отношении к парламентаризму и *только* из этого вопроса. А выделить себя по этому вопросу, продолжать (два года спустя после решения дела в принципе партией!) выделять себя по этому вопросу — это признак беспредельного узкокобия. Именно те, кто поступает так, т. е. и «бойкотисты» (1909 года), и отзовисты, и ультиматисты доказывают *тем самым*, что мыслят они не по-социал-демократически, что парламентаризм они возводят на особый пьедестал, что совершенно аналогично анархистам они создают *направление* из отдельных рецептов: бойкотировать такую-то Думу, отозвать из такой-то Думы, поставить ультиматум такой-то фракции в Думе. Поступать так и значит быть карикатурным большевиком. У большевиков направление определяется *общим* взглядом их на русскую революцию, и тысячу раз подчеркивали большевики (как бы заранее предостерегая политических недорослей), что отождествлять большевизм с бойкотизмом или с боевизмом есть нелепое искажение и опошление взглядов революционной социал-демократии. Наш взгляд на обязательность участия социал-демократов в III Думе, например, вытекает с *неизбежностью* из нашего взгляда на современный момент, на попытки самодержавия сделать шаг вперед по пути создания буржуазной монархии, на значение Думы, как организации контрреволюционных классов в представительном учреждении общенационального масштаба. Как анархисты обнаруживают парламентский кретинизм наизнанку, когда они *выделяют* вопрос о парламенте из всего цельного вопроса о буржуазном обществе вообще и пытаются создать направление из выкриков,

направляемых против буржуазного парламентаризма (хотя критика буржуазного парламентаризма в принципе однородна с критикой буржуазной прессы, буржуазного синдикализма и т. п.), — так наши отзовисты-ультиматисты-бойкотисты обнаруживают совершенно такой же меньшевизм наизнанку, когда они *выделяются* в направление по вопросу об отношении к Думе, по вопросу о средствах борьбы с уклонениями социал-демократической думской фракции (а не с уклонениями буржуазных литераторов, мимоходом забегающих в социал-демократию, и т. п.).

До геркулесовых столбов этот парламентский кретинизм наизнанку дошел в знаменитом рассуждении вождя московских отзовистов, прикрываемого Максимовым: отзование фракции должно *подчеркнуть*, что революция не похоронена! А Максимов с ясным челом не стесняется заявлять публично: «отзовисты никогда (о, разумеется, *никогда!*) не высказывались в смысле антипарламентаризма вообще».

Это прикрывание отзовистов Максимовым и К^о — одна из самых характерных черт в физиономии новой фракции, и мы должны остановиться на этой черте с тем большей подробностью, что неосведомленная публика особенно часто попадает тут на удочку горько жалующихся устранившихся. Прикрывание, во-первых, состоит в том, что Максимов и К^о неустанно заявляют, бия себя в грудь: мы не отзовисты, мы вовсе не разделяем мнений отзовистов! Во-вторых, Максимов и К^о обвиняют большевиков в *преувеличении* борьбы с отзовистами. Повторяется *точь-в-точь* история с отношением рабочедельцев (в 1897—1901 годах) к рабочемысленцам. Мы не экономисты, — восклицали, бия себя в грудь, рабочедельцы, — мы не разделяем взглядов «Рабочей Мысли», мы спорим с ней (совершенно так же, как «спорил» Максимов с отзовистами!), это только злые искровцы взвели на нас напраслину, оклеветали нас, «раздули» экономизм и проч., и т. д., и т. п. Поэтому среди рабочемысленцев — открытых и честных экономистов — было не мало людей, которые ваблуждались искренно, не боясь защищать своего мнения, и которым нельзя было отказать в уважении, — а у заграничной компании «Рабочего Дела» преобладало специфическое интриганство, заматание следов, игра в прятки, обманывание публики. Точь-в-точь таково же отношение

последовательных и открытых отзовистов (вроде известных партийным кругам Всев.¹⁶ и Стан.¹⁷) к заграничной компании Максимова.

Мы не отзовисты, — кричит эта компания. Но заставьте любого из них сказать пару слов о современном политическом положении и задачах партии, и вы услышите целиком все отзовистские рассуждения, чуточку разведенные (как мы видели у Максимова) водичей иезуитских оговорок, добавлений, умалчиваний, смягчений, запутываний и проч. Этот иезуитизм не освобождает вас, о, несправедливо устранившиеся, от обвинения в отзовистском недомыслии, а удесятерит вашу вину, ибо прикрытая идейная путаница во сто раз больше развращает пролетариат, во сто раз больше вредит партии*.

Мы не отзовисты, — кричит Максимов и К^о. А между тем с июня 1908 года, выйдя из узкой редакции «Пролетария», Максимов образовал официальную оппозицию внутри коллегии, потребовал и получил свободу дискуссии для этой оппозиции, потребовал и получил особое представительство для оппозиции в важнейших исполнительных органах, связанных с распространением газеты, организации. Само собой разумеется, что, начиная с того же времени, т. е. более года, все отзовисты всегда пребывали в рядах этой оппозиции, совместно организовавшей российскую агентуру, совместно налаживавшей в целях агентуры заграничную школу (о ней ниже) и т. д. и т. п.

Мы не отзовисты, — кричит Максимов и К^о. А между тем на Всероссийской партийной конференции в декабре 1908 года, когда более честные отзовисты из состава этой оппозиции выделились перед всей партией в особую группу, в особое идейное течение и получили в качестве такового право выставить своего оратора (на конференции было постановлено, что только особые идейные течения или особые организации могут выставлять — ввиду краткости срока — особого оратора), то *оратором* от отзовистской

* Маленький пример, иллюстрирующий, кстати, уверения Максимова, будто только «Пролетарий» из-за злобности своей возводит небылицы на ультиматистов. Осенью 1908-го года Алексинский явился на съезд польских социал-демократов и предложил там *ультиматистскую* революцию. Дело было до открытия в «Пролетарии» решительной кампании против новой франции. И что же? Польские социал-демократы осмеяли Алексинского и его революцию, сказав ему: «вы просто трусливый отзовист и ничего более».

фракции оказался — по чисто случайным причинам! по совершенно случайным причинам! — *т. Максимов...*

Это обманывание партии путем укрывания отзовизма ведется заграничной группой Максимова систематически. В мае 1908 г. отзовизм потерпел поражение в открытой борьбе: его провалила 18 голосами против 14-ти общегородская конференция в Москве (в этом районе в июле 1907 года почти все без исключения социал-демократы были бойкотисты, сумевшие, однако, в отличие от Максимова уже к июню 1908 г. понять, что настаиванье на «бойкоте» III Думы было бы непростительной глупостью). После этого т. Максимов за границей организует формальную оппозицию «Пролетарию» и начинает никогда до тех пор не практиковавшуюся дискуссию на страницах большевистского периодического органа. И вот, когда осенью 1908 года, при выборах на Всероссийскую конференцию, вся петербургская организация делится на отзовистов и незовистов (выражение рабочих), когда по всем районам и подрайонам Петербурга ведутся дискуссии по платформе не большевиков и меньшевиков, а отзовистов и незовистов, то платформа отзовистов прячется от глаз публики. В «Пролетарий» ее не сообщают. В печать ее не пускают. На Всероссийской конференции декабря 1908 года ее не сообщают партии. Лишь после конференции, по настойчивым требованиям редакции, эта платформа была нам доставлена и напечатана нами в № 44 «Пролетария» («Резолюция петербургских отзовистов»).

В Московской области известный всем вождь отзовистов «редактировал» помещенную в № 5 «Рабочего Знамени»¹⁸ статью рабочего отзовиста, но собственной платформы вождя мы до сих пор не получили. Нам прекрасно известно, что еще весной 1909 года, когда шли приготовления к областной конференции центрального промышленного района, платформа вождя отзовистов читалась и ходила по рукам. Нам известно из сообщений большевиков, что в этой платформе перлов несоциал-демократического рассуждения было еще несравненно больше, чем в петербургской. Но текста платформы нам так и не доставили, — вероятно, тоже по столь же случайным, совершенно случайным причинам, по каким Максимов говорил на конференции, уполномоченный фракцией отзовистов.

Вопрос об использовании легальных возможностей Максимов с К^о тоже прикрыли «гладкой» фразой о том, что это-де «само собой разумеется». Интересно бы знать, «само ли собой разумеется» это теперь и для практических вождей максимовской фракции тов. Лядова и Станислава, которые еще три месяца тому назад провели в находившемся тогда в их руках Областном бюро Центрально-промышленной области (того самого состава Областного бюро, которое утвердило пресловутую «школу»); состав Областного бюро теперь изменился) резолюцию *против участия социал-демократов в съезде фабрично-заводских врачей*¹⁹. Как известно, это был первый съезд, на котором революционные социал-демократы были в большинстве. И против участия в этом съезде агитировали все виднейшие отзовисты и ультиматисты, объявляя «изменой делу пролетариата» участие в нем. А Максимов замечает следы — «само собой разумеется». «Само собою разумеется», что более откровенные отзовисты и ультиматисты открыто подрывают в России практическую работу, а Максимов и К^о, которым не дают спать лавры Кричевского с Мартыновым, замазывают суть дела: никаких расхождений нет, никаких противников использования легальных возможностей не имеется.

Восстановление заграничных партийных органов, заграничных групп по организации сношений и т. д. неизбежно приводит и к повторению старых злоупотреблений, с которыми необходимо самым беспощадным образом бороться. Повторяется целиком история с «экономистами», которые в России вели агитацию против политической борьбы, а за границей прикрывались «Рабочим Делом». Повторяется целиком история с буржуазно-демократическим «кредо» (кредо = символ веры), которое в России пропагандировалось Прокоповичем и К^о и которое *против воли авторов* было оглашено в печати революционными социал-демократами. Нет ничего более развращающего нартию, чем эта игра в прятки, чем это использование тяжелых условий нелегальной работы против партийной гласности, чем этот иезуитизм, когда Максимов и К^о, действуя *целиком и во всем* рука об руку с отзовистами, печатно бьют себя в грудь, уверяя, что весь этот отзовизм нарочно раздувается «Пролетарием».

Мы — не крючкотворы, не формалисты, а люди революционной работы. Нам важны не словесные различия, которые можно устанавливать между отзовизмом, ультиматизмом, «бойкотизмом» (III Думы). Нам важно действительное содержание социал-демократической пропаганды и агитации. И если, под прикрытием большевизма, в нелегальных русских кружках проповедаются взгляды, ничего общего не имеющие ни с большевизмом, ни с социал-демократизмом вообще, то люди, мешающие полному разоблачению этих взглядов, полному разъяснению их ошибочности перед всей партией, такие люди поступают, как враги пролетариата.

IV

В вопросе о богостроительстве эти люди также показали себя. Расширенная редакция «Пролетария» приняла и опубликовала две резолюции по этому вопросу: одну по существу дела, другую специально по поводу протеста Максимова. Спрашивается, что же говорит теперь этот Максимов в своем «Отчете»? Он пишет «Отчет» для того, чтобы замести следы — совершенно в духе того дипломата, который говорил, что язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли²⁰. Распространяются какие-то «неверные сведения» о «якобы-богостроительском» направлении максимовской компании, только и всего.

«Неверные сведения», — говорите Вы? О нет, любезнейший, Вы именно потому заметали тут следы, что прекрасно знаете полную верность «сведений» относительно богостроительства, имеющих у «Пролетария». Вы прекрасно знаете, что эти «сведения», как то и изложено в оглашенной резолюции, относятся прежде всего к литературным произведениям, исходящим из *вашей* литературской компании. Эти литературные произведения *указаны* с полнейшей точностью в нашей резолюции; в ней не добавлено только, — не могло быть добавлено в резолюции, — что около полутора лет сильнее недовольство «богостроительством» ваших соратников высказывается среди руководящих кругов большевиков и что именно на этой почве (кроме почвы, указанной выше) новая фракция карикатурных большевиков отравляла нам всякую возможность работы увертками, хитростями, придирками,

претензиями, кляузами. Одна из наиболее замечательных этих кляуз особенно хорошо известна Максиму, ибо это есть написанный и формально внесенный в редакцию «Пролетария» *протест* против помещения статьи «Не по дороге» (№ 42 «Пролетария»). Может быть, это тоже «неверные сведения», о, несправедливо устраненный? Может быть, это тоже был «якобы-протест»?

Нет, знаете ли, политика заметания следов не всегда удается, а в нашей партии она вам никогда не удастся. Нечего играть в прятки и пытаться жеманно сделать секрет из того, что известно всякому, интересующемуся русской литературой и русской социал-демократией. Есть литературская компания, наводняющая нашу легальную литературу при помощи нескольких буржуазных издательств систематической проповедью богостроительства. К этой компании принадлежит и Максимов. Эта проповедь стала систематической именно за последние полтора года, когда русской буржуазии в ее контрреволюционных целях *понадобилось* оживить религию, поднять спрос на религию, сочинить религию, привить народу или по-новому укрепить в народе религию. Проповедь богостроительства приобрела поэтому общественный, политический характер. Как в период революции целовала и зацеловала буржуазная пресса наиболее ретивых меньшевиков за их кадетолюбие, так в период контрреволюции целует и зацеловывает буржуазная пресса богостроителей из среды — шутка сказать! — из среды марксистов и даже из среды «тоже большевиков». И когда официальный орган большевизма в редакционной статье заявил, что большевизму *не по дороге* с подобной проповедью (это заявление в печати было сделано после неудачи бесчисленных попыток путем писем и личных бесед побудить к прекращению позорной проповеди), — тогда тов. Максимов подал формальный письменный протест в редакцию «Пролетария». Он, Максимов, выбран Лондонским съездом, и поэтому его «приобретенное право» нарушено теми, кто посмел официально отречься от позорной проповеди богостроительства. «Да что же наша фракция в кабале, что ли, у богостроительских литераторов!» Это замечание вырвалось во время бурной сцены в редакции *у т. Марата*²¹, — да, да, у того самого тов. Марата, который так скромно, благожелателен, примирителен, добросердечен, что он

до сих пор не может хорошенько решить, идти ли ему с большевиками или с божественными отзовистами.

Или, может быть, все это тоже «неверные сведения», о, несправедливо устраненный Максимов? Нет никакой компании богостроительских литераторов, не было никакой защиты их Вами, не было Вашего протеста против статьи «Не по дороге»? а?

О «неверных сведениях» насчет богостроительского направления т. Максимов говорит в своем «Отчете» по поводу *заграничной школы*, которая устраивается новой фракцией. Т. Максимов так усиленно подчеркивает это «устройство *первой* (курсив Максимова) партийной школы за границей», публику так усиленно ведет за нос по этому вопросу, что придется сказать о пресловутой «школе» поподробнее.

Т. Максимов горько жалуется:

«Ни единой попытки не только оказать содействие школе, но хотя бы даже взять в свои руки контроль над нею, со стороны редакции («Пролетария») не делалось; распространя неизвестно откуда добытые ложные сведения о школе, редакция не сделала организаторам школы ни единого запроса с целью проверки этих сведений. Таково было отношение редакции ко всему этому делу».

Так. Так. «Ни единой попытки хотя бы даже взять в свои руки контроль над школой»... Иезуитизм Максимова в этой фразе дошел до того, что разоблачает сам себя.

Припомните, читатель, ерогинское общежитие в эпоху первой Думы. Отставной земский начальник (или какой-то вообще в этом роде чиновный кавалер) Ерогин организовал в Петербурге общежитие для приезжих крестьянских депутатов, желая оказать содействие «видам правительства». Неопытные деревенские мужички, попадая в столицу, перехватывались ерогинскими агентами и направлялись в ерогинское общежитие, где, разумеется, находили *школу*, в которой опровергались превратные учения «левых», обливались помоями трудовики и т. д., в которой новички-члены Думы обучались «истинно-русской» государственной премудрости. К счастью, нахождение Государственной думы в Петербурге заставило Ерогина устроить в Петербурге же свое общежитие, а так как Петербург — достаточно широкий и свободный центр идейной и политической жизни, то, разумеется, ерогинские депутаты очень скоро стали покидать ерогинское

общежитие и перекочевывать в лагерь трудовиков или в лагерь самостоятельных депутатов. Из затеи Ерогина вышел только срам и для него, и для правительства.

Теперь представьте себе, читатель, что подобное сему ерогинское общежитие устроено не в каком-нибудь заграничном Петербурге, а в каком-нибудь заграничном Царевококшайске. Если вы представите себе это, то вы должны будете согласиться, что отзовистско-богостроительские ерогины использовали свое знакомство с Европой для того, чтобы оказаться похитрее истинно-русского Ерогина. Люди, называющие себя большевиками, собрали свою кассу, — независимую от той единственной, насколько мы знаем, общеполитической кассы, из которой покрываются расходы по изданию и распространению «Пролетария», — организовали свою агентуру, свезли нескольких «своих» агитаторов в Царевококшайск, привезли туда нескольких партийных социал-демократических рабочих и провозгласили это (запрятанное от партии в Царевококшайск) ерогинское общежитие «первой партийной» (партийной — потому, что запрятано от партии) «школой за границей».

Спешим оговориться — ввиду того, что устраненный т. Максимов поднял с особенным усердием вопрос о том, законно или противозаконно его устранение (об этом вопросе ниже) — спешим оговориться, что в образе действий отзовистски-богостроительских ерогинцев нет ровно ничего «противозаконного». Абсолютно ничего. Все тут вполне законно. Законно то, что единомышленники в партии группируются вместе. Законно то, что единомышленники собирают кассу и затевают одно общее пропагандистско-агитационное предприятие. Законно то, что формой этого предприятия они желают выбрать в данный момент, скажем к примеру, не газету, а «школу». Законно то, что они считают ее официально партийной, раз ее устраивают члены партии, и раз есть хоть одна, какая угодно организация партии, берущая на себя политическую и идейную ответственность за предприятие. Все тут вполне законно и все было бы очень хорошо, если бы... если бы не было иезуитизма, если бы не было лицемерия, если бы не было обмана своей собственной партией.

Разве это не обман партии, если вы публично подчеркиваете партийность школы, т. е. ограничиваетесь вопросом

о формальной ее подзаконности и не называете имен инициаторов и устроителей школы, т. е. умалчиваете об идейно-политическом направлении школы, как предприятия *новой фракции* в нашей партии? В редакции «Пролетария» было две «бумажки» об этой школе (сношения редакции с Максимовым уже более года идут не иначе, как при помощи «бумажек» и дипломатических нот). Первая бумажка была вовсе не подписана, абсолютно никем не подписана — просто рассуждение о пользе просвещения и о просветительном значении учреждений, называемых школами. Вторая бумажка была подписана подставными лицами. Теперь, выступая печатно перед публикой с восхвалением «первой партийной школы за границей», т. Максимов *умалчивает* попрежнему о *фракционном* характере школы.

Эта политика иезуитизма вредит партии. Эту «политику» мы разоблачим. Инициаторами и устроителями школы являются *на деле* товарищи «Ер»²² (назовем так всем в партии известного вождя московских отзовистов, читавшего рефераты о школе, организовавшего школу учеников и избранного несколькими рабочими кружками в лекторы), Максимов, Луначарский, Лядов, Алексинский и т. д. Мы не знаем и не интересуемся знать, какую роль, в частности, играли те или другие из этих товарищей, как они размещаются в разных официальных учреждениях школы, в ее «Совете», в ее «исполнительной комиссии», в ее лекторской коллегии и т. п. Мы не знаем, какие «нефракционные» товарищи могут в том или ином отдельном случае дополнить эту компанию. Все это совсем неважно. Мы утверждаем, что *действительное* идейно-политическое направление этой школы, как нового фракционного центра, *определяется* именно названными именами и что, скрывая это от партии, Максимов ведет политику иезуитизма. Не то дурно, что в партии возник новый фракционный центр, — мы отнюдь не принадлежим к людям, которые не прочь составить себе политический капиталец на дешевой-популярных криках против фракционности, — напротив, это хорошо, что получил возможность особого выражения в партии особый оттенок, раз таковой имеется. Дурно то, что партия вводится в обман и вводятся в обман и рабочие, сочувствующие — само собой разумеется — всякой школе, как всякому просветительному предприятию.

Разве это не лицемерие, когда т. Максимов жалуется публике, что редакция «Пролетария» не пожелала «даже» (*«даже»!*) «взять в свои руки контроль над школой»? Подумайте только: в июне 1908 года т. Максимов вышел из узкой редакции «Пролетария», с тех пор почти непрерывно идет в *тысяче* форм внутренняя борьба в большевистской фракции; Алексинский — за границей, «Ер» и К^о — за границей и в России на тысячу ладов повторяют за Максимовым все отзовистско-богостроительские благоглупости против «Пролетария». Максимов подает письменные и формальные протесты против статьи «Не по дороге»; о грядущем неизбежном расколе у большевиков говорят все, хоть по наслышке знающие партийные дела (достаточно указать, что *меньшевик Дан* на Всероссийской конференции декабря 1908 года во всеуслышанье на официальном собрании заявил: «кто же не знает, что Ленина обвиняют теперь большевики в предательстве большевизма!»), — а тов. Максимов, разыгрывая роль невинного, ну совсем-таки невинного младенца, вопрошает почтеннейшую публику: почему это редакция «Пролетария» не пожелала «даже» взять в свои руки контроль над партийной школой в богостроительском Царевококшайске? «Контроль над школой! Сторонники «Пролетария» в качестве *«инспекторов»*, присутствующих при лекциях Максимова, Луначарского, Алексинского и К^о!! Ну, к чему играть эту недостойную, позорную комедию? К чему? К чему втирать очки публике рассылкой ничего не говорящих «программ» и «отчетов» «школы» вместо того, чтобы прямо и открыто признать идейных руководителей и вдохновителей нового фракционного центра!

К чему? — мы сейчас дадим ответ на этот вопрос, а пока закончим по вопросу о школе: Царевококшайск может поместиться в Петербурге и переместиться (по крайней мере большей своей частью) в Петербург, но Петербург не может ни поместиться в Царевококшайске, ни переместиться в Царевококшайск. Кто поэнергичнее, посамостоятельнее из учеников новой партийной школы, тот сумеет найти себе дорогу от узкой новой фракции к широкой партии, от «науки» отзовистов и богостроителей к науке социал-демократизма вообще и большевизма, в частности. А кто хочет ограничиться ерогинским просвещением, с тем ничего не поделаешь. Редакция «Проле-

тария» готова оказать и окажет *всяческую* помощь *всем* рабочим, каких бы взглядов они ни были, раз они пожелают переехать (или съездить) из заграничного Царевко-кокшайска в заграничный Петербург и познакомиться со взглядами большевиизма. Лицемерную же политику устроителей и инициаторов *«первой заграничной партийной школы»* мы разоблачим перед всей партией.

V

К чему все это лицемерие Максимова — спрашивали мы и отложили ответ на этот вопрос до окончания разговора о школе. Но, говоря строго, не вопрос «к чему?», а вопрос «почему?» заслуживает здесь выяснения. Неверно было бы думать, что лицемерная политика ведется всеми членами новой фракции сознательно ради определенной цели. Нет. Дело обстоит так, что в самом положении этой фракции, в условиях ее выступления и ее деятельности есть причины (несознаваемые многими отзовистами и богостроителями), которые порождают лицемерную политику.

Давно уже сказано, что лицемерие есть дань, которую порок платит добродетели. Но это изречение относится к области личной морали. По отношению к идейно-политическим направлениям надо сказать, что лицемерие есть то прикрытие, за которое хватаются группы, внутренне неоднородные, составленные из разношерстных, случайно сошедшихся элементов, чувствующих себя слабыми для открытого, прямого выступления.

Состав новой фракции определяет то, что она схватилась за это прикрытие. Штаб фракции божественных отзовистов составляют непризнанные философы, осмеянные богостроители, уличенные в анархистском недомыслии и бесшабашной революционной фразе отзовисты, запутавшиеся ультиматисты, наконец, те (немногие, к счастью, в большевистской фракции) боевики, которые сочли ниже своего достоинства переход к невидной, скромной, лишенной внешнего блеска и «яркости», революционной социал-демократической работе, соответствующей условиям и задачам «межреволюционной» эпохи, и которых убогачивает Максимов «яркой» фразой об инструкторских школах и группах... в 1909 году. Единственное, что крепко сплывает в настоящую минуту эти разнокалиберные элементы, это — горячая ненависть к «Пролетарию» и

вполне заслуженная им ненависть, ненависть за то, что *ни единая* попытка этих элементов получить в «Пролетарий» свое выражение, или хотя бы свое косвенное признание, или малейшую защиту и прикрытие *не оставалась никогда без самого решительного отпора.*

«Оставь надежду навсегда» — вот что говорил этим элементам «Пролетарий» каждым своим номером, каждым редакционным собранием, каждым выступлением по какому бы то ни было очередному вопросу партийной жизни.

И вот, когда очередными вопросами оказались (в силу объективных условий развития нашей революции и нашей контрреволюции оказались) в области литературы — богостроительство и теоретические основы марксизма, а в области политической работы — использование III Думы и третьедумской трибуны социал-демократией, — тогда эти элементы сплотились и произошел естественный и неизбежный взрыв.

Как и всякий взрыв, он произошел сразу, — не в том смысле, чтобы тенденции не намечались раньше, чтобы не было отдельных проявлений этих тенденций, — а в том смысле, что политическое сплочение разнокалиберных тенденций, в том числе и весьма далеких от политики тенденций, оказалось почти внезапным. Широкая публика поэтому склонна, как и всегда, поддаться прежде всего *обывательскому* объяснению нового раскола, объяснению его какими-либо дурными качествами того или иного из руководителей, влиянием заграницы и кружковщины и проч. и т. п. Нет сомнения, что заграница, став неизбежным, в силу объективных условий, местом операционной базы всех центральных революционных организаций, наложила свой отпечаток на *форму* раскола. Нет сомнения, что на этой *форме* сказались и особенности того литераторского кружка, который *одним своим боком* входил в социал-демократию. Мы называем обывательским объяснением не учет этих обстоятельств, ничего кроме формы, поводов, «внешней истории» раскола объяснить неспособных, а нежелание или неспособность понять *идейно-политические* основы, причины и корни расхождения.

Непонимание этих основ новой фракцией является также источником того, что она схватилась за старое прикрытие, заматавая следы, отрицая *неразрывную* связь с отзовизмом и т. д. Непонимание этих основ вызывает

со стороны новой фракции *спекуляцию на обывательское объяснение раскола и на обывательское сочувствие.*

В самом деле, разве это не спекуляция на обывательское сочувствие, если Максимов и К^о плачутся теперь публично по поводу их «вышибания», их «устранения»? Подайте милостыньку вашего сочувствия, христа ради, невинно вышибленным, несправедливо устраненным... Что этот прием безошибочно верно рассчитан на *обывательское сочувствие*, это доказывает тот оригинальный факт, что *даже* тов. Плеханов, враг всякого богостроительства, всякой «новой» философии, всякого отзовизма и ультиматизма и т. д., *даже* тов. Плеханов подал милостыньку, христа ради, воспользовавшись хныканьем Максимова, и обозвал большевиков по этому случаю еще и еще раз «жестоковыми» (см. «Дневник Социал-Демократа» Плеханова, август 1909). Если Максимов выпросил милостыню сочувствия даже у Плеханова, то вы можете себе представить, читатель, сколько слез сочувствия Максиму будет пролито обывательскими элементами внутри социал-демократии и около социал-демократии по поводу «вышибания» и «устранения» добрых, благонамеренных и скромных отзовистов и богостроителей.

Вопрос о «вышибании» и «устранении» *разрабатывается* т. Максимовым и с формальной стороны и по существу дела. Посмотрим на эту разработку.

С формальной стороны устранение Максимова «противозаконно», — говорят нам устраненные, — и «мы не признаем этого устранения», ибо Максимов «выбран большевистским съездом, т. е. большевистской частью партийного съезда». Читая листок Максимова и Николаева, публика видит тяжелое обвинение («противозаконное устранение»), не получая ни точной формулировки его, ни материала для суждения о деле. Но ведь именно таков всегдашний прием известной стороны при заграничных расколах: затенять принципиальное расхождение, прикрывать его, замалчивать идейные споры, прятать своих идейных друзей и шуметь побольше об организационных конфликтах, которые публика не в состоянии разобрать точно и не вправе разбирать детально. Так поступали рабочедельцы в 1899 г., крича, что «экономизма» никакого нет, а что вот Плеханов украл типографию. Так поступали меньшевики в 1903 году, крича, что никакого поворота к рабочедельчеству у них нет, а что вот Ленин «вышиб» или

«устранил» Потресова, Аксельрода и Засулич и т. д. Так поступают люди, спекулирующие на заграничных любителей скандальчика, сенсации. Ни отзовизма нет, ни богостроительства нет, а есть «противозаконное устранение» Максимова «большинством редакции», которое желает *«оставить в своем полном распоряжении» «шмущество всей фракции»*, — пожалуйста-ка в нашу лавочку, господа, мы вам порасскажем об этом самое что ни на есть пикантное...

Старый прием, гг. Максимов и Николаев! Нельзя же сломать себе шеи тем политикам, которые прибегают к этому приему.

О «противозаконности» говорят наши «устраненные» потому, что редакцию «Пролетария» они считают не вправе решать вопрос о судьбе большевистской фракции и об ее расколе. Очень хорошо, господа. Если редакция «Пролетария» и выбранные на Лондонском съезде 15 большевиков членов ЦК и кандидатов в члены ЦК не вправе представлять большевистскую фракцию, то вы имеете полную возможность заявить это во всеуслышание и повести кампанию за свержение или за перевыбор этого негодного представительства. *Да вы и вели эту кампанию и*, только потерпев некоторый ряд некоторых неудач, вы предпочли жаловаться и хныкать. Если вы подняли вопрос о съезде или конференции большевиков, гг. Максимов и Николаев, то почему не рассказали вы публике, что тов. «Ер» *несколько месяцев тому назад* вносил уже в Московский комитет проект резолюции о недоверии «Пролетарию» и о конференции большевиков для выбора нового идейного центра большевиков?

Почему вы умолчали об этом, о, несправедливо устраненные?

Почему вы умолчали о том, что резолюция «Ера» отклонена всеми голосами против него одного?

Почему вы умолчали о том, что осенью 1908-го года во всей петербургской организации, вплоть до низов, шла борьба по платформам двух течений в большевизме, отзовистов и противников отзовизма, причем отзовисты потерпели поражение?

Максимову и Николаеву хочется похныкать перед публикой, потому что они потерпели поражение неоднократно в России. И «Ер» и петербургские отзовисты имели право, не дожидаясь никакой конференции и *не опубликовывая*

своих платформ перед всей партией, вести борьбу против большевизма вплоть до низов.

Но редакция «Пролетария», с июня 1908-го года объявившая открытую войну отзовизму, не имела права после года борьбы, года дискуссий, года трений, конфликтов и т. д., после вызова трех делегатов от областей из России и нескольких русских членов расширенной редакции, не участвовавших ни в одном заграничном столкновении, не имела права заявить *то, что есть*, заявить, что *Максимов откололся от нее*, заявить, что большевизм ничего общего не имеет с отзовизмом, ультиматизмом и богостроительством?

Перестаньте лицемерить, господа! Вы боролись там, где вы считали себя особенно сильными, и потерпели поражение. Вы несли отзовизм в массы вопреки решению официального центра большевиков и не дожидаясь никакой особой конференции. И теперь вы принимаетесь хныкать и жаловаться потому, что вы оказались в ничтожном до смешного меньшинстве в расширенной редакции, в Совещании с участием делегатов областей!

Перед нами опять-таки чисто рабочедельческий прием заграничников: играть в «демократию», когда нет налицо условий для полной демократии, — спекулировать на разжигание всякого недовольства «за границей» и в то же время из той же заграницы направлять (посредством «школы») свою отзовистски-богостроительскую пропаганду, — начинать раскол среди большевиков и плакаться потом о расколе, — устроить свою фракцию (под прикрытием «школы») и лицемерно лить слезы по поводу «раскольнической» политики «Пролетария».

Нет, довольно уже этой склоки! Фракция есть свободный союз *единомышленников* внутри партии, и после борьбы более чем в течение года, борьбы и в России и за границей, мы имели полное право, мы были обязаны сделать решительный вывод. И мы его сделали. Вы имеете полное право бороться против него, выставлять свою платформу, завоевывать ей большинство. Если вы не делаете этого, если вы вместо открытого союза с отзовистами и выставления общей платформы продолжаете играть в прятки и спекулировать на дешевеньком заграничном «демократизме», — то вы получите в ответ только заслуженное вами презрение.

Вы ведете двойную игру. С одной стороны, вы объявляете, что «Пролетарий» целый год уже «сплошь» ведет

небольшевистскую линию (и ваши сторонники в России не раз пытались провести эти взгляды в резолюциях ПК и МК). С другой стороны, вы плачетесь о расколе и отказываетесь признать «устранение». С одной стороны, вы идете на деле во всем рука об руку с отзовистами и богостроителями, с другой, — вы отрекаетесь от них и корчите из себя примиренцев, желающих примирить большевиков с отзовистами и богостроителями.

«Оставьте надежду навсегда! Вы можете завоевывать себе большинство. Вы можете одерживать среди незрелой части большевиков какие угодно победы. Ни на какое примирение мы не пойдем. Стройте свою фракцию, вернее: продолжайте строить ее, как вы уже начали это делать, но не обманывайте партии, не обманывайте большевиков. Никакие конференции, никакие съезды в мире не примирят теперь большевиков с отзовистами, ультиматистами и богостроителями. Мы сказали, и мы повторяем еще раз: каждый социал-демократ большевик и каждый сознательный рабочий должен сделать решительный и окончательный выбор.

VI

Прикрывая свою идейную родню, боясь развернуть свою настоящую платформу, новая фракция старается пополнить нехватку в своем идейном багаже посредством заимствования слов из багажа старых расколов. «Новый Пролетарий», «новопролетариевская линия», — кричат Максимов и Николаев, подражая старой борьбе против новой «Искры».

Прием, способный очаровать некоторых политических младенцев.

Но даже и слов-то старых вы не умеете повторить, господа. «Соль» лозунга «против новой «Искры»» состояла в том, что меньшевики, получив «Искру», должны были сами начать новую линию, тогда как съезд (II съезд РСДРП в 1903 году) утвердил именно линию старой «Искры». «Соль» была в том, что меньшевикам пришлось (устаами Троцкого в 1903—1904 гг.) провозгласить: между старой и новой «Искрой» лежит пропасть. И до сих пор Потресов и К^о стараются стереть с себя «следы» той эпохи, когда их вела старая «Искра».

«Пролетарий» выходит теперь 47-м номером. Ровно три года тому назад, в августе 1906 года, вышел первый номер.

В этом первом номере «Пролетария», помеченном 21 августа 1906 года, находим редакционную статью «О бойкоте» и в этой статье черным по белому: «Теперь как раз наступило время, когда революционные с.-д. должны первостать быть бойкотистами»*. Ни единого номера «Пролетария» не было с тех пор, где бы хоть строчка была допущена в пользу «бойкотизма» (после 1906 года), отзовизма и ультиматизма, без опровержения этой карикатуры на большевизм. И теперь карикатурные большевики поднимаются на ходули, пытаются сравнить себя с людьми, сначала проводившими трехлетнюю кампанию старой «Искры» и закрепившими ее линию II съездом партии, а потом показавшими поворот новой «Искры»!

«Бывший редактор популярной рабочей газеты «Вперед» — подписывается теперь т. Максимов, желая напомнить читателю, что-де «гуси Рим спасли». Ваше отношение к линии газеты «Вперед»²³ — ответим мы Максимову на это напоминание — совершенно такое же, как отношение Потресова к старой «Искре». Потресов был ее редактором, но не он вел старую «Искру», а старая «Искра» вела его. Как только он захотел изменить линию, — от него отвернулись староискровцы. И теперь даже сам Потресов из кожи лезет, чтобы очиститься от «греха молодости», от участия в редакторстве старой «Искры».

Не Максимов вел газету «Вперед», а газета «Вперед» вела Максимова. Доказательство: бойкотизм III Думы, в пользу которого ни единого слова не сказала и не могла сказать газета «Вперед». Максимов поступал очень разумно и хорошо, когда давал вести себя газете «Вперед». Максимов стал выдумывать теперь (или, все равно, помогать отзовистам выдумывать) такую линию, которая неизбежно ведет его в болото, как и Потресова.

Запомните это, т. Максимов: в основу сравнения надо брать цельность идейно-политического направления, а не «слова», не «лозунги», которые кое-кто заучивает, не понимая их смысла. Большевизм провел за три года, 1900—1903, старую «Искру» и вышел на борьбу с меньшевизмом, как цельное направление. Меньшевики долго путались с новым для них союзом, с антиискровцами, с рабочедельцами, пока не отдали Прокоповичу Потресова (да и одного

* См. Сочинения, 4 изд., том 11, стр. 122. Ред.

ли Потресова?). Большевизм провел в духе решительной борьбы с «бойкотизмом» и т. п. *старый* «Пролетарий» (1906—1909 гг.) и вышел, как цельное направление, на борьбу с людьми, которые выдумывают теперь «отзовизм», «ультиматизм», «богостроительство» и т. п. Меньшевики хотели исправить старую «Искру» в духе Мартынова и экономистов — и сломали себе на этом шею. Вы хотите исправить старый «Пролетарий» в духе «Ера», отзовистов и богостроителей — и вы сломите на этом шею.

А «поворот к Плеханову», — торжествует Максимов. А создание «новой фракции центра»? И наш «тоже большевик» объявляет «дипломатией» «отрицание» того, будто «имеется в виду осуществление идеи «центра»!»

Эти крики Максимова против «дипломатии» и против «объединения с Плехановым» стоят того, чтобы над ними посмеяться. Карикатурные большевики и тут верны себе: они твердо *заучили*, что Плеханов вел в 1906—1907 годах архипортунистическую политику. И они думают, что если твердить это почаще, не разбираясь в происходящих изменениях, то это будет означать наибольшую «революционность».

На самом деле «дипломаты» «Пролетария», начиная с Лондонского съезда, открыто вели все время и провели политику партийности против карикатурных преувеличений фракционности, политику защиты марксизма против критики его. И теперешний источник криков Максимова двоякий: с одной стороны, начиная с Лондонского съезда, имелись всегда отдельные большевики (пример: Алексинский), твердившие о подмене линии большевизма линией «примиренчества», линией «польско-латышской» и т. п. Всерьез большевики редко брали эти совсем глупенькие речи, свидетельствующие только о заскорузлости мышления. С другой стороны, та литературная компания, к которой принадлежит Максимов и которая всегда одним лишь своим боком подходила к социал-демократии, в течение долгого времени видела главного врага своим богостроительским и т. п. тенденциям в Плеханове. Нет ничего страшнее Плеханова для этой компании. Нет ничего более разрушающего *ее* надежды на прививку своих идей рабочей партии, как «объединение с Плехановым».

И вот, эти двоякого рода элементы: заскорузлая фракционность, не понимающая задач большевистской фракции

по созданию партии, и литературски-кружковые элементы богостроителей и прикрывателей богостроительства — сплотились теперь на «платформе»: *против* «объединения с Плехановым», против «примиренческой», «польско-латышской» линии «Пролетария» и т. п.

Вышедший теперь № 9 «Дневника» Плеханова избавляет нас от необходимости особенно подробно разъяснять читателю всю карикатурность этой «платформы» карикатурных большевиков. Плеханов разоблачил ликвидаторство в «Голосе Социал-Демократа», дипломатию его редакторов и объявил, что ему «не по дороге» с Потресовым, который перестал быть революционером. Для всякого социал-демократа теперь ясно, что *рабочие* меньшевики пойдут за Плехановым против Потресова. Для всякого ясно, что раскол среди меньшевиков подтверждает линию большевиков. Для всякого ясно, что провозглашение Плехановым *партийной* линии против расколичества ликвидаторов означает *громдную* победу большевизма, который занимает теперь главенствующее положение в партии.

Эту громадную победу большевизм одержал потому, что он вел свою партийную политику *вопреки* крикам «левых» недорослей и богостроительских литераторов. Только эти люди способны бояться сближения с тем Плехановым, который разоблачает и изгоняет из рабочей партии Потресовых. Только в застоявшемся болоте богостроительского кружка или героев заученной фразы может иметь успех «платформа»: «против объединения с Плехановым», *то есть* против сближения с партийными меньшевиками для борьбы с ликвидаторством, против сближения с ортодоксальными марксистами (это невыгодно ерогинской компании литераторов), против дальнейшего завоевания партии для революционной социал-демократической политики и тактики.

Мы, большевики, можем указать на великие успехи в деле такого завоевания. Роза Люксембург и Карл Каутский — социал-демократы, пишущие нередко для русских и постольку входящие в нашу партию, — завоеваны нами идейно, несмотря на то, что в начале раскола (1903 г.) все симпатии их были на стороне меньшевиков. Завоеваны они были тем, что большевики не делали поблажек «критике» марксизма, тем, что большевики отстаивали не букву *своей*, непременно *своей*, фракционной теории, а общий дух и смысл революционно-социал-демократической тактики.

Мы и впредь пойдем тем же путем, поведем еще более беспощадную войну против буквоедского недомыслия и беспашабной игры с заученными фразами, против теоретического ревизионизма богостроительского кружка литераторов.

Два ликвидаторские течения обрисовались теперь вполне ясно у русских социал-демократов: потресовское и максимовское. Потресов вынужден бояться социал-демократической партии, ибо в ней безнадежно отныне проведение его линии. Максимов вынужден бояться социал-демократической партии, ибо в ней безнадежно теперь проведение его линии. И тот и другой будут поддерживать и прикрывать всеми правдами и неправдами проделки особых литературских кружков с их своеобразными видами ревизионизма в марксизме. И тот и другой будут цепляться, как за последнюю тень надежды, за сохранение духа кружковщины против партийности, ибо Потресов может еще иногда побеждать в отборной компании заскорузлых меньшевиков, Максимова могут еще иногда увенчать лаврами отборно заскорузлые кружки большевиков, но ни тому, ни другому никогда не занять прочного места ни среди марксистов, ни в действительно социал-демократической рабочей партии. И тот и другой представляют две противоположные, но взаимно друг друга пополняющие, одинаково ограниченные, мелкобуржуазные тенденции в социал-демократии.

VII

Мы показали, каков штаб новой фракции. Откуда может рекрутироваться ее армия? Из буржуазно-демократических элементов, примкнувших к рабочей партии во время революции. Пролетариат везде и всегда рекрутируется из мелкой буржуазии, везде и всегда бывает связан с ней тысячами переходных ступеней, граней, оттенков. Когда рабочая партия растет особенно быстро (как это было у нас в 1905—1906 годах), проникновение в нее массы элементов, пропитанных мелкобуржуазным духом, неизбежно. И в этом нет ничего худого. Историческая задача пролетариата — переваривать, переучивать, перевоспитывать все элементы старого общества, которые оно оставляет ему в наследство в виде выходцев из мелкой буржуазии. Но для этого нужно, чтобы пролетариат перевоспитывал

выходцев, чтобы он влиял на них, а не они на него. Очень многие «социал-демократы дней свободы», впервые став социал-демократами в дни увлечения, праздника, в дни ярких лозунгов, в дни побед пролетариата, круживших головы даже чисто буржуазной интеллигенции, стали *учиться серьезно*, учиться марксизму, учиться выдержанной пролетарской работе, — они всегда останутся социал-демократами и марксистами. Другие не успели или не умели перенять от пролетарской партии ничего, кроме нескольких заученных слов, зазубренных «ярких» лозунгов, пары фраз о «бойкотизме», «боевизме» и т. п. Когда такие элементы вздумали навязывать свои «теории», свое мирозерцание, т. е. свою ограниченность рабочей партии, раскол с ними стал неизбежен.

Судьба бойкотистов III Думы превосходно показывает на наглядном примере различие тех и других элементов.

Большинство большевиков, искренно увлеченное желанием непосредственной и немедленной борьбы с героями 3-го июня, склонилось к бойкоту III Думы, но очень быстро сумело справиться с новым положением. Они не твердили заученных слов, а внимательно всматривались в новые исторические условия, вдумывались в то, почему жизнь пошла так, а не иначе, работали головой, а не только языком, они вели серьезную и выдержанную пролетарскую работу и они быстро поняли всю глупость, все убожество «отзовизма». Другие уцепились за слово, стали сочинять из непереваренных слов «свою линию», стали кричать о «бойкотизме, отзовизме, ультиматизме», стали заменять этими криками пролетарски-революционную работу, предписанную данными историческими условиями, стали подбирать новую фракцию из всех и всяческих незрелых элементов большевизма. Скатертью дорога, любезные! Мы сделали все, что могли, чтобы научить вас марксизму и социал-демократической работе. Мы объявляем теперь самую решительную и непримиримую войну и ликвидаторам справа и ликвидаторам слева, развращающим рабочую партию теоретическим ревизионизмом и мещанскими методами политики и тактики.

ЕЩЕ О ПАРТИЙНОСТИ И БЕСПАРТИЙНОСТИ

Вопрос о партийных и беспартийных, нужных и «ненужных» кандидатурах, несомненно, один из самых важных — если не самый важный — при современных выборах в современную Думу. Прежде всего и больше всего избиратели и широкая масса, следящая за выборами, должны дать себе отчет в том, *зачем* нужны выборы, *какая* задача стоит перед думским депутатом, *какова* должна быть тактика петербургского депутата в III Думе. А дать себе действительно полный и точный отчет во всем этом можно только при условии партийности всей избирательной кампании.

Для тех, кто хочет отстаивать на выборах интересы действительно широких и самых широких масс населения, на первый план выдвигается задача развития политического сознания масс. В неразрывной связи с развитием этого сознания яснее определяется группировка масс, соответствующая действительным интересам тех или иных классов населения. Всякая беспартийность всегда означает, даже при исключительно удачных случаях, неясность и неразвитость политического сознания и кандидата, и поддерживающей его группы или поддерживающих его партий, и участвующей в его выборах массы.

Для всех беспорядочных партий, преследующих на выборах задачи удовлетворения интересов тех или иных небольших групп имущего населения, развитие сознания масс всегда отходит на второй план, а ясность классовой группировки масс почти всегда представляется нежелательной и опасной. Для тех, кто не хочет встать на защиту

буржуазных партий, ясность политического сознания и ясность классовой группировки выше всего. Это не исключает, конечно, при известных, особого рода условиях, временных совместных действий разного рода партий, но это безусловно исключает всякую беспартийность и всякое ослабление или затушевывание партийности.

Но именно потому, что мы отстаиваем партийность принципиально, в интересах широких масс, в интересах их освобождения от всякого рода буржуазных влияний, в интересах полной и полнейшей ясности классовых группировок, именно поэтому нам надо всеми силами добиваться того и строжайше следить за тем, чтобы партийность была *не словом* только, а *делом*.

Беспартийный кандидат Кузьмин-Караваев, получивший уже прозвище «ненужного» кандидата, излагает, что партийных кандидатов в строгом смысле на выборах в Петербурге нет. Это мнение настолько неверное, что на опровержении его не стоит и останавливаться. В партийности кандидатур Кутлера и Н. Д. Соколова сомневаться невозможно. Кузьмина-Караваева сбilo отчасти с толку то обстоятельство, что нет вполне открытой партийной жизни у обеих партий, выставивших ту и другую кандидатуру. Но это обстоятельство затрудняет партийное ведение выборов, не уничтожает необходимости в нем. Поддаваться *таким* затруднениям, спасовать перед ними — совершенно то же самое, что поддаваться желанию г. Столыпина слышать из уст «оппозиции» (якобы-оппозиции) подтверждение его «конституционности».

Для массы, участвующей в петербургских выборах, особенно важно теперь проверить, *какие* партии *спасовали* перед этими затруднениями и какие сохранили во всей целостности и свою программу и свои лозунги; какие пытались «приспособиться» к реакционному режиму в смысле сокращения, сужения до рамок этого режима своей думской деятельности, своей прессы, своей организации, и какие приспособились в смысле видоизменения некоторых форм деятельности, отнюдь не в смысле урезывания своих лозунгов в Думе, отнюдь не в смысле сужения своей прессы, организации и т. д., до рамок этого режима. Такая проверка, всесторонняя, основанная на истории партий, основанная на фактах их думской и внедумской деятельности, составляет главное содержание избирательной

кампании. Массы должны познакомиться еще раз в новой, более трудной для демократии, обстановке с *партиями*, которые претендуют на название демократических. Массы должны познакомиться еще и еще раз с отличиями буржуазной демократии от той, которая выдвинула на этот раз Н. Д. Соколова, с отличиями их мирозерцания, их конечной цели, их отношения к задаче великого международного освободительного движения, их способности отстаивать идеалы и пути освободительного движения в России. Массы должны выйти из этой избирательной кампании более партийными, более отчетливо сознающими интересы, задачи, лозунги, точки зрения и методы действия различных классов, — вот тот неразрушимый результат, который политическое направление, представляемое Н. Д. Соколовым, ценит выше всего и которого оно сумеет добиться самой упорной, стойкой, выдержанной, всесторонней работой.

«Новый День» № 9,
14 (27) сентября 1909 г.
Подпись: В. И. Ильин

Печатается по тексту
газеты «Новый День»

БЕСЕДА С ПЕТЕРБУРГСКИМИ БОЛЬШЕВИКАМИ

Когда постоянный номер «Пролетария» попадет в Россию, избирательная кампания в Санкт-Петербурге будет уже окончена. Теперь вполне уместно поэтому побеседовать с петербургскими большевиками — а также и со всеми русскими социал-демократами — о той борьбе с ультиматистами, которая едва не разгорелась до полного раскола в С.-Петербурге во время выборов и которая имеет громадное значение для всей социал-демократической рабочей партии в России.

Четыре этапа этой борьбы должны быть прежде всего ясно установлены, а затем мы подробно остановимся на значении борьбы и на некоторых разногласиях между нами и частью петербургских большевиков. Эти четыре этапа следующие: 1) На заграничном Совецании расширенной редакции «Пролетария» окончательно определено отношение большевиков к отзовизму и ультиматизму, а также констатирован откол т. Максимова (№ 46 «Пролетария» и приложение к нему*). — 2) В особом листке, отпечатанном и распространенном тоже за границей, под названием «Отчет товарищам большевикам устраненных членов расширенной редакции «Пролетария», тт. Максимов и Николаев (условно и частично поддержанные тт. Маратом и Домовым) излагают свои взгляды на линию «Пролетария», как «меньшевицкую» и т. д., и защищают свой ультиматизм. Разбор этого листка дан в особом приложении к № 47—48 «Пролетария»**. — 3) В самом начале

* См. Сочинения, 4 изд., том 15, стр. 393—401; 408—424. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 15—45. *Ред.*

избирательной кампании в С.-Петербурге исполнительная комиссия Петербургского комитета нашей партии приняла ультимативскую резолюцию по поводу выборов. Текст этой резолюции приводится ниже. — 4) Принятие этой резолюции вызывает настоящую бурю в партийных кругах петербургских большевиков. Буря идет, если позволительно так выразиться, и сверху и снизу. «Сверху», это — негодование и протесты представителей Центрального Комитета и членов расширенной редакции «Пролетария». «Снизу», это — созыв частного межрайонного совещания рабочих и работников социал-демократов в Петербурге. Совещание приняло резолюцию (текст — ниже) солидарности с редакцией «Пролетария», но резко осудило «раскольнические шаги» и *этой редакции* и отзовистов-ультиматистов. Затем было собрано новое собрание СПб. комитета и Исполнительной комиссии, и ультимативская резолюция *была отменена*. Принята была новая резолюция в духе линии «Пролетария». Текст этой резолюции приведен полностью в хронике настоящего номера.

Такова основная канва событий. Значение пресловутого «ультиматизма» в нашей партии освещено теперь *на практике* с полнейшей ясностью, и все русские социал-демократы должны внимательно вдуматься в спорные вопросы. Далее, осуждение нашей «раскольнической» линии частью наших единомышленников в Петербурге дает нам желанный повод, чтобы окончательно *объясниться* со всеми большевиками и по этому важному вопросу. Теперь же «объясниться» до конца лучше, чем порождать новые трения и «недоразумения» на каждом шагу практической работы.

Прежде всего восстановим *точно*, какую позицию по вопросу о расколе заняли мы сразу после Совещания расширенной редакции «Пролетария». В «Извещении» об этом Совещании (приложение к № 46 «Пролетария»*) сказано с самого начала, что ультиматизм, как направление, предлагающее поставить социал-демократической думской фракции ультиматум, колеблется между отзовизмом и большевизмом. Один из наших ультиматистов заграничных — сказано в извещении — «признает, что деятельность с.-д. думской фракции за последнее время

* См. Сочинения, 4 изд., том 15, стр. 393—401. *Ред.*

значительно улучшается и что он и не думает предъявлять ей ультиматум теперь же, немедленно».

«С такими ультиматистами — буквально продолжает «Извещение» — сожительство внутри одной фракции, конечно, возможно... По отношению к таким ультиматистам-большевикум не может быть и речи о расколе». Смешно было бы даже и говорить об этом.

Далее, на второй странице «Извещения» читаем:

«В глубокую ошибку впали бы те местные работники, которые поняли бы резолюции Совещания, как призыв изгонять из организаций настроенных отзовистски рабочих или, тем более, колоть немедленно организации там, где имеются отзовистские элементы. Самым решительным образом предостерегаем мы местных работников от подобных шагов».

Казалось бы, яснее выразиться нельзя. Откол тов. Максимова, *отказывающегося подчиняться* резолюциям Совещания, неизбежен. Раскола с колеблющимися, неопределенными отзовистски-ультиматистскими элементами мы не только не провозглашали, а решительно предостерегали от него.

Теперь взгляните на второй этап борьбы. Тов. Максимов и К^о выпускают заграничный листок, в котором, с одной стороны, нас обвиняют в расколе, а, с другой стороны, линия нового «Пролетария» (якобы, изменившего старому «Пролетарию», старому большевизму) объявляется меньшевистской, «думистской» и т. п. Не смешно ли жаловаться на раскол фракции, *т. е. союза единомышленников внутри партии*, если сами признаете отсутствие единомыслия? Защищая свой ультиматизм, тов. Максимов и К^о писали в своем листке, что «партия не может тогда (т. е. при условиях острой и усиливающейся реакции, характеризующих современный момент) провести крупной и яркой избирательной кампании, не может получить достойного себя парламентского представительства», — что «вопрос о самой полезности участия в псевдопарламентском учреждении становится тогда сомнительным и спорным», — что «Пролетарий» «по существу» дела «переходит на меньшевистскую точку зрения парламентаризма во что бы то ни стало». Эти фразы сопровождаются уклончивой защитой отзовизма («отзовисты никогда (!!!) не высказывались в смысле антипарламентаризма вообще») и уклончивым отречением от него (мы-де не отзовисты; партия не должна

ликвидировать теперь думской социал-демократической фракции; «партия должна» «решить, не было ли в конечном счете все данное предприятие — участие в III Думе — для нее невыгодным», как будто бы партия уже *не решила* этого вопроса!).

Эта уклончивость Максимова и К^о многих обманывала и обманывает; говорят: ну, какой же вред могут принести партии или даже фракции люди, которые вовсе не отказываются исполнять партийные решения и только осторожно защищают свою несколько иную оценку тактики?

Подобный взгляд на проповедь Максимова и К^о сильно распространен среди недумской публики, берущей на веру слова, не учитывающей конкретное политическое значение уклончивых, осторожных, дипломатических фраз в обстановке данного партийного положения. Эта публика получила теперь превосходный урок.

Листок Максимова и К^о помечен 3/16 июля 1909 года. В августе Исполнительная комиссия СПб. комитета тремя ультиматистскими голосами против двух приняла следующую резолюцию по поводу предстоящей (теперь уже оконченной) избирательной кампании в Петербурге:

«Исполнительная комиссия по вопросу о выборах постановила: не придавая особо важного значения Государственной думе и нашей фракции в ней, но руководствуясь общепартийным постановлением, произвести выборы, не затрачивая всех имеющихся сил, лишь выставляя собственных кандидатов для впитывания социал-демократических голосов и организуя избирательную комиссию, подчинив ее через своего представителя Исполнительной комиссии Петербургского комитета».

Пусть сравнят читатели эту резолюцию с заграничным листком Максимова. Сравнение этих двух документов — самое лучшее и самое верное средство для раскрытия публике глаз на *настоящее* значение заграничной группы Максимова. Резолюция эта совершенно так же, как и листок Максимова, выражает подчинение партии — и совершенно так же, как Максимов, *принципиально* защищает ультиматизм. Мы отнюдь не хотим сказать, что петербургские ультиматисты прямо руководились листком Максимова, — об этом у нас нет никаких данных. Да это и не важно. Мы утверждаем, что *идейное* тождество политической позиции здесь несомненно. Мы утверждаем,

что на данном примере особенно наглядно обнаружилось применение «осторожного», «дипломатического», тактичного, уклончивого — называйте, как хотите, — ультиматизма *на деле*, применение, знакомое всякому близко стоящему к партийной работе человеку из сотни аналогичных случаев, менее «ярких», не закрепленных официальными документами, касающихся того, о чем социал-демократ не может рассказать публике по конспиративным причинам, и т. п. Конечно, петербургская резолюция менее искусна в литературски-техническом отношении, чем листок Максимова. Но ведь на практике взгляды Максимова всегда (или в 999 случаях из 1000) будут применяться в местных организациях не самим Максимовым, а его менее «искусными» сторонниками. Для партии интересно не то, кто «искуснее» замечает следы, а то, каково *действительное* содержание партийной работы, каково *действительное* направление, даваемое работе теми или иными вождями.

И мы спрашиваем любого беспристрастного человека, можно ли работать в одной фракции, т. е. в одном союзе партийных единомышленников, сторонникам «Пролетария» и авторам подобных резолюций? Можно говорить *серьезно* о проведении в жизнь партийного решения об использовании Думы и думской трибуны при подобного рода резолюциях высших органов местных комитетов?

Что резолюция Исполнительной комиссии *на деле* бросает палки под колеса начинающейся избирательной кампании, что эта резолюция на деле *срывает* избирательную кампанию, — это сразу поняли все (кроме ее авторов и кроме ультиматистов, восхищенных «искусством» Максимова в деле замечания следов). О том, как отозвались на эту резолюцию большевики в С.-Петербурге, мы уже сказали и скажем еще ниже. Что касается до нас, то мы немедленно написали статью «Отзовистски-ультиматистские штрейкбрехеры»²⁴, — штрейкбрехеры потому, что своей позицией ультиматисты явно *предавали* социал-демократическую избирательную кампанию *кадетам*, — обрисовали в ней всю позорность подобной резолюции для социал-демократов и пригласили принявшую сию резолюцию Исполнительную комиссию немедленно *снять* с «Пролетария» заголовок «орган СПб. комитета», если эта Исполнительная комиссия претендует на выражение взглядов

петербургских социал-демократов: мы лицемерить не хотим, — говорилось в этой статье, — мы органом *подобных*... тоже-большевиков *не были и не будем*.

Статья была уже набрана и даже сверстана, когда мы получили письмо из Петербурга *об отмене* пресловутой резолюции. Номер пришлось отложить (№ 47—48 вышел от этого несколькими днями позже, чем следовало). О резолюции ультиматистов приходится говорить теперь, к счастью, не в связи с ведущейся избирательной кампанией, а в очерке того, что было... и что хорошо бы сделало, если бы совсем «быльем поросло».

Вот текст резолюции, принятой петербургскими большевиками на собрании частного характера, созванном после принятия пресловутой резолюции:

«Частное межрайонное совещание рабочих и работников социал-демократов, обсудив резолюции расширенной редакции «Пролетария», выражает полную солидарность с политической линией, выраженной в резолюциях: «О задачах большевиков в партии», «Об отношении к думской деятельности и т. д.» и «Об ультимативизме и отзовизме».

В то же время совещание резко расходится с методами борьбы с товарищами ультиматистами, занятыми редакцией в тех же резолюциях, считая такие методы препятствием к разрешению основных задач, намеченных редакцией «Пролетария» — воссоздание партии.

В той же мере совещание протестует против раскольнических шагов со стороны товарищей ультиматистов и отзовистов».

После принятия этой резолюции было собрано новое собрание Петербургского комитета, отменившее ультиматистскую резолюцию и принявшее новую (см. хронике). Эта новая резолюция заканчивается: «Считая весьма важным и необходимым использование предстоящей предвыборной кампании, Петербургский комитет постановляет принять в ней деятельное участие».

Прежде, чем переходить к ответу товарищам, несогласным с нашей раскольнической, якобы, политикой, приведем несколько выдержек из письма одного из этих товарищей:

...«Но если между участниками совещания (частного межрайонного совещания), на $\frac{2}{3}$ состоящего из рабочих, наблюдалось единомыслие по вопросу об оценке момента и вытекающих из него наших тактических шагов, то не менее единодушно оно было против предлагаемых редакцией «Пролетария» методов борьбы с нашими тактическими противниками-ультиматистами. Оно не согласилось с выраженной в резолюциях «Пролетария» необходимостью фракционно

отмежеваться от этих товарищей, видя в такой отмежевке опасный шаг для существования самой партии... Я уверен, что я правильно выражу мнение и настроение совещания, если скажу: *мы не допустим раскола*. Товарищи! вы там за границей нарисовали себе страшного ультиматистского чорта, которого в действительности у нас не существует. Случайный состав Петербургского комитета и Исполнительной комиссии дал большинство ультиматистов, и в результате была принята нелепая, безграмотная резолюция, которая нанесла этим ультиматистам такой моральный удар, от которого вряд ли они оправятся... На заседании Петербургского комитета, принявшем эту резолюцию, не было представителей трех районов, а, как выяснилось теперь, представитель четвертого района не имел решающего голоса. Итак, не было, значит, представителей четырех районов, и один голос, давший большинство ультиматистам, оказывается «разъясненным». Выходит, что и это неполное заседание Петербургского комитета не дало большинства ультиматистам... По отношению к резолюции Петербургского комитета о выборах совещание постановило добиваться пересмотра резолюции, и безусловно на первом же заседании Петербургского комитета, где, как выяснилось теперь, большинство будет наше, будет принята иная резолюция. И сами ультиматисты, стыдясь своей резолюции, согласны на ее пересмотр. Все, не исключая, кажется, и ее автора, согласны, что она нелепа во всех отношениях, но — и это я подчеркиваю — она не преступна. Товарищи ультиматисты, голосовавшие за нее, заявили о своем несогласии с автором резолюции, действительно придерживающимся пословицы, рекомендующей поступать так, чтобы «и невинность соблюсти и капитал приобрести»...

Итак, наш единомышленник обвиняет нас в том, что мы нарисовали за границей страшного ультиматистского чорта, что своей раскольнической борьбой с ультиматистами мы затрудняем (или губим) дело воссоздания партии.

Лучший ответ на эти «обвинения» — история того, что произошло в Петербурге. Поэтому мы и рассказали так подробно эту историю. Факты говорят сами за себя.

Мы признали отколовшимся от фракции т. Максимова, который отказался подчиняться резолюциям расширенной редакции и организовал под видом пресловутой «школы» идейно-организационный центр новой организации за границей. Нас обвиняют за это некоторые наши единомышленники, которые должны были в Петербурге *добиваться путем самых экстренных мер* (особое частное совещание влиятельных рабочих и пересмотр принятого уже решения!) *отмены «нелепой во всех отношениях»* резолюции, воспроизводящей взгляды Максимова!!

Нет, товарищи, обвиняя нас в расколе и в «малевании чорта», вы доказали нам только еще и еще раз настоятельную необходимость признать Максимова отколовшимся

от фракции, вы доказали только то, что мы безнадежно осрамили бы большевизм и нанесли бы непоправимый удар партийному делу, если бы мы не отмежевались от Максимова накануне выборов в Петербурге. Ваши дела — товарищи, обвиняющие нас в расколе, — опровергают ваши слова.

Вы «расходитесь только» с нашими методами борьбы против ультиматистов. Мы не расходимся вовсе с вашими методами борьбы против ультиматистов, мы вполне и безусловно приветствуем и ваши методы борьбы и вашу победу, — но мы вместе с тем глубочайше убеждены, что ваши методы и есть не что иное, как приложение на деле «наших» методов к известной партийной среде.

В чем состоят наши «худые» методы? В том, что мы призывали к отмежовке от Максимова и К°. В чем состоят ваши, хорошие, методы? В том, что вы признали резолюцию, целиком проводящую взгляды Максимова, «нелепой во всех отношениях», созвали особое совещание, подняли поход против этой резолюции, добились того, что сами авторы ее устыдились, добились ее отмены и замены резолюцией не ультиматистской, а большевистской.

Ваш «поход», товарищи, есть продолжение нашего похода, а не опровержение его.

Но мы никого не признавали отколовшимся, скажете вы. Прекрасно. Чтобы «опровергнуть» наш, худой, метод, попробуйте за границей сделать то, что вы сделали в Петербурге. Попробуйте добиться того, чтобы Максимов и его сторонники (хотя бы в месте нахождения знаменитой ерогинской «школы») признали листок Максимова («Отчет товарищам большевикам») по идейному содержанию всецело «нелепым во всех отношениях», добиться того, чтобы Максимов и его компания «устыдились» этого листка, чтобы пресловутая «школа» создала листок прямо противоположного идейного содержания*. Если вы до-

* Вот, между прочим, иллюстрация замечания следов Максимовым и пресловутой «школой». Школа выпустила помеченный 26 августа 1909 года печатный листок, содержащий программу школы, письмо Каутского (очень мягко советующего «не выдвигать на первый план» философских разногласий и заявляющего, что он «не считает справедливой резкую критику социал-демократической думской фракции» — не говоря уже об «ультимативе!»), письмо Ленина (см. Сочинения, 4 изд., том 15, стр. 431—432. Ред.) и резолюцию Совета школы. Этот забавный Совет заявляет, что «фракционные распри абсолютно

бьетесь этого, то вы действительно *опровергнете* наши методы борьбы, и мы охотно признаем «ваши» методы лучшими.

В Петербурге есть живое, неотложное, общее партийное дело: выборы. В Петербурге социал-демократический пролетариат сразу *призвал к порядку* ультиматистов и *так* призвал, что они сразу послушались: чувство партийности перевесило, близость пролетарской массы оказала благотворное влияние; сразу всем стало ясно, что с ультиматистской резолюцией вести дела нельзя. Сразу был поставлен *ультиматум* ультиматистам, и петербургские ультиматисты (*к чести их надо сказать*) ответили на ультиматум большевиков подчинением партии, подчинением большевикам, а не борьбой с большевиками (по крайней мере, на выборах: прекратят ли они борьбу и после выборов, мы еще не знаем).

Максимов с К^о — ультиматисты не только по настроению. Они из ультиматизма стремятся сделать целую линию. Они строят целую систему ультиматистской политики (не говорим уже об их дружбе с богостроителями, в чем, вероятно, неповинны питерские ультиматисты), они на этом создают новое направление, они начали систематическую войну с большевизмом. Конечно, потерпят (и уже терпят) поражение и эти вдохновители отзовистов, но для того, чтобы скорее избавить нашу фракцию и партию от отзовистски-ультиматистской болезни, *тут* нужны были более решительные меры, и тем скорее мы избавим партию от этой болезни, чем решительнее мы поведем свою борьбу против явных и скрытых отзовистов.

«Случайное большинство» ультиматистов — говорят петербуржцы. Глубоко ошибаетесь, товарищи. Бы видите сейчас у себя маленькую частицу *общего* явления и объявляете «случайностью» то, связь чего с целым вам

не имеют отношения к ее (школы) строго общепартийным целям и задачам. Читаем подпись под листком. Лектора: Максимов, Горький, Лядов, Луначарский, Михаил, Алексеевский. Подумайте только: школа с таким составом лекторов «абсолютно не имеет отношения» к «фракционным распрям!» Послушайте, дорогие товарищи: ... сочиняйте, но знайте же меру! — Нам скажут: школа «приглашала» и других лекторов. Во-первых, приглашала, аная, что другие почти никогда не смогут приехать. Во-вторых, школа приглашала, но... «Но школа не могла предложить им — (другим лекторам) — материальных средств для их поездки и содержания на время лекций» (Листок 26 августа 1909). Не правда ли, хорошо? Мы абсолютно нефракционеры, но средства на поездку мы «не можем предложить» никому, кроме «своих»...

неясна. Припомните факты. Весной 1908 года отзовизм всплывает в центральной области и собирает 14 голосов (из 32) на Московской общегородской конференции. Летом и осенью 1908 года отзовистская кампания в Москве: «Рабочее Знамя» открывает дискуссию и опровергает отзовизм. Начинается дискуссия с августа 1908 года и в «Пролетарии». Осень 1908 года: выделение отзовистов в «течение» на партийной Всероссийской конференции. Весна 1909 года: кампания отзовистов в Москве (см. № 47—48 «Пролетария», «Конференция Московской окружной организации»). Лето 1909 года: ультиматистская резолюция Исполнительной комиссии Петербургского комитета.

Перед лицом этих фактов говорить о «случайности» ультиматистского большинства прямо наивно. В отдельных местностях неизбежны самые резкие колебания в составе организаций, — пока реакция так сильна, пока личный состав социал-демократических организаций так слаб, как теперь. Сегодня большевики объявляют ультиматистское большинство «случайностью» в N. N., завтра ультиматисты объявляют большевистское большинство «случайностью» в M. M. Перегоряться по этому поводу есть тьма охотников, — мы не из их числа. Надо понять, что эти перекоры и перебранки есть *продукт* глубокого идейного расхождения. Только поняв это, мы поможем социал-демократам заменить бесплодные и унижительные перекоры (из-за «случайного» большинства, из-за того или иного организационного конфликта, из-за денег, из-за связей и т. д.) *выяснением идейных причин расхождения*. Мы прекрасно знаем, что во многих городах борьба ультиматистов с большевиками распространилась на самые различные отрасли работы, внесла разлад, разброд и в деятельность среди легальных союзов, обществ, съездов, собраний. Мы имеем письма «с поля битвы» об этом разладе и разброде — к сожалению, требования конспирации позволяют нам опубликовать *в этой области* только одну десятую, если не одну сотую, получаемого. Мы утверждаем самым категорическим образом, что борьба с ультиматистами в СПб. на выборах *не случайность*, а одно из бесчисленных проявлений общей болезни.

И мы повторяем поэтому еще и еще раз всем товарищам большевикам, всем рабочим, ценящим дело революционной социал-демократии: нет ничего ошибочнее и вреднее, как

попытки прикрыть эту болезнь. Надо вскрыть со всей отчетливостью причины, характер и значение нашего расхождения с сторонниками отзовизма, ультиматизма, богостроительства. Надо ясно отделить, отмежевать фракцию большевиков, т. е. союз единомышленников-большевиков, желающих *вести* партию в известном всем направлении «*Пролетария*», от новой фракции, неизбежно приводящей своих сторонников сегодня к «случайным» анархистским фразам в московской и петербургской отзовистских платформах, завтра к «случайному» карикатурному большевизму в листке Максимова, послезавтра к «случайной» петербургской «нелепой» резолюции. Надо понять эту болезнь и дружно взяться за лечение ее. Там, где возможно лечение методами петербуржцев, т. е. немедленной и успешной апелляцией к социал-демократическому сознанию передовых рабочих, там такое лечение есть самое лучшее, там *никто и никогда* не проповедывал откола и отмежевки во что бы то ни стало. Но там, где, в силу различных условий, складываются сколько-нибудь прочные центры, кружки, ведущие пропаганду идей новой фракции, размежевка необходима. Там размежевка с новой фракцией есть *залог* практического единства на работе в рядах *партии*, ибо невозможность такой работы под знаменем ультиматизма признали только что сами петербургские практики.

«Пролетарий» № 49,
3 (16) октября 1909 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЫБОРЫ»²⁵

Против утрировки этой большевистской идеи возразил только большевик. Когда в газете «Новый День»²⁶ была допущена неверная нота недостаточной принципиальной отмежки от трудовиков и народных социалистов, трое литераторов-большевиков сделали попытку исправить это стирание программных расхождений и направить агитацию в газете и на избирательных собраниях на более выдержанный *классовый, социалистический* путь. Эта попытка не удалась, насколько мы знаем, *не по вине большевиков*. Точно так же не удалась попытка одного большевика возразить на рассуждения Иорданского в «Новом Дне» по поводу взглядов социал-демократии на законность и порядок. Иорданский, как и многие оппортунисты, опошлил известное заявление Энгельса о «красных щеках», наживаемых социал-демократией на почве «законности». Энгельс сам решительно протестовал против распространительного толкования этого его взгляда (см. его письма в «Neue Zeit»*), относившегося к определенному моменту развития Германии (при всеобщем избирательном праве и т. д.)²⁷. Иорданский счел уместным толковать об этом при «законности» 3-го июня.

«Пролетарий» № 49,
3 (16) октября 1909 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

---

* — «Новое Время». Ред.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ОБ УКРЕПЛЕНИИ ПАРТИИ И ЕЕ ЕДИНСТВА ²⁸

Редакция ЦО ²⁹ признает, что укрепление нашей партии и ее единства в настоящее время может состояться исключительно путем наметившегося уже *сближения* определенных сильных и влиятельных в практическом рабочем движении *фракций*, а не путем морализирующего хныканья на тему об их уничтожении, причем сближение это должно состояться и развиваться на базе революционно-социал-демократической *тактики* и организационной политики, направленной к решительной борьбе с ликвидаторством и «слева» и «справа», особенно справа, ввиду меньшей опасности разбитого уже «левого» ликвидаторства.

Написано 21 октября
(3 ноября) 1909 г.

Впервые напечатано в 1929 г.
во 2—3 изданиях Сочинений
В. И. Ленина, том XIV

Печатается по рукописи

**РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО БЮРО
ПО ВОПРОСУ О РАСКОЛЕ
В ГОЛЛАНДСКОЙ С.-Д. РАБОЧЕЙ ПАРТИИ ³⁰
ПО ОТЧЕТУ «БЮЛЛЕТЕНЯ» МСБ**

Предложение Адлера как будто считает раскол чем-то неизбежным, новую партию рассматривает как фракцию голландской секции и признает за нею право представительства на Международном конгрессе. Что касается числа голосов, которыми она будет представлена на Международном конгрессе, то этот вопрос должен быть обсужден голландской национальной секцией, и, если результаты будут неудовлетворительны, то новая партия имеет право апеллировать к Международному социалистическому бюро. Впрочем, тов. Роланд-Гольст написала письмо в Бюро, ходатайствуя о приеме новой партии.

*Произнесено 25 октября
(7 ноября) 1909 г.*

*Напечатано в «Bulletin Périodique
du Bureau Socialiste International»
N 2, Bruxelles («Периодический
Бюллетень Международного
Социалистического Бюро» № 2,
Брюссель)*

*Печатается по тексту «Бюллетеня»
Перевод с французского*

ЦАРЬ ПРОТИВ ФИНСКОГО НАРОДА

Черносотенные бандиты Зимнего дворца и октябристские шулера III Думы начали новый поход против Финляндии. Уничтожение конституции, которою защищены права финляндцев от произвола русских самодержцев, уравнивание Финляндии с прочей Россией в бесправии исключительных положений — вот цель этого похода, начало которому положено царским указом о решении вопроса о воинской повинности помимо сейма и назначением новых сенаторов из числа русских чиновников. Праздным было бы останавливаться на разборе тех доводов, которыми разбойники и шулера пытаются доказать законность и справедливость требований, предъявленных Финляндии под угрозой миллиона штыков. Суть дела не в этих доводах, а в цели, которая преследуется. В лице демократической и свободной Финляндии царское правительство и его сподвижники хотят уничтожить последний след *народных* завоеваний 1905 года. А потому — о деле всего русского народа идет речь в эти дни, когда казачьи полки и артиллерийские батареи спешно занимают городские центры Финляндии.

Русская революция, поддержанная финляндцами, заставила царя разжать пальцы, которыми он в течение нескольких лет сжимал горло финляндского народа. Царь, желавший распространить свое самодержавие на Финляндию, конституции которой клялись его предки и он сам, должен был признать не только изгнание с финляндской земли палачей бобриковцев³¹ и отмену всех своих незаконных указов, но и введение в Финляндии всеобщего и равного избирательного права. Подавив русскую революцию, царь принимается за старое, но с той

разницей, что теперь он чувствует за собою поддержку не только старой гвардии, своих наемных шпионов и казнокрадов, но и той своры имущих, которая, во главе с Крупенскими и Гучковыми, совместно выступает в III Думе от имени русского народа.

Все благоприятствует разбойничьему предприятию. Революционное движение в России страшно ослаблено, и забота о нем не отвлечет коронованного изверга от облюбованной добычи. Западно-европейская буржуазия, некогда посылавшая царю адреса с просьбой оставить в покое Финляндию, не шевельнет пальцем о палец, чтобы остановить бандитов. Ведь ей только что *поручились* за честность и «конституционность» намерений царя те люди, которые в те времена призывали Европу осудить царскую политику в Финляндии. Именуящие себя «представителями русской интеллигенции» и «представителями русского народа», кадетские вожди торжественно заверили европейскую буржуазию, что они, а вместе с ними и народ русский, — *солидарны с царем*. Русские либералы приняли все меры к тому, чтобы Европа так же безучастно отнеслась к новым набегам двуглавого хищника на Финляндию, как она отнеслась к его экскурсиям против свободной Персии.

Свободная Персия собственными усилиями дала отпор царизму. Финляндский народ — и впереди его финляндский пролетариат — готовит твердый отпор наследникам Бобрикова.

Финляндский пролетариат сознает, что ему придется вести борьбу в крайне тяжелых условиях. Он знает, что западно-европейская буржуазия, кокетничающая с самодержавием, не станет вмешиваться; что русское имущее общество, частью подкупленное столыпинской политикой, частью развращенное кадетской ложью, не окажет Финляндии той нравственной поддержки, которую она имела до 1905 года; что наглость русского правительства необычайно возросла с тех пор, как ему удалось нанести удар революционной армии в самой России.

Но финляндский пролетариат также знает, что политическая борьба не решается одним сражением, что она подчас требует долголетних упорных усилий и что побеждает, в конце концов, тот, за кого сила исторического развития. Свобода Финляндии восторжествует, потому что без нее немыслима свобода России, а без торжества дела

свободы в России немислимо экономическое развитие последней.

Финляндский пролетариат знает также, по славному опыту, как вести долгую, упорную революционную борьбу за свободу, рассчитанную на то, чтобы утомить, дезорганизовать, опозорить гнусного врага, пока обстоятельства позволят нанести ему решительный удар.

Вместе с тем, пролетариат Финляндии знает, что с первых же шагов своей новой борьбы он будет иметь на своей стороне социалистический пролетариат всей России, готовый, каковы бы ни были тяжелые условия современного момента, выполнить свой долг, *весь свой долг*.

Социал-демократическая фракция сейма послала депутацию к социал-демократической фракции III Думы, чтобы сообща обсудить план борьбы с насильниками. С высоты думской трибуны наши депутаты поднимут свой голос, как уже делали в прошлом году, чтобы заклеить царское правительство и сорвать маску с его лицемерных союзников в Думе. Пусть же все социал-демократические организации и все рабочие приложат все усилия, чтобы голос наших депутатов в Таврическом дворце не звучал одиноко, чтобы враги русской и финляндской свободы видели, что весь русский пролетариат солидарен с финляндским народом. Долг товарищей на местах использовать все представляющиеся возможности, чтобы манифестировать отношение российского пролетариата к финляндскому вопросу. Начиная с обращений к русской и финской социал-демократическим фракциям и продолжая более активными формами протеста, партия найдет достаточно способов нарушить то позорное молчание, среди которого русская контрреволюция терзает тело финского народа.

За дело всероссийской свободы ведется борьба в Финляндии. Какие бы горькие минуты новая борьба ни несла столь мужественному финляндскому пролетариату, новыми узами солидарности свяжет она рабочий класс Финляндии и России, приготавливая его к тому моменту, когда он будет в силах доделать то, что он начал в октябрьские дни 1905 года и что пытался продолжать в славные дни Кронштадта и Свеаборга.

ПИСЬМО СЛУШАТЕЛЯМ ШКОЛЫ НА КАПРИ ³²

Дорогие товарищи! Получили оба ваши письма о на-
чавшемся расколе «школы». Это — первые товарищеские
письма единомышленников, пришедшие к нам с Капри,
чрезвычайно всех нас обрадовали. От всей души при-
ветствуем ясную размежку в школе.

Для того, чтобы обнаружился истинный характер
школы, как нового центра новой фракции, нужно было,
конечно, время. Мы ни минуты не сомневались, что наи-
более сознательные рабочие с.-д. разберутся рано или
поздно в положении вещей и выберутся на верную дорогу.
Из Москвы нам пишут, что там получены письма ярых
«богдановцев» из числа учеников школы, агитирующих
открыто за каприйский центр и *чрезвычайно помогающих*
всем с.-д. рабочим понять истинное значение каприйской
школы.

Теперь ближе к делу. Вам надо, товарищи, хорошенько
вдуматься в новое создавшееся положение, чтобы мы вместе
с вами могли обсудить его и предпринять правильные
шаги, правильно выбрать для них время. Вы понимаете,
конечно, что раскол школы теперь неизбежен: вы сами
пишете, что вам не ужиться в такой школе. На единое
действие с ярыми «богдановцами» вы, конечно, сами не рас-
считываете. А раз пришло дело к тому, что раскол школы
неизбежен, надо ясно понять значение этого раскола,
ясно представить себе, какая борьба вытекает из раскола,
как будут стараться богдановцы всех вас «*обезвредить*»
(т. е. лишить возможности провести свое влияние и рас-
сказать правду о школе), всех вас *скомпрометировать*
(кличка: «агент Большевицкого Центра», пущенная,

по вашим словам, Алексинским, есть только начало; это — цветочки, *ягодки впереди будут*) и т. д. и т. д.

Вы должны хорошо обдумать все это и действовать твердо, решительно, обдуманно, как на сражении: вы сами пишете, что в школе идут «сражения» из-за платформы. Это — начало *сражений* против вас *везде и всюду*, куда проникнут богдановцы.

Начать надо с того, чтобы определить точно ваше число. Сколько *решительных* противников «богдановской» платформы? Может это число быть увеличено или нет? Если да, то как и в какое время. Если нет, то каково поведение «нейтральных»? Надо обдумать, какое поведение должно быть у вас при неизбежном расколе школы для того, чтобы по возможности *завоевать себе* этих нейтральных или на худой конец не отдать их целиком в лапы богдановцам.

Далее. Как думаете вы обставить свой выход из школы? Как простой отъезд или как выход из-за борьбы по платформам? Разумеется, если у вас борьба развивалась так же быстро, как можно было думать по двум первым вашим письмам, тогда раскол, может быть, уже налицо, т. е. вас, может быть, богдановцы уже вышибли, просто-напросто вышибли, тогда нечего уже и говорить ни о чем. Если еще этого нет, — обдумайте хорошенько, как вам обставить свой уход. Вы должны дать ответ всем русским организациям. Вы должны будете опровергнуть точно и ясно, с фактами в руках, все те нападки, которые на вас теперь посылаются тысячами со стороны «богдановцев». Вы должны подготовиться к защите своих взглядов и на школу и на «платформу» богдановцев.

Если встанет вопрос о вашем отъезде, вы должны добиться выдачи всем вам средств на то, чтобы доехать в Россию. Это — обязанность школы, точно так же, как до раскола беков обязанность Большевицкого Центра была дать денег на отъезд в Россию (после Декабрьской партийной конференции 1908 г.) и Лядову и Всеволоду и Станиславу. Они тогда с нас требовали средства и получили.

Разумеется, мы вам поможем и насчет паспортов и насчет нашего свидания (в Париже или где-нибудь в маленьком городке, чтобы было конспиративнее и чтобы вам меньше пришлось терять времени, чтобы дешевле

было). Место нашего свидания мы особо обсудим еще и выберем впоследствии. Финансы у нас не блестящи, и помощь мы сможем оказать лишь скромную.

Все это я пишу вам для выяснения дела и для обмена мнений. По получении от вас более точных ответов, по выяснении всех вопросов нашей перепиской мы соберем исполнительную комиссию расширенной редакции «Пролетария», и тогда вырешится размер помощи, время и место нашего свидания и прочее.

Отвечайте подробнее. Не можете ли дать нам *прямой* адрес к вам?

Привет. Секретарь «Пролетария»

Написано в октябре 1909 г.

*Впервые напечатано в 1933 г.
в Ленинском сборнике XXV*

Печатается по рукописи

ПОЗОРНЫЙ ПРОВАЛ

Читатель помнит краткую, но поучительную историю «партийной» школы в NN. Вот эта история. Большевистская фракция после года внутренней борьбы решительно отгораживается от «новых» течений — отзовизма, ультиматизма и богостроительства. Большевистское Собрание в особой резолюции объявляет школу в NN *центром новой фракции сторонников этих течений**. Заграничные вожди новой фракции, построенной на этих трех китах, откалываются от большевиков организационно. Отличаясь необычайным политическим мужеством и непоколебимой верой в свою позицию, герои новой фракции не решаются выступить с открытым забралом в собственном органе и т. п. Вместо этого они выбирают путь простого *обманывания* партии и фракции: они образуют заграничную школу, которую называют «партийной» и действительную идейную физиономию которой они тщательно скрывают. После ряда усилий им в эту мнимо-партийную школу удается свезти до 13 человек рабочих, которых начинает «обучать» группа, состоящая из Максимова, Алексинского, Лядова и Луначарского. Все время эта компания не только конспирирует тот факт, что «школа» есть центр новой фракции, но изо всех сил подчеркивает, что «школа» не связана ни с какой фракцией, а есть предприятие общепартийное. Максимов, Алексинский, Лядов и Ко — в роли «нефракционных» товарищей!..**.

* См. Сочинения, 4 изд., том 15, стр. 415—416. *Ред.*

** Кстати, пусть Троцкий теперь, ознакомившись с помещаемыми ниже письмами рабочих, решит — не пора ли ему выполнить свое обещание поехать преподавать в NN-скую «школу» (если правильно передает это обещание один из отчетов «школы»). Пожалуй, сейчас самая пора явиться на «поле брани» с пальмовой ветвью мира и сосудом «нефракционного» елен в руках.

И, наконец, теперь — последняя стадия. Из рабочих, приехавших в мнимо-партийную школу, около половины начинают бунт против «дурных пастырей». Ниже мы печатаем два письма учеников пресловутой «школы» и несколько сообщений из Москвы, которые окончательно разоблачают авантюру Максимова-Алексинского-Лядова и К^о. Все описанное в них само говорит за себя. Здесь все хорошо: и «форменное сражение», и «самая отчаянная полемика каждый день», и высывание преподавателем Алексинским языка слушателям-рабочим и т. п. В широковещательных отчетах школы все это, вероятно, превратится в «практические занятия» по вопросам агитации и пропаганды, в курс «об общественных мировоззрениях» и т. д. Но, увы, теперь уже никто не поверит этой жалкой, позорной комедии!

Два месяца вожди новой фракции нашептывали рабочим на ухо о преимуществах отзовизма и богостроительства перед революционным марксизмом. А потом не удержались и стали открыто приставать к ним с отзовистско-ультимативистской «платформой». И наиболее передовые и самостоятельные рабочие, конечно, запротестовали. Мы не хотим быть ширмой для нового идейного центра отзовистов и богостроителей; школа не контролируется ни «снизу», ни «сверху» — говорят товарищи рабочие в их письмах. И это лучшая гарантия того, что среди *партийных* рабочих непременно обанкротится политика игры в прятки и демагогического «демократизма». — Местные организации сами будут управлять школой в NN — говорили рабочим Максимов и К^о. Теперь эта игра разоблачена теми рабочими, которые раньше верили этой компании.

В заключение — одна просьба, господа божественные отзовисты. Когда вы в своем богоспасаемом Царевококшайске закончите — будем надеяться, что вы закончите, — выработку своей платформы, — не прячьте ее от нас, по примеру вашего прошлого образа действий. С большим или меньшим опозданием мы все равно ее достанем и опубликуем в партийной печати. Так уже лучше не срамиться лишний раз.

О НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКАХ СОВРЕМЕННОГО ИДЕЙНОГО РАЗБРОДА

В настоящем номере «Пролетария» напечатано одно из многочисленных писем, указывающих на громадный идейный разброд среди социал-демократов. Особенного внимания заслуживают рассуждения насчет «германских рельсов» (т. е. повторения у нас пути развития Германии после 1848 года). Чтобы разобрать источники ошибочных взглядов по этому важнейшему вопросу, без уяснения которого невозможна правильная тактика рабочей партии, возьмем меньшевиков и «Голос Социал-Демократа», с одной стороны, польскую статью Троцкого, с другой.

I

Основой тактики большевиков в революции 1905—1907 гг. было то положение, что полная победа этой революции возможна лишь как диктатура пролетариата и крестьянства. Каково *экономическое* обоснование этого взгляда? Начиная с «Двух тактик» (1905 г.)^{*} и продолжая многочисленными статьями в газетах и сборниках 1906 и 1907 гг., мы всегда давали следующее обоснование: буржуазное развитие России уже вполне предрешено и неизбежно, но оно возможно в двух формах — в так называемой «прусской» форме (сохранение монархии и помещичьего землевладения, создание крепкого, т. е. буржуазного, крестьянства на данной исторической почве и т. д.) и в так называемой «американской» форме (буржуазная республика, уничтожение помещичьего землевладения,

^{*} См. Сочинения, 4 изд., том 9, стр. 1—119. *Ред.*

создание фермерства, т. е. свободного буржуазного крестьянства путем резкого перелома данной исторической обстановки). Пролетариат должен бороться за второй путь, ибо он обеспечивает наибольшую свободу и быстроту развития производительных сил капиталистической России, а победа в такой борьбе возможна только при революционном союзе пролетариата и крестьянства.

Именно этот взгляд проведен в резолюции Лондонского съезда о народнических или трудовых партиях и об отношении к ним социал-демократов. Меньшевики, как известно, всего враждебнее относятся к этой резолюции именно по тому специальному вопросу, который мы здесь разбираем. Но как шатко *экономическое* обоснование их позиции, видно из следующих слов влиятельнейшего меньшевистского писателя по аграрному вопросу в России, т. Маслова. Во втором томе «Аграрного вопроса», вышедшем в 1908 году (предисловие помечено 15 декабря 1907 года), Маслов писал: «*Пока* (курсив Маслова) не сложились чисто-капиталистические отношения в деревне, *пока* продовольственная аренда» (Маслов напрасно употребляет этот неудачный термин вместо термина: кабально-крепостническая аренда) «имеет место, не исчезнет и возможность наиболее выгодного для демократии решения аграрного вопроса. Прошлое всемирной истории дает два типа образования капиталистического строя: тип, преобладающий в Западной Европе (кроме Швейцарии, некоторых уголков в других европейских государствах), являющийся результатом компромисса между дворянством и буржуазией, и тип земельных отношений, создавшийся в Швейцарии, Соед. Штатах Сев. Америки, английских и др. колониях. Приведенные нами данные о положении земельного вопроса в России не дают нам достаточных оснований определенно утверждать, который тип земельных отношений у нас утвердится, а делать субъективные и произвольные выводы не позволяет «научная совесть»... (стр. 457).

Это верно. И это есть полное признание экономического обоснования большевистской тактики. Не в «революционном угаре» дело (как думают веховцы и Череванины), а в *объективных*, экономических условиях, дающих возможность «американского» пути капитализма в России. В своей истории крестьянского движения в 1905—1907 гг.

Маслов должен был признать наши основные посылки. Аграрная «программа кадетов — пишет он там же — является наиболее утопической, так как нет такого широкого общественного класса, который был бы заинтересован в желательном для них решении вопроса: победят или интересы землевладельцев с грядущими политическими уступками» (Маслов хочет сказать: причем неизбежны уступки землевладельческой буржуазии) «или интересы демократии» (стр. 456).

И это верно. Отсюда следует, что «утопична» была в революции тактика поддержки кадетов пролетариатом. Отсюда следует, что *силы «демократии»*, т. е. демократической революции, суть силы пролетариата и крестьянства. Отсюда следует, что есть *две дороги буржуазного развития*: по одной ведут «землевладельцы, делающие уступки буржуазии», по другой хотят и могут вести рабочие и крестьяне (ср. Маслов, стр. 446: «Если бы все помещичьи земли перешли даром в пользование крестьянства, то и тогда... происходил бы процесс капитализации крестьянского хозяйства, но более безболезненный»...).

Мы видим, что, когда Маслов рассуждает как марксист, он рассуждает по-большевистски. А вот пример, как, разнося большевиков, он рассуждает подобно либералу. Пример этот находится, само собой разумеется, в ликвидаторской книге: «Общественное движение в России в начале XX века», выходящей под редакцией Мартова, Маслова и Потресова; в отделе «Итоги» (т. I) находим статью Маслова: «Развитие народного хозяйства и влияние его на борьбу классов в XIX веке». В этой статье, на странице 661, читаем:

...«некоторые из социал-демократов стали рассматривать буржуазию как безнадежно реакционный класс и ничтожную величину. Сила и значение буржуазии не только не дооценивались, но и историческая роль этого класса рассматривалась вне исторической перспективы: игнорировалось участие средней и мелкой буржуазии в революционном движении и сочувствие ему крупной буржуазии в первый период движения, предreshалась и на будущее время реакционная роль буржуазии и т. д.» (так и стоит: «и т. д.»!). «Отсюда делался вывод о неизбежности диктатуры пролетариата и крестьянства, которая противоречила бы всему ходу хозяйственного развития».

Вся эта тирада — целиком веховская. Весь этот «марксизм» брентановский, зомбартовский или струвистский³³.

Позиция автора этой тирады есть именно позиция либерала в отличие от буржуазного демократа. Ибо либерал потому и либерал, что он не видит иного пути, мысли не допускает об ином пути буржуазного развития кроме данного пути, т. е. руководимого землевладельцами, которые делают «уступки» буржуазии. Демократ потому и демократ, что он видит иной путь, борется за него, именно за путь, руководимый «народом», т. е. мелкой буржуазией, крестьянством и пролетариатом, но не видит буржуазности и этого пути. В «Итогах» ликвидаторской книги Маслов забыл все о *двух* путях буржуазного развития, о *силе* буржуазии американской (по-русски: вырастающей из крестьянства, *на почве*, революционным путем очищенной от помещичьего землевладения), о *слабости* буржуазии прусской (закабаленной «землевладельцами»), о том, что большевики никогда не говорили о «неизбежности» «диктатуры», а о необходимости ее *для* победы американского пути, забыл о том, что большевики выводили «диктатуру» не из слабости буржуазии, а из *объективных*, экономических условий, дающих возможность двойного развития буржуазии. В теоретическом отношении приведенная тирада — сплошной комок путаницы (от которой отрекся сам Маслов во II томе «Аграрного вопроса»); в практически-политическом отношении эта тирада есть либерализм, есть идейная защита крайнего ликвидаторства.

Посмотрите теперь, как шаткость позиции по основному *экономическому* вопросу ведет к шаткости политических выводов. Вот цитата из статьи Мартова «Куда идти?» (№ 13 «Голоса Социал-Демократа»): «В современной России никто не может в данный момент определить, создадутся ли при новом политическом кризисе благоприятные объективные условия для коренной демократической революции; мы можем лишь наметить те конкретные условия, при наличии которых такая революция станет неизбежной. Пока история не решила этого вопроса так, как его решила для Германии в 1871 году, до тех пор социал-демократия не должна отказываться от задачи идти к неизбежному политическому кризису с своим революционным решением политической, аграрной и национальной проблемы (демократическая республика, конфискация поместного землевладения и полная свобода самоопределе-

ния). Но она должна именно *идти* к тому кризису, который окончательно решит вопрос о «германском» или «французском» завершении революции, а не *стоять* в ожидании пришествия кризиса.

Верно. Прекрасные слова, пересказывающие как раз резолюцию партийной конференции декабря 1908 г. Такая постановка вполне соответствует словам Маслова во втором томе «Аграрного вопроса» и тактике большевиков. Такая постановка отличается решительно от позиции, выраженной знаменитым восклицанием: «большевики на конференции декабря 1908 г. постановили переть туда, где были раз разбиты»³⁴. «Идти со своим революционным решением аграрного вопроса» можно только с революционными слоями буржуазной демократии, т. е. только с крестьянством, а не с либералами, удовлетворяющимися «уступками землевладельцев». Идти к конфискации вместе с крестьянством — эта формулировка ничем кроме словесной разницы не отличается от положения: идти к диктатуре пролетариата и крестьянства. Но Мартов, в № 13 «Голоса» вплотную пододвинувшийся к позиции нашей партии, не выдерживает этой позиции последовательно, сбиваясь постоянно к Потресову-Череванину, как в ликвидаторской книге «Общественное движение», так и в том же самом № 13. Например, задачу момента он определяет в той же статье, как «борьбу за *открытое* рабочее движение, в том числе и за завоевание собственного (социал-демократической партии) открытого существования». Сказать так, значит сбиться на уступку ликвидаторам: мы хотим укрепления социал-демократической партии, использующей все легальные возможности и все случаи открытого выступления; ликвидаторы хотят обкарнания партии до рамок легального и открытого (при Столыпине) существования. Мы боремся за революционное свержение столыпинского самодержавия, пользуясь *для такой борьбы* всяким открытым выступлением, расширяя пролетарскую базу движения к такой цели. Ликвидаторы борются за открытое существование рабочего движения... при Столыпине. Слова Мартова о том, что мы обязаны бороться за республику и конфискацию земли, формулированы так, что *исключают* ликвидаторство; слова его о борьбе за открытое существование партии формулированы так, что *не исключают* ликвидаторства. В области

политики тут та же неустойчивость, что у Маслова в области экономики*.

У Мартынова в аграрной статье (№ 10—11) эта неустойчивость доходит до геркулесовых столбов. Мартынов пытается хлестко полемизировать с «Пролетарием», но у него выходит, благодаря неумению *поставить* вопрос, беспомощное и неуклюжее барахтанье. У «Пролетария», видите ли, выходит по Ткачеву: «Теперь или еще немножко, или никогда!»³⁵. Это «выходит» и у Маслова и у Мартова, любезный т. Мартынов; это должно выйти у всякого марксиста, ибо речь идет не о *социалистической* революции (как у Ткачева), а об одном из двух методов завершения *буржуазной*. Подумайте-ка, т. Мартынов: могут ли марксисты вообще обязать поддержать конфискацию крупного землевладения или они обязаны это делать лишь «пока» («теперь или еще немножко» — или еще довольно долго, этого мы с вами не знаем) буржуазный строй окончательно не «утвердится»? Еще пример. Закон 9 ноября 1906 года³⁶ «посеял в деревне великую смуту, настоящую междоусобную войну, доходящую подчас до поножовщины», — говорит справедливо Мартынов. Вывод его: «в ближайшем будущем рассчитывать на сколько-нибудь единодушное и внушительное революционное выступление крестьянства, на крестьянское восстание, совершенно невозможно в виду этой междоусобицы». Противопоставлять восстание, т. е. гражданскую войну, «междоусобной войне», смешно, любезный тов. Мартынов, а вопрос о ближайшем будущем тут не при чем, ибо речь идет не о практических директивах, а о *линии* всего аграрного развития. Еще пример. «Выделение из общины идет форсированным маршем». Верно. Вывод ваш?.. «Очевидно, что помещичья ломка будет совершаться с успехом и что в течение небольшого ряда лет, как раз в тех обширных районах России, где недавно еще аграрное движение принимало самые резкие формы, община будет разрушена, а вместе с ней исчезнет главное гнездо трудовической идеологии. Таким образом, одна из двух перспектив «Пролетария», именно «отрадная», — отпадает».

* Мы взяли для примера только одно из проявлений политической неустойчивости Мартова, который в той же статье № 13 говорит о грядущем кризисе, как кризисе «институциональном», и т. под.

Не в общине дело, любезный т. Мартынов, ибо Крестьянский союз в 1905 году и трудовики в 1906—1907 гг. требовали передачи земель не общинам, а отдельным лицам, или свободным товариществам. Общину разрушает и столыпинская помещичья ломка старого землевладения и крестьянская ломка, т. е. конфискация для создания новых земельных распорядков. «Отрадная» перспектива «Пролетария» связана не с общиной и не с трудовичеством, как таковым, а с *возможностью* «американского» развития, создания свободного фермерства. Поэтому, говоря, что отрадная перспектива отпадает, и в то же время заявляя, что «лозунг экспроприации крупных землевладельцев не умрет», тов. Мартынов путает безбожно. Если «пруссский» тип утвердится, то лозунг этот умрет, и марксисты скажут: мы сделали все возможное за более безболезненное развитие капитализма, нам остается теперь борьба за уничтожение самого капитализма. Если же этот лозунг не умрет, то значит будут налицо *объективные* условия для перевода «поезда» на американские «рельсы». И тогда марксисты сумеют, если не захотят превращаться в струвистов, за реакционно-«социалистической» фразеологией мелких буржуа, выражающей их субъективные взгляды, видеть объективно-реальную борьбу масс за лучшие условия капиталистического развития.

Резюмируем. Пусты споры о тактике, если они не опираются на ясный анализ экономических возможностей. Вопрос о прусском и американском типе аграрной эволюции России поставлен борьбой 1905—1907 годов, доказавшей его реальность. Столыпин делает еще один шаг вперед по прусскому пути, — было бы смешной боязнью горькой правды не видеть этого. Мы должны изжить своеобразный исторический этап на почве этого нового шага. Но не только смешным, а преступным было бы не видеть того, что *пока* Столыпин только запутал и обострил старое положение, не создав нового. Столыпин «ставит ставку на сильных» и просит «20 лет мира и покоя» для «реформирования» (читай: ограбления) России помещиками. Пролетариат должен ставить ставку на демократию, не преувеличивая ее сил, не ограничиваясь простым «упованием» на нее, а неуклонно развивая работу пропаганды, агитации, организации, поднимающую все силы демократии, — крестьянские массы в первую голову и

больше всего, — зовущую их к союзу с передовым классом, к «диктатуре пролетариата и крестьянства» в целях полной демократической победы и обеспечения самых лучших условий наиболее быстрого и свободного развития капитализма. Отказ от этого выполнения пролетариатом его демократического долга неизбежно ведет к шатаниям, объективно играет только на руку контрреволюционным либералам вне рабочего движения и ликвидаторам внутри его.

*«Пролетарий» № 50,
28 ноября (11 декабря) 1909 г.*

*Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»*

ПРИЕМЫ ЛИКВИДАТОРОВ И ПАРТИЙНЫЕ ЗАДАЧИ БОЛЬШЕВИКОВ

Кризис, переживаемый нашей партией в настоящее время, объясняется, как мы уже не раз говорили, неустойчивостью мелкобуржуазных элементов, примкнувших к движению рабочего класса в революции и приведших теперь к ликвидаторству меньшевиков на одном фланге, к отзовизму-ультиматизму на другом. Борьба на два фланга является поэтому необходимой задачей для отстаивания правильной революционно-социал-демократической тактики и для строительства партии. Эту борьбу и ведет неуклонно большевистская фракция, тем самым выковыывая и сплывающая все действительно партийные, действительно марксистские, социал-демократические элементы.

Чтобы успешно вести эту борьбу за партию, — ибо *партия* решительно осудила ликвидаторство на Декабрьской конференции 1908 г. и так же решительно отмежевалась от отзовизма-ультиматизма на той же конференции, — надо ясно представлять себе ту обстановку, в которой приходится вести эту борьбу внутри социал-демократии. «Голос Социал-Демократа» № 16—17 и новая почти-газетка отзовистов-ультиматистов (8-ми стр. листок тт. Максимова и Луначарского: «Ко всем товарищам») заслуживают внимания больше всего именно потому, что наглядно рисуют эту обстановку. И «Голос», и Максимов и Ко прячут ликвидаторов. Одинаковость приемов ликвидаторов справа и ликвидаторов слева бросается в глаза, доказывая тем самым одинаковую шаткость той и иной позиции.

Ликвидаторство — «нарочито-расплывчатое, злобно-неопределенное словечко», — уверяет передовик «Голоса».

Максимов уверяет, что «Пролетарий» увеличивает и раздувает практические разногласия с ультиматистами до степени принципиальных. Бедный «Голос»! До сих пор он мог валить всю «злостность выдумки» на большевиков, т. е. «фракционных противников». Теперь приходится в злостности выдумки обвинять Плеханова и Бунд (см. № 3 «Откликов Бунда» о ликвидаторстве в Бунде). Плеханов ли и бундовцы или «Голос» «злостно» виляют, что правдоподобнее?

Мы не ликвидаторы, уверяет «Голос», мы только иначе толкуем членство партии; параграф 1 устава мы в *Стокгольме* приняли *большевистский*, но это не беда; как раз теперь, после обвинения нас Плехановым в ликвидаторстве, мы вытащим § 1 и будем толковать все наше пресловутое ликвидаторство так, что мы хотим только расширить понятие партии. Партия, видите ли, не только сумма партийных организаций (как мы сами уступили большевикам в *Стокгольме*), но и все те, кто работает *вне* организации партии, под контролем и руководством партии!

Какая великолепная увертка, какая гениальная выдумка: никакого ликвидаторства — только старые споры о § 1! Беда только, что этим вы *подтверждаете* обвинение Плеханова, любезные голосовцы, ибо *на деле*, как это всякий партийный социал-демократ и всякий рабочий социал-демократ поймет сразу, вы вытащили старый хлам о § 1 *именно для защиты* ликвидаторства (= замены партийной организации «бесформенной» легальной: см. резолюцию Декабрьской конференции 1908 г.). *На деле* вы как раз этим и открываете дверь ликвидаторам, сколько бы вы ни уверяли *на словах*, что «хотите» открыть дверь для социал-демократических рабочих.

Точь-в-точь Максимов, уверяющий, что он не защитник отзовизма, что он только (только!) считает вопрос об участии в Думе «очень и очень спорным». § 1 спорен, участие в Думе спорно, — при чем тут «злостные» выдумки об отзовизме и о ликвидаторстве?

Мы не ликвидаторы, уверяет «Голос», мы только находим, что Плехановым «благополучно обойден вопрос о том, как же быть, если строение ячейки мешает ни чему иному, а именно ее перестройке». На деле Плеханов не обошел, а открыто и прямо решил этот вопрос: призывом к партийности, осуждением раскола и ликвидаторства он ответил

на устранение большевиками отзовистов-ультиматистов. Ячейка есть тип нелегальной партийной организации, в которой по общему правилу господствуют большевики и перестройке которой (для участия в Думе, для участия в легальных обществах и т. д.) мешали отзовисты. Партийные меньшевики не могли иначе ответить на устранение отзовистов большевиками, как ответил Плеханов. «Голос» же виляет и на деле *поддерживает* ликвидаторов, *повторяя* в заграничном нелегальном издании сплетню *либералов* на тему о заговорщическом характере организаций большевиков, на тему о нежелании их строить широкие рабочие организации, участвовать в съездах и прочее (ибо, *участвуя* в новых «возможностях», ячейки тем самым и перестраивались для участия, тем самым учились на деле перестройке). Говорить, что «строение» ячейки мешает ее перестройке, значит — на деле проповедывать раскол, оправдывать раскольничьи шаги ликвидаторов *против* партии, состоящей из суммы построенных именно теперешним образом ячеек.

Мы не ликвидаторы, не легалисты, мы только уверяем в «партийном» (по вывеске!), в «нелегальном» (но одобряемом г-жей Кусковой!) издании, что строение ячейки (и суммы ячеек, партии) *мешает* перестройке партии. Мы не отзовисты, не разрушители думской работы социал-демократии, мы только уверяем (в 1909 году), что вопрос об участии в Думе «очень спорный» и что «думизм» заслоняет собой все для нашей партии. Которые из этих двоякого типа ликвидаторов более вредят партии?

Плеханов вышел из «Общественного движения», заявив, что Потресов перестал быть революционером. Потресов пишет письмо Мартову: за что меня обидели? я не знаю. Мартов отвечает: я тоже не знаю. Оба редактора производят «изыскания» (выражение «Голоса»!) насчет причин недовольства Плеханова. Оба редактора пишут третьему редактору, Маслову, но и Маслов, оказывается, не знает, из-за чего уходит Плеханов. Они годами работали с Плехановым, они пробовали исправить *по указанию Плеханова* статью Потресова и, когда им было брошено печатно и открыто обвинение, они вдруг оказались не понимающими того, в чем обвиняет Плеханов Потресова, они производят «изыскания» об этом! До этой несчастной окансии они были все такими искусными, такими опытными

литераторами, — теперь они превратились в детей, которые «не знают», каким духом отречения от революции веет от статей Череванина, от Потресова, от всего «Общественного движения». Роланд-Гольст заметила этот дух у Череванина, — очевидно, тоже из злостности! Но Череванин, продолжая *вкуне с Потресовым* писать в *том же* духе, поместил вот там-то *оговорочку*... при чем же тут ликвидаторство? Кадеты = веховцы с оговорочками. Череванин, Потресов и «Общественное движение» = отречение от революции с оговорочками. Да, да, какое это нарочито-расплывчатое, злостно-неопределенное словечко «ликвидаторство»!

Но столь же нарочито-расплывчато, злостно-неопределенно словечко «богостроительство», кричат Максимов и Луначарский, Череванина можно прикрыть, написав *оговорочку*; чем же Луначарский хуже Череванина и Потресова? И Луначарский с Максимовым сочиняют *оговорочку*. «Почему я отказываюсь от этой терминологии?» — так озаглавлен главный параграф в статье Луначарского. Заменяем неудобные термины, не будем говорить ни о религии, ни о богостроительстве... можно побольше говорить о «культуре»... поди там потом разбери, что мы вам преподнесем под видом новой, истинно-новой и истинно-социалистической «культуры». Партия так навязчива, так нетерпима (параграф: О «нетерпимости» у Луначарского) — ну, заменим «терминологию», ведь они же не против идей борются, а против «терминологии»...

А что, любезные голосовцы, не собираетесь ли вы в № 18—19 заявить об отказе от терминологии... например, насчет ликвидаторства? А что, редакторы «Общественного движения», не собираетесь ли вы в томах III—X *разъяснить*, что «вас не поняли», что никакой «идеи гегемонии» вы не оспаривали, что ни малейшего духа ликвидаторства... ничуть!.. вы не одобряете?

Петербургские отзовисты-ультиматисты, давно уже *портящие всю работу Петербургского комитета*, провели накануне выборов в Думу (в сентябре 1909 г.) резолюцию, на деле срывающую выборы. Рабочие начали бунт во имя партии и *вырвали* у ликвидаторов слева отмену нелепой резолюции. Максимов вяляет теперь: резолюция-де «крайне ошибочна», но товарищи «сами отказались от нее». «Ясное дело», — пишет Максимов, — «ультиматизм сам по себе

в этой ошибке не при чем». Не это ясно, товарищ Максимов, а ясно ваше прикрывание *губительного* для партии ликвидаторства слева. — Большевики Выборгского района в Санкт-Петербурге выступили против ликвидаторства (тоже, наверное, из-за единственной их злостности?). «Голос» сначала одобрил их (после «Пролетария»). Теперь ликвидатор меньшевик Г—г³⁷ выступает в № 16—17 «Голоса» и на чем свет стоит ругает выборжцев, ругает самыми худыми словами — можете себе представить? в меньшевистском органе ругает меньшевиков *большевиками!* Редакция «Голоса» становится скромной, скромной, невинной, невинной и по-максимовски умывает руки: «не берем на себя ответственности» (стр. 2, столбец 2 приложения к № 16—17), «это — вопрос факта»...

...Ну, какие это злостные клеветники выдумали «легенду» (выражение Мартова в «Vorwärts'e»³⁸), будто «Голос» прикрывает ликвидаторство, помогает ликвидаторству! Разве это не клевета, будто помогает ликвидаторам тот, кто в нелегальном органе высмеивает думскую работу Центрального Комитета, инсинуируя, что эта работа развилась «с тех пор, как большинство членов ЦК стало жить за границей» (там же), — благо опровергнуть эти инсинуации, т. е. *рассказать* правду про думскую работу нелегального Центрального Комитета, *нельзя*...

Максимов уверяет, что вопрос о возможности *партийного* руководства думской фракцией очень и очень спорный (после двухлетнего опыта). «Голос» уверяет, что это руководство со стороны *партии* — пустые слова («с тех пор, как большинство членов Центрального Комитета стало жить за границей»). И Максимов и голосовцы бьют себя в грудь, уверяя, что только клеветники пускают слухи об *антипартийной* работе правых и левых ликвидаторов.

И Максимов и голосовцы объясняют всю борьбу с ликвидаторством «вышибательскими» склонностями лиц и групп. Максимов именно это слово и употребляет. «Голос» с негодованием характеризует плехановский призыв к генеральному межеванию, как «хирургию», метод «стричь, брить и кровь отворять», приемы «Собакевича-Ленина», приемы «удальца» П.³⁹ (П. = меньшевик-плехановец, не боявшийся открыто сказать правду о ликвидаторстве Череваниных, Лариных, Потресовых). «Пролетарий» дипломатничает, заигрывает с Плехановым (Максимов),

«Пролетарий» подслуживается к Плеханову («Голос»: «услужливый» по отношению к Плеханову «фельетонист» «Пролетария»). Вы видите: максимовцы и голосовцы совершенно одинаково объясняют новые расколы и новые группировки.

Предоставим игрушечного дела людишкам этакие объяснения и перейдем к делу.

Ликвидаторство — глубокое социальное явление, неразрывно связанное с контрреволюционным настроением либеральной буржуазии, распадом и развалом среди демократической мелкой буржуазии. Тысячами способов либералы и мелкобуржуазные демократы стараются разложить революционную социал-демократическую партию, подорвать, свалить ее, расчистить почву для таких легальных рабочих обществ, в которых они могли бы иметь успех. И в такое время ликвидаторы идейно и организационно борются с важнейшим остатком революции вчерашней, с важнейшим оплотом революции завтрашней. Голосовцы (от которых ничего большего не просит партия, как честной, прямой, безоговорочной войны с *ликвидаторами*) своим влиянием *служат ликвидаторам*. Меньшевизм приперт историей контрреволюции к стене: либо войю с ликвидаторством, либо становись его пособником. Меньшевизм наизнанку, т. е. отзовизм-ультиматизм, ведет на деле тоже к усилению ликвидаторства: если продолжать «спорить» о думской и легальной работе, если пытаться сохранить старую организацию, не приспособляя ее к новому историческому моменту, к изменившимся условиям, то это *фактически* означает политику революционного безделья и разрушения нелегальной организации.

У большевиков возникает задача борьбы на два фланга — «центровая» задача (сути которой не понял Максимов, видящий тут неискренность и дипломатию). Нельзя сохранить и укрепить нелегальной социал-демократической организации, если не перестраивать ее систематически, неуклонно, шаг за шагом *для* овладения современным тяжелым моментом, *для* длительной работы через «опорные пункты» всех и всяческих легальных возможностей.

Объективные условия предписали эту задачу партии. Кто будет решать ее? Те же объективные условия предписали *сближение партийцев* всех фракций и частей партии, прежде всего сближение большевиков с партийцами

меньшевиками, с меньшевиками типа выборжцев в С.-Петербурге, плехановцев за границей. Большевики со своей стороны открыто провозгласили необходимость этого сближения, и мы зовем к нему *всех меньшевиков*, способных открыто воевать с ликвидаторством, открыто поддержать Плеханова, и, конечно, меньшевиков рабочих прежде всего и больше всего. Сближение пойдет быстро и широко, если возможно *соглашение* с плехановцами: соглашение на основе борьбы за партию и за партийность против ликвидаторства, без всяких идейных компромиссов, без всякого замазывания тактических и иных разногласий *в пределах* партийной линии. Пусть же все большевики и особенно большевики рабочие на местах сделают все для осуществления таких соглашений.

Если плехановцы окажутся слишком слабы, или неорганизованны, или не захотят пойти на соглашение, — тогда мы пойдем к той же цели более длинным путем, но мы пойдем к ней и придем к ней во всяком случае. Тогда фракция большевиков остается одна строительницей партии, сейчас же и немедленно, в области практической работы (ибо Плеханов помогает ей только литературно). Напряжем все усилия, чтобы двинуть это строительство, будем беспощадны к презренным уловкам и вилянию голосовцев и максимовцев, будем на каждом шаге практической партийной работы разоблачать и клеймить перед пролетариатом антипартийность тех и других.

Рабочий класс на всю буржуазную революцию в России наложил отпечаток своей, пролетарской, революционно-социал-демократической тактики. Никакие усилия либералов, ликвидаторов и пособников ликвидаторства не вытравят этого факта. И передовые рабочие будут строить и построят революционную социал-демократическую партию *вместе* с теми, кто хочет им в этом помочь, *против* тех, кто не хочет или неспособен в этом помочь.

«ГОЛОС СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА» И ЧЕРЕВАНИН ⁴⁰

Товарищ Череванин — тип и образчик идейного ликвидатора среди меньшевиков. Он выразил это полностью в своей известной книге: «Пролетариат и т. д.». Ликвидаторство настолько сильно в ней, что известная голландская писательница, марксистка Роланд-Гольст, автор предисловия к немецкому переводу, не могла удержаться от выражения своего протеста против искажения марксизма и подмены его ревизионизмом. *Тогда* редакция «Голоса Социал-Демократа» напечатала в «Vorwärts'e»* отречение от Череванина, заявив, что виднейшие меньшевики с ним не согласны. «Пролетарий» указал на иезуитизм подобного отречения, *не* перепечатанного в «Голосе» и не сопровождающегося систематическим разъяснением в русской печати «ошибок» Череванина**. Разве не так именно поступают буржуазные министры, начиная от Столыпина и кончая Брианом: оговорка, поправка, отречение от зарвавшегося единомышленника, от не в меру усердного сторонника и под прикрытием этого — продолжение старой линии?

В № 16—17 «Голос» дает письмо в редакцию Череванина и свою приписку. «Пролетарий» обвиняется в «клеветничестве», ибо мы-де «скрыли» от публики, что Череванин сам «исправил ошибку» в своей книге: «Современное положение и возможное будущее» (М. 1908).

Покажем же читателям еще и еще раз, *каковы приемы* голосовцев и что это означает, когда они обвиняют «Пролетарий» за «клеветы» об их ликвидаторстве.

* — «Вперед». Ред.

** См. Сочинения, 4 изд., том 15, стр. 417—424. Ред.

Ограничимся немногими цитатами из названной новой книги Череванина. Стр. 173: «В общем я нисколько не отказываюсь от того анализа, который я дал в своей книге: «Пролетариат в революции». Пролетариат и социал-демократия сделали, несомненно, ряд ошибок, которые не могли не затруднить победу революции, *даже если бы эта победа была возможна* (курсив Череванина). Но теперь уже нужно поставить вопрос, действительно ли эта победа была возможна и одни ли ошибки пролетариата и социал-демократии были причинами поражения революции. Уже самая постановка этого вопроса невольно подсказывает и ответ на него. Поражение революции настолько глубоко и положение воцарившейся реакции, по крайней мере, для ближайшего ряда лет настолько прочно, что свести причины этого к каким-либо ошибкам пролетариата было бы совершенно невозможно. Дело тут, очевидно, не в ошибках, а в каких-то более глубоких причинах».

Вот вам «исправление ошибки» Череванина, по заявлению «Голоса»! Череванин не отказывается от своего «анализа», а *усугубляет* его, доходя до целого ряда новых перлов (вроде статистического определения «сил революции» в *четверть* всего населения, 21,5%—28%; об этом перле в другой раз!). Череванин к тезису — революционный пролетариат ошибался — добавляет: революция не имела «возможной» силы (стр. 197, курсив Череванина) больше четверти населения, — а голосовцы называют это «исправлением» и кричат о клеветничестве «Пролетария».

Стр. 176: «Представим себе, что меньшевики все время последовательно держались меньшевистских позиций, а не становились под влиянием революционного угара большевиками, участвуя в ноябрьской петербургской стачке, введении 8-часового рабочего дня захватным путем, бойкоте первой Думы». (Вывод: тактика пролетариата улучшилась бы, но поражение все же последовало бы.)

Стр. 138: «Может быть, в своих перспективах насчет радикальной ломки аграрных и политических отношений революционные и оппозиционные (слушайте!) партии в бурный 1905 год зашли слишком далеко».

Кажется, довольно? Повторенное и усугубленное ликвидаторство и ренегатство «Голос Социал-Демократа» называет исправлением. Завтра выйдет немецкий перевод «Современного положения» — голосовцы поместят *для*

немцев новое отречение — Череванин опубликует новую «оговорку» — ликвидаторская проповедь будет усиливаться — «Голос» будет благородно негодовать по поводу клеветнических обвинений его в ликвидаторстве. Старая, но вечно новая история.

Маслов, Мартов и Потресов никак не могут понять, решительно не могут понять, какой «дух» писаний Потресова взорвал — наконец! — даже зашедшего очень далеко в маневрировании около кадетов марксиста Плеханова. Так-таки и не понимаете, любезные голосовцы? И после цитат из «исправленной» книги Череванина все еще не понимаете? Как иногда удобна бывает непонятливость!

*«Пролетарий» № 50,
28 ноября (11 декабря) 1909 г.*

*Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»*

БАСНЯ БУРЖУАЗНОЙ ПЕЧАТИ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ГОРЬКОГО

Вот уже несколько дней, как буржуазные газеты Франции («L'Eclair», «Le Radical»), Германии («Berliner Tageblatt»)* и России («Утро России», «Речь», «Русское Слово», «Новое Время») смакуют самую сенсационную новость: исключение Горького из социал-демократической партии. «Vorwärts»** поместил уже опровержение этого вадора. Редакция «Пролетария» тоже послала в несколько газет опровержение, но буржуазная печать игнорирует его и продолжает раздувать сплетню.

Источник этой сплетни ясен: какой-нибудь борзописец, услышав краем уха о разногласиях в связи с отзовизмом и богостроительством (— вопрос, чуть не год уже открыто обсуждающийся в партии вообще и в «Пролетарии», в частности —), безбожно переврал обрывки сведений и «славно заработал» на сочиненных «интервью» и т. п.

Цель сплетнической кампании не менее ясна. Буржуазным партиям *хочется*, чтобы Горький вышел из социал-демократической партии. Буржуазные газеты из кожи лезут, чтобы разжечь разногласия внутри социал-демократической партии и представить их в уродливом виде.

Напрасно стараются буржуазные газеты. Товарищ Горький слишком крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира, чтобы ответить им иначе, как презрением.

* «Пролетарий» № 50,
28 ноября (11 декабря) 1909 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

• — «Молния», «Радикал»... «Берлинская Ежедневная Газета». Ред.
•• — «Вперед». Ред.

ОБ ИДЕЙНОМ РАСПАДЕ И РАЗБРОДЕ СРЕДИ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ ⁴¹

Борьба с отзовизмом и ликвидаторством, естественно занявшая первое место среди задач действительно марксистских и социал-демократических элементов нашей партии, не должна, однако, заслонять от нас зло, более глубокого, которое в сущности породило и отзовизм и ликвидаторство и породит, по всему судя, не мало еще каких-нибудь новых тактических нелепостей. Это зло — идейный распад и разброд, совершенно овладевший либерализмом и со всех сторон пробивающий себе дорогу в нашу партию.

Вот одна из многочисленных иллюстраций этого разброда. Один товарищ, давно работающий в партии, старый искровец и старый большевик, был изъят тюрьмой и ссылкой из участия в движении очень долго, чуть ли не с начала 1906 г. Недавно он вернулся к работе, познакомился с отзовизмом-ультиматизмом, отверг его с негодованием и возмущением, как безобразное извращение революционной социал-демократической тактики. Познакомившись с состоянием работы в Одессе и Петербурге, этот товарищ пришел, между прочим, к следующему выводу или «неоформленному результату» своих наблюдений: ... «мне кажется, что самая тяжелая пора миновала и что осталась задача ликвидировать остатки эпохи развала и распада». Но остатки-то эти не малы.

«На всей питерской работе — читаем в том же письме — чувствуется отсутствие руководящего единого центра, недисциплинированность, беспорядочность, отсутствие связи между отдельными частями, отсутствие единства и планомерности работы. Всякий работает за свой страх

и риск. В нелегальной организации сильны отзовистские тенденции, они захватывают даже антиотзовистов»... (очевидно, здесь имеются в виду те большевики, которые вопреки повторным и решительным настояниям «Пролетария» не рвут с отзовистами, не ведут беспощадной борьбы с ними, а пытаются примиренствовать, бесполезно оттягивая неизбежную развязку и не получая на деле никакого отказа отзовистов-ультиматистов от их нелепой тактики). ...«На этой почве развивается одно характерное явление, которое совершенно самостоятельно проявилось и в Одессе: революционное безделье. Всюду, где господствует дух отзовизма, ярко бросается в глаза то, что нелегальные организации ничего не делают. Один-два пропагандистских кружка, борьба против легальных возможностей — вот и вся работа. По преимуществу она носит дезорганизаторский характер, что вы можете усмотреть из тех обширных материалов, которые я вам послал из Одессы»... (использованы в статье: ...*). ...«Что касается легальных возможностей, то в использовании их недостает выдержанной с.-д. линии. Во мраке реакции оппортунисты социал-демократии подняли голову и «держают», зная, что это теперь не опасно, против основных принципов социал-демократии. Тут встретите такую обширную ревизию революционной социал-демократии, ее программы, тактики, что пред нею ревизия Бернштейна покажется мальчишеской, детской забавой. РСДРП не понимает Маркса, она произвела неправильный анализ тенденций экономического развития России, в России никогда не было крепостного строя, а был строй крепостнически-торговый, противоречия между интересами буржуазии и помещного дворянства не было и нет, нет и союза между ними, ибо эти два класса, выдуманные русской социал-демократией, представляют один буржуазный класс (это — самобытная черта России), самодержавие есть организация этого класса. Слабость русской буржуазии, на которой обосновывался (?? — знаки вопроса принадлежат автору письма) лозунг «диктатуры пролетариата и крестьянства», выдумана, а этот лозунг был и остается утопическим. Его нужно выбросить вместе с демократической республикой, ибо русский поезд стал на германские рельсы»⁴²...

* В рукописи здесь оставлено свободное место для названия статьи. *Ред.*

Ясно, что перед нами моментальная фотография одного из ручейков того широкого потока идейной неразберихи, который рождает отзовизм и ликвидаторство, подчас причудливо смешивая и даже сближая послышки крайнего правого и крайнего «левого» глупизма. Первая половина этих посылок (отсутствие противоречия между буржуазией и крепостническим землевладением и т. д.) настолько несуразна и нелепа, что ее трудно даже взять всерьез. Не стоит кри...*

*Написано в конце ноября
(начале декабря) 1909 г.*

*Впервые напечатано в 1933 г.
в Ленинском сборнике XXV*

Печатается по рукописи

---

* На этом рукописи обрывается. Р. Э.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К ПРОЕКТУ ГЛАВНЫХ ОСНОВАНИЙ ЗАКОНА О 8-МИЧАСОВОМ РАБОЧЕМ ДНЕ

II*

В настоящей, второй, части объяснительной записки мы намерены остановиться на вопросе о *типе* социал-демократического законопроекта о 8-мичасовом рабочем дне для III Думы и о *мотивах*, объясняющих *основные черты* данного законопроекта.

Первоначальный проект, имевшийся в думской социал-демократической фракции и доставленный в нашу подкомиссию, мог быть взят за основу, но требовал ряда переделок.

Основная цель законопроектов, вносимых социал-демократами в III Думу, должна состоять в *пропаганде и агитации* социал-демократической программы и тактики. Всякие надежды на «реформаторство» III Думы были бы не только смешны, но и грозили бы полным извращением характера социал-демократической революционной тактики, превращением ее в тактику оппортунистического, либерального социал-реформаторства. Нечего и говорить, что подобное извращение социал-демократической думской тактики прямо и решительно противоречило бы общеобязательным решениям нашей партии, именно: резолюциям Лондонского съезда РСДРП и утвержденным Центральным Комитетом резолюциям Всероссийских партийных конференций ноября 1907 г. и декабря 1908 года.

---

* Первая часть или первая глава объяснительной записки должна включать в себя популярное и наиболее агитационно, по возможности, написанное развитие соображений в пользу 8-мичасового рабочего дня вообще, с точки зрения производительности труда, санитарных, культурных интересов пролетариата, вообще интересов его освободительной борьбы.

Для того, чтобы законопроекты, вносимые социал-демократической думской фракцией, удовлетворяли своей задаче, необходимы следующие условия:

(1) законопроекты должны в наиболее ясной и отчетливой форме излагать отдельные требования социал-демократии, вошедшие в нашу партийную программу-*minimum*, или с необходимостью вытекающие из этой программы;

(2) законопроекты не должны быть ни в коем случае загромождаемы обилием юридических тонкостей; они должны давать *главные основания* предполагаемых законов, а не подробно разрабатываемые тексты законов со всеми деталями;

(3) законопроекты не должны чрезмерно изолировать различные области социальной реформы и демократических преобразований, как это могло бы казаться необходимым с узко-юридической, административной или «чисто-парламентарной» точки зрения; напротив, преследуя цели социал-демократической пропаганды и агитации, законопроекты должны давать рабочему классу возможно более определенное представление о *необходимой связи* фабричных (и социальных вообще) реформ с *демократическими* политическими преобразованиями, без которых все и всяческие «реформы» столыпинского самодержавия неизбежно осуждены на «зубатовское» их извращение и на полное сведение к мертвой букве. Само собою разумеется, что это указание связи экономических реформ с политикой должно достигаться не включением во все законопроекты требований последовательной демократии в их целом, а выдвиганием соответствующих каждой отдельной реформе демократических и специально пролетарски-демократических учреждений, неосуществимость которых без радикальных политических преобразований должна подчеркиваться в объяснительной записке к законопроекту;

(4) ввиду крайней затрудненности при теперешних условиях легальной с.-д. пропаганды и агитации в массах, законопроекты должны составляться так, чтобы и отдельно взятый законопроект и отдельно взятая объяснительная записка к нему *могли достигнуть своей цели*, попадая в массы (путем ли перепечатки в несоциал-демократических газетах, путем ли распространения отдельных листов с текстом законопроекта и т. п.), т. е. могли быть прочтены рабочими с улицы, неразвитыми рабочими, с пользой

для дела развития их классового самосознания; в этих целях законопроекты должны быть проникнуты во *всем* своем построении духом пролетарского недоверия к предпринимателям и к государству, как органу, служащему предпринимателям: другими словами, дух классовой борьбы должен пропитывать все построение законопроекта, должен вытекать из суммы отдельных постановлений;

наконец, (5) законопроекты при теперешних русских условиях, т. е. при отсутствии с.-д. прессы и с.-д. собраний, должны давать достаточно *конкретное* представление о требуемом с.-д.-ами преобразовании, не ограничиваясь простым *провозглашением* принципа; рабочий с улицы, рабочий серый должен быть заинтересован с.-д. законопроектом, захвачен конкретной картиной преобразования с тем, чтобы потом перейти от этой отдельной картины ко всему мирозерцанию с.-д.-тии в целом.

Исходя из этих основных посылок, следует признать тип законопроекта, выбранный автором первоначального законопроекта о 8-мичасовом рабочем дне, *более соответствующим* русским условиям, чем те, например, законопроекты о сокращении рабочего дня, которые вносились были французскими и немецкими социалистами в их парламенты. Например, законопроект о 8-мичасовом рабочем дне, внесенный Жюлем Гедом в французскую палату депутатов 22 мая 1894-го года, содержит две статьи: первая — запрещает работать более 8 часов в сутки и 6-ти дней в неделю; вторая — разрешает работу в несколько смен с тем, чтобы число рабочих часов в неделю не превышало 48-ми*. Немецкий социал-демократический законопроект 1890-го года содержит 14 строк, предлагая 10-тичасовой рабочий день немедленно, 9-тичасовой с 1 января 1894 года и 8-мичасовой с 1 января 1898 года. В сессию 1900—1902 гг. немецкие социал-демократы внесли еще более краткое предложение об ограничении рабочего дня немедленно 10-тью часами в сутки, а затем в срок, подлежащий особому определению, 8-ью часами в сутки**.

* Jules Guesde. «Le Problème et la solution; les huit heures à la chambre». Lille. S. d. (Жюль Гед. «Проблема и ее решение; восьмичасовой рабочий день в Палате депутатов». Лилль. Ред.).

** M. Schippel. «S.-d. Reichstagshandbuch». Bri., 1902, SS. 882 und 886 (М. Шиппель. «Социал-демократический справочник по вопросам рейхстага». Берлин, 1902, стр. 882 и 886. Ред.).

Разумеется, подобные законопроекты во всяком случае вдесятеро рациональнее с социал-демократической точки зрения, чем попытки «приспособиться» к *осуществимому* для реакционных или для буржуазных правительств. Но если во Франции и в Германии, при свободе прессы и собраний, достаточно сделать законопроект одним *провозглашением принципа*, то у нас в России, в данное время, необходимо добавить еще в *самый* законопроект *конкретно-агитационный* материал.

Поэтому *тип*, принятый автором первоначального проекта, мы считаем более целесообразным, но в этот проект необходимо внести ряд поправок, ибо автор в нескольких случаях делает крайне важную, на наш взгляд, и крайне опасную ошибку, именно: *принижает* требования нашей программы-*minimum* без всякой надобности (например, устанавливая еженедельный отдых в 36 часов, а не в 42, или умалчивая о необходимости согласия рабочих организаций для допущения ночной работы). В некоторых случаях автор как будто бы пытается приспособиться к «осуществимости» своего законопроекта, предоставляя, например, *министру* разрешать ходатайства об изъятиях (со внесением дела в законодательные учреждения) и не упоминая ни разу о роли профессиональных организаций рабочих в деле осуществления закона о 8-ми часовом рабочем дне.

Предлагаемый нашей подкомиссией законопроект вносит в первоначальный проект ряд поправок в указанном направлении. В частности, остановимся на мотивировке следующих изменений первоначального проекта.

По вопросу о том, к каким предприятиям применим законопроект, надо расширить область его применимости включением всех отраслей и промышленности, и торговли, и транспорта, и всяческих учреждений (вплоть до назенных: почта и т. п.), и работы на дому. В объяснительной записке, вносимой в Думу, с.-д. должны особенно подчеркнуть необходимость такого расширения и уничтожения всяких границ и разделений (по этому вопросу) между пролетариатом фабричным, торговым, служебным, транспортным и т. д.

Может возникнуть вопрос о сельском хозяйстве, ввиду требования нашей программой-*minimum* 8-ми часового рабочего дня «для всех наемных рабочих». Но мы думаем,

что русским с.-д. выступать с инициативой 8-мичасового рабочего дня в сельском хозяйстве *в данное время* едва ли уместно. Лучше оговорить в объяснительной записке, что партия предоставляет себе право внести дальнейший законопроект и относительно сельского хозяйства, и относительно прислуги, и т. п.

Далее. Во всех случаях, когда речь идет в законопроекте о допустимости изъятий из закона, мы вставили требование согласия профессионального союза рабочих на каждое изъятие. Это необходимо, чтобы ясно показать рабочим неосуществимость действительного сокращения рабочего дня без самостоятельности рабочих организаций.

Затем следует остановиться на вопросе о *постепенности* введения 8-мичасового рабочего дня. Автор первоначального проекта ни словом не упоминает об этом, ограничиваясь простым требованием 8-мичасового рабочего дня, подобно проекту Ж. Геда. Напротив, наш проект примыкает к образцу Парвуса* и проекта немецкой социал-демократической фракции в рейхстаге, устанавливая *постепенность* введения 8-мичасового рабочего дня (немедленный, т. е. через 3 месяца со дня вступления закона в силу, 10-тичасовой день и сокращение по часу в год). Конечно, различие между тем и другим проектом не так уже существенно. Но при максимальной технической отсталости русской промышленности, при крайне слабой организованности русского пролетариата, при громадности масс рабочего населения (кустари и т. п.), не участвовавшего еще ни в какой крупной кампании в пользу сокращения рабочего дня, — при всех этих условиях целесообразнее будет *тут же*, в самом законопроекте ответить на неизбежное возражение, что крутой переход невозможен, что заработок рабочих при таком переходе понизится и т. д.**. Установление постепенности введения

* *Parvus*. «Die Handelskrisis und die Gewerkschaften. Nebst Anhang: Gesetzentwurf über den achtstündigen Normalarbeitstag». München, 1901 (*Парвус*. «Торговый кризис и профессиональные союзы. С приложением: Законопроект о нормальном восьмичасовом рабочем дне». Мюнхен, 1901. *Ред.*).

** По вопросу о *постепенности* введения 8-мичасового рабочего дня Парвус говорит, по нашему мнению, вполне справедливо, что эта постепенность в его законопроекте выводится «не желанием сообразоваться с предпринимателями, а желанием сообразоваться с рабочими. Мы должны следовать тактике профессиональных союзов: они проводят сокращение рабочего дня чрезвычайно постепенно, ибо они хорошо знают, что таким образом легче всего противодействовать сокращению заработной платы» (курсив Парвуса, цитир. брош., стр. 62—63).

8-мичасового рабочего дня (немцы растягивали введение на 8 лет; Pargus — на 4 года; мы предлагаем 2 года) дает сразу ответ на это возражение: работа сверх 10-ти часов в сутки безусловно нерациональна экономически и недопустима по гигиеническим и культурным соображениям. Годовой же срок для сокращения рабочего дня на один час вполне достаточен для того, чтобы технически отсталые предприятия подтянулись и преобразовались, чтобы рабочие перешли к новому порядку без заметной разницы в производительности труда.

Постепенность введения 8-мичасового рабочего дня следует установить не для того, чтобы «приспособить» проект к мерке капиталистов или правительства (об этом не может быть и речи, и если бы подобные мысли возникли, то, конечно, мы предпочли бы выкинуть всякое упоминание о постепенности), а для того, чтобы наглядно показать всем и каждому техническую и культурную и экономическую осуществимость программы социал-демократии в одной из наиболее даже отсталых стран.

Серьезным возражением против постепенности введения 8-мичасового рабочего дня в *русском* с.-д. законопроекте было бы то, что таким образом как бы дезавуируются, хотя бы косвенно, революционные Советы рабочих депутатов в 1905 году, проводившие *немедленное* осуществление 8-мичасового рабочего дня. Мы считаем это возражение серьезным, ибо *самомалейшее* дезавуирование Советов рабочих депутатов *в этом отношении* было бы прямым ренегатством или, во всяком случае, поддержкой ренегатов и контрреволюционных либералов, прославивших себя таким дезавуированием.

Мы думаем поэтому, что, *во всяком случае*, независимо от того, будет ли постепенность включена в законопроект с.-д. думской фракции или нет, — *во всяком случае*, совершенно необходимо, чтобы *и* в объяснительной записке, подаваемой в Думу, *и* в думской речи с.-д. представителя была совершенно определенно выражена мысль, безусловно *исключающая* *самомалейшее* дезавуирование, безусловно *включающая* наше признание действий Советов рабочих депутатов принципиально правильными, вполне законными и необходимыми.

«С.-д-тия — так, примерно, должно бы было гласить заявление представителей социал-демократии или их

объяснительная записка — ни в каком случае не отрывается от *немедленного* введения 8-мичасового рабочего дня; напротив, при *известных* исторических условиях, когда борьба обостряется, когда энергия и инициатива массового движения высоки, когда столкновение старого общества и нового принимает резкие формы, когда для успеха борьбы рабочего класса, например, со средневековым *необходимо* ни перед чем не останавливаться, — одним словом, при условиях, подобных тем, которые были в ноябре 1905 года, социал-демократия считает *немедленное* введение 8-мичасового рабочего дня не только *законным*, но и *необходимым*. Вводя в свой законопроект в настоящее время постепенность введения 8-мичасового рабочего дня, социал-демократия желает только показать этим полную возможность введения в жизнь программных требований РСДРП даже при наихудших исторических условиях, даже при наименее быстром темпе экономического, социального и культурного развития».

Повторяем: *подобное* заявление со стороны с.-д. в Думе и в их объяснительной записке к законопроекту о 8-мичасовом рабочем дне мы считаем *безусловно* и, во всяком случае, *необходимым*, а вопрос о том, вносить ли в самый законопроект постепенность установления 8-мичасового рабочего дня, сравнительно менее важным. —

Остальные изменения, внесенные нами в первоначальный законопроект, касаются частных деталей и не требуют особых комментариев.

Написано осенью 1909 г.

Впервые напечатано в 1924 г.
в журнале «Пролетарский
Революция» № 4 (27)

Печатается по рукописи

ПИСЬМО И. И. СКВОРЦОВУ-СТЕПАНОВУ

16. XII 1909 г.

Дорогой коллега! Получил Ваш ответ и берусь за перо для продолжения беседы.

Вы хотите перенести вопрос побольше на теоретическую (а не тактическую) почву. Согласен. Напомню только, что исходный пункт у Вас был тактический: Вы ведь отвергали «классическую постановку» основного тактического положения. Это тактическое решение Вы намечали (не договаривая тактических *выводов* из него) в связи с отрицанием «возможности американской». Поэтому я не считаю правильным изложение наших разногласий, которое Вы дадите словами: «Вы (т. е. я) подчеркиваете факт движения *крестьянства*. Я признаю факт движения *пролетариатуемого* крестьянства». Не в этом разногласие. Не отрицаю же я в самом деле, что крестьянство пролетаризируется. Разногласие в том, утвердился ли в России настолько буржуазный аграрный строй, чтобы сделать объективно невозможным крутой переход от «прусского» развития аграрного капитализма к «американскому» развитию аграрного капитализма? Если да, тогда «классическая» постановка основного вопроса тактики падает. Если нет, она сохраняется.

И вот, я стою за то, что она должна быть сохранена. Я не отрицаю возможности «прусского» пути; я признаю, что марксист не должен ни «ручаться» за *один* из этих путей, ни *связывать* себя *только* с одним из них; я признаю, что политика Столыпина делает *еще* шаг вперед по «прусскому» пути, и что на этом пути на известной ступени *может* наступить диалектический перелом, *снимающий* с очереди все надежды и виды на «американский»

путь. Но я утверждаю, что *сейчас* этот перелом, *наверное*, еще не наступил и что поэтому абсолютно недопустимо для марксиста, абсолютно неверно теоретически отказываться от «классической» постановки вопроса. Вот в чем наши разногласия.

Теоретически они сводятся к двум, если я не ошибаюсь, главным пунктам: 1) Ваш «союзник» В. Ильин должен быть уничтожен мной, чтобы оправдать мою позицию. Другими словами, эта позиция противоречит итогам марксистского анализа предреволюционной экономики России. 2) «Классическая» постановка может и должна быть сопоставляема с аграрным оппортунизмом ревизионистов (Давида и К^о), ибо нет никакой существенной, принципиальной, коренной разницы между постановкой вопроса об отношении рабочего к «мужичку» в России и в Германии.

Оба эти положения я считаю глубочайше неверными.

Ad* 1) (Чтобы не касаться «тактики», отстраню мартиновский набег на Ильина⁴³ и перейду только к Вашей постановке теоретического вопроса.)

Что доказывал и доказал Ильин? Что развитие аграрных отношений в России идет капиталистически и в помещичьем хозяйстве, и в крестьянском, и вне, и внутри «общины». Это раз. Что это развитие уже *бесповоротно* определило не иной путь развития, как капиталистический, *не* иную группировку классов, как капиталистическую. Это два.

Из-за этого был спор с народниками. Это надо было доказать. Это было доказано. Это остается доказанным. Вопрос сейчас ставится (и движением 1905—1907 гг. поставлен) *иной*, дальнейший, *предполагающий* решение вопроса, Ильиным (и не им одним, конечно) решенного, но предполагающий *не только* это, а нечто большее, более сложное, нечто новое. *Кроме* вопроса, решенного окончательно и верно решенного в 1883—1885, в 1895—1899 гг., история XX века в России поставила нам *дальнейший* вопрос, — и нет ничего ошибочнее теоретически, как пятиться от него назад, отделяться, отмахиваться от него ссылкой на решенное раньше. Это значило бы вопросы второго, так сказать, т. е. высшего, класса сводить к вопросам низшего, первого класса. Нельзя оставаться при

* — К. Ред.

общем решении вопроса о капитализме, когда *новые* события (и события всемирно-исторической важности, каковы 1905—1907 гг.) поставили вопрос более конкретный, более детальный, вопрос о борьбе *двух* путей или методов *капиталистического* аграрного развития. Когда мы боролись с народниками за доказательство того, что этот путь неизбежно и бесповоротно — капиталистический, мы были вполне правы и мы не могли *не* сосредоточить всей силы, всего внимания на вопросе: капитализм *или* «народное производство». Это было и естественно, и неизбежно, и законно. Но теперь этот вопрос *решен* и теорией и жизнью (ибо мелкобуржуазность трудовика *en masse** доказана новейшей русской историей), а на очередь поставлен другой, высший вопрос: капитализм типа α *или* капитализм типа β ? И, по моему крайнему разумению, Ильин был прав, когда в предисловии ко второму изданию книги указал, что из нее *вытекает* возможность *двух* видов капиталистического аграрного развития и что историческая борьба *этих* видов еще не кончена**.

Особенность русского оппортунизма в марксизме, т. е. меньшевизма в наше время, состоит в том, что он связан с доктринерским упрощением, опошлением, извращением буквы марксизма, изменой духу его (так было и с рабочедельством и с струвизмом). Воюя с народничеством, как с неверной доктриной *социализма*, меньшевики доктринерски просмотрели, прозевали исторически реальное и прогрессивное историческое *содержание* народничества, как теории массовой *мелкобуржуазной* борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего, капитализма «американского» против капитализма «прусского». Отсюда их чудовищная, идиотская, ренегатская идея (насквозь пропитавшая и «*Общественное движение*»), что крестьянское *движение* реакционно, что кадет прогрессивнее трудовика, что «диктатура пролетариата и крестьянства» (= классическая постановка) *противоречит «всему ходу хозяйственного развития»* (стр. 661 меньшевистского «Общественного движения»). «*Противоречит всему ходу хозяйственного развития*» — это ли не реакционность?

* — в массе. Ред.

** См. Сочинения, 4 изд., том 3, стр. 9—12. Ред.

Я стою на том, что борьба с этим чудовищным извращением марксизма была основой «классической постановки» и основой *верной*, хотя, к сожалению, в силу естественных условий эпохи велась эта борьба очень усердно тактически и недостаточно усердно теоретически. Впрочем, сожаление тут неверное слово, которое надо выкинуть!

Вот *этот* аграрный вопрос и есть *теперь* в России *национальный* вопрос буржуазного развития. Вот чтобы не впасть в ошибочное (механическое) перенесение к нам во многом верного и во всех отношениях крайне ценного немецкого образца, надо ясно себе представить, что национальным вопросом *вполне* утвердившегося буржуазного развития Германии было объединение и т. п., но не аграрный вопрос, а *национальным* вопросом окончательного утверждения в России буржуазного развития является именно аграрный (даже *уже*: крестьянский) вопрос.

Вот — чисто теоретическая основа *отличия* в *применении* марксизма к Германии 1848—1868 (примерно) и к России 1905—19?? годов.

Чем могу я доказать, что у нас национальное значение для буржуазного развития *получил* аграрный вопрос, а не другой какой-нибудь? Я не знаю даже, нужно ли это доказывать. Я думаю, это бесспорно. Но именно здесь *теоретическая* основа, и именно *сюда* надо *свести* все частные вопросы. Ежели спор будет, укажу вкратце (пока вкратце), что именно ход событий, факты, *история* 1905—1907 годов и *доказали* указанное мною значение аграрного (крестьянского и, конечно, мелкобуржуазно-крестьянского, а не общинно-крестьянского) вопроса в России. Это же доказывает *теперь* и закон З. VI. 1907, и состав, и деятельность III Думы, и — частность — 20. XI. 1909⁴⁴ — и (важное особенно) аграрная политика правительства.

Если мы согласимся в том, что *новейшая* история России, история 1905—1909 годов *доказала* коренное, первостепенное, национальное (в этом смысле) значение аграрного вопроса в утверждении буржуазной эволюции определенного типа в России, то мы можем идти дальше. Если нет, то нет.

Буржуазное развитие России к 1905 году было уже вполне зрело для того, чтобы требовать немедленной ломки

устаревшей надстройки — устаревшего, средневекового землевладения (Вы, конечно, понимаете, почему я здесь из *всей* надстройки беру одно землевладение). Мы живем в эпоху *этой* ломки, которую разные классы *буржуазной* России стараются довершить, доделать по-своему: крестьяне (+ рабочие) путем национализации (я очень рад, что мы согласны с Вами насчет полной нелепости муниципализации; цитаты из *Theorien über Mehrwerth** в пользу национализации я уже привел в одной своей работе, напечатанной *частицей* по-польски)**), — помещики (+ буржуазия старая, жирондистская буржуазия) путем 9. XI. 1906 и т. д. Национализация земли = крестьянская ломка старого землевладения есть экономическая основа американского пути. Закон 9. XI. 1906 = помещичья ломка старого землевладения есть экономическая основа прусского пути. Наша эпоха, 1905—?? годы, есть эпоха революционной и контрреволюционной борьбы *этих* путей, — подобно тому, как 1848—1871 гг. в Германии были эпохой революционной и контрреволюционной борьбы двух путей объединения (= решения *национальной* проблемы буржуазного развития Германии), пути *через* великогерманскую республику и пути *через* прусскую монархию. *Только к 1871-му* году второй путь *окончательно* (вот куда относится мое «вполне») *победил*. И тогда Либкнехт отказался от бойкота парламента. И тогда *умер* спор лассальянцев с эйзенахцами. И тогда *умер* вопрос об *общедемократической* революции в Германии, — а Науман, Давид и К^о стали в 90-х гг. (двадцать лет *спустя!*) оживлять труп.

У нас *еще* идет борьба. Еще не победил один из двух аграрных путей. У нас при всяком кризисе *нашей* эпохи (1905—1909—?? гг.), *выступит*, обязательно выступит «*о б щ* демократическое» движение «мужичка», и игнорирование этого было бы коренной ошибкой, *на деле* приводящей к меньшевизму, хотя бы в *теории* спор ставили на иную плоскость. Не я «свожу» спор к «меньшевизму», а *история* нашей эпохи *сводит* игнорирование пролетариатом национальной задачи буржуазного развития России к меньшевизму, ибо в этом *с у т ь* меньшевизма и состоит.

* — Теория прибавочной стоимости. *Ред.*

** См. Сочинения, 4 изд., том 15, стр. 135—158. *Ред.*

Nebenbei*. Читали у Череванина в «Современном положении» об *оппортунизме* «классической постановки» вопроса большевиков? Прочтите!

Ad 2) В сущности, я почти все ad 2 уже сказал. В Германии поддержка *рабочим* пожелания «мужичка» получить себе (т. е. мужичку) землю крупного помещика, юнкера — *реакционна*. Не так ли? Не правда ли? В России *реакционер* в 1905—1909—?? гг. *отказ* от этой поддержки. *Hic Rhodus, hic salta!*** Тут либо отказ от всей аграрной программы и переход... почти что к кадетизму, — либо *признание принципиальной* разницы в постановке вопроса в Германии и в России, принципиальной не в смысле того, чтобы у нас была некапиталистическая, а в смысле того, что *совсем* иные, принципиально иные *эпохи* капитализма: эпоха *до* окончательного утверждения национального пути капитализма и эпоха *после* такого утверждения.

Пока кончаю. Постараюсь послать Вам вырезки на тему наших бесед. Пишите, когда улучите свободную минуту. Жму крепко руку.

Ваш Старик

Впервые напечатано в 1924 г.
в журнале «Пролетарская
Революция» № 5 (28)

Печатается по рукописи

* — Между прочим. Ред.

** — Здесь Родос, здесь прыгай! Ред.

О «ВЕХАХ»⁴⁵

Известный сборник «Вехи», составленный влиятельнейшими к.-д. публицистами, выдержавший в короткое время несколько изданий, встреченный восторгом всей реакционной печати, представляет из себя настоящее знамение времени. Как бы ни «исправляли» к.-д. газеты слишком бьющие в нос отдельные места «Вех», как бы ни отрекались от них отдельные кадеты, совершенно бессильные повлиять на политику всей к.-д. партии или задающиеся целью обмануть массы насчет истинного значения этой политики, — остается несомненный факт, что *«Вехи»* выразили несомненную суть современного кадетизма. Партия кадетов есть партия «Вех».

Цена выше всего развитие политического и классового сознания масс, рабочая демократия должна приветствовать «Вехи», как великолепное разоблачение идейными вождями кадетов сущности их политического направления. «Вехи» написаны господами: Бердяевым, Булгаковым, Гершензоном, Киятковским, Струве, Франком и Изгоевым. Одни уже эти имена известных депутатов, известных ренегатов, известных кадетов говорят достаточно много за себя. Авторы «Вех» выступают как настоящие идейные вожди целого общественного направления, давая в сжатом наброске целую энциклопедию по вопросам философии, религии, политики, публицистики, оценки всего освободительного движения и всей истории русской демократии. Назвав «Вехи» «сборником статей о русской интеллигенции», авторы сузили этим подзаголовком действительную тему своего выступления, ибо «интеллигенция» выступает у них на деле в качестве духовного

вождя, вдохновителя и выразителя всей русской демократии и всего русского освободительного движения. «Вехи» — крупнейшие вехи на пути *полнейшего разрыва* русского кадетизма и русского либерализма вообще с русским освободительным движением, со всеми его основными задачами, со всеми его коренными традициями.

I

Энциклопедия либерального ренегатства охватывает три основные темы: 1) борьба с идейными основами всего мирозерцания русской (и международной) демократии; 2) отречение от освободительного движения недавних лет и обливание его помоями; 3) открытое провозглашение своих «ливрейных» чувств (и соответствующей «ливрейной» политики) по отношению к октябристской буржуазии, по отношению к старой власти, по отношению ко всей старой России вообще.

Авторы «Вех» начинают с философских основ «интеллигентского» мирозерцания. Красной нитью проходит через всю книгу решительная борьба с материализмом, который аттестуется не иначе, как догматизм, метафизика, «самая элементарная и низшая форма философствования» (стр. 4 — ссылки относятся к 1-му изданию «Вех»). Позитивизм осуждается за то, что он был «для нас» (т. е. для уничтоженной «Вехами» русской «интеллигенции») «тождественен с материалистической метафизикой» или истолковывался «исключительно в духе материализма» (15), тогда как — «ни один мистик, ни один верующий не может отрицать научного позитивизма и науки» (11). Не шутите! «Вражда к идеалистическим и религиозно-мистическим тенденциям» (6) — вот за что нападают «Вехи» на «интеллигенцию». «Юркевич был, во всяком случае, настоящим философом по сравнению с Чернышевским» (4).

Вполне естественно, что, стоя на этой точке зрения, «Вехи» неустанно громят атеизм «интеллигенции» и стремятся со всей решительностью и во всей полноте восстановить религиозное мирозерцание. Вполне естественно, что, уничтожив Чернышевского, как философа, «Вехи» уничтожают Белинского, как публициста. Белинский, Добролюбов, Чернышевский — вожди «интеллигентов» (134, 56, 32, 17 и др.). Чаадаев, Владимир Соловьев,

Достоевский — «вовсе не интеллигенты». Первые — вожди направления, с которым «Вехи» воюют не на живот, а на смерть. Вторые «неустанно твердили» то именно, что твердят и «Вехи», но «их не слушали, интеллигенция шла мимо них», гласит предисловие к «Вехам».

Читатель уже может видеть отсюда, что не на «интеллигенцию» нападают «Вехи», это только искусственный, запутывающий дело, способ выражения. Нападение ведется по всей линии против демократии, против демократического мирозерцания. А так как идейным вождям партии, которая рекламирует себя, как «конституционно-демократическую», неудобно назвать вещи их настоящими именами, то они позаимствовали терминологию у *«Московских Ведомостей»*⁴⁶, они отрекаются не от демократии, — (какая недостойная клевета!), — а только от «интеллигентщины».

Письмо Белинского к Гоголю, вещают «Вехи», есть «пламенное и классическое выражение интеллигентского настроения» (56). «История нашей публицистики, начиная после Белинского, в смысле жизненного разума — сплошной кошмар» (82).

Так, так. Настроение крепостных крестьян против крепостного права, очевидно, есть «интеллигентское» настроение. История протеста и борьбы самых широких масс населения с 1861 по 1905 год против остатков крепостничества во всем строе русской жизни есть, очевидно, «сплошной кошмар». Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?

«Московские Ведомости» всегда доказывали, что русская демократия, начиная хотя бы с Белинского, отнюдь не выражает интересов самых широких масс населения в борьбе за элементарнейшие права народа, нарушаемые крепостническими учреждениями, а выражает только «интеллигентское настроение».

Программа «Вех» и «Московских Ведомостей» одинакова и в философии, и в публицистике. Но в философии либеральные ренегаты решились сказать всю правду, раскрыть всю свою программу (война материализму и материалистически толкуемому позитивизму; восстановление

мистики и мистического миросозерцания), а в публицистике они виляют, вертятся, иезуитничают. Они порвали с самыми основными идеями демократии, с самыми элементарными демократическими тенденциями, но делают вид, что рвут только с «интеллигентщиной». Либеральная буржуазия решительно повернула от защиты прав народа к защите учреждений, направленных против народа. Но либеральные политики желают сохранить название «демократов».

Тот же самый фокус, который проделали над письмом Белинского к Гоголю и над историей русской публицистики, проделывается над историей недавнего движения.

II

В действительности нападение ведется в «Вехах» только на такую интеллигенцию, которая была выразителем демократического движения, и только за то, в чем она проявила себя, как настоящий участник этого движения. «Вехи» с бешенством нападают на интеллигенцию именно за то, что эта «маленькая подпольная секта вышла на свет божий, приобрела множество последователей и на время стала идейно-влиятельной и даже реально-могущественной» (176). Либералы сочувствовали «интеллигенции» и тайком поддерживали иногда ее, пока она оставалась только маленькой подпольной сектой, пока она не приобрела множества последователей, пока она не становилась реально-могущественной; это значит: либерал сочувствовал демократии, пока демократия не приводила в движение настоящих масс, ибо без вовлечения масс она только служила своекорыстным целям либерализма, она только помогала верхам либеральной буржуазии пододвинуться к власти. Либерал отвернулся от демократии, когда она втянула массы, начавшие осуществлять свои задачи, отстаивать свои интересы. Под прикрытием криков против демократической «интеллигенции», война кадетов ведется на деле против демократического движения масс. Одно из бесчисленных наглядных разоблачений этого в «Вехах» состоит в том, что великое общественное движение конца XVIII века во Франции они объявляют «примером достаточно продолженной интеллигентской революции, с обнаружением всех ее духовных потенций» (57).

Не правда ли, хорошо? Французское движение конца XVIII века представляет из себя, изволите видеть, не образец самого глубокого и широкого демократического движения масс, а образец «интеллигентской» революции! Так как нигде в мире и никогда демократические задачи не осуществлялись без движения *однородного* типа, то совершенно очевидно, что идейные вожди либерализма порывают именно с демократией.

В русской интеллигенции «Вехи» бранят именно то, что является *необходимым* спутником и выражением *всякого* демократического движения. «Прививка политического радикализма интеллигентских идей к социальному радикализму народных инстинктов* совершилась с ошеломляющей быстротой» (141) — и в этом была «не просто политическая ошибка, не просто грех тактики. Тут была ошибка моральная». Там, где нет пострадавших народных масс, не может быть и демократического движения. А демократическое движение отличается от простого «бунта» как раз тем, что оно идет под знаменем известных радикальных политических идей. Демократическое движение и демократические идеи не только политически ошибочны, не только тактически неуместны, но и морально греховны, — вот к чему сводится истинная мысль «Вех», ровно ничем не отличающаяся от истинных мыслей Победоносцева. Победоносцев только честнее и прямее говорил то, что говорят Струве, Изгоевы, Франки и К^о.

Когда «Вехи» приступают к более точному определению содержания ненавистных «интеллигентских» идей, они, естественно, говорят о «левых» идеях вообще, о народнических и марксистских, в частности. Народники обвиняются в «ложной любви к крестьянству», марксисты — «к пролетариату» (9). И те и другие уничтожаются в пух и прах за «народопоклонничество» (59, 59—60). У ненавистного «интеллигента» «бог есть народ, единственная цель есть счастье большинства» (159). «Бурные речи атеистического левого блока» (29), — вот что всего больше запомнилось во II Думе кадету Булгакову, вот что особенно возмутило его. И нет ни малейшего сомнения, что Булгаков выразил здесь несколько рельефнее, чем иные, общекадетскую

* «Истрадавших народных масс» — говорится на той же странице, двумя строками ниже.

психологию, выразил заветные думы всей кадетской партии.

Что для либерала стирается различие между народничеством и марксизмом, — это не случайно, а неизбежно, оно не «фортель» литератора (прекрасно знающего эти различия), а закономерное выражение современной сущности либерализма. Ибо в данное время либеральной буржуазии в России страшно и ненавистно не столько социалистическое движение рабочего класса в России, сколько демократическое движение и рабочих и крестьян, т. е. страшно и ненавистно то, что есть общего у народничества и марксизма, их защита демократии путем обращения к массам. Для современной эпохи характерно то, что либерализм в России решительно повернул против демократии; совершенно естественно, что его не интересуют ни различия внутри демократии, ни дальнейшие цели, виды и перспективы, открывающиеся на почве осуществленной демократии.

Словечки, вроде «народопоклонничество», так и кишат в «Вехах». Это не удивительно, ибо либеральной буржуазии, испугавшейся народа, ничего не остается, как кричать о «народопоклонничестве» демократов. Отступления нельзя не прикрыть особенно громким барабанным боем. Нельзя же в самом деле прямо отрицать, что обе первые Думы выражали именно в лице рабочих и крестьянских депутатов настоящие интересы, требования, взгляды рабочих и крестьянских масс. А между тем именно эти «интеллигентные» депутаты* и внушили кадетам бездонную ненависть к «левым» за разоблачение вечных кадетских отступлений от демократизма. Нельзя же, в самом деле, прямо отрицать хотя бы и «четырёххвостку»⁴⁷; а между тем ни один сколько-нибудь честный политический деятель не усумнился в том, что выборы по «четырёххвостке», выборы действительно демократические, дали бы в современной России подавляющее большинство депутатам трудовикам вместе с депутатами рабочей партии.

Ничего не остается повернувшей вспять либеральной буржуазии, как прикрывать свой разрыв с демократией

---

* Ивращение «Вехами» обычного смысла слова «интеллигент» прямо-таки забавно. Достаточно перелистать списки депутатов обеих первых Дум, чтобы сразу увидеть подавляющее большинство крестьян у трудовиков, преобладание рабочих у с.-д. и сосредоточение массы буржуазной интеллигенции у к.-д.

словечками из словаря «*Московских Ведомостей*» и «*Нового Времени*»⁴⁸; эти словечки положительно пестрят весь сборник «Вех».

«Вехи» — сплошной поток реакционных помоев, вылитых на демократию. Понятно, что публицисты «*Нового Времени*», Розанов, Меньшиков и А. Столыпин, бросились целовать «Вехи». Понятно, что Антоний Волынский пришел в восторг от этого произведения вождей либерализма.

«Когда интеллигент — пишут «Вехи» — размышлял о своем долге перед народом, он никогда не додумывался до того, что выражающаяся в начале долга идея личной ответственности должна быть адресована не только к нему, интеллигенту, но и к народу» (139). Демократ размышлял о расширении прав и свободы народа, облекая эту мысль в слова о «долге» высших классов перед народом. Демократ никогда не мог додуматься и никогда не додумается до того, что в дореформенной стране или в стране с «конституцией» 3 июня может зайти речь об «ответственности» народа перед правящими классами. Чтобы «додуматься» до этого, демократ, или якобы демократ, должен окончательно превратиться в контрреволюционного либерала.

«Эгоизм, самоутверждение — великая сила, — читаем мы в «Вехах», — именно она делает западную буржуазию могучим бессознательным орудием божьего дела на земле» (95). Это не что иное, как приправленный лампадным маслом пересказ знаменитого «*Enrichissez-vous! — обогащайтесь!*» или нашего русского: «мы ставим ставку на сильных»⁴⁹. Когда буржуазия помогала народу бороться за свободу, она объявляла эту борьбу божьим делом. Когда она испугалась народа и повернула к поддержке всякого рода средневековья против народа, — она объявила божьим делом «эгоизм», обогащение, шовинистическую внешнюю политику и т. п. Это было везде в Европе. Это повторяется и в России.

«Актом 17 октября по существу и формально революция должна была бы завершиться» (136). Это и есть альфа и омега октябризма, т. е. программы контрреволюционной буржуазии. Октябристы всегда это говорили и сообразно с этим открыто действовали. Кадеты действовали *тайком* так же (начиная с 17 октября), но желали прикидываться при этом демократами. Для успеха дела демократии пол-

ная, ясная, открытая размежка между демократами и ренегатами — самая полезная, самая необходимая вещь. Надо использовать «Вехи» для этого нужного дела. «Надо иметь, наконец, смелость сознаться, — пишет ренегат Изгоев, — что в наших Государственных думах огромное большинство депутатов, за исключением трех-четырёх десятков к.-д. и октябристов, не обнаружило знаний, с которыми можно было бы приступить к управлению и переустройству России» (208). Ну, разумеется, где же мужицким депутатам трудовикам или каким-то рабочим братья за такое дело. Для этого нужно большинство к.-д. и октябристов, а для такого большинства нужна III Дума...

А чтобы народ и народопоклонники понимали свою «ответственность» перед вершителями дел в III Думе и в третьедумской России, для этого нужно проповедывать народу — вместе с Антоном Вольтинским — «покаяние» («Вехи», 26), «смирение» (49), борьбу с «гордыней интеллигента» (52), «послушание» (55), «простую, грубую пищу старого моисеева десятословия» (51), борьбу с «легионом бесов, вошедших в гигантское тело России» (68). Если крестьяне выбирают трудовиков, а рабочие — социал-демократов, это, разумеется, — именно такое бесовское навождение, ибо, собственно говоря, по натуре своей, как давно уже открыли Катков и Победоносцев, народ питает «ненависть к интеллигенции» (87; читай: к демократии).

Русские граждане должны поэтому — научают нас «Вехи» — «благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас («интеллигентов») от ярости народной» (88).

Эта тирада хороша тем, что откровенна, — полезна тем, что вскрывает правду относительно действительной сущности политики всей к.-д. партии за всю полосу 1905—1909 годов. Эта тирада хороша тем, что вскрывает в краткой и рельефной форме весь дух «Вех». А «Вехи» хороши тем, что вскрывают весь дух *действительной* политики русских либералов и русских кадетов, в том числе. Вот почему кадетская полемика с «Вехами», кадетское отречение от «Вех» — одно сплошное лицемерие, одно безысходное празднословие. Ибо на деле кадеты, как коллектив, как партия, как общественная сила, вели и ведут *именно*

политику «Вех». Призывы идти в булыгинскую Думу в августе и сентябре 1905 года, измена делу демократии в конце того же года, систематическая боязнь народа и народного движения и систематическая борьба с депутатами рабочих и крестьян в обеих первых Думах, голосование за бюджет, речи Караулова о религии и Березовского об аграрном вопросе в III Думе, поездка в Лондон, — все это бесчисленные *вехи* именно той, именно *такой* политики, которая идейно провозглашена в «Вехах».

Русская демократия не может сделать ни шага вперед, пока она не поймет сути этой политики, не поймет ее классовых корней.

«Новый День» № 15,
13 декабря 1909 г.
Подпись: В. И л ъ н

Печатается по тексту
газеты «Новый День»

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Российская социал-демократия подвела основные итоги урокам революции в лондонской резолюции о непролетарских партиях⁶⁰. Социал-демократический пролетариат точно и ясно выразил в ней оценку взаимоотношения классов в революции, определил социальную основу всех главных партий и общие задачи рабочего движения в борьбе за демократию. Резолюция Декабрьской партийной конференции 1908 года дала дальнейшее развитие этим основным взглядам с.-д.

Теперь, через год после этой конференции, через 2¹/₂ года после Лондонского съезда, чрезвычайно поучительно посмотреть, к каким взглядам на современное положение и на задачи демократии приходят наиболее влиятельные представители русского либерализма. Недавнее «совещание» деятелей к.-д. партии особенно интересно в этом отношении. «Совещание» одобрило доклад вождя партии г. Милюкова, который напечатал его теперь в *«Речи»* под заглавием: «Политические партии в стране и в Думе». Доклад этот — крайне важный политический документ. Мы имеем в нем отныне официальную платформу к.-д. партии. А кроме того мы имеем здесь ответ на вопросы, давно поставленные и решенные социал-демократической партией, — ответ, даваемый одним из искуснейших дипломатов и политиканов либерализма, а в то же время и одним из наиболее сведущих историков, кой-чему научившимся у исторического материализма, под явным влиянием которого был этот историк... в бытность свою историком.

Историк Милюков пытается поставить вопрос вполне научно, т. е. материалистически. Для получения «твердых

опорных точек» партийной тактики необходимо «одинаковое понимание того, что происходит в стране». А чтобы понять это, необходимо посмотреть на то, как главные политические партии или «политические течения» стремятся «найти себе опору» в «широких кругах населения».

Метод превосходен. Применение его сразу показывает нам превращение сведущего историка в дюжинного либерального сикофанта: кадеты и все, что правее их, это, видите ли, «три главные политические течения», а все, что «левее» кадетов, это — «политическая судорога». Спасибо за откровенность, г. либерал! Но посмотрим все же, что вы нам скажете, как историк. Три главные течения: первое — «демагогический монархизм». Его «смысл» — «защита старых социальных основ быта», «соединение неограниченного самодержавия»... (либерал, конституционный демократ, незаметно для себя переходит на точку зрения октябриста, защищающего ограниченное самодержавие) ... «с крестьянством на почве тех патриархальных отношений, при которых дворянство является естественным посредником между тем и другим»... В переводе с либерального на русский язык это означает господство крепостников («патриархальность») помещиков и черносотенного царизма. Г. Милюков верно отмечает, что этот царизм становится «демагогическим», что он «отказывается от старой искусственной беспартийности, или надпартийности и вмешивается активно в процесс организации партий в стране». Именно в этом, между прочим, состоит тот шаг по пути превращения самодержавия в буржуазную монархию, о котором говорит резолюция Декабрьской конференции социал-демократов 1908 года. Именно в этом состоит то новое, что составляет *специфическую* особенность современного момента и что учла наша партия в ее *современной* постановке тактических задач. Верно отмечая некоторые черты процесса, г. Милюков, во-1-х, не додумывает до конца насчет экономических основ его, а, во-2-х, боится сделать неизбежный вывод о причинах силы крепостников-помещиков. Эта сила сводится к тому, что в Европейской России, по казенной статистике 1905 г., 10 миллионов беднейших крестьян имеют 75 млн. десятин земли, а 30 000 крупнейших помещиков (в том числе уделы, т. е. семейка Николая Романова) имеют 70 млн. десятин земли. Может ли Россия быть избавлена от

«патриархальных» отношений без полного уничтожения этих крепостнических латифундий верхних тридцати тысяч, как вы думаете, г. историк?

Второе течение — «буржуазный конституционализм». Так называет г. Милюков октябристов. «Для крупной буржуазии — пишет он — данное течение, быть может, слишком консервативно по своей тесной связи с бюрократией и дворянством». Объединяет их «отрицательная задача: общая оборона против более радикальных социальных или политических течений». «Буржуазные конституционалисты 3 июня и 9 ноября», ища себе опоры, пытаются «ассимилировать себе хотя бы верхний слой крестьянской массы» («сильных и крепких» г. Столыпина). «Но этого рода социальный базис — пока еще весь в будущем». «Вот почему в поисках социального базиса данное течение, быть может, наиболее слабо обеспечено»!..

У нас любят — даже, к сожалению, среди людей, желающих быть социал-демократами, — разносить «революционные иллюзии». Но может ли быть что-либо наивнее этой *либеральной* иллюзии, будто социальный базис контрреволюционной буржуазии («общая оборона») и помещиков — «слаб», будто их можно разбить иначе, как самым решительным и беспощадным революционным натиском масс, восстанием масс? Серьезный историк опять уступает место дюжинному либералу.

Третье течение — кадеты. Г. Милюков называет его «демократическим конституционализмом» и поясняет, что «сущность этой позиции заключается в соединении радикальной политической и радикальной социальной программы». Историк совсем ступешевался перед дипломатом-политиком. На деле — вся политпка кадетов идет против радикализма масс. На словах — особенно на «совещании», где есть провинциальные кадеты, несколько ближе чувствующие настроение масс, — мы радикальны, мы печемся о демократизме и о массах.

Г. Милюков (особенно под впечатлением «совещания», должно быть) не заблуждается насчет масс. Он признает бесспорным, что «рост сознательности за последние годы огромный», что «причины массового недовольства не исчезли; быть может, они даже увеличились в числе и действие их усилилось в той же мере, в какой возросла сознательность». Но, если историк вынужден признать это, то

либерал все же берет верх: ...«в массах, по несчастью, оказалась» (в революции) «возможной лишь более смелая тайная демагогия, которая льстила традиционным взглядам и привычным ожиданиям массы. Эта демагогия связывала чисто искусственным образом понятный и законный лозунг массы «земля» с непонятным и неверно истолкованным лозунгом «воля». При этих условиях даже усвоение народным сознанием естественной связи между двумя лозунгами явилось лишь источником новых недоразумений и плодило те самые иллюзии» и т. д. и т. д. вплоть до «принципа»: ни революции, ни реакции, а «легальная конституционная борьба». На вопрос о возвращении к «старой тактике 1905 года» «необходимо категорически и резко ответить отрицательно».

Читатель видит, что все добрые намерения историка Милюкова искать опоры для тактики партий в широких кругах населения рассыпались в прах, как только дошло дело до крестьянства и до пролетариата. Относительно последнего г. Милюков махает рукой, признавая, что «в городской демократии к.-д. имеют более широкий, более организованный и сознательный социальный базис, чем может его представить какая бы то ни было политическая партия, за исключением опирающейся на рабочий класс социал-демократии». Относительно же крестьян г. Милюков не теряет надежды. «Несмотря на наличность таких препятствий», как «демагогия» и пр., — пишет он, — «не исключена возможность *параллельной*» (курсив Милюкова) «деятельности демократического конституционализма с непосредственными выражениями желаний народных масс».

Параллельная деятельность! — вот новое словечко для старой либеральной тактики. Параллельные линии никогда не встречаются. Либерализм буржуазной интеллигенции понял, что ему не встретиться *никогда* с массами, т. е. не стать *их* выразителем и вождем в России, — «никогда» в силу выросшей после 1905 года сознательности. Но либералы, типа кадетов, продолжают рассчитывать на массы, как на *пьедестал* своих успехов, своего господства. «Идти параллельно», это значит, в переводе на простой и ясный язык, политически эксплуатировать массы, ловя их словами о демократизме и предавая их на деле. «Поддерживать их (октябристов) систематически в вопросах конститу-

ционных» — эти слова доклада г. Милюкова выражают *суть* политики кадетов. На деле кадеты — пособники октябризма, крыло буржуазного конституционализма. Струве и прочие веховцы прямо, грубо, прямолинейно признают это и требуют, чтобы кадеты перестали «косить глаза влево и заискивать перед презирующими их революционерами» (слова известного ренегата г. Изгоева в «Московском Еженедельнике»⁵¹, 1909, № 46, стр. 10). Милюков и К^о недовольны *только* грубостью и прямолинейностью веховцев, *только* тем, что веховцы портят их дипломатию, мешают им водить за нос отсталые элементы массы. Милюков — практический политик, Струве — доктринер либерализма, но их мирное сожительство в одной партии не случайность, а необходимое явление, ибо буржуазный интеллигент *по сути дела* колеблется между упованием на массы (которые помогут-де каштаны из огня таскать) и упованием на октябристскую буржуазию.

«Невозможность для современной власти допустить свободное общение между политически-сознательными элементами демократии и демократической массой и делает неосуществимыми главные обещания манифеста 17 октября» — пишет г. Милюков. Нечаянно он сказал тут более глубокую правду, чем хотел. Ибо, во-первых, если правда, что для современной власти *невозможно* допустить общение масс с демократами (а это несомненная правда), то отсюда следует необходимость *революционной* тактики, а не «конституционной» борьбы, необходимость вести народ к *свержению* этой власти, а не к реформированию ее. А во-вторых, и октябрь-декабрь 1905 г., и I Дума, и II Дума *доказали*, что не только «для современной власти», но и *для русского либерализма, для русских кадетов* «невозможно допустить свободное общение» между «демократической массой» и социал-демократами, и даже народниками всех оттенков. Кадеты не могли руководить демократией не только рабочей, но и крестьянской во время свобод октября-декабря 1905 г., и даже во время оберегаемых Горемыкиными и Столыпинными Дум демократия не мирилась с главенством кадетов.

Политическое значение кадетского «совещания» конца 1909 года и доклада г. Милюкова состоит в том, что образованные представители либерализма, будучи злейшими

врагами революционной с.-д-тии, дали превосходное подтверждение правильности ее учета момента и ее тактики. Все, что есть ценного и верного в докладе, есть только размазывание и пережевывание нашего основного тезиса о шаге самодержавия по пути превращения в буржуазную монархию, как о главной отличительной черте переживаемого момента. В этом именно его отличие от вчерашнего и от завтрашнего. В этом основа своеобразной тактики с.-д., тактики, которая должна *применить* принципы революционного марксизма к изменившейся ситуации, а не просто *повторить* те или иные лозунги.

Либералы признали контрреволюционность крупной буржуазии, признали рост сознательности и недовольства масс. Почему же они не идут решительно на службу к крупной буржуазии, если они отрекаются от революции, от 1905 г., от «демагогии» «земли и воли», если они признают, что октябризм слишком консервативен для крупной буржуазии? Потому, что «совещание» провинциалов особенно ясно показало им *неудачу* новой, столыпинской, буржуазной политики самодержавия. Новый социальный базис для монархии «*пока еще весь в будущем*», — вот наиболее ценное признание либерализма. Упорядоченный буржуазный конституционализм, с монархией во главе, превосходная вещь, но *ее не выходит, ее не выйдет без нового движения масс*, — вот итог кадетского «совещания». Нам ненавистно движение масс, ненавистна «демагогия» «земли и воли», ненавистны «политические судороги», но мы реальные политики, мы должны считаться с фактами, мы должны направлять свою политику так, чтобы идти *параллельно* с движением масс, раз оно неизбежно. «Не исключена возможность» успешной борьбы за руководство крестьянскими и городскими (кроме рабочих) массами: попытаемся словами о нашем «радикализме» обеспечить себе местечко в народном движении, как словами об оппозиции его величества мы обеспечили себе местечко в Лондоне.

Тактику нашей партии превосходно подтвердило, не подозревая того, кадетское совещание. Мы должны изжить новый исторический момент, когда самодержавие *по-новому* пытается спасти себя и когда оно явно идет *опять* к краху по этому новому пути. Мы должны изжить этот момент, систематически, упорно, терпеливо работая

над более широкой и крепкой организацией более сознательных масс социалистического пролетариата и демократического крестьянства. Мы должны использовать все условия и возможности партийной деятельности в такое время, когда и черная Дума и монархия вынуждены встать на путь партийности. Мы должны использовать это время, как эпоху подготовки новых масс, на новой почве, при новых условиях, к более решительной революционной борьбе за наши старые требования. Революция и контрреволюция показали на деле полную несовместимость монархии с демократией, с господством народа, с свободой народа, — мы должны нести в массы пропаганду уничтожения монархии, пропаганду республиканизма, как условия победы народа, — мы должны лозунг «долой монархию» сделать такой же популярной «народной поговоркой», какой сделался после долгих лет упорной с.-д. работы в 1895—1904 годы лозунг: «долой самодержавие». Революция и контрреволюция показали на деле всю силу и все значение класса помещиков, — мы должны нести в массы крестьянства пропаганду полного уничтожения этого класса, полного разрушения помещичьего землевладения. Революция и контрреволюция показали на деле природу либералов и буржуазной интеллигенции, — мы должны нести в массы крестьянства ясное понимание того, что руководство либералов есть гибель их дела, что без самостоятельной революционной борьбы масс они неизбежно останутся, при всяких кадетских «реформах» останутся в кабале у помещика. Революция и контрреволюция показали нам союз самодержавия и буржуазии, союз русской и международной буржуазии, — мы должны воспитать, сплотить и организовать втрое большие, чем в 1905 г., массы пролетариата, который один только, руководимый самостоятельной с.-д. партией и идущий рука об руку с пролетариатом передовых стран, в состоянии завоевать для России свободу.

ОДИННАДЦАТАЯ СЕССИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО БЮРО

7 ноября нового стиля в Брюсселе состоялось одиннадцатое заседание Международного социалистического бюро. Заседанию Бюро предшествовала, по установившемуся в последние годы обычаю, конференция социалистических журналистов разных стран. На конференции обсуждались некоторые практические вопросы, касающиеся установления более регулярных сношений между ежедневными социалистическими газетами разных стран.

Что касается до заседания Международного социалистического бюро, то, помимо мелких текущих дел, в порядке дня стояло два крупных вопроса: во-1-х, о Международном социалистическом конгрессе 1910 года в Копенгагене и, во-2-х, о расколе в голландской партии.

По первому вопросу был назначен прежде всего срок конгресса, именно: на 28 августа — 3 сентября нового стиля. По поводу места съезда был поднят вопрос, смогут ли русские социалисты свободно приехать в Копенгаген. Представитель датских социалистов Кнудсен ответил, что по их сведениям и по всем тем данным, которые у них есть относительно намерений датского правительства, русских делегатов на съезд полиция не потревожит. Если бы накануне самого съезда выяснилось обратное, то Международное социалистическое бюро, несомненно, озаботилось бы переменой места конгресса.

Порядок дня Копенгагенского съезда намечен такой: 1) кооперативное движение; 2) международная организация помощи крупным стачкам; 3) безработица; 4) разоружение и третейское разбирательство международных конфликтов; 5) результаты рабочего законодательства разных

стран и вопрос о международной организации его, в особенности, вопрос о восьмичасовом рабочем дне; 6) улучшение сношений национальных партий с Международным социалистическим бюро; 7) отмена смертной казни.

Предполагалось сначала поставить в порядок дня аграрный вопрос. Вальян и Молькенбур высказались против, находя затруднительным обсуждение такого вопроса на Международном съезде без предварительной более обстоятельной подготовки его на съездах национальных партий. Выражено пожелание, чтобы съезды национальных партий обсудили этот вопрос специально, так, чтобы он мог быть подготовлен к Международному съезду 1913 года.

Приняв резолюции сочувствия шведским рабочим, организовавшим одну из величайших всеобщих стачек последнего времени, и рабочим Испании, геройски боровшимся с военной авантюрой их правительства, а также резолюции протеста против зверств и убийств царизма в России, правительств в Испании, в Румынии и в Мексике, Международное социалистическое бюро перешло к главному вопросу своего дальнейшего порядка дня — к вопросу о расколе в Голландии.

В Голландии давно уже ведется борьба оппортунистов и марксистов социалистической партии. В аграрном вопросе оппортунисты стояли за пункт программы, требующий наделения землей сельских рабочих. Марксисты энергично боролись против этого пункта (который был защищаем главой оппортунистов, Трульстра) и добились его отмены в 1905 году. Затем, оппортунисты, приспособляясь к религиозно настроенной части голландских рабочих, дошли до защиты выдачи государственных средств на субсидии преподаванию религии в школах. Марксисты горячо боролись с этим. Оппортунисты, с Трульстра во главе, противопоставляли парламентскую с.-д. фракцию партии и противодействовали решениям ЦК. Оппортунисты вели политику сближения с либералами и поддержки их социалистами (разумеется, «оправдывая» это целью добиться социальных реформ, которые либералы обещали и... не проводили). Оппортунисты предприняли пересмотр старой, марксистской, программы голландской с.-д. партии и выставили, между прочим, такие тезисы этого пересмотра, как отречение от «теории крушения» (известная идея Бернштейна), или пожелание, чтобы

признание программы обязывало членов партии признавать политико-экономические, *«но не философские взгляды Маркса»*. Борьба марксистов против такой линии все обострялась. Оттесненные из ЦО партии, марксисты (в том числе известная писательница Роланд-Гольст, затем Гортер, Паннекук и др.) основали свою газету «Трибуна». Трульстра, не разбираясь в средствах, преследовал эту газету, обвиняя марксистов в стремлении «вышибить» его лично, подбивая мещански-настроенную часть голландских рабочих против «драчунов», любителей полемики, нарушителей мира — марксистов. Кончилось тем, что экстренный съезд партии в Дэвенте (13—14 февраля 1909 г.), дав большинство сторонников Трульстра, постановил *закреть «Трибуну»* и основать вместо нее «приложение» при оппортунистическом ЦО партии! Понятно, что редакторы «Трибуны» не пошли на это (кроме Роланд-Гольст, занявшей, к сожалению, безнадежную примиренческую позицию) *и были исключены из партии*.

Получился раскол. Старая, оппортунистическая партия, во главе с Трульстра и Ван-Кодем («знаменитым» со времени оппортунистических выступлений его по колониальному вопросу в Штутгарте), сохранила название «с.-д. раб. партии» (S.D.A.P.). Новая марксистская партия — гораздо более малочисленная — приняла название «с.-д. партии» (S.D.P.).

Исполнительный комитет Международного социалистического бюро попытался взять на себя посредничество по восстановлению единства в Голландии, но сделал это крайне неудачно: занял формальную позицию и, явно сочувствуя оппортунистам, обвинил в расколе марксистов. Их просьба включить новую партию в Интернационал была поэтому отвергнута Исполнительным комитетом Международного социалистического бюро.

На заседании самого Международного социалистического бюро 7 ноября 1909 г. стоял вопрос о допущении марксистов голландцев в Интернационал. Все желали избежать прений по существу и ограничиться указанием процедуры, т. е. направить дело в том или ином порядке, указать способ разрешения конфликта, хотя, разумеется, *суть* дела, *суть* борьбы двух направлений в Голландии не могла не быть ясной большинству членов Бюро.

В конце концов, два направления выставили две резолюции: Зингер — в пользу марксистов, Адлер — против них. Текст резолюции Зингера гласил:

«Международное социалистическое бюро постановляет: Партия, основанная в Голландии под именем новой с.-д. партии (ошибка в названии: следует: «с.-д. партии»), должна быть допущена на Международные социалистические конгрессы, так как она удовлетворяет условиям, которые поставлены уставом Интернационала. Что касается до участия ее делегата в Бюро и до числа ее голосов на конгрессе, то вопрос этот подлежит решению Копенгагенского конгресса, если голландские товарищи не придут сами к улажению этого спора».

Из этого текста видно, что Зингер не сходил с формальной позиции, предоставляя окончательное решение вопроса голландской секции Международного конгресса, но в то же время подчеркивая ясно признание марксистской голландской партии Интернационалом. Адлер не решился сказать обратное, не решился заявить, что он не признает марксистов-голландцев членами Интернационала, что он разделяет позицию Исполнительного комитета, прямо отказавшего марксистам. Адлер предложил резолюцию: «Просьба СДП передается голландской секции. Если соглашения внутри этой секции не последует, тогда предоставляется апелляция к Бюро». Формальная позиция та же, что у Зингера, но из текста ясно, что симпатии этой резолюции на стороне оппортунистов, ибо о признании марксистов членами Интернационала ничего не говорится. И голосование резолюций сразу показало, что *дух* той и другой был вполне схвачен членами Бюро. За Зингера было подано 11 голосов: 2 голоса Франции, 2 — Германии, 1 — Англии (с.-д.), 2 — Аргентины, 1 — Болгарии, 1 — России (с.-д.), 1 — Польши (с.-д.), 1 — Америки (социалистическая рабочая партия). За Адлера было подано 16 голосов: 1 — Англии («независимая» рабочая партия), 2 — Дании, 2 — Бельгии, 2 — Австрии, 2 — Венгрии, 1 — Польши (ППС), 1 — России (с.-р.), 1 — Америки (социалистическая партия), 2 — Голландии (Ван-Коль и Трульстра), 1 — Швеции.

Орган немецких революционных с.-д., «Лейпцигская Народная Газета» (№ 259), справедливо назвала это решение Международного социалистического бюро достойным

сожаления. «В Копенгагене пролетарский Интернационал должен пересмотреть это решение» — заключила она вполне основательно. «Тов. Адлер — писала другая газета того же направления, «Бременская Гражданская Газета», «Bremer Bürgerzeitung» 11 ноября 1909 г. — выступает как адвокат международного оппортунизма, блещущего всеми красками». Его резолюция прошла, «благодаря поддержке оппортунистической мешанины» (Sammelsurium).

К этим справедливым словам мы, русские с.-д., можем только прибавить, что наши с.-р., разумеется, поспешили вместе с ППС занять местечко в оппортунистической компании.

После окончания сессии Международного социалистического бюро, 8 ноября 1909 г. в Брюсселе состоялось 4-е заседание межпарламентской социалистической комиссии, т. е. членов социалистических парламентских фракций разных стран. Фракции были представлены вообще слабо (русская с.-д. думская фракция не представлена вовсе). Делегаты обменялись сообщениями по вопросу о страховании рабочих на случай старости, о состоянии законодательства в различных странах, о проектах рабочих депутатов. Наилучшее сообщение было сделано Молькенбуром на основании статьи, помещенной им в «Neue Zeit»*.

«Социал-Демократ» № 10,
24 декабря 1909 г.
(6 января 1910 г.)

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

* — «Новое Время». Ред.

О ГРУППЕ «ВПЕРЕД»⁵²

КОНСПЕКТ

После ряда лекций товарищам группы «*Вперед*» и после заключительной беседы с ними о партийных задачах и о положении группы «*Вперед*» в партии, я нахожу необходимым изложить свое отношение к спорным вопросам, во избежание недоразумений и кривотолков, в письменной форме.

Я полагаю, что платформа группы «*Вперед*» насквозь пропитана взглядами, несовместимыми с партийными решениями (резолуции конференции декабрьской 1908 года) и противоречащими этим решениям.

Взгляд платформы «*Вперед*» на современный момент неверен, ибо этот взгляд не учитывает экономических и политических изменений в России, выражающихся в новом шаге самодержавия по пути превращения в буржуазную монархию. Поэтому из взгляда платформы «*Вперед*» вытекают на деле отзовистские тактические выводы.

Поэтому платформа «*Вперед*» вся проникнута взглядами, отрицающими безусловную необходимость участия с.-д. партии в III Думе и безусловную необходимость строить нового типа нелегальную партийную организацию, окруженную сетью легальных организаций и использующую обязательно всякую легальную возможность.

Выдвигая в своей платформе задачу разработки так называемой «пролетарской философии», «пролетарской культуры» и т. д., группа «*Вперед*» на деле становится на защиту группы литераторов, проводящих в указанной области антимарксистские взгляды.

Объявляя отзовизм «законным оттенком», платформа группы «*Вперед*» тем самым прикрывает и защищает отзовизм, приносящий глубокий вред партии.

Ввиду всего этого личные заявления большинства товарищей группы «Вперед» о том, что они будут писать искренние корреспонденции в ЦО, будут идейно и товарищески бороться с отзовистами, будут искренно содействовать использованию легальных возможностей, будут бороться со всеми попытками взрыва легальных рабочих организаций и предприятий, — эти заявления внушают недоверие и заставляют опасаться, что группа «Вперед» поведет в местной работе и в работе приготовления конференции борьбу с партийной линией.

Для меня отношение к местным работникам группы «Вперед» определится тем, какова будет деятельность этих работников в России и как будут ими выполняться их заявления.

Ленин

*Написано в конце декабря 1909 г.
(первой половине января 1910 г.)*

*Впервые напечатано в 1933 г.
в Ленинском сборнике XXV*

Печатается по рукописи

К ЕДИНСТВУ

Ровно год тому назад, в феврале 1909 года, в № 2 «Социал-Демократа» мы характеризовали работы партийной конференции РСДРП, как выводящие партию «на дорогу» после «года развала, года идейно-политического разброда, года партийного бездорожья» (статья: «На дороге»)*. Мы указывали там, что тяжелый кризис, переживаемый нашей партией, несомненно, не только организационный, но и идейно-политический. Мы усматривали залог успешной борьбы партийного организма с разлагающими влияниями контрреволюционного периода прежде всего в том, что тактические решения конференции верно решили основную задачу: полное подтверждение рабочей партией ее революционных целей, вынесенных из недавнего времени бури и натиска, ее революционно-социал-демократической тактики, подтвержденной опытом непосредственной борьбы масс, и в то же время учитыванье громадных экономических и политических изменений, происходящих у нас перед глазами, попытки самодержавия приспособиться к буржуазным условиям эпохи, организовать в буржуазную монархию, обеспечить интересы царизма и черносотенных помещиков путем открытого, широко и систематически проводимого союза с буржуазными верхами деревни и с воротилами торгово-промышленного капитализма. Мы отмечали организационную задачу партии, связанную с новым историческим моментом, — задачу использования нелегальной партией всевозможных легальных учреждений, и думской социал-демократической

* См. Сочинения, 4 изд., том 15, стр. 316—326. Ред.

фракции в том числе, для создания опорных пунктов революционной социал-демократической работы в массах. Указывая сходство этой организационной задачи с той, которую решили наши немецкие товарищи в эпоху исключительного закона, мы говорили о «печальном уклонении от выдержанной пролетарской работы» в виде отрицания думской работы социал-демократии или отказа от прямой и открытой критики *линии* нашей думской фракции, в виде отрицания или припихивания нелегальной социал-демократической партии, попыток заменить ее бесформенной нелегальной организацией, укоротить наши революционные лозунги и т. д.

Бросив этот взгляд назад, мы можем правильнее оценить значение недавно состоявшегося пленума Центрального Комитета нашей партии ⁵³. Читатели найдут в другом месте настоящего номера текст важнейших резолюций, принятых пленумом. Значение этих резолюций — крупный шаг к фактическому единству партии, к сплочению всех партийных сил, к *единогласному* признанию тех основных положений относительно тактики партии и ее организации, которые определяют *дорогу* социал-демократии в наше трудное время. Эта дорога была указана год тому назад *верно*, и на нее вступает теперь *вся* партия, в ее верности убедились *все* фракции в партии. Пережитый год был годом новых фракционных дроблений, новой фракционной борьбы, годом обострения опасности *развала* партии. Но условия работы на местах, трудное положение социал-демократической организации, неотложные задачи экономической и политической борьбы пролетариата, — все это толкало к сплочению социал-демократических сил все фракции. Чем больше укреплялась, нагнела и неистовствовала контрреволюция, чем шире распространялось подлое ренегатство и отречение от революции в либеральных и мелкобуржуазно-демократических слоях, тем сильнее была тяга *к партии* у всех социал-демократов. Крайне характерно, что под влиянием всей этой совокупности условий во второй половине 1909 года за партийность высказывались столь далеко между собой расходящиеся члены нашей партии, как меньшевик товарищ Плеханов, с одной стороны, и группа «Вперед» (группа большевиков, отошедших от ортодоксального большевизма), — с другой. Первый решительно выступил в августе 1909 года

против раскола и линии раскола партии с лозунгом: «борьба за влияние в партии». Вторая выпустила платформу, в которой говорится, правда, в начале о «борьбе за восстановление единства большевизма», но в конце решительно осуждается фракционность, «партии в партии», «обособленность и замкнутость фракций», решительно требуется их «растворение» в партии, их «слияние», превращение фракционных центров в центры «действительно лишь идейные и литературные» (стр. 18 и 19 брошюры: «Современное положение и задачи партии»).

Ясно намеченную большинством партии дорогу признали теперь — разумеется, не в деталях, а в основном — единогласно все фракции. Год обостренной фракционной борьбы привел к решительному шагу в пользу уничтожения *всех* фракций и *всякой* фракционности, в пользу единства партии. Решено сплотить все силы на неотложных задачах экономической и политической борьбы пролетариата; объявлено о закрытии фракционного органа большевиков; единогласно принято решение о необходимости закрытия «Голоса Социал-Демократа», т. е. фракционного органа меньшевиков. Единогласно принят ряд резолюций, из которых мы должны особо выделить здесь, как наиболее важные, резолюцию о положении дел в партии и о созыве ближайшей партийной конференции. Первая из этих резолюций, будучи, так сказать, платформой объединения фракций, заслуживает особенно обстоятельного разбора.

Она начинается словами: «в развитие основных положений резолюций партийной конференции 1908 года»... Мы привели выше эти основные положения трех главных резолюций Декабрьской конференции 1908 года: об оценке момента и о политических задачах пролетариата, об организационной политике партии и об отношении ее к думской социал-демократической фракции. Не может подлежать ни малейшему сомнению, что в партии истинно единогласия относительно каждой детали, относительно каждого пункта этих резолюций, что для их критики, для их переработки, соответственно указаниям опыта и урокам усложняющейся экономической и политической борьбы, должны быть широко открыты двери партийной печати, что эту работу критики, применений, улучшений должны рассматривать отныне *все* фракции, вернее: *все течения* в партии, как дело своего собственного самоопределения,

как дело уяснения своей собственной линии. Но работа критики и исправления партийной линии не должна мешать единству партийного *действия*, которое не может приостановиться ни на минуту, которое не может быть колеблющимся, которое должно *во всем* направляться сообразно основным положениям указанных резолюций.

Развивая эти положения, первый пункт постановления Центрального Комитета напоминает «принципиальные основы» социал-демократической тактики, которая, согласно методу всей международной социал-демократии, не может быть рассчитываема — особенно в такую эпоху, какую переживаем мы — «на данную лишь конкретную обстановку ближайшего момента», а должна быть рассчитана на различные пути, на все возможные ситуации: и на случай «быстрой ломки» и на случай «сравнительной неподвижности обстановки». Пролетариату впервые открывается возможность планомерно и последовательно применять этот тактический метод. Тактика нашей партии должна в одно и то же время, в одном и том же действии пролетариата, в одной и той же сети организационных ячеек, «делать пролетариат готовым к новой открытой революционной борьбе» (без этого мы утратили бы право причислять себя к революционной социал-демократии, мы не исполнили бы основного своего дела, завещанного эпохой 1905 года и предписываемого каждой черточкой современной экономической и политической обстановки), — и «давать пролетариату возможность использовать *для себя* все противоречия неустойчивого режима контрреволюции» (без этого наша революционность превратилась бы в фразу, в *повторение* революционных слов вместо *применения* всей суммы революционного опыта, знаний и уроков международной социал-демократии к *каждому* практическому действию, к использованию *каждого* противоречия и колебания царизма, его союзников и всех буржуазных партий).

Второй пункт резолюции дает характеристику того перелома, который переживает рабочее движение в России. Сплотимся и пойдем на помощь новому поколению социал-демократических рабочих, чтобы оно смогло решить свою историческую задачу, обновить партийную организацию, выработать новые формы борьбы, нисколько не отказываясь от *задач* революции и методов ее, а, напротив,

отстаивая их, готовя более широкую и более прочную базу для более победоносного применения этих методов в грядущей новой революции.

Третий пункт резолюции обрисовывает те условия, которые вызвали повсюду у сознательных рабочих «тягу к концентрации партийных социал-демократических сил, к укреплению партийного единства». Во главе этих условий стоит широкое контрреволюционное течение. Враг сплачивается и наступает. К старым врагам — царизму, произволу и насилию чиновников, к угнетению и бесстыдному надругательству со стороны помещиков-крепостников — присоединяется новый враг: все более объединяющаяся на сознательной, собственным опытом подкрепленной, вражде к пролетариату буржуазия. Революционеров истребляют, пытаются и мучат, как никогда. Революцию стараются оплевать, опозорить, вытравить из памяти народа. Но рабочий класс ни в одной стране никогда не давал еще врагам отнять главное завоевание всякой, сколько-нибудь заслуживающей этого названия, революции, именно: опыт массовой борьбы, убеждение миллионов трудящихся и эксплуатируемых в ее необходимости для всякого серьезного улучшения в своем положении. И рабочий класс России через все испытания вынесет ту готовность к революционной борьбе, тот героизм массы, с которым он побеждал в 1905 году и сумеет победить еще не раз.

Нас сплачивает не только гнет контрреволюции и разгул контрреволюционных настроений. Нас сплачивает и каждый шаг скромной, повседневной практической работы. Думская работа социал-демократии идет неуклонно вперед, освобождаясь от ошибок, неизбежных вначале, преодолевая скептицизм и равнодушие, выковывая ценное всеми социал-демократами орудие революционной пропаганды, агитации, организованной классовой борьбы. И всякий легальный съезд, в котором участвуют рабочие, всякое легальное учреждение, куда просачивается пролетариат и приносит свою классовую сознательность, открытую защиту интересов труда и требований демократии, — ведут к сплочению сил и к развитию движения в целом. Никакие преследования правительства, никакие ухищрения его черносотенных и буржуазных союзников не в силах уничтожить проявлений пролетарской борьбы в самых

различных и подчас неожиданных формах, ибо самый капитализм каждым шагом своего развития обучает и сплачивает, умножает ряды и усиливает возмущение своих могильщиков.

В том же направлении (тяга к партийности) действует разрозненность социал-демократических групп и «кустарничество» в работе, от которых так страдает наше движение в течение последних полутора-двух лет. Практическую работу становится невозможным поднять без концентрации сил, без создания руководящего центра. Центральным Комитетом принят ряд решений об организации и функционировании этого центра, о расширении его состава практическими силами, о более тесном соединении его работы с работой на местах и т. д. Теоретические интересы, которые неизбежно выдвигаются вперед во времена застоя, равным образом требуют сплочения на защите социализма вообще и марксизма, как единственно научного социализма, в особенности пред лицом буржуазной контрреволюции, которая мобилизует все силы для борьбы против идей революционной социал-демократии.

Наконец, последний пункт резолюции говорит об идейно-политических задачах социал-демократического движения. Острый процесс внутри социал-демократического движения в 1908—1909 годах привел к тому, что и эти задачи ставились до сих пор чрезвычайно остро и решались самой ожесточенной борьбой фракций. Это было не случайностью, а необходимым явлением в обстановке кризиса и развала партийных организаций. Но это именно *было* необходимостью, и единогласное принятие разбираемой резолюции показало наглядно общее стремление пойти вперед, от борьбы за спорные основные положения перейти к признанию их бесспорными и к дружной усиленной работе на почве этого признания.

Резолюция признает, что двоякого рода отклонения в сторону от правильного пути порождаются неизбежно современной исторической обстановкой и буржуазным влиянием на пролетариат. Одно из этих отклонений, по сути дела, характеризуется следующими чертами: «отрицание нелегальной социал-демократической партии, понижение ее роли и значения, попытки укоротить программные и тактические задачи и лозунги революционной социал-демократии и т. д.». Понятна связь этих ошибок

внутри социал-демократии с контрреволюционным буржуазным потоком вне ее. Ничто так не ненавистно буржуазии и царизму, как нелегальная социал-демократическая партия, своей работой доказывающая свою верность заветам революции, свою непреклонную готовность к беспощадной борьбе с основами столыпинской «легальности». Ничто так не ненавистно буржуазии и слугам царизма, как революционные задачи и лозунги социал-демократии. Отстаивание того и другого есть наша безусловная задача, и именно сочетание нелегальной и легальной работы особенно требует от нас борьбы со всяким «принижением роли и значения» нелегальной партии. Именно необходимость на более мелких вопросах, в более скромных размерах, по частным поводам, в легальных рамках защищать партийную позицию особенно требует наблюдения за тем, чтобы эти задачи и лозунги не *укорачивались*, чтобы изменение формы борьбы не ликвидировало ее содержания, не ослабляло ее непримиримости, не уродовало исторической перспективы и исторической цели пролетариата: вести всех трудящихся и эксплуатируемых, вести все массы народа через ряд буржуазных революций, завсегдающих демократическую республику, к пролетарской революции, ниспровергающей самый капитализм.

Но, с другой стороны, — и здесь мы переходим к характеристике другого уклонения, — нельзя вести на практике, повседневно революционной социал-демократической работы, если не научиться видоизменять ее формы, приспособляя их к своеобразию каждого нового исторического момента. «Отрицание думской с.-д. работы и использования легальных возможностей, непонимание важности того и другого» представляет из себя как раз такое уклонение, при котором на деле ведение классовой социал-демократической политики становится невозможным. Новый этап исторического развития России ставит перед нами новые задачи: это не значит, чтобы старые задачи уже были решены, чтобы от них позволительно было отречься, — нет; но это значит, что нужно учесть эти новые задачи, найти новые формы борьбы, выработать соответствующие им тактику и организацию.

Раз в партии начало устанавливаться согласие относительно этих основных вопросов, согласие относительно

необходимости *«преодолеть»*, главным образом, путем расширения и углубления социал-демократической работы, оба указанные отклонения, — главное (для правильного определения *«идейно-политических задач социал-демократического движения»*) достигнуто. Надо теперь систематически провести это достигнутое в жизнь, добиться полной ясности понимания этих задач всеми кругами партии, всеми местными работниками, довести до конца разъяснение опасности обоих отклонений во *всех* областях работы, поставить работу так, чтобы *сделать невозможными* шатания в ту или другую сторону. Практические шаги по осуществлению принятых решений, потребности самой экономической и политической борьбы покажут затем сами собою, что и как тут остается доделать.

В числе этих потребностей есть одна, входящая в обычный ход партийной жизни (когда есть этот «обычный ход»). Мы говорим о партийной конференции, которая бы свела вместе *действительно занятых работой на местах* представителей партийных социал-демократических организаций и групп со всех концов России. Как ни скромна эта задача, но современный развал страшно затруднил ее. Резолюция Центрального Комитета учитывает новые трудности (выбор областных делегатов отдельными местными ячейками, а не областными конференциями, раз созыв таковых невозможен) и новые задачи (привлечение с совещательным голосом партийных деятелей из легального движения).

Объективные условия требуют того, чтобы в основе организации партии лежали скромные по размерам и по теперешним формам работы нелегальные рабочие ячейки. Но, чтобы научиться вести революционную социал-демократическую работу систематически, неуклонно, планомерно при современной тяжелой обстановке, — от них требуется гораздо больше инициативы и самостоятельности, чем прежде, тем более, что помощи от опытных, старых товарищей в массе случаев им не дожидаться. И эти ячейки не могут решить задачи постоянного влияния на массы и взаимодействия с массами без создания, во-первых, прочной связи друг с другом, а во-вторых, без создания опорных пунктов в виде всяческих и всевозможных легальных учреждений. Отсюда необходимость конференции делегатов этих нелегальных ячеек — в первую голову,

прежде всего, немедленно и во что бы то ни стало. Отсюда необходимость привлечения *партийцев* социал-демократов из легального движения, привлечение представителей «от социал-демократических групп в легальном движении, готовых установить *прочную организационную* связь с местными партийными центрами». Кто действительно, на деле, а не на словах только, партиен из наших легальных социал-демократов, кто из них действительно понял отмеченные выше новые условия работы и сочетание с ними старых задач революционной социал-демократии, кто искренно готов работать над выполнением этих задач, какие группы действительно готовы установить прочную организационную связь с партией, — это может быть определено только на местах, в самом ходе повседневной нелегальной работы.

Будем надеяться, что на этой работе сплотятся теперь все социал-демократические силы, что за подготовку конференции возьмутся со всей энергией партийные работники в центре и на местах, что эта конференция поможет окончательно закрепить наше партийное единство и дружно двинуть вперед создание более широкой, более прочной, более гибкой пролетарской базы для грядущих революционных битв.

«Социал-Демократ» № 11,
13 (26) февраля 1910 г.

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

«ГОЛОС» ЛИКВИДАТОРОВ ПРОТИВ ПАРТИИ ⁵⁴

(ОТВЕТ «ГОЛОСУ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА»)

«Голос Социал-Демократа» № 19—20 и манифест гг. Аксельрода, Дана, Мартова и Мартынова, изданный отдельно, под названием «Письмо к товарищам», представляют из себя такую бомбу, предназначенную для взрыва партии тотчас после объединительного пленума, что мы вынуждены выступить с немедленным, хотя бы кратким, хотя бы неполным предупреждением, обратиться с предостережением ко всем социал-демократам.

Начнем с того, что «Голос Социал-Демократа» стреляет против нас, против редакции ЦО. Он обвиняет нас, устами т. Мартова, в направлении статьи этого последнего в «Дискуссионный Листок» ⁵⁵. «Моя статья вовсе не *дискутирует* о решениях пленума», — пишет и подчеркивает т. Мартов; буквально повторено это в «Письме к товарищам».

Всякий, кто пожелает прочесть статью т. Мартова, озаглавленную «На верном пути», увидит, что она *прямо дискутирует* решения пленума, *прямо выступает против* решения о составе ЦО, подробно мотивирует теорию равноправия течений, «нейтрализации» течений. Вопиющая неправда, которую говорит т. Мартов и вся редакция «Голоса», будто спорная статья «не дискутирует» решений пленума, похожа на прямое издевательство над партийным решением.

Если кому-нибудь неясно различие между дискутированием решений пленума и добросовестным ведением *линии* пленума в самом ЦО, то мы приглашаем таких людей, и особенно *меньшевиков*, подумать над поучительной статьей т. Плеханова в настоящем № ЦО и над не менее

поучительным № 11 «Дневника Социал-Демократа» того же автора. Ни один меньшевик, который не пожелает издеваться над партийным решением и над партийным объединением, не сможет отрицать, что в «Дневнике» т. Плеханов *дискутирует* решения пленума, а в статье «В защиту подполья» он защищает *партийную линию*. Можно ли не понять этой разницы, если не преследовать злостной цели *сорвать* решения пленума?

Но мало того, что т. Мартов и вся редакция «Голоса» говорят вопиющую неправду, будто в статье «На верном пути» не дискутируются решения пленума. В статье есть нечто гораздо худшее. Статья построена вся на *теории равноправия* нелегальной партии, т. е. РСДРП, с одной стороны, и оторвавшихся от партии *легалистов*, желающих именоваться социал-демократами, — с другой. Статья построена вся на теории раскола *этих «двух частей»* рабочего авангарда, *«двух частей социал-демократии»*, долженствующих соединиться на тех же началах «равноправия и нейтрализации», на которых всегда соединяются всякие расколовшиеся части целого!

Недостаток места не позволяет нам умножать цитаты в подтверждение такой характеристики взглядов Мартова. Это будет сделано в ряде других статей, если это понадобится вообще, ибо отрицать «теорию равноправия» у Мартова едва ли кто решится.

А эта новая теория есть прямое выступление против постановлений пленума, более того: есть *прямое издевательство* над ними. Ясный для всех, добросовестно исполняющих решения пленума, смысл этих решений состоит в том, что устранению подлежит раскол партийных меньшевиков и партийных большевиков, раскол этих старинных *фракций*, а вовсе не «раскол» между *всеми* вообще легалистами и нашей нелегальной РСДРП. Оторвавшиеся от партии легалисты отнюдь не рассматриваются, как подобная партии или равноправная партии «часть социал-демократии». Напротив, их зовут *назад в партию* под определенно выраженным *условием* разрыва с ликвидаторством (т. е. с легализмом во что бы то ни стало) и перехода на партийную точку зрения, перехода к «партийному образу жизни». Письмо ЦК о конференции, этот *официальный* и безусловно обязательный для партии комментарий к резолюциям пленума, говорит с полнейшей

ясностью, что *судить* о том, *партийны* ли легалисты *на деле*, должны *нелегальные организации* *, т. е. специально отвергает «теорию равноправия»!

Это письмо ЦК составлено по специальному постановлению пленума особой комиссией из тт. Григория ⁵⁶, Иннокентия ⁵⁷ и Мартова. Письмо утверждено *всей* этой комиссией *единогласно*. Теперь т. Мартов — точно под влиянием какого-то злого духа — меняет фронт, пишет статью, насквозь пропитанную *прямо обратной* теорией, и еще жалуется, точно насмехаясь над партией, когда эту статью объявляют дискуссионной!

Само собою очевидно, что эта теория равноправия, выраженная *во* всех остальных статьях «Голоса» еще гораздо более резко и грубо, чем у Мартова, — *на деле* ведет к *подчинению партии ликвидаторам*, ибо такой легалист, который противопоставляет себя нелегальной партии, считая себя равноправным с ней, и есть не что иное, как ликвидатор. «Равноправие» травимого полицией нелегального с.-д. с легалистом, обеспеченным своей легальностью и своей оторванностью от партии, на деле есть «равноправие» рабочего и капиталиста.

Все это до такой степени очевидно, издевательство «Голоса» над решением пленума и разъяснением его в письме ЦК до такой степени явно, что статью Мартова нельзя назвать иначе, как указывающей «*верный путь*»... к победе ликвидаторов над партией.

Партийные меньшевики уже увидели эту опасность. Доказательство — № 11 «Дневника Социал-Демократа», в котором меньшевик Плеханов, только прочитавши резолюцию пленума, не видя еще «Письма» ЦК, *специально* указывает на то, что при «невнимательном отношении» к словам резолюции о легалистах, «готовых установить прочную организационную связь с местными партийными центрами» — «*ликвидаторы*» *могут сделать тут для себя удобную лазейку*» (стр. 20).

* См. № 11 ЦО, стр. 11—12: «Только местные организации смогут обеспечить, чтобы это дополнительное представительство распространилось лишь на *действительных* (курсив «Письма») партийцев; местные наши работники будут судить не только по словам этих дентелей легального движения, но и по *их делам*, и приложат все усилия к тому, чтобы привлечены были только те, кто по существу дела и теперь составляет часть нашей партии, кто хочет идти в нашу партийную организацию, чтобы действительно работать на нее, укреплять ее, подчиняться и служить ей» и т. д.

Не очевидно ли, что Плеханов прекрасно изучил своих голосовцев? Он указал ту самую *лазейку ликвидаторов*, которую из всех сил, почти во всех статьях, от первой до последней строчки «разрабатывает» «Голос Социал-Демократа» № 19—20. Не вправе ли мы назвать его «Голосом» *ликвидаторов*?

До чего доходит защита ликвидаторства у голосовцев, показывает следующее место в «Письме к товарищам»:

...«ЦО... должен завоевать себе доверие, как среди жизнеспособных элементов старых подпольных организаций...» (подпольные партийные организации оказывают полное доверие и ЦК и ЦО; тут смешно и говорить о «завоевании»)... «так и среди новых открытых организаций, являющихся теперь главным очагом (вот как!) социал-демократической работы». Итак, оторвавшиеся от партии легалисты — *главный очаг*. Не они должны завоевать доверие партии, стать партийцами на деле, войти в партию, вернуться к партийности, а партия в лице ЦО должна «завоевать их доверие» — очевидно, той прикрытой защитой ликвидаторства, тем подготовлением лазеек для ликвидаторства, которые мы видим в «Голосе»!!

Вся статья т. Ф. Дана «Борьба за легальность» насквозь пропитана ликвидаторским духом, доходящим до прямого реформизма. Говоря, что «борьба за легальность» есть «одна из основных революционных задач», есть «знамя» и т. д., т. Дан защищает не социал-демократическую, а кадетскую точку зрения. «Нелегальное сплочение, как необходимое орудие в борьбе за легальность» — провозглашает т. Дан. Это по-кадетски. У кадетов партия нелегальна, но их нелегальность есть именно лишь «необходимое орудие в борьбе за легальность». У социал-демократии *легальное* сплочение является в настоящее время одним из необходимых орудий *нелегальной партии*.

...«В свете ее» (борьбы за легальность), «во имя ее только и возможна в настоящее время такая борьба пролетариата, которая ставит себе... целью... низвержение самодержавия»...

Это рассуждение опять-таки необходимо перевернуть наизнанку, чтобы оно стало *социал-демократическим* рассуждением. Только в свете борьбы за низвержение самодержавия, только во имя ее возможна действительно

социал-демократическая работа в легальных организациях. Только во имя борьбы за неукороченные революционные требования пролетариата, только в свете программы и тактики революционного марксизма возможно действительно успешное использование социал-демократией всех и всяческих легальных возможностей, возможно и необходимо самое упорное отстаивание их и превращение в опорные пункты нашей партийной работы.

Но и это еще не все. Голосовцы прямо бьют в лицо решениям пленума, когда выступают и в своем письме и в своей газете с агитацией за *продолжение «Голоса»* вопреки решениям ЦК. Мы не станем здесь разбирать той смешной и жалкой софистики, которой хотят оправдать срыв партийного решения. Мы ограничимся лучше — по крайней мере, в настоящей краткой статейке — ссылкой на *голос партийного меньшевизма*, на № 11 «Дневника». Товарищ Плеханов и эту лазейку ликвидаторов предвидел, сказав прямо, просто и ясно то, в чем не может сомневаться ни один лояльный социал-демократ: «агитация *против* закрытия «Голоса» — пишет он на стр. 18 — есть «агитация против уничтожения фракции, т. е. за *сведение к нулю* самого главного из возможных результатов пленарного заседания ЦК». Что такое «Голос Социал-Демократа» для меньшевиков известного направления? Это их фактический фракционный — притом безответственный — центр.

Именно так. *Сведение к нулю* объединения — вот к чему сводится дело «Голоса» № 19—20 и манифеста четырех редакторов «Голоса» против решений пленума. После объединительного пленума они выступили с гораздо более откровенной, гораздо более бесцеремонной защитой ликвидаторства, чем до пленума. Когда их манифест сообщает меньшевикам, что письмо Заграничного бюро ЦК по группам⁵⁸, письмо, зовущее к созданию действительного единства, *принято против голосов меньшевистского и бундовского членов ЗБЦК*, то всякий понимает, что перед нами плохо прикрытый *призыв к неподчинению этому письму*, к срыву заграничного единения. Пусть партийные меньшевики, осуждающие голосовцев, перейдут от осуждения *к делу*, если они хотят во что бы то ни стало отстоять партийное объединение. От партийных меньшевиков зависит теперь это объединение, от их *готовности и способности провести*

прямую борьбу и с заграничным и с русским «фактическим центром» голосовцев-ликвидаторов.

Этот русский центр, русский МЦ (меньшевистский центр) выступает прямо в № 19—20 «Голоса», выступает с «открытым письмом», в котором Плеханов объявляется «ликвидатором идей меньшевизма». Уход меньшевиков из партии этот русский МЦ объясняет, — а вернее будет сказать: оправдывает, — «общеизвестным явлением омертвелости партийных ячеек»!! Уходящие — говорит нам манифест МЦ — «облыжно именуются ликвидаторами» (стр. 24 «Голоса»).

Мы спрашиваем сколько-нибудь способных на беспристрастие социал-демократов, мы спрашиваем в особенности рабочих социал-демократов, без различия течений, не означает ли появление такого манифеста МЦ на другой день после пленума сведение к нулю дела объединения?

Мы считаем своим долгом сообщить всей партии имена подписавших этот знаменитый — мы уверены, что он станет геростратовски знаменитым, — документ: 1) Августовский, 2) Антон, 3) Вадим, 4) В. Петрова, 5) Георгий, 6) Георг, 7) Евг. Га—аз, 8) Крамольников, 9) Д. Кольцов, 10) Нат. Михайлова, 11) Роман, 12) Ромул, 13) Соломонов, 14) Череванин (ну, еще бы!), 15) Юрий, 16) Я. П—ий⁵⁹.

«Эти подписи — пишет редакция «Голоса» — принадлежат старым партийным работникам, хорошо известным редакции; некоторые из них занимали в партии ответственные посты».

Эти имена, ответим мы, будут пригвождены к позорному столбу всеми сознательными социал-демократическими рабочими, когда они прочтут «Голос С.-Д.» № 19—20, когда они ознакомятся с решениями пленума, когда они узнают следующий факт:

Русское бюро ЦК на этих днях прислало официальное письмо в ЗБЦК (заграничный исполнительный орган Центрального Комитета). В этом письме буквально говорится:

...«Мы обратились к товарищам Михаилу⁶¹, Роману и Юрию» (мы подчеркнули эти имена выше) «с предложением вступить в работу, но получили от них ответ, гласящий, что они считают не только решения пленума

вредными, но находят вредным самое существование ЦК. На этом основании они отказываются даже явиться на одно заседание для кооптации»*...

(Поясним от себя: главари меньшевистского центра не только сами отказываются поддерживать ЦК, но и отказываются явиться для кооптации других меньшевиков, для кооптации меньшевистских рабочих, прекрасно зная, что отказ от явки для кооптации *тормозит* работу ЦК, *тормозит* его составление, вынуждает, может быть на месяцы, *отсрочку* в самом приступе ЦК к работе, как ЦК.)

Итак, те самые люди, которые печатно заявляют, при содействии и одобрении Аксельрода, Дана, Мартова и Мартынова, что Плеханов их «облыжно именует «ликвидаторами», — прямо срывают самое существование ЦК, провозглашают его существование вредным.

Те самые люди, которые кричат в подпольной печати (через «Голос») и в легальной печати (через либералов) об «общезвестном явлении омертвелости партийных ячеек», сами срывают попытки наладить, восстановить, пустить в ход эти ячейки и даже такую ячейку, как ЦК.

Пусть знают теперь все с.-д., кого разумеет манифест тт. Аксельрода, Дана, Мартова, Мартынова, когда он говорит про «деятелей открытого движения, занявших теперь главные аванпосты борющегося пролетариата». Пусть знают теперь все с.-д., к кому обращается редакция «Голоса», когда она пишет: «нам хотелось бы, чтобы товарищи» (Михаилы, Романы, Юрий) «оценили значение той бреши, которая ныне пробита в официальной догме,

* Приводим дополнительно все места из писем (Российского бюро ЦК и одного из действующих в России членов ЦК⁸¹), относящиеся к созыву ЦК в России:

...«Просим товарищей Мартова и меньшевинов-ценистов немедленно сообщить нам имена и адреса товарищей, которых они предлагают кооптировать (петербургские меньшевики от этого отказались)... «Собрать русскую коллегию пока нельзя: почти никто не соглашается быть кооптированным, пока согласился только один большевик, да и то условно. *Меньшевики* (Михаил, Роман и Юрий) категорически отказались, считая вредной работу ЦК. Резолюции пленума, по мнению Михаила и других, также вредны. *Вмешательство ЦК в тот стихийный процесс группировки с.-д. сил в легальных организациях, который теперь происходит, подобно, по их словам, вырыванию плода из чрева матери на 2 месяце беременности.* Просим немедленно указать нам других товарищей, к которым можно обратиться с предложением кооптировать их. А также желательно опубликовать отношение товарищей к такому поступку Михаила и др.»

действительно осуждавшей партийную организацию на пеминуемое омертвление, и попытались занять открываемые им» (Михаилам, Романам, Юриям) «этой брешью позиции».

Мы обращаемся ко всем организациям, ко всем группам нашей партии и мы спрашиваем их, намерены ли они терпеть это издевательство над социал-демократией? Позволительно ли теперь оставаться пассивным зрителем происходящего, или обязательно выступить с решительной борьбой против течения, подрывающего самое существование партии?

Мы спрашиваем всех российских с.-д., могут ли они еще сомневаться теперь, в чем состоит практическое, реально-политическое значение «теории равноправия» течений, равноправия легалистов и нелегальной партии, теории «борьбы за легальность» и т. д. и т. п.?

Эти теории, эти рассуждения, эти лазейки есть *словесный щит*, за которым прячутся такие *враги социал-демократии*, как Михайлы, Романы, Юрии, такие политические пособники их, как шестнадцать меньшевиков-геростратов, такие идейные вожди их, как литераторы, ведущие «Голос ликвидаторов».

Итак: № 19—20 «Голоса Социал-Демократа» и раскольнический манифест четырех редакторов «Голоса» «К товарищам» есть прямая агитация:

*за фракционный орган против единства,
против объединения за границей,
в защиту явного ликвидаторства,
в защиту прямых противников самого
существования ЦК,*

Против партии!

Заговор против партии раскрыт. Все, кому дорого существование РСДРП, встаньте на защиту партии!

«Социал-Демократ» № 12,
23 марта (5 апреля) 1910 г.

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»,
совершенному с текстом Отдельного
оттиска

ЗА ЧТО БОРОТЬСЯ?

Недавние выступления господствующей в Думе партии октябристов, в связи с думскими и внедумскими речами правых кадетов, имеют, несомненно, крупное симптоматическое значение. «Мы изолированы в стране и в Думе», — жаловался глава партии контрреволюционных капиталистов, г. Гучков. А веховец, г. Булгаков, как бы вторит ему в «Московском Еженедельнике»: ...«и реакция, и революция отрицают «неприкосновенность личности»; напротив, телом и душой исповедуют ее «прикосновенность», — совершенно одинаково Марков 2-ой, с травлей инородцев и погромной моралью, и с.-д. Гегечкори, во имя неприкосновенности личности, апеллирующий ко «второй великой русской революции» (№ 8, 20 февраля 1910 г., стр. 25).

«Мы ждем», обращался г. Гучков в Думе к царскому правительству, констатируя этим, что до сих пор буржуазия, душой и телом отдавшаяся контрреволюции, не может признать свои интересы обеспеченными, не может видеть ничего действительно прочного и устойчивого в смысле создания пресловутого «обновленного» строя.

А веховец Булгаков вторит: ...«я с неутихающей болью думаю старую, горькую и большую думу: да ведь это одно и то же (т. е. и реакция и революция все то же, именно —)... тот же насильственно осуществляемый максимализм... Ведь в последнее время *иные* опять уже начинают *вздыхать* о новой революции, как будто теперь, после пережитого опыта, можно от нее ожидать чего-либо, кроме окончательного развала России» (стр. 32).

И думский вождь самой крупной буржуазной партии и популярный в либеральном «обществе» право-кадетский

публицист («Вехи» выходят *пятым* изданием) — оба жалуются, оба стонут, оба констатируют, что *они изолированы*. Изолированы идейно среди максималистов реакции и «максималистов» революции, среди героев черной сотни и «вздыхающих о новой революции» (либералов?), — «изолированы в Думе и в стране».

Это изолирование «центра», изолирование буржуазии, желающей изменения старого режима, но не желающей борьбы с ним, желающей «обновления» царизма, но боящейся свержения его, — явление не новое в истории русской революции. В 1905 году, когда неуклонно росло массовое революционное движение, нанося удар за ударом царизму, «изолированными» чувствовали себя и кадеты и октябристы. Кадеты (тогдашние «освобожденцы») начали упираться уже после 6 августа 1905 г., высказываясь против бойкота булыгинской Думы. Октябристы окончательно «уперлись» после 17 октября. В 1906—1907 гг. кадеты были «изолированы» в обеих Думах, бессильны использовать свое большинство, беспомощны в метаниях между царизмом и революцией, между черносотенными помещиками и пролетарски-крестьянским натиском. Несмотря на большинство в обеих Думах, кадеты были все время изолированы, были сжаты между Треповым и подлинным революционным движением и бесславно сошли со сцены, не одержав ни единой победы. В 1908—1909 гг. октябристы были в большинстве в III Думе, шли рука об руку с правительством, поддерживали его не за страх, а за совесть, — и они вынуждены признать теперь, что на деле командовали не они, а черносотенцы, что октябристская буржуазия *изолирована*.

Таковы итоги относительно исторической роли буржуазии в русской буржуазной революции. Опыт пятилетия (1905—1909 годы), наиболее богатого событиями и наиболее открыто развернувшего борьбу масс, борьбу классов в России, доказал *фактически*, что оба крыла нашей буржуазии, и кадетское и октябристское, оказались *на деле* нейтрализованными борьбой революции и контрреволюции, оказались бессильными, беспомощными, жалкими, мечущимися между враждебными лагерями.

Своими непрерывными изменами революции буржуазия вполне заслужила те грубые пинки, те надругательства, то оплевание, которые достаются ей в течение столь

долгого времени от черносотенного царизма, от царско-помещичьей черной сотни. И, конечно, не какие-нибудь особые моральные свойства вызвали эти изменения со стороны буржуазии и это историческое возмездие, полученное ею, а противоречивое экономическое положение капиталистического класса в нашей революции. Этот класс боялся революции больше, чем реакции, победы народа — больше, чем сохранения царизма, конфискации помещичьих земель — больше, чем сохранения власти крепостников. Буржуазия не принадлежала к тем элементам, которым нечего было терять в великой революционной битве. Таким элементом в нашей буржуазной революции был только пролетариат, а за ним миллионы разоренного крестьянства.

Русская революция подтвердила тот вывод, который сделан был Энгельсом из истории великих буржуазных революций Запада, именно: чтобы добиться даже только того, что непосредственно необходимо буржуазии, революции надо было *зайти дальше* требований буржуазии⁶². И пролетариат России вел, ведет и *поведет* нашу революцию вперед, толкая события дальше того, где бы их хотели остановить капиталисты и либералы.

В банкетной кампании 1904 года либералы всячески удерживали с.д., боясь их бурного вмешательства. Рабочие не дали себя запугать призраком запуганного либерала и повели движение вперед, к 9-му января, к всероссийской волне непрерывных стачек.

Либеральная буржуазия, вплоть до «нелегальных» в ту пору «освобожденцев», звала пролетариат к участию в булыгинской Думе. Пролетариат не дал себя запугать призраком запуганного либерала и повел движение вперед, к октябрьской великой стачке, к первой народной победе.

Буржуазия раскололась после 17 октября. Октябристы решительно встали на сторону контрреволюции. Кадеты отстранились от народа и метнулись в переднюю к Витте. Пролетариат пошел вперед. Он мобилизовал, встав во главе народа, такие миллионные массы к самостоятельному историческому действию, что несколько недель настоящей свободы раз навсегда положили неизгладимую грань между старой и новой Россией. Пролетариат поднял движение до высшей возможной формы борьбы, — до вооруженного восстания в декабре 1905 г. Он потерпел поражение в этой

борьбе, но он не был разбит. Его восстание подавили, но он достиг того, что сплотил в бою все революционные силы народа, не дал деморализовать себя отступлением, показал массам, — впервые в новейшей истории России показал массам, — возможность и необходимость борьбы до конца. Пролетариат был отброшен назад, но он не выпустил из рук великого знамени революции, и в то время, когда кадетское большинство I и II Думы отрекалось от революции, старалось потушить ее, уверяло Трепова и Столыпиных в своей готовности и способности потушить ее, — пролетариат открыто поднимал это знамя, продолжал звать к борьбе, воспитывать, спланировать, организовывать силы для борьбы.

Советы рабочих депутатов во всех крупных промышленных центрах, ряд экономических завоеваний, вырванных у капитала, Советы солдатских депутатов в армии, крестьянские комитеты в Гурии и в других местах, наконец, мимолетные «республики» в нескольких городах России, — все это было *началом* завоевания политической власти пролетариатом, опирающимся на революционную мелкую буржуазию, в особенности на крестьянство.

Декабрьское движение 1905 г. велико потому, что оно в первый раз превратило «жалкую нацию, нацию рабов» (как говорил Н. Г. Чернышевский в начале 60 годов⁶³) в нацию, *способную* под руководством пролетариата довести до конца борьбу с гадюгой самодержавия и потянуть к этой борьбе *массы*. Это движение велико потому, что пролетариат показал здесь на опыте *возможность* завоевания власти демократическими массами, возможность республики в России; показал, *как это делается*, показал практический приступ масс к конкретному выполнению этой задачи. Декабрьской борьбой пролетариат оставил народу одно из тех наследств, которые способны идейно-политически быть маяком для работы нескольких поколений.

И чем темнее теперь сгущаются тучи бешеной реакции, чем больше зверства контрреволюционной царской черной сотни, чем чаще приходится видеть, как *даже* октябристы качают головой, говоря, что «они ждут» реформ и не могут дождаться, чем чаще «вздыхают о новой революции» либералы и демократы, чем подлее речи веховцев («нужно сознательно *не хотеть* революции»: Булгаков,

там же, стр. 32), — тем энергичнее должна рабочая партия напоминать народу, *за что бороться*.

О том, что бороться за цели, поставленные 1905 годом, за задачи, к осуществлению которых вплотную подошло тогдашнее движение, необходимо теперь в иных формах, в силу изменившихся условий, в силу иной обстановки данного исторического момента, об этом мы говорили уже неоднократно. Попытки самодержавия перестроиться по типу буржуазной монархии, длительные сговоры его с помещиками и буржуазией в III Думе, новая буржуазная аграрная политика и т. д., — все это ввело Россию в своеобразную полосу развития, поставило перед рабочим классом на очередь длительные задачи подготовки новой пролетарской армии — и новой революционной армии, — задачи воспитания и организации сил, использования думской трибуны и всех возможностей полуоткрытой легальной деятельности.

Надо уметь вести *нашу* тактическую линию, надо уметь построить нашу организацию таким образом, чтобы, учитывая изменившуюся обстановку, *не умалять* задач борьбы, не укорачивать их, не принижать идейно-политического содержания даже самой скромной, неяркой, мелкой на первый взгляд работы. Было бы именно таким умалением задач и выхолащиванием идейно-политического содержания борьбы, если бы мы поставили, напр., перед социал-демократической партией лозунг борьбы за открытое рабочее движение.

Как самостоятельный лозунг, это — не социал-демократический, а кадетский лозунг, ибо только либералы мечтают о возможности открытого рабочего движения без новой революции (и, мечтая об этом, проповедают народу фальшивые учения). Только либералы ограничивают свои задачи подсобной целью, рассчитывая — как и либералы Западной Европы — примирить пролетариат с «реформированным», подчищенным, «улучшенным» буржуазным обществом.

Социал-демократический пролетариат не только не боится такого исхода, а, напротив, он уверен в том, что всякая заслуживающая этого названия реформа, всякое расширение рамок его деятельности, базы его организации, свободы его движения удесятит его силы и увеличит революционную массовидность его борьбы.

Но как раз для того, чтобы добиться действительного расширения рамок своего движения, чтобы добиться частичного улучшения, как раз для этого нужно ставить перед пролетарскими массами не урезанные, не укороченные лозунги борьбы. Частичные улучшения могут быть (и всегда бывали в истории) лишь побочным результатом революционной классовой борьбы. Только ставя перед рабочими массами во всей их широте, во всем их величии те задачи, которые завещал нашему поколению 1905 год, мы в состоянии на деле расширить основу движения, втянуть в него большие массы, вдохнуть в них то настроение беззаветной революционной борьбы, которое всегда вело угнетенные классы к победе над их врагами.

Не пренебрегать ни малейшей, ни единой возможностью открытого действия, открытого выступления, расширения базы движения, вовлечения в него новых и новых слоев пролетариата, использования всякого слабого пункта в позиции капиталистов для нападения на нее и завоевания улучшений быта, — и в то же время наполнение всей этой деятельности духом революционной борьбы, разъяснение на *каждом* шагу движения и при каждом повороте его *всей полноты* задач, к которым мы подошли в 1905 году и которых мы не решили тогда, — вот какова должна быть политика и тактика Российской социал-демократической рабочей партии.

«Социал-Демократ» № 12,
23 марта (5 апреля) 1910 г.

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

ПОХОД НА ФИНЛЯндию

17 марта 1910 г. Столыпин внес в Государственную думу проект «о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения». Под этим казенно-бюрократическим заглавием кроется самый наглый поход самодержавия против свободы и самостоятельности Финляндии.

Речь идет в законопроекте Столыпина о том, чтобы передать на решение Государственной думы, Государственного совета и Николая II все те финляндские дела, которые «относятся не к одним только внутренним делам этого края». Финляндскому сейму предоставляется только давать «заклучения» по этим делам, причем заключения эти не обязательны ни для кого: Финляндский сейм сводится в его отношении к империи на положение булыгинской Думы.

Что понимается при этом под «законами и постановлениями, которые относятся не к одним только внутренним делам» Финляндии? Не приводя всего перечня, занимающего в проекте Столыпина 17 пунктов, мы отметим, что сюда входят и отношения между Финляндией и др. местами империи по таможенной части, и изъятия из финляндских уголовных законов, и железнодорожное дело, и денежная система в Финляндии, и правила о публичных собраниях, и законы о печати в Финляндии, и проч.

На решение черносотенно-октябристской Думы передать все вопросы подобного рода! *Полное разрушение финляндской свободы* — вот что предпринимает самодержавие, рассчитывая опереться на представителей поме-

щиков и купеческих верхов, объединенных третьей конституцией.

Расчет безошибочный, конечно, поскольку речь идет только о тех, кто легализован этой «конституцией»: пятьдесят крайних правых, сто националистов и «правых октябристов», сто двадцать пять октябристов — вот та черная рать, которая собрана уже в Думе и подготовлена долгой травлей правительственной печати к проведению любой меры насилия против Финляндии.

Старый национализм самодержавия, давящего всех «инородцев», подкреплен теперь, во-первых, ненавистью всех контрреволюционных элементов к народу, сумевшему воспользоваться октябрьской кратковременной победой русского пролетариата для того, чтобы создать под боком у черносотенного царя одну из самых демократических конституций всего мира, создать свободные условия для организации рабочих масс Финляндии, неуклонно стоящих на стороне социал-демократии. Финляндия воспользовалась российской революцией, чтобы обеспечить себе несколько лет свободы и мирного развития. Контрреволюция в России спешит воспользоваться полным затишьем у «себя дома», чтобы возможно больше отнять из финляндских завоеваний.

История как бы демонстрирует на примере Финляндии, что пресловутый «мирный» прогресс, из которого делают себе божка все филистеры, представляет из себя как раз такое кратковременное, непрочное, эфемерное исключение, которое вполне подтверждает правило. А правило это состоит в том, что только революционное движение масс и пролетариата во главе их, только победоносная революция в состоянии внести прочные изменения в жизнь народов, в состоянии серьезно подорвать господство средневековья и полуазиатские формы капитализма.

Только тогда вздохнула свободно Финляндия, когда российский рабочий класс поднялся гигантской массой и потрянул русским самодержавием. И только в соединении с революционной борьбой масс в России может искать теперь финляндский рабочий путь к избавлению от нашествия черносотенных башибузуков.

Буржуазия Финляндии обнаружила свои контрреволюционные свойства даже в этой мирной стране, проделавшей революцию *за счет* русских октябрьских дней, отстоявшей

свободу *за спиной* декабрьской борьбы и двух оппозиционных Дум в России. Буржуазия Финляндии травила красную гвардию финских рабочих и обвиняла их в революционизме; она делала все, что могла, чтобы тормозить полную свободу социалистических организаций в Финляндии; она думала услужливостью (вроде выдач политиков в 1907 году) уберечь себя от насилий царизма; она обвиняла социалистов своей страны в том, что их *испортили* русские социалисты, заразив их своей революционностью.

Теперь и буржуазия в Финляндии может видеть, к чему приводит политика уступок, услужливости, «угоды», политика прямого или косвенного предавания социализма. Вне борьбы социалистически обученных и социалистами организованных масс финский народ не найдет выхода из своего положения; вне пролетарской революции нет средства для отпора Николаю II.

Другое подкрепление старого национализма, как политики нашего самодержавия, дал рост классового сознания и сознательной контрреволюционности нашей российской буржуазии. Шовинизм вырос в ней вместе с ростом ненависти к пролетариату, как международной силе. Шовинизм усиливался в ней параллельно росту и обострению конкуренции международного капитала. Шовинизм явился, как реванш за поражение в войне с японцами, за бессилие против привилегированных помещиков. Шовинизм нашел себе поддержку в аппетитах истинно-русского промышленника и купца, который рад «завоевать» Финляндию, если не удалось урвать кусок пирога на Балканах. Поэтому организация представительства помещиков и крупнейшей буржуазии дает царизму верных союзников для *расправы* с свободной Финляндией.

Но если расширилась база контрреволюционных «операций» над свободной окраиной, то расширилась и база *отпора* этим операциям. Если вместо одной бюрократии и горстки тузов мы имеем организованное в третьедумском представительстве поместное дворянство и богатейшее купечество на стороне врагов Финляндии, то на стороне ее друзей мы имеем все те миллионные массы, которые создали движение 1905 г., которые выдвинули революционное крыло и I и II Думы. И как бы ни велико было в *данный* момент политическое затишье, а эти массы живут

и растут, несмотря ни на что. Растет и новый *мститель* за новое поражение российской революции, ибо поражение финляндской свободы есть поражение российской революции.

Наша русская либеральная буржуазия тоже изобличается теперь — паки и паки — в своей трусости и бесхарактерности. Кадеты, конечно, *против* похода на Финляндию. Они, конечно, подадут голоса не с октябристами. Но не они ли сделали *больше всего* для подрыва сочувствия в «публике» к той непосредственной революционной борьбе, к той октябрьско-декабрьской «тактике», которая *одна только* и дала родиться финляндской свободе? — дала продержаться ей вот уже свыше 4-х лет? Не кадеты ли объединили русскую буржуазную интеллигенцию на отречении от такой борьбы и от такой тактики? Не кадеты ли из кожи лезли вон, чтобы поднять националистские чувства и настроения во всем русском образованном «обществе»?

Как оправдались слова с.-д. резолюции (декабрь 1908 г.), что своей националистской агитацией кадеты *на деле* служат службу именно царизму и никому иному!⁶⁴ Та «оппозиция», которую хотели чинить самодержавию кадеты по случаю дипломатических поражений России на Балканах, оказалась — как и следовало ожидать — мизерной, беспринципной, лакейской оппозицией, *льстившей* черносотенцам, *разжигавшей* аппетиты черносотенцев, *журившей* черносотенного царя за то, что он, черносотенный царь, недостаточно силен.

Ну, вот, жните теперь, господа «гуманные» кадеты, то, что вы посеяли. Вы доказали царизму, что он слаб в отстаивании «национальных» задач: царизм показывает вам свою силу в *националистической* травле инородца. В вашем национализме, неославизме и т. п. была корыстная, узко-классовая буржуазная сущность и звонкая либеральная фраза. Фраза осталась фразой, а сущность *пошла на пользу* человеконенавистнической политике самодержавия.

Так всегда бывало, так всегда будет с либеральными фразами. Они только *прикрашивают* узкую корысть и грубое насилие буржуазии; они только украшают фальшивыми цветами народные цепи; они только одурманивают народное сознание, *мешая* ему распознать его настоящего врага.

Но каждый шаг царской политики, каждый месяц существования третьей Думы все беспощаднее разрушает либеральные иллюзии, все больше обнажает бессилье и гнилость либерализма, все шире и обильнее бросает семена новой революции пролетариата.

Придет время — за свободу Финляндии, за демократическую республику в России поднимется российский пролетариат.

*«Социал-Демократ» № 13,
26 апреля (9 мая) 1910 г.*

*Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»*

БОЯТСЯ ЗА АРМИЮ

Думские прения по запросу социал-демократов и трудовиков о нарушении царским правительством статьи 96 основных законов еще не закончены. Но они настолько уже обрисовали положение дела; газеты столько уже накричали о пресловутой столыпинской «декларации 31 марта», что вполне уместно будет остановиться на этом поучительном эпизоде в истории третьейюньюнского режима.

Наша думская фракция была вполне права, предъявляя запрос правительству о нарушении им статьи 96 основных законов и выступая *постольку* как бы «в защиту» законности, «в защиту права», «в защиту третьейюньюнской легальности» и т. д. и т. п. Говорим: «постольку», ибо с.-д. брались здесь, несомненно, за сложную задачу, за которую *надо уметь* взяться; — пускали в ход оружие, несомненно, обоюдоострое, способное при малейшей ошибке или даже при неловкости употребляющих его поранить самого носителя оружия, — говоря без метафор: способное незаметно отвести с.-д. в сторону от позиции классовой борьбы на позицию либерализма.

Социал-демократы сделали бы такую ошибку, если бы они говорили просто-напросто о «защите» ими основных законов, без пояснения *особого* характера этой «защиты». Социал-демократы сделали бы еще большую ошибку, если бы они из защиты основных законов или законности вообще сделали своего рода лозунг вроде «борьбы за легальность», — это было бы по-кадетски.

К счастью, наши думские товарищи не сделали ни того, ни другого. Первый оратор по запросу, Гегечкори,

специально начал с выяснения *особого* характера социал-демократического выступления *за* основные законы. Гегечкори чрезвычайно удачно начал с доноса графа Бобринского, который на съезде объединенного дворянства вопил, намекая более чем прозрачно на социал-демократов, о необходимости «изъять этих смутьянов из недр Государственной думы». «Я заявляю, — ответил Гегечкори, — что, несмотря на донос, несмотря на насилия и угрозы, фракция, которая заседает в этих стенах, ни на иоту не отступит от предначертанных ею задач и целей защиты интересов рабочего класса».

Бобринский приглашал правительство выгнать из Думы тех, кто систематически агитирует против третьей думской законности. Гегечкори начал с заявления, что ни насилия, ни угрозы не заставят с.-д. отступить от ее деятельности.

Гегечкори подчеркнул специально: «Мы, конечно, меньше, чем кто-либо другой, заботимся о поддержании авторитета, если таковой имеется, третьей Государственной думы... именно мы, принципиальные противники существующего политического строя, протестовали всякий раз, когда реакция стремилась в свою пользу урезать права народного представительства»... «когда открыто делаются посягательства на основные законы, то мы, принципиальные противники основных законов, принуждены взять их под свою защиту». И в заключение своей речи, Гегечкори, отделяя себя от фетишистов легальности, сказал: ...«Если мы вносим этот запрос, если мы пускаемся в экскурсии или в область юридических толкований, то это только для того, чтобы лишний раз раскрыть лицемерие правительства» (стр. 1988 стенографического отчета)...

Гегечкори выразил последовательно демократические, республиканские взгляды социалистов, сказав: «наши законы только тогда будут соответствовать интересам и потребностям масс населения, когда они будут продиктованы *непосредственной волей народа*», и «шум справа», отмеченный в этом месте стенографическим отчетом, особо подчеркнул, что стрела попала в цель.

А другой с.-д. оратор, т. Покровский, еще яснее и определеннее сказал в своей речи, говоря о политическом значении запроса: «Пусть же они (октябристы) делают это прямо и открыто, пусть откровенно примут лозунг пра-

вых: «долой права народного представительства, да здравствует министерская передняя». Нет сомнения, что большинство работает над тем, чтобы создать в России такой момент, когда конституционные иллюзии совершенно погибнут, останется черная действительность, из которой русский народ сделает соответствующие выводы» (цитирую по отчету «Речи» от 1 апреля).

Вот эта постановка всего вопроса на почву разоблачения лицемерия правительства и октябристов, на почву разрушения конституционных иллюзий есть единственно правильная социал-демократическая постановка запроса о нарушении статьи 96 основных законов, запроса, внесенного в III Думу. В нашей партийной агитации, на рабочих собраниях, в кружках и группах, наконец, и в частных беседах с чуждыми всякой организации рабочими по поводу думских происшествий необходимо выдвигать на первый план именно эту сторону дела, необходимо разъяснять роль рабочей партии, *разоблачающей* буржуазно-черносотенный обман в самой буржуазно-черносотенной Думе. Поскольку в *такой* Думе не могло быть *полной* ясности постановки вопроса и полной договоренности точки зрения революционного социал-демократа, постольку наша задача — дополнять сказанное нашими товарищами на трибуне Таврического дворца и популяризировать в массах, делать понятными и близкими массам их выступления.

В чем *суть* истории с нарушением 96 статьи? Эта статья находится в главе 9-й «о законах» и определяет случаи изъятия из общего порядка, случаи, когда положения и наказания военного и военно-морского ведомств представляются *непосредственно* царю, а не через Государственную думу и Государственный совет. Новые расходы требуют ассигновок (разрешений) по постановлению Государственной думы — вот к чему сводится эта статья.

Год тому назад обсуждались в Государственной думе штаты морского генерального штаба. Возникли горячие споры, подлежит ли учреждение этих штатов ведению Думы или нет. Правые (черная сотня) утверждали, что *нет*, что Дума тут вмешиваться не вправе, что она не смеет посягать на права «державного вождя» армии, т. е. царя, который *один только, без всякой Думы*, имеет право утверждать военные и морские штаты.

Октябристы, кадеты и левые утверждали, что это — право Думы. Вопрос стоял, следовательно, о том, что черная сотня, с Николаем II во главе, хотела истолковать ограничительно права Думы, хотела *урезать* и без того невероятно уже урезанные права Думы. Черносотенные помещики и во главе их самый богатый и самый черносотенный помещик, Николай Романов, сделали из частного, мелкого вопроса вопрос принципа, вопрос о правах царя, вопрос о правах самодержавия, обвиняя буржуазию (и даже октябристскую буржуазию) в покушении урезать права царя, ограничить его власть, «отделить вождя армии от армии» и т. п.

Толковать ли власть царя в смысле совершенно неограниченного самодержавия, совсем по-старому, или хоть в смысле самого скромного *ограничения* царской власти — вот к чему свелись споры. И эти споры разгорелись год тому назад почти до размеров «политического кризиса», т. е. до угроз прогнать вон Столыпина, которого черносотенцы обвиняли в «конституционализме», до угроз разогнать Думу октябристов, которых черная сотня называла «младотурками»⁶⁵.

И Государственная дума и Государственный совет утвердили штаты морского генерального штаба, т. е. признали этот вопрос *подведомственным* себе. Все ждали, утвердит ли Николай II решение Думы и Государственного совета. 27 апреля 1909 г. Николай II издал рескрипт Столыпину, *отказав* в утверждении штатов и поручив министрам выработать «правила» о применении 96 статьи.

Другими словами: царь еще и еще раз открыто и решительно встал на сторону черной сотни и выступил против самонаименованных попыток ограничения его власти. Поручение министрам составить новые правила было наглым приказом *нарушить закон*, истолковать его так, чтобы он оказался уничтоженным, «разъяснить» его в смысле пресловутых российских сенатских «разъяснений». При этом говорилось, конечно, что правила должны оставаться «в пределах основных законов», но эти слова были самым вопиющим лицемерием. Министры выработали такие «правила», — и царь Николай II утвердил их (они называются правилами 24 августа 1909 г. по времени их утверждения), — что закон оказался обойденным! По разъяснению «правил», утвержденных без всякой Думы, статья 96 основ-

ных законов оказалась сведенной на-нет! Штаты военные и морские оказались по этим «правилам» *изъятыми* из ведения Думы.

Получилась превосходная картина всей призрачности русской «конституции», всей наглости черной сотни, всей близости царя к черной сотне, всего издевательства самодержавия над основными законами. Конечно, переворот 3 июня 1907 года дал уже в сто раз более яркую, более законченную, более доступную и открытую для широких народных масс картину на эту тему. Конечно, если наши с.-д. в Думе не смогли внести запроса о нарушении основных законов актом 3 июня, — не смогли только потому, что буржуазные демократы и трудовики, в том числе, не дали достаточного числа подписей, чтобы собрать требующиеся для запроса тридцать имен, — то это показывает всю узость границ специально думской формы пропаганды и агитации. Но невозможность внести запрос об акте 3 июня не помешала социал-демократам постоянно характеризовать в своих речах этот акт, как государственный переворот. И, разумеется, отказываться от разоблачения того, как издевается самодержавие над основными законами и над правами народного представительства, с.-д. не могли и не должны были даже по сравнительно частному поводу.

Сравнительная неважность, мелкость, незначительность такого вопроса, как вопрос о штатах морского генерального штаба, с особенной резкостью подчеркнула зато всю чувствительность нашей контрреволюции, — подчеркнула ее *боязнь за армию*. Октябристский докладчик в Думе, г. Шубинский, в своей второй речи 26 марта самым определенным образом повернул к черносотенцам, обнаружив, что именно *боязнь за армию* вызвала эту крайнюю чувствительность контрреволюции к вопросу о том, дозвоительно ли самое малейшее вмешательство представительных учреждений в утверждение военных и морских штатов. ...«Имя вождя державного Российской армии есть действительно великое имя»... — воскликнул буржуазный лакей Николая Кровавого. ...«Какие бы утверждения вы (депутаты Государственной думы) здесь ни делали, какие бы ни говорили слова о том, что у кого-то как-то права хотят отнять, но от армии ее державного вождя вы не отнимете».

И Столыпин в своей «декларации» 31 марта, постаравшись запутать свой ответ совершенно пустыми, ничего не говорящими и явно лживыми речами об «успокоении» и об ослаблении будто бы репрессий, — встал вполне определенно тем не менее на сторону черносотенцев *против* прав Думы. Если октябристы оказались согласны с Столыпиным, то это не ново. Но если «Речь» гг. Милюкова и К^о назвала ответ Столыпина «скорее примирительным по отношению к правам Государственной думы» (№ 89 от 1 апреля — редакционная статья, следующая за передовой), — то перед нами лишний образец того, как низко пала кадетская партия. «История последних лет показывает, — говорил Столыпин, — что армию нашу не могла подточить ржавчина революции»... Не могла подточить — это фактически неверно, ибо общеизвестные события солдатских и матросских восстаний 1905—1906 годов, общеизвестные отзывы реакционной печати того времени свидетельствуют, что революция *подтачивала* и, следовательно, *могла подточить* армию. Не подточила до конца — это так. Но если в разгар контрреволюции 1910 года, несколько лет спустя после последнего «волнения» в войсках, Столыпин говорит (в той же декларации), что им *«овладела тревожная мысль при слушании речей нескольких предыдущих ораторов»*, что эта «тревожная мысль» состоит в *«недобром впечатлении какого-то разлада разных факторов в государственности в отношении к нашим вооруженным силам»*, то это целиком выдает Столыпина и всю черносотенную шайку двора Николая II вместе с ним! Это доказывает, что царская шайка продолжает не только бояться, продолжает прямо *трепетать за армию*. Это доказывает, что контрреволюция до сих пор твердо продолжает стоять на точке зрения гражданской войны, на точке зрения непосредственной и насущной нужды в средствах военного подавления народного возмущения. Вникните в следующую фразу Столыпина:

«История... учит, что армия приходит в расстройство тогда, когда она перестает быть единой в повиновении одной священной воле. Вложите в этот принцип яд сомнения, *внушите ей хотя бы отрывки мысли о том, что устройство ее зависит от коллективной воли*, и мощь ее перестанет покоиться на неизменной силе — на верховной власти». И в другом месте: «Я знаю, многие хотели...

возбудить споры, гибельные для нашей армии, относительно прав» (именно: прав Государственной думы, прав «коллективной воли»).

Как убийцам чудятся призраки их жертв, так героям контрреволюции вспоминается «гибельное» влияние на армию «коллективной воли». Столыпину, как верному слуге черной сотни, чудятся в октябристах «младотурки», ведущие к «расстройству армии» путем подчинения ее коллективной воле, путем допущения «отрывков мысли» о таком подчинении!

Палачи и убийцы третьей юнкерской монархии бредят наяву, они дошли до прямого умоисступления, если в октябристах мерещатся им младотурки. Но эти бредовые идеи, это умоисступление — болезнь политическая, порожденная чувством непрочности своего положения, чувством острой боязни за армию. Будь эти господа Столыпина, Романовы и К^о сколько-нибудь способны отнестись хоть с чуточкой хладнокровия к вопросу об отношении «коллективной воли» к армии, они сразу увидели бы, что молчаливое утверждение царем решений Думы и Государственного совета о морских штатах прошло бы для армии вдесятеро менее заметно, чем думские прения по вопросу о правах Думы, по вопросу о возможном «расстройстве армии». Но именно то и характерно для нашей контрреволюции, что она сама выдает себя своими страхами, что она также не в состоянии спокойно отнестись к вопросу о расстройстве армии, как убийца не может спокойно слышать об участниках и обстановке убийства.

Принципиальную постановку сравнительно мелкому и неважному вопросу о морских штатах дали именно черносотенцы, дал Николай II, дал г. Столыпин, и нам остается только выразить удовольствие по поводу их целовкости, вызванной их страхами. Нам остается только сопоставить превосходные слова т. Покровского о гибели «конституционных иллюзий», о необходимости для народа самому сделать выводы из несомненной «черной действительности» с превосходными по своей откровенности рассуждениями «Московских Ведомостей» о «декларации 31 марта».

В передовице от 3 апреля эта газета пишет:

...«Самое дело это, как мы выяснили еще в прошлом году, очень просто. Государь император не утвердил проведенного в законодательном порядке дела о штатах, и установил их в порядке

верховного управления, на что даже существующий закон (не касаясь вопроса о естественных правах верховной власти) дает ясные полномочия»...

Вот. Вот. «Естественное право» русской монархии — нарушать основные законы. В этом весь гвоздь.

...«Думская оппозиция, однако, имела дерзость внести по этому поводу запрос, который касался действий верховной власти»...

Именно! «Московские Ведомости» правильно договаривают то, чего не могли договорить с.-д. в Думе. Запрос сводился именно к признанию действий царя (и подчинившегося ему министра Столыпина) нарушением основных законов.

Далее, «Московские Ведомости» нападают на «революционную оппозицию» и «революционную печать» за теорию *завоевания* народных прав революцией и опровергают, будто в «декларации 31 марта» могли быть какие бы то ни было «обещания».

...«Самые толки об «обещаниях» смешны и составляют выражение того, до какой степени революционно затуманены умы даже у лиц, официально к революционному лагерю не причисляющихся. Какие такие «обещания» может давать кабинет? ...Кабинет будет исполнять свои законные обязанности, верный руководству верховной власти... И можно лишь пожелать, чтобы эта декларация была *поглубже* понята Думой во всем своем смысле, и этим помогла излечению гг. депутатов от застарелой заразы революционных «директив»».

Именно так: *поглубже* понять декларацию (и позицию) правительства и «излечить» посредством нее от *конституционных иллюзий* — в этом как раз и состоит политический урок запроса социал-демократов о нарушении 96-ой статьи.

«Социал-Демократ» № 13,
26 апреля (8 мая) 1910 г.

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

ПАРТИЙНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Заграничная база необходима и неизбежна для партии, которая действует в таких условиях, как наша. Это признает всякий, кто подумает над положением партии. Сколь ни пессимистически смотрят российские товарищи на «заграницу», однако, *знать* о том, что здесь происходит, в особенности после недавнего пленума, будет им очень небесполезно.

Достигнуто ли объединение за границей? Нет. И по очень простой причине: одна из сторон — голосовцы — не обнаруживает никакого желания пойти навстречу единодушному призыву ЦК устранить раскол за границей. Фракционный «Голос», вопреки единогласному решению ЦК, не закрылся, хотя в пленуме один из редакторов его, т. Мартов, официально заявил (см. протоколы пленума), что он во всяком случае будет добиваться временной приостановки его*. Не успело еще Заграничное бюро ЦК сделать какие-нибудь шаги к объединению, как четыре редактора «Голоса» (двое из них входят и в редакцию ЦОИ) выпустили манифест с плохо прикрытым призывом не идти на объединение. Существующее за границей «ЦБЗГ» («Центральное бюро заграничных групп», избранное в Базеле 1½ года назад на *фракционном* съезде меньшевиков) сделало то же. Это «ЦБЗГ» теперь представляет

* Вот это заявление текстуально:

«Тов. Мартов заявляет, что, хотя он *формально* от имени редакции «Голоса Социал-Демократа» говорить не может, но за себя лично заявляет, что в редакции «Голоса Социал-Демократа» не встретится препятствий и тому, чтобы после выпуска ближайшего № «Голоса» *приостановить* «Голос» временно (месяца на два или больше) в виде опыта, чтобы выждать результатов работы новой редакции ЦО».

даже не всех меньшевиков, а только голосовскую их часть. Но при поддержке «Голоса» оно оказывается достаточно сильным, чтобы сорвать объединение. ЗБЦК остается апеллировать к самим группам, к партийным элементам и, в первую голову, к рабочим. Но — по причинам, о которых речь ниже — это не делается, или делается крайне неудовлетворительно. Попрежнему ЦК за границей может рассчитывать пока только на поддержку большевистских групп. К ним прибавляются, однако, за последнее время меньшевики-партийцы, враги ликвидаторства (большой частью это сторонники «Дневника» т. Плеханова).

Принципиальное расслоение среди меньшевиков за границей имеет, несомненно, крупное значение, как симптом, как отражение того, что происходит — быть может, менее явственно — и в России. Меньшевики-партийцы вынесли уже ряд резолюций по этому поводу. Вот несколько выдержек из них. Парижские меньшевики-антиголосовцы (их до 20 человек) пишут: «...в № 19—20 этого органа («Голоса») бесспорно обозначается новый курс, между прочим, в статье тов. Дана «Борьба за легальность», заменяющей с.-д. лозунги специфическим лозунгом, по меньшей мере, двусмысленным, напоминающим, как две капли воды, лозунг «экономического» периода: *борьба за права*,... «отрицавшееся до сих пор редакцией «Голоса» ликвидаторство нашло себе откровенное выражение в последнем номере этой газеты». Женевские меньшевики-партийцы (14 человек) находят, «что прекращение фракционного «Голоса Социал-Демократа» является необходимым условием упрочения партийного единства».

Ниццская группа меньшевиков-партийцев полагает (единогласно), что «в № 19—20 этого органа («Голоса») ликвидаторство нашло себе уже откровенное выражение в ряде статей. Группа находит такую позицию «Голоса Социал-Демократа» вредной и отказывает ему в какой бы то ни было поддержке. Группа возмущена поступком Михаила, Романа, Юрия, которые не оправдали доверия последнего партийного съезда и довели ликвидаторские тенденции до их страшного по своим практическим проявлениям конца». Группа меньшевиков-партийцев в Сан-Ремо «единогласно отказывается от какой бы то ни было поддержки указанного издания («Голоса»), так как не разделяет его ликвидаторских тенденций. Группа не может удержать негодо-

вания, вызванного поведением Михаила, Романа и Юрия». Меншевики-партийцы в Льеже в своей резолюции пишут: «Письмо Стивы Новича и статья Ф. Дана «Борьба за легальность» (в № 19—20 «Голоса») вполне определяют антипартийное направление органа... «Голос Социал-Демократа» является центром, около которого группируются ликвидаторские течения». На такой же точке зрения стоит значительная часть меньшевистской группы в Цюрихе и большинство группы в Берне. Сторонники меньшевиков-партийцев имеются и в других городах.

Только сплотив эти элементы *партийных* меньшевиков с большевиками и нефракционными *партийцами*, противниками ликвидаторства, ЗБЦК могло бы добиться результатов, могло бы помочь работе в России. Заграничные большевики именно к этому и призывают всех товарищей (см. резолюцию второй Парижской группы)⁶⁶. Борьба с голосовцами, срывающими объединение, и отзовистами-ультиматистами, вышедшими из редакции «Дискуссионного Листка» и общепартийного комитета школы, и тоже подрывающими партийное объединение, неизбежна, в интересах сплочения всех действительных партийцев. Дело это падает пока на частную инициативу партийцев, ибо ЗБЦК пока оказалось неспособным занять должную позицию. По новому уставу 3 из 5 членов ЗБЦК назначаются «националами»; таким образом, личный состав большинства ЗБЦК определяется не ЦК партии, и на этой почве получаются неожиданные сюрпризы. Так, например, на недавней сессии ЗБЦК сложилось большинство *против* линии ЦК. Выработанный непосредственно после пленума ЦК «модус» объединения групп (в духе решений пленума, т. е. с требованием отдачи всех средств ЦК, а не фракционным органам) новое большинство из одного голосовца и двух, якобы, «нефракционных» националов отказалось подтвердить. Оно отклонило предложение (большевика и польского с.-д.) в письме по группам выдвинуть лозунг: все средства общепартийным учреждениям, а не фракционным газетам (*т. е.* «Голосу Социал-Демократа»). Это решение вызвало решительный протест 2-х членов ЗБЦК (большевика и п. с.-д.), которые перенесли этот свой протест в ЦК.

ОДНО ИЗ ПРЕПЯТСТВИЙ ПАРТИЙНОМУ ЕДИНСТВУ

В то время, как *партийные* меньшевики в целом ряде заграничных групп сплачиваются и выступают все более решительно против явно-ликвидаторского направления «Голоса Соцпал-Демократа», венская «Правда» ведет себя все еще уклончиво. В № 12 находим статью «К единству — через все препятствия». В этой статье нельзя не одобрить первого, хотя и очень робкого, очень неполного, приступа к выполнению резолюции ЦК о *разъяснении* опасности ликвидаторства. Но зато вся первая часть статьи есть образец того, насколько *некоторые*, якобы, нефракционные с.-д. дальше от защиты партийности, чем *партийные* меньшевики.

Здесь «Правда» говорит прямую неправду, будто бы редакция ЦО в статье «Голос» ликвидаторов против партии* объявила «сорванным все соглашение». Всякий, кто прочел № 12 ЦО, видит, что ничего подобного мы не объявляли. Соглашение было с меньшевиками на *условии* признания ими партийности и искреннего, последовательного отречения от ликвидаторства. «Голос Социал-Демократа» и группа его единомышленников в России *сорвали* это соглашение: одни, как Михаил, Роман, Юрий и т. д. в России, тем, что само соглашение открыто объявили вредным («вредны резолюции ЦК»; вредно само существование ЦК; партию нечего ликвидировать, ибо она уже ликвидирована), другие, как «Голос», тем, что защищают выступления первых. Меньшевики-партийцы, с Плехановым во главе, восстали против голосовцев за это нарушение ими соглашения. Если «Правда» тем

* См. настоящий том, стр. 138—145. *Ред.*

не менее хочет попрежнему, говоря о меньшевиках «вообще», иметь в виду только голосовцев, замалчивая плехановцев и партийных меньшевиков, то такой образ действий мы будем разоблачать всегда и всюду.

«Правда» заявляет, что «не может и не хочет входить в обсуждение» конфликтов после пленума, во-первых, потому, что «не располагает необходимым фактическим материалом для правильного суждения».

На это мы ответим: если до сих пор заграничная «Правда» не усмотрела достаточно «материала» в поведении голосовцев-ликвидаторов, то она *никогда* не усмотрит его. Чтобы видеть правду, надо не бояться смотреть в лицо правде.

... «Во-вторых, — и это важнее всего — потому, что организационные конфликты требуют организационного же, а не литературного вмешательства».

Этот принцип верен. Но именно партийные меньшевики «вмешались», как и следовало сделать всякому члену партии, в оценку принципиального, а не организационного конфликта. «Правда» поступает наоборот. Выставляя принцип, она не следует ему на деле. На деле весь первый абзац своей статьи «Правда» посвятила как раз «вмешательству» в *организационный* конфликт. Мало того. Излагая *организационный* конфликт, «Правда» льет воду на мельницу ликвидаторов, называя «в высшей степени резкой» нашу статью, но *не оценивая* при этом антипартийного поступка голосовцев; — говорит *неправду*, называя *фракционным* столкновением борьбу *партийного ЦО* с *антипартийной* частью меньшевиков (именно с голосовцами); — говорит *половину* правды, умалчивая о раскольническом манифесте 4-х редакторов «Голоса Социал-Демократа»; и т. д.

Рабочая газета должна была либо не касаться «организационного» конфликта, либо излагать его полно и правдиво до конца.

Одним из серьезных препятствий партийному единству являются попытки приккрыть антипартийность «Голоса». Молчание об его ликвидаторстве или легкомысленное отношение к нему только усугубляет его опасность.

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ РСДРП

Уважаемые товарищи!

Мы считаем своим долгом довести до вашего сведения о том, что положение дел в редакции ЦО стало по нашему глубокому и твердому убеждению совершенно невыносимым и что без изменения состава редакции ЦО ведение партийной линии представляется нам абсолютно *невозможным*.

Только первые два заседания редакции ЦО после пленума давали нам надежду на возможность совместной работы с гг. Мартовым и Даном. Согласие т. Мартова с письмом ЦК о конференции (см. № 11 ЦО. Мартов *подписал* это письмо) свидетельствовало безусловно о его стремлении *лояльно* выполнять решения пленума. Другой топ ранее всего был взят т. Даном, который объявил передовицу № 11 ЦО* *вредною* и при нас обвинил Мартова в *центральноорганском оппортунизме*. Для нас уже из этого стало ясно, что ярые голосовцы считают Мартова «оппортунистом» в смысле его податливости к решениям партии, и что весь вопрос сводится к тому, поддастся ли Мартов их натиску.

Статья Мартова «На верном пути» показывала, что да. Нежелание сдать ее в «Дискуссионный Листок» (хотя она явно *дискутирует* решение ЦК о составе ЦО) свидетельствовало о начале войны. По вопросу об отношении нелегальных организаций и деятелей к легальным Мартов

* См. настоящий том, стр. 129—137. Ред.

явно повернул в этой статье от ЦК (письмо о конференции, Мартовым подписанное) к Дану. «Теория равноправия» нелегалов и легалистов означала именно *отступление от письма ЦК*, означала *поворот Мартова*, ибо противоречие этой «теории» с письмом ЦК видит всякий, кто не хочет закрывать себе глаз.

Когда Мартов, после отклонения его статьи (от примечания он отказался, от «Дискуссионного Листка» тоже), заявил в редакции ЦО о *начале им военных действий*, — позиция его и Дана выяснилась для нас вполне.

Для партии ее выяснили окончательно: 1) поступок Михаила, Романа и Юрия; 2) манифест 16 русских меньшевиков; 3) № 19—20 «Голоса» и 4) раскольнический манифест 4-х редакторов «Голоса». Теперь к этому прибавилось еще 5) открыто-ликвидаторское выступление Потресова в «Нашей Заре»⁶⁷ № 2, где он пишет рядом с Мартовым и другими, и 6) выступление редакции «Голоса Социал-Демократа» против Плеханова («Необходимое дополнение к «Дневникам»⁶⁸), где рядом с тем же Потресовым Мартынов, Мартов и Аксельрод третируют ЦО партии и партийный меньшевизм en canaille (как каналий).

В своем листке «Голос ликвидаторов против партии» и в № 12 ЦО мы дали оценку первых 4-х выступлений*. Плеханов в № 13 ЦО, выходящем через неделю, дает оценку статьи Потресова в «Нашей Заре».

Против «Голоса Социал-Демократа», окончательно повернувшего к ликвидаторам, начинают объединяться и выступать партийные меньшевики, как доказывают уже 4 резолюции меньшевистских групп и частей *меньшевистских* групп за границей (Париж, Ницца, Сан-Ремо, Женева). *Партийные* меньшевики открыто выступают против «Голоса» и против русских ликвидаторов, открыто признают поворот «Голоса» к ликвидаторству *после пленума*.

Получается партийное положение, значительно изменившееся по сравнению с тем, что было во время пленума, и потому безусловно требующее изменений в составе ЦО. Пленум хотел дать возможность вернуться в партию и лояльно работать в партии *всем* голосовцам, *всем* социал-

* См. настоящий том, стр. 138—145. *Ред.*

демократам, *всем* легальным деятелям рабочего движения, *желающим* перейти на позицию партийности. Пленум рассчитывал на то, что у меньшевиков пойдет не раскол двух частей меньшевизма, а общий переход обеих частей на позицию партийности.

По вине русского центра легалистов (Потресов, Михаил и К^о) и по вине «Голоса Социал-Демократа» вышло иначе. Раскол их с *партийными* меньшевиками стал фактом. Мы объединили вокруг ЦО и «Дискуссионного Листка» ряд *партийных* меньшевиков (Плеханов, Раппопорт, Авдеев), с которыми у нас вполне налаживается чуждая всякой фракционности партийная работа, несмотря на все наши разногласия. За границей делают шаги к объединению группы большевиков и партийцы-меньшевики. Напротив, группы голосовцев решительно взяли курс *против* объединения.

Поэтому не по случайным и не по личным причинам сложилось совершенно невозможное положение внутри редакции ЦО. Если в нашей редакции царит теперь сплошная и безысходная склока, если мы втроем решительно не в силах преодолевать враждебную позицию двух редакторов, если вся работа тормозится в ЦО, — то это неизбежный результат *фальши положения*. По смыслу решений пленума сближение необходимо с *партийцами* меньшевиками, а у нас в ЦО *антипартийные* меньшевики ведут беспощадную борьбу с стоящими вне ЦО и помогающими ему *партийцами меньшевиками!*

Мы вполне уверены, что гг. в ЦК сами понимают абсолютную невозможность такого положения и не потребуют от нас иллюстрации его историей бесчисленных столкновений и скандалов в редакции. Эти столкновения, обвинения, трения, полный срыв работы — простой результат изменившегося политического положения, которое *неминуемо* должно привести к распаду ЦО, если не сделать шага, предписываемого *всем* духом решений пленума, именно: замены антипартийных, ликвидаторских, голосовских меньшевиков меньшевиками партийными, которым мы *обязаны* помочь *вполне* войти в партию и в ее руководящие учреждения.

Партийные меньшевики уже заявили в ЗБЦК о своем желании иметь в редакции ЦО (и в ЗБЦК) представителей, т. е. сторонников *партийного* меньшевизма.

Мы, с своей стороны, заявляем, что мы *решиительно не в состоянии* вести ЦО партии в сотрудничестве с голо-совцами, ибо невозможно вести работу исключительно посредством механического майоризирования людей, с которыми нет общей партийной почвы.

Мы надеемся, что ЦК сделает необходимые организа-ционные шаги для изменения состава редакции ЦО и создания работоспособной *партийной* коллегии.

*Написано во второй половине апреля
(начале мая) 1910 г.*

*Впервые напечатано в 1933 г.
в Ленинском сборнике XXV*

*Подпись: Члены редакции ЦО
Ленин и др.*

Печатается по рукописи

ЗАМЕТКИ ПУБЛИЦИСТА

Напечатано 6 (19) марта
и 25 мая (7 июня) 1910 г.
в «Дискуссионном Листке» №№ 1 и 2
Подпись: Н. Леви н

Печатается по тексту
«Дискуссионного Листка»

I

О «ПЛАТФОРМЕ» СТОРОННИКОВ И ЗАЩИТНИКОВ
ОТЗОВИЗМА

Недавно вышла в свет в Париже, в издании группы «Вперед» брошюра: «Современное положение и задачи партии. Платформа, выработанная группой большевиков». Это — та самая группа большевиков, об образовании которой новой фракции расширенная редакция «Пролетария» заявляла весной прошлого года. Теперь эта группа «в составе 15 членов партии — 7 рабочих и 8 интеллигентов» (как она нам сообщает) выступает с попыткой цельного, систематического, положительного изложения своей особой «платформы». Текст этой платформы носит на себе явные следы осторожной и заботливой коллективной обработки, направленной к сглаживанию всех шероховатостей, к стиранию острых углов, к подчеркиванию не столько того, в чем группа с партией расходится, сколько того, в чем она с ней сходится. Тем ценнее для нас новая платформа, как официальное изложение взглядов известного течения.

Группа большевиков излагает сначала, как она «понимает современное историческое положение нашей страны» (§ I, стр. 3—13), затем, как она «понимает большевизм» (§ II, стр. 13—17). И то и другое понимает она плохо.

Возьмем первый вопрос. Взгляд большевиков (и взгляд партии) изложен в резолюции Декабрьской конференции 1908 г. о современном моменте. Разделяют ли авторы новой платформы взгляды, выраженные в этой резолюции? Если да, отчего бы им не сказать этого прямо? Если да, к чему было составлять особую платформу, браться за изложение своего особого «понимания» момента? Если нет, почему опять-таки не сказать ясно, в чем именно вступает новая группа в оппозицию взглядам партии?

В том-то и дело, что новой группе самой не ясно значение этой резолюции. Новая группа бессознательно (или наполовину бессознательно) клонит ко взглядам отзовистов, *непримиримым* с этой резолюцией. Новая группа дает в своей брошюре популярное истолкование не всех положений этой резолюции, а лишь одной ее части, не понимая (может быть, даже не замечая значения) другой части. Основные факторы, вызвавшие революцию 1905 года, продолжают действовать, — говорит резолюция. Новый революционный кризис назревает (пункт е). Целью борьбы остается свержение царизма и завоевание республики; пролетариат должен играть «руководящую» роль в борьбе и стремиться к «завоеванию политической власти» (пункты д и 1). Условия мирового рынка и мировой политики делают «международную обстановку все более революционной» (пункт ж). Вот *эти* положения новая платформа популярно истолковывает и *постольку* она идет вполне рука об руку с большевиками и с партией, *постольку* она излагает правильные взгляды и делает полезную работу.

Но в том-то и беда, что приходится подчеркивать это *постольку*. В том-то и беда, что *других* положений этой резолюции новая группа *не понимает*, не понимает их связи с остальными, не понимает в особенности их *связи* с тем непримиримым отношением к отзовизму, которое свойственно большевикам и которое несвойственно этой группе.

Революция снова неизбежна. Революция снова должна свергать и свергнуть самодержавие — говорят авторы новой платформы. Верно. Но это не все, что надо знать и помнить *современному* революционеру социал-демократу. Он должен уметь понять, что эта революция идет к нам по-новому, что мы должны идти к ней по-новому (иначе, чем прежде; не только так, как прежде; не только с теми орудиями и средствами борьбы, как прежде), что само самодержавие есть не то, что прежде. Вот этого-то и не хотят видеть защитники отзовизма! Они упорно хотят оставаться *однoboкими и этим*, вопреки своей воле, независимо от своего сознания, они *оказывают услугу* оппортунистам и ликвидаторам, они *однoboкостью* в одну сторону поддерживают *однoboкость* в другую сторону.

Самодержавие вступило в *новую* историческую полосу. Оно делает шаг по пути превращения в буржуазную мо-

нархию. III Дума есть союз с определенными классами. III Дума есть не случайное, а необходимое учреждение в системе этой новой монархии. Новая аграрная политика самодержавия тоже не случайность, а необходимое, буржуазно-необходимое и в своей буржуазности необходимое составное звено политики нового царизма. Перед нами *своеобразная* историческая полоса с *своеобразными* условиями зарождения новой революции. Нельзя овладеть этим своеобразием, нельзя подготовиться к этой новой революции, если действовать только по-старому, если не уметь использовать самой думской трибуны и т. д.

Вот этого последнего положения не могут понять отзовисты. А защитники отзовизма, объявляющие его «законным оттенком» (стр. 28 рассматриваемой брошюры), не могут до сих пор понять *связи* этого положения с *целым кругом идей*, с признанием своеобразия современного момента, с стремлением *учесть* это своеобразие в своей тактике! Они повторяют, что мы переживаем «межреволюционный период» (стр. 29), что современное положение есть «переходное между двумя волнами демократической революции» (стр. 32), но в чем *своеобразии* этого «перехода», они понять не в состоянии. А не поняв этого *перехода*, нельзя изжить его с пользой для революции, нельзя подготовиться к новой революции, нельзя *перейти* ко второй волне! Ибо подготовка к новой революции не может ограничиться повторением того, что она неизбежна: подготовка должна состоять в такой постановке пропаганды, агитации и организации, которая бы учитывала *своеобразие этого переходного положения*.

Вот вам пример того, как люди о *переходном* положении говорят, а в чем этот *переход* состоит, не понимают. «Что в России никакой действительной конституции нет, а Дума — лишь ее призрак, без власти и значения, это не только по опыту знают хорошо массы населения, но теперь это становится ясным всему миру» (стр. 11). Сопоставьте с этим оценку III Думы декабрьской резолюцией: «Открыто признан и закреплен государственным переворотом 3-го июня и учреждением III Думы союз царизма с черносотенными помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии».

Неужели не «ясно всему миру», что авторы платформы так-таки и не поняли резолюции, хотя ее в течение года

жевали и разжевывали в партийной прессе на тысячу ладов? И не поняли не в силу своей непонятливости, конечно, а в силу тяготения над ними отзовизма и отзовистского круга идей.

Наша III Дума есть черносотенно-октябристская Дума. Что октябристы и черносотенцы в России не имеют «власти и значения» (как это вышло у авторов платформы), это — нелепость. Отсутствие «действительной конституции», сохранение полноты власти за самодержавием несколько не исключает того своеобразного исторического положения, когда эта власть вынуждена организовывать контрреволюционный союз известных классов в общенациональном масштабе, в открыто действующих учреждениях, имеющих общегосударственное значение, и когда известные классы сами организуются, снизу, в контрреволюционные блоки, протягивающие руку царизму. Если «союз» царизма с этими классами (союз, стремящийся сохранить власть и доходы за крепостниками-помещиками) есть своеобразная форма господства классов и господства царя с его шайкой в данный, *переходный* период, форма, порождаемая буржуазной эволюцией страны при условии поражения «первой волны революции», — тогда *не может быть и речи* об использовании переходного времени без использования думской трибуны. Своеобразная тактика использования той трибуны, с которой говорят контрреволюционеры, *в целях* подготовки революции является тогда *обязательной*, вытекающей из своеобразия *всей* исторической обстановки. Если же Дума есть лишь «призрак» конституции «без власти и значения», тогда никакого *нового* этапа в развитии буржуазной России, буржуазной монархии, в развитии формы господства высших классов и т. д. перед нами нет, и тогда отзовисты, конечно, *принципиально* оказываются правыми!

И не думайте, что приведенная нами фраза платформы есть случайная обмолвка. В специальной главе «О Государственной думе» (стр. 25—28) мы читаем с самого начала: «все Государственные думы до настоящего времени представляли учреждения, не имеющие реальной силы и власти, не выражающие действительного соотношения сил в стране. Правительство созывало их под натиском народного движения для того, чтобы, с одной стороны, отвести массовое возбуждение от путей непосредственной

борьбы на пути мирно-избирательные, с другой стороны, чтобы столкнуться в этих Думах с теми общественными группами, которые могли бы поддержать правительство в борьбе с революцией»... Это — целый клубок путаных мыслей или обрывков мыслей. Если правительство созывало Думы, чтобы столкнуться с контрреволюционными классами, то отсюда выходит как раз то, что первая и вторая Думы *не* имели «силы и власти» (чтобы помочь революции), а III *имела и имеет* (чтобы помочь контрреволюции). Революционеры могли (а при известных условиях и должны были) не участвовать в учреждении, которое бессильно было помочь революции. Это бесспорно. Объединяя вместе такие учреждения революционного периода с Думой «межреволюционного периода», которая имеет силу помогать контрреволюции, авторы платформы совершают чудовищную ошибку. Они распространяют правильные большевистские рассуждения как раз на такие случаи, на которые они на самом деле не распространяются! Это именно и значит превращать большевизм в карикатуру.

Резюмируя свое «понимание» большевизма, авторы платформы выдвинули даже особый пункт d (стр. 16), в котором эта «карикатурная» революционность нашла себе классическое, можно сказать, выражение. Вот этот пункт полностью:

«d) Впредь до завершения революции все полулегальные и легальные способы и пути борьбы рабочего класса, в том числе также участие в Гос. думе, не могут иметь самостоятельного и решающего значения, но являются лишь средством собирания и подготовки сил для прямой революционной, открыто-массовой борьбы».

Выходит, что *после* «завершения революции» легальные способы борьбы, и парламентаризм «в том числе», *могут* иметь самостоятельное и решающее значение!

Неверно. И тогда не могут. В платформе «передовцев» написана бессмыслица.

Далее. Выходит, что «до завершения революции» все способы борьбы, *кроме* легальных и полулегальных, т. е. *все нелегальные* способы борьбы *могут* иметь самостоятельное и решающее значение!

Неверно. Есть такие нелегальные способы борьбы, которые и *после* «завершения революции» (например, нелегальные кружки пропаганды) и «до завершения революции» (например, захват денежных средств у неприятеля

или освобождение насильем арестованных или убийство шпионов и т. п.) *«не могут иметь самостоятельного и решающего значения, но являются лишь»* и т. д. как в тексте *«платформы»*.

Далее. О каком это «завершении революции» здесь говорится? Очевидно, *не* о завершении социалистической революции, ибо тогда не будет борьбы рабочего класса, раз не будет вообще классов. Значит, речь идет о завершении *буржуазно-демократической* революции. Теперь посмотрим, что же «понимали» авторы платформы под *завершением* буржуазно-демократической революции?

Вообще говоря, под этим термином можно понимать две вещи. Если его употребляют в широком смысле, то под ним разумеют решение объективных исторических задач буржуазной революции, «завершение» ее, т. е. устранение самой почвы, способной родить буржуазную революцию, завершение *всего цикла* буржуазных революций. В этом смысле, например, во Франции буржуазно-демократическая революция *завершена* была лишь 1871-ым годом (а начата в 1789 г.). Если же употребляют слово в узком смысле, то имеют в виду революцию отдельную, одну из буржуазных революций, одну из «волн», если хотите, которая бьет старый режим, но не добивает его, не устраняет почвы для следующих буржуазных революций. В этом смысле революция 1848-го года в Германии была «завершена» в 1850 году или в 50-х годах, нисколько не устранив этим почвы для революционного подъема 60-х годов. Революция 1789 года во Франции была «завершена», скажем, в 1794 году, нисколько не устранив этим почвы для революций 1830, 1848 годов.

Толковать ли слова платформы «впредь до завершения революции» в широком или узком значении, — во всяком случае смысла в них не доискаться. Нечего и говорить, что пытаться определить теперь тактику революционной социал-демократии *впредь* до завершения всего периода возможных буржуазных революций России — было бы совсем нелепо. А про революционную «волну» 1905—1907 гг., т. е. про первую буржуазную революцию в России, платформа сама вынуждена признать, что «первую волну революции оно (самодержавие) победило» (стр. 12), что мы переживаем период «межреволюционный», «между двумя волнами демократической революции».

В чем же источник этой бесконечной и безысходной путаницы в «платформе»? Да именно в том, что платформа дипломатично отгораживается от отзовизма, нисколько не выходя из круга идей отзовизма, не поправляя его основной ошибки и даже не замечая ее. Именно в том, что для «впередовцев» отзовизм «законный оттенок», т. е. для них *законом*, образцом, непревзойденным образцом является отзовистский оттенок карикатурного большевизма. Кто встал на эту наклонную плоскость, тот неудержимо катится и будет катиться в болото безысходной путаницы; тот *повторяет* слова и лозунги, не умея *продумать* условия применимости и пределы значения их.

Почему, например, большевики в 1906—1907 гг. так часто противопоставляли оппортунистам лозунг: революция не кончилась? Потому, что объективные условия были таковы, что о завершении революции в узком смысле слова не могло быть и речи. Возьмите хоть период II Думы. Самый революционный парламент в мире и едва ли не самое реакционное самодержавное правительство. Отсюда не было непосредственного выхода кроме переворота сверху или восстания снизу и, как бы ни качали теперь головой великомудрые педанты, а до переворота никто не мог ручаться, что он правительству удастся, что он сойдет гладко, что Николай II не сломит себе на нем шею. Лозунг «революция не кончилась» имел самое живое, непосредственно важное, практически ощутимое значение, ибо *только* он правильно выражал, что есть, к чему дело идет в силу объективной логики событий. А теперь, когда отзовисты сами признают данное положение «межреволюционным», пытаются представить этот отзовизм «законным оттенком революционного крыла» — «впредь до завершения революции», — разве это не беспомощная путаница?

Чтобы выбраться из этого безысходного круга противоречий, надо не дипломатничать с отзовизмом, а подрезать его идейные основы; надо встать на точку зрения декабрьской резолюции и продумать ее до конца. Данный межреволюционный период объясняется не случайностью. Теперь уже нет сомнений, что перед нами особый этап развития самодержавия, развития буржуазной монархии, буржуазно-черносотенного парламентаризма, буржуазной политики царизма в деревне, поддержки всего этого контрреволюционной буржуазией. Этот период, несомненно, есть

переходный период «между 2 волнами революции», но, чтобы подготовиться ко второй революции, необходимо как раз овладеть своеобразием этого перехода, уметь приспособить свою тактику и организацию к этому трудному, тяжелому, темному, но навязанному нам ходом «кампании» переходу. Использование думской трибуны, как и всяких других легальных возможностей, принадлежит к числу весьма невысоких средств борьбы, ничего «яркого» с собой не несущих. Но переходный период потому и есть переходный, что его специфической задачей является подготовка и соби́рание сил, а не их непосредственное, не их решительное выступление. Уметь поставить эту лишнюю внешнего блеска деятельность, уметь использовать для нее все те полуоткрытые учреждения, которые свойственны эпохе черносотенно-октябристской Думы, уметь отстоять и на этой почве все традиции революционной социал-демократии, все лозунги ее недавнего героического прошлого, весь дух ее работы, всю непримиримость ее по отношению к оппортунизму и реформизму, — вот задача партии, вот задача момента.

Мы разобрали первое отступление новой платформы от той тактики, которая изложена в революции Декабрьской конференции 1908 г. Мы видели, что это есть отступление в сторону идей отзовистских, в сторону идей, ничего общего не имеющих ни с марксистским анализом переживаемого момента, ни с основными посылками тактики революционных социал-демократов вообще. Нам надо рассмотреть теперь вторую оригинальную черту новой платформы.

Это — провозглашаемая новой группой задача «создавать» и «распространять в массах новую, пролетарскую» культуру: «развивать пролетарскую науку, укреплять истинно-товарищеские отношения в пролетарской среде, вырабатывать пролетарскую философию, направлять искусство в сторону пролетарских стремлений и опыта» (стр. 17).

Вот образчик той наивной дипломатии, которая служит в новой платформе для прикрытия сути дела! Ну, разве это не наивно, когда между «наукой» и «философией» вставляют «укрепление истинно-товарищеских отношений»? В платформу вносит новая группа свои предполагаемые обиды, свои обвинения других групп (именно: ортодоксальных большевиков в первую голову) в нарушении

ими «истинно-товарищеских отношений». Именно таково реальное содержание этого забавного пункта.

«Пролетарская наука» выглядит здесь тоже «грустно и некстати». Во-первых, мы знаем теперь только одну пролетарскую науку — марксизм. Авторы платформы почему-то систематически избегают этого единственно точного термина, ставя везде слова: «научный социализм» (стр. 13, 15, 16, 20, 21). Известно, что на этот последний термин претендуют у нас в России и прямые противники марксизма. Во-вторых, если ставить в платформу задачу развития «пролетарской науки», то надо сказать ясно, какую именно идейную, теоретическую борьбу нашего времени имеют здесь в виду и на чью именно сторону становятся авторы платформы. Молчание об этом есть наивная хитрость, ибо *суть дела* ясна всякому, кто знает литературу с. д. 1908—1909 годов. В наше время в области науки, философии, искусства выдвинулась борьба марксистов с махистами. По меньшей мере смешно закрывать глаза на этот общеизвестный факт. «Платформы» следует писать не для затушевания разногласий, а для разъяснения их.

Неловко же выдают себя наши авторы цитированным местом платформы. Всем известно, что на деле под «пролетарской философией» имеется в виду именно махизм, — и всякий толковый социал-демократ сразу раскроет «новый» псевдоним. Не к чему было и выдумывать этот псевдоним. Не к чему прятаться за него. На деле самое влиятельное литературское ядро новой группы есть махистское, которое считает не-махистскую философию не-«пролетарской».

Так и надо было сказать, если хотели говорить об этом в платформе: новая группа объединяет людей, которые будут бороться против не-«пролетарских», т. е. не-махистских теорий в философии и искусстве. Это было бы прямое, правдивое, открытое выступление всем известного *идейного* течения, выступление на борьбу с другими течениями. Когда идейной борьбе придают важное значение для партии, то именно с прямым объявлением войны и выступают, а не прячутся.

И мы будем звать всех к определенному, ясному ответу на прикрытое выставление философской борьбы с марксизмом в платформе. *На деле* именно борьбу с марксизмом

прикрывают все фразы о «пролетарской культуре». «Оригинальность» новой группы та, что она в партийную платформу внесла *философию*, не сказав прямо, какое *именно* течение в философии она защищает.

Впрочем, нельзя было бы сказать, что целиком отрицательным является то реальное содержание, которое имеют цитированные слова платформы. За ними кроется и некоторое положительное содержание. Это положительное содержание можно выразить одним словом: М. Горький.

В самом деле, не к чему скрывать факта, о котором прокричала уже (исказив и извратив его) буржуазная пресса, именно, что М. Горький принадлежит к сторонникам новой группы. А Горький — безусловно крупнейший представитель *пролетарского* искусства, который много для него сделал и еще больше может сделать. Всякая фракция социал-демократической партии может законно гордиться принадлежностью к ней Горького, но на этом основании вставлять в *платформу* «пролетарское искусство» значит выдавать этой платформе свидетельство о бедности, значит сводить свою группу к литераторскому *кружку*, который изобличает себя сам именно в «авторитарности»... Авторы платформы очень много говорят против признания авторитетов, не поясняя прямо, в чем дело. Дело в том, что им кажется отстаивание материализма в философии и борьба с отзовизмом у большевиков предприятием отдельных «авторитетов» (тонкий намек на толстое обстоятельство!), которым враги махизма, дескать, «слепо доверяют». Подобные выходы, конечно, совершенно детские. Но с авторитетами именно «впередовцы» обращаются нехорошо. Горький — авторитет в деле пролетарского искусства, это бесспорно. Пытаться «использовать» (в идейном, конечно, смысле) *этот* авторитет для укрепления махизма и отзовизма значит давать *образчик* того, как с *авторитетами* обращаться не следует.

В деле пролетарского искусства М. Горький есть громадный *плюс*, несмотря на его сочувствие махизму и отзовизму. В деле развития социал-демократического пролетарского движения *платформа*, которая обособляет в партии группу отзовистов и махистов, выдвигая в качестве специальной групповой задачи развитие якобы «пролетарского» искусства, есть *минус*, ибо эта платформа в дея-

тельности крупного авторитета хочет закрепить и использовать как раз то, что составляет его слабую сторону, что входит отрицательной величиной в сумму приносимой им пролетариату громадной пользы.

II

«ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЙ КРИЗИС» В НАШЕЙ ПАРТИИ

Прочтя это заглавие, иной читатель, пожалуй, не сразу поверит своим глазам. «Этого еще недоставало! каких только кризисов не было в нашей партии — и вдруг еще новый кризис, *объединительный?*»

Выражение, которое звучит так странно, заимствовано мной у Либкнехта. Он употребил его в 1875 году в письме (от 21 апреля) к Энгельсу, рассказывая об объединении лассальянцев и эйзенахцев. Маркс и Энгельс полагали тогда, что из этого объединения ничего хорошего не выйдет⁶⁹. Либкнехт опровергал их опасения и уверял, что немецкая социал-демократическая партия, пережившая успешно всякие кризисы, перенесет и «объединительный кризис» (см. Gustav Mayer. «Johann Baptist von Schweitzer und die Sozialdemokratie». Jena, 1909, S. 424*).

Не подлежит ни малейшему сомнению, что и наша партия, РСДРП, успешно переживет *свой* объединительный кризис. А что она сейчас переживает таковой, это видит всякий, кто знаком с решениями пленарного собрания ЦК и с событиями после пленума. Если судить по резолюциям пленума, — объединение может казаться самым полным и совершенно законченным. Если судить по тому, что есть теперь, в начале мая 1910 г., по решительной борьбе ЦО с «Голосом Социал-Демократа», издаваемым ликвидаторами, по разгоревшейся полемике Плеханова и других партийных меньшевиков с «голосовцами», по архиругательному выступлению против ЦО «группы Вперед» (см. только что вышедший листок ее: «К товарищам большевикам»), — то человеку, стоящему в стороне, легко может показаться *всякое* объединение призраком.

Ликуют прямые враги партии. Неистово бранятся сторонники и прикрыватели отзовизма «впередовцы». Еще озлобленнее ругаются вожди ликвидаторов — Аксельрод,

* — Густав Майер. «Йоган Баптист фон Швейцер и социал-демократия». Йена, 1909, стр. 424. Ред.

Мартынов, Мартов, Потресов и другие — в своем «Необходимом дополнении к «Дневникам» Плеханова». Разводят руками, жалуется и говорят беспомощные фразы «примиренцы» (см. резолюцию, принятую 17 апреля 1910 г. «Венским партийным социал-демократическим клубом», стоящим на точке зрения Троцкого).

Но на самый важный и основной вопрос *о причинах* того, почему наше партийное объединение идет так, а не иначе, почему (кажущееся) полное объединение на пленуме сменилось теперь (кажущимся) полным разъединением, а также на вопрос о том, каково, в силу «соотношения сил» внутри и вне нашей партии, *должно* быть направление дальнейшего ее развития, — на эти основные вопросы не дают никакого ответа ни ликвидаторы (голосовцы), ни отзовисты (впередовцы), ни примиренцы (Троцкий и «венцы»).

Брань и фраза не ответ.

1. ДВА ВЗГЛЯДА НА ОБЪЕДИНЕНИЕ

Ликвидаторы и отзовисты с трогательным единодушием ругают на все корки большевиков (первые еще Плеханова). Виноваты большевики, виноват Большевистский Центр, виноваты «индивидуалистические» замашки Ленина и Плеханова» (стр. 15 «Необходимого дополнения»), виновата «безответственная группа» «бывших членов Большевистского Центра» (см. листок группы «Вперед»). Солидарность у ликвидаторов и отзовистов в этом отношении полнейшая; их блок против ортодоксального большевизма (блок, характеризовавший *не раз* и борьбу на пленуме, о чем особо ниже) есть бесспорный факт; представители двух крайних течений, одинаково выражающих подчинение буржуазным идеям, одинаково антипартийных, сходятся целиком в своей внутрипартийной политике, в борьбе с большевиками и провозглашении ЦО «большевистским». Но самая сильная брань Аксельрода и Алексинского только прикрывает их полное непонимание смысла и значения партийного объединения. Резолюция Троцкого (— венцев) только по внешности отличается от «излияний» Аксельрода и Алексинского. Она составлена очень «осторожно» и претендует на «сверхфракционную» справедливость. Но в чем ее смысл? Во всем виноваты-де

«большевистские вожди», — это та же «философия истории», что у Аксельрода и Алексинского.

В первом же абзаце венской резолюции говорится: ...«представители всех фракций и течений... своим решением» (на пленуме) «сознательно и обдуманно брали на себя ответственность за проведение принятых резолюций *в данных условиях, в сотрудничестве с данными лицами, группами и учреждениями*». Речь идет о «конфликтах в ЦО». Кто «ответственен за проведение резолюций пленума в ЦО? Ясно: большинство ЦО, т. е. большевики с поляками; они и ответственны за проведение резолюций пленума — «в сотрудничестве с данными лицами», т. е. с голосовцами и впередовцами.

О чем говорит главная резолюция пленума, в той своей части, которая посвящена наиболее «большим» вопросам нашей партии, вопросам, которые были всего более спорны до пленума и которые должны были стать всего менее спорными после пленума?

О том, что *проявлением буржуазного влияния на пролетариат* является, с одной стороны, отрицание нелегальной социал-демократической партии, принижение ее роли и значения и т. д., с другой стороны, отрицание думской работы с.-д. и использования легальных возможностей, непонимание важности того и другого и т. д.

Теперь спрашивается, какой же смысл имеет эта резолюция:

Тот ли, что голосовцы должны были искренне и бесповоротно поставить крест над отрицанием нелегальной партии, принижением ее и т. д., должны были признать это уклонением, должны были избавиться от него, вести положительную работу в духе, враждебном этому отклонению; — что впередовцы должны были искренне и бесповоротно поставить крест над отрицанием думской работы и легальных возможностей и т. д.; — что большинство ЦО должно было всячески привлечь к «сотрудничеству» голосовцев и впередовцев при условии искреннего, последовательного и бесповоротного отречения их от подробно описанных в резолюции пленума «уклонений»?

Или смысл резолюции тот, что большинство ЦО ответственно за проведение резолюций (о преодолении ликвидаторских и отзовистских уклонений) «в сотрудничестве с данными» голосовцами, продолжающими попрежнему

и даже еще грубее защищать ликвидаторство, с данными впередовцами, продолжающими попрежнему и даже еще грубее отстаивать законность отзовизма, ультиматизма и т. п.?

Достаточно поставить этот вопрос, чтобы видеть, как бессодержательны звонкие фразы в резолюции Троцкого, — как они служат *на деле* отстаиванию той же самой позиции, на которой стоят Аксельрод и К^о, Алексинский и К^о.

Троцкий выразил в первых же словах своей резолюции весь дух самого худого примиренчества, «примиренчества» в кавычках, примиренчества кружкового, обывательского, берущего «данных лиц», а не данную линию, не данный дух, не данное идейно-политическое содержание партийной работы.

Ведь в этом вся бездна различия между «примиренчеством» Троцкого и К^о, которое на деле служит самую верную службу ликвидаторам и отзовистам, а потому является тем более опасным злом в партии, чем хитрее, изысканнее, фразистее оно прикрывается якобы-партийными и якобы-антифракционными декламациями, — и между партийностью действительной, которая состоит в очищении партии от ликвидаторства и отзовизма.

Что нам дано в самом деле, как задача партии?

«Даны» ли «данные лица, группы и учреждения», которые надо «примирить» независимо от их линии, независимо от содержания их работы, независимо от их отношения к ликвидаторству и отзовизму?

Или нам дана партийная линия, дано идейно-политическое направление и содержание всей нашей работы, дана задача очищения этой работы от ликвидаторства и отзовизма, — задача, которая должна осуществляться независимо от «лиц, групп и учреждений», вопреки противодействию несогласных с этой линией или не проводящих ее «лиц, учреждений и групп»?

Возможны два взгляда на значение и условия осуществления какого бы то ни было партийного объединения. Понять различие этих взглядов крайне важно, ибо они перепутываются и смешиваются в ходе развития нашего «объединительного кризиса», и без отмежки одного взгляда от другого невозможно разобраться в этом кризисе.

Один взгляд на объединение может ставить на первый план «примирение» «данных лиц, групп и учреждений».

Единство их взглядов на партийную работу, на линию этой работы — дело второстепенное. Разногласия надо стараться замалчивать, а не выяснять их корни, их значения, их объективных условий. «Примирить» лица и группы — в этом главное. Если они не сходятся на проведении общей линии, — надо истолковать эту линию так, чтобы она была приемлема для всех. Живи и жить давай другим. Это — «примиренчество» обывательское, неизбежно приводящее к кружковой дипломатии. «Заткнуть» источники разногласий, замолчать их, «уладить» во что бы то ни стало «конфликты», нейтрализовать враждующие направления — вот на что направлено главное внимание подобного «примиренчества». Понятно, что в условиях заграничной базы для операций нелегальной партии эта кружковая дипломатия открывает настежь двери для «лиц, групп и учреждений», играющих роль «честных маклеров» при всяческих попытках «примирения» и «нейтрализации».

Вот как рассказывает об одной такой попытке на пленуме Мартов в № 19—20 «Голоса»:

«Меньшевики, «правдисты» и бундовцы предлагали такой состав ЦО, который обеспечил бы «нейтрализацию» двух противоположных течений партийной мысли, не дал бы определенного большинства ни одному из них и тем самым *вынуждал* бы партийный орган выработать по каждому существенному вопросу ту *среднюю линию*, которая может объединить большинство партийных работников».

Предложение меньшевиков, как известно, не прошло. Троцкий, поставивший свою кандидатуру в ЦО в качестве *нейтрализатора*, провалился. Кандидатура на ту же должность бундовца — эту кандидатуру в своих речах предлагали меньшевики — не ставилась и на голосование.

Вот вам *фактическая* роль тех «примиренцев» в худом смысле слова, которые писали венскую резолюцию и взгляды которых выражены в сейчас только полученной мной статье Ионова в № 4 «Отклик Бунда». Меньшевики *не решались* предлагать ЦО с большинством *из* направления, — признавая в то же время, как видно из приведенного мной рассуждения Мартова, *два противоположные течения* в партии. Меньшевикам и в голову не приходило предлагать ЦО с большинством *из* направления. Они даже и не покушались добиваться Центрального Органа с определенным направлением (до такой

степени ясно было на пленуме отсутствие направления у меньшевиков, от которых только еще требовалось, только еще ожидалось искреннее и последовательное отречение от ликвидаторства). Меньшевики добивались в ЦО «нейтрализации» и в качестве *нейтрализаторов* выдвигали бундовца или Троцкого. Бундовец и Троцкий должны были играть роль свахи, которая взяла бы на себя «сочетание браком» «данных лиц, групп и учреждений» независимо от того, отреклась ли бы одна сторона от ликвидаторства или нет.

Эта точка зрения свахи и составляет всю «идейную основу» примиренчества Троцкого и Ионова. Когда они жалуются и плачут по поводу того, что объединения не вышло, то это следует понимать *cum grano salis**. Это надо понимать так, что сватовства не вышло. «Неудача» тех надежд на объединение, которые питали Троцкий и Ионов, надежд на объединение с «данными лицами, группами и учреждениями» независимо от их отношения к ликвидаторству, означает только неудачу свах, означает неверность, безнадежность, мизерность точки зрения свахи, но вовсе еще не означает неудачи партийного объединения.

Есть другой взгляд на это объединение. Этот другой взгляд состоит в том, что целый ряд глубоких, объективных причин, независимых от того или иного состава «данных (пленуму и на пленуме) лиц, групп и учреждений», давно уже начал вызывать и продолжает неуклонно вызывать в двух старых, двух главных русских фракциях с.-д. такие изменения, которые создают — иногда вопреки воле и даже сознанию кое-кого из «данных лиц, групп и учреждений», создают — идейные и организационные основы объединения. Эти объективные условия коренятся в особенностях переживаемой нами эпохи буржуазного развития России, эпохи буржуазной контрреволюции и попыток самодержавия реорганизоваться по типу буржуазной монархии. Эти объективные условия создают в одно и то же время и в неразрывной связи одно с другим изменения в характере рабочего движения, в составе, типе, облике рабочего с.-д. авангарда и изменения в идейно-политических задачах социал-демократического движения.

* — с большой оговоркой. Ред.

Поэтому не случайностью, не какой-нибудь индивидуальной злонамеренностью, глупостью или ошибкой, а неизбежным результатом действия этих объективных причин — и неотделимой от «базиса» надстройкой над всем рабочим движением современной России — является то буржуазное влияние на пролетариат, которое создает ликвидаторство (= полулиберализм, желающий причислять себя к с.-д.) и отзовизм (= полуанархизм, желающий причислять себя к с.-д.). Сознание опасности, несоциал-демократичности, вреда для рабочего движения обоих уклонений вызывает сближение элементов различных фракций и пролагает дорогу партийному объединению «через все препятствия».

С этой точки зрения объединение может идти медленно, трудно, с колебаниями, шатаниями, рецидивами, но оно не может не идти. С этой точки зрения объединение идет вовсе не обязательно между «данными лицами, группами и учреждениями», а независимо от данных лиц, подчиняя их себе, отбрасывая из «данных» тех, кто не сознает или не хочет сознать требований объективного развития, выдвигая и привлекая новых лиц, к составу «данных» не принадлежащих, производя изменения, перетасовки, перегруппировки внутри старых фракций, течений, делений. С этой точки зрения объединение неотделимо от его идейной основы, оно только на основе идейного сближения и вырастает, оно связано с появлением, развитием, ростом таких уклонений, как ликвидаторство и отзовизм, не случайной связью тех или иных полемических выступлений, той или иной литературной борьбы, а внутренней, неразрывной связью, как связаны причина и следствие.

2. «ВОРЬБА НА ДВА ФРОНТА» И ПРЕОДОЛЕНИЕ УКЛОНЕНИЙ

Таковы два принципиально различных, коренным образом между собою расходящихся, взгляда на сущность и значение нашего партийного объединения.

Теперь спрашивается, какой из этих взглядов лежит в основе резолюции пленума? Кто захочет вдуматься в нее, тот увидит, что в основе лежит второй взгляд, но в некоторых местах резолюция явно носит следы частных «поправок» в духе первого, причем эти «поправки», *ухудшая* резолюцию, *нисколько не устраняют ее основы*, ее главного содержания, насквозь проникают вторым взглядом.

Чтобы показать, что это так, что «поправки» в духе кружковой дипломатии носят действительно характер частных поправок, что они не меняют сути дела и принципиальной основы резолюции, я остановлюсь на затронутых уже партийной прессой отдельных пунктах и отдельных местах резолюции о положении дел в партии. Начну с конца.

Обвиняя «руководителей старых фракций» в том, что они все делают, чтобы помешать установлению единства, что они и на пленуме вели себя так же, что «каждый шаг приходилось брать у них с бою», Ионов пишет:

«Не хотел т. Ленин «преодолевать опасные отклонения» путем «расширения и углубления социал-демократической работы». Он достаточно энергично добивался постановки в центре всех партийных начинаний теории «борьбы на два фронта». Он и мысли не допускал об уничтожении в партии «положения об усиленной охране» (стр. 22, ст. 1).

Речь идет о § 4, п. б, резолюции о положении дел в партии. Проект этой резолюции внесен был в ЦК мною, и данный пункт был изменен уже после работы комиссии самим пленумом, изменен по предложению Троцкого, против которого я безуспешно боролся. У меня стояли в этом пункте если не буквально слова: «борьба на два фронта», то во всяком случае слова, выражающие эту мысль. «Преодоление путем расширения и углубления» вставлено по предложению Троцкого. Я очень рад, что т. Ионов своим рассказом о моей борьбе против этого предложения дает мне удобный повод высказаться о значении «поправки».

Ничто не возбуждало на пленуме такого ярого — зачастую комического — негодования, как мысль о «борьбе на два фронта». Одно упоминание об этом выводило из себя и впередовцев и меньшевиков. Это негодование исторически вполне объяснимо, ибо большевики провели *на деле*, с августа 1908 г. до января 1910 года, борьбу на два фронта, т. е. борьбу с ликвидаторами и отзовистами. Комично же было это негодование потому, что сердившиеся на большевиков только доказывали этим свою виновность, доказывали, что их продолжает задевать всякое осуждение ликвидаторства и отзовизма. На воре шапка горит.

Предложение Троцкого поставить вместо борьбы на два фронта — «преодоление путем расширения и углубления» встретило горячую поддержку меньшевиков и впередовцев.

И теперь ликуют по поводу этой «победы» и Ионов, и «Правда», и венская резолюция, и «Голос Социал-Демократа». Но, спрашивается, изгнав из этого пункта слова о борьбе на два фронта, изгнали ли признание необходимости этой борьбы из резолюции? *Нисколько*, ибо раз признаны «уклонения», признана их «опасность», признано необходимым «разъяснить» эту опасность, признано, что уклонения суть «проявление буржуазного влияния на пролетариат», то этим, *по сути дела*, как раз борьба на два фронта признана! Изменили в одном месте «неприятный» (для того или иного кума) термин, но оставили основную мысль! Получилось только заутывание, разжижение водицей, ухудшение фразой одной части одного пункта.

В самом деле, это — именно фраза и беспомощная увертка, если в данном параграфе говорится о преодолении путем расширения и углубления работы. Никакой ясной мысли тут нет. Работу расширять и углублять необходимо всегда и безусловно; об этом весь *третий* параграф резолюции говорит подробно, говорит раньше перехода к специфическим, — не всегда и не безусловно обязательным, а условиями особого периода порожденным, — «идейно-политическим задачам». Только этим особым задачам посвящен § 4-ый, и в введении ко всем его трем пунктам прямо говорится, что эти идейно-политические задачи «*выдвинулись* в свою очередь».

Что же получилось? Получилась бессмыслица, будто задача расширения и углубления работы *может* выдвинуться в свою очередь! Как будто *может* быть такая историческая «очередь», когда *эта* задача не стоит, как и всегда!

И каким образом можно преодолевать уклонения *путем* расширения и углубления социал-демократической работы? При всяком расширении и при всяком углублении неизбежно встанет вопрос, как расширять и как углублять; если ликвидаторство и отзовизм не случайность, а порожденные социальными условиями течения, то они могут пробиться во всякое расширение и во всякое углубление работы. Можно расширять и углублять работу в духе ликвидаторства — это делают, например, «Наша Заря» и «Возрождение»⁷⁰; можно делать это и в духе отзовизма. С другой стороны, преодоление уклонений, в настоящем

значении слова «преодоление», неизбежно отвлекает известные силы, время, энергию от непосредственного расширения и углубления правильной социал-демократической работы. Например, тот же Ионов на той же странице своей статьи пишет:

«Пленум кончился. Участники его разъехались. Центральному Комитету приходится при налаживании работы преодолевать неимоверные трудности, среди которых не последнее место занимает поведение так называемых» (только так называемых, т. Ионов, а не настоящих, не доподлинных?) «ликвидаторов, существование которых т. Мартов так настойчиво отрицал».

Вот вам материал — маленький, но характерный материал — для пояснения того, насколько пусты фразы Троцкого и Ионова. Преодоление ликвидаторских шагов Михаила, Юрия и К^о отнимало силы и время ЦК от непосредственного расширения и углубления действительно социал-демократической работы. Если бы не было поступков Михаила, Юрия и К^о, если бы не было ликвидаторства среди тех, кого мы ошибочно продолжаем считать своими товарищами, тогда расширение и углубление социал-демократической работы шли бы успешнее, ибо внутренняя борьба не отвлекала бы силы партии. Значит, если понимать под расширением и углублением социал-демократической работы непосредственное развитие агитации, пропаганды, экономической борьбы и т. д. в действительно социал-демократическом духе, то для этой работы преодоление уклонений социал-демократов от социал-демократизма есть минус, вычет, так сказать, из «положительной деятельности», а, следовательно, фраза о преодолении уклонений *путем* расширения и т. д. не имеет смысла.

Эта фраза на самом деле выражает смутное пожелание, доброе, невинное пожелание, чтобы внутренней борьбы среди социал-демократов было поменьше! Ничего кроме этого невинного пожелания не отразилось в этой фразе; это — *вздых* так называемых примиренцев: о, если бы поменьше борьбы с ликвидаторством и отзовизмом!

Политическое значение подобного «вздыхания» — нуль, хуже нуля. Если есть люди в партии, которым выгодно «настойчиво отрицать» существование ликвидаторов (и отзовистов), то они используют «вздых» «примиренцев» для прикрытия зла. Так «Голос Социал-Демократа»

и поступает. И поэтому защитники подобных благонамеренно-пустых фраз в резолюциях — лишь *так называемые* «примиренцы». На деле они пособники ликвидаторов и отзовистов, на деле они углубляют не социал-демократическую работу, а укрепляют именно уклонения от нее, укрепляют именно зло, временно пряча его, затрудняя исцеление от него.

Чтобы иллюстрировать т. Ионову значение этого зла, я напомню ему одно место из статьи т. Ионова в № 1 «Дискуссионного Листка». Тов. Ионов удачно сравнил ликвидаторство и отзовизм с *доброкачественным нарывом*, который «в процессе нарывания стягивает к себе со всего организма всякие вредные элементы и таким образом способствует его оздоровлению».

Вот именно. Процесс нарывания, выводящий из организма «вредные элементы», ведет к оздоровлению. А то, что затрудняет очистку организма от таких элементов, приносит ему вред. Пусть т. Ионов подумает над этой полезной мыслью т. Ионова!

3. УСЛОВИЯ ОБЪЕДИНЕНИЯ И КРУЖКОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Далее. Редакционная статья «Голоса» об итогах пленума заставляет нас коснуться вопроса об удалении из резолюции слов: ликвидаторство и отзовизм. В этой редакционной статье (№ 19—20, стр. 18) с необыкновенной, невиданной нигде (кроме как у наших голосовцев)... смелостью заявляется, что термин «ликвидатор» — каучуковый, что он «плодил всякие недоразумения» (sic!*) и т. д., почему «ЦК решил устранить из резолюции этот термин».

Как назвать такое изложение решений ЦК об устранении термина, когда редакторы «Голоса» не могут не знать того, что это изложение противоречит истине? На что рассчитывали эти редакторы, двое из которых были на пленуме и знают «историю» устранения термина? Неужели они рассчитывали на то, что их не разоблачат?

В комиссии, вырабатывавшей резолюцию, большинство утвердило сохранение термина. Из двух меньшевиков, бывших в комиссии, один (Мартов) голосовал за его устранение, *другой* (склонявшийся неоднократно к позиции

* — так! Ред.

Плеханова) *против*. На пленуме всеми националами (2 поляка + 2 бундовца + 1 латыш) и Троцким было внесено следующее заявление:

«Находя, что по существу было бы желательно назвать «ликвидаторством» указанное в резолюции течение, с которым необходимо бороться, но, принимая во внимание заявление тт. меньшевиков, *что и они считают необходимым бороться с этим течением*, но употребление в резолюции такого термина имеет фракционный, направленный против них, меньшевиков, характер, — мы, в интересах уничтожения всяких лишних помех к объединению партии, предлагаем выкинуть этот термин из резолюции».

Итак, большинство ЦК, и притом именно все нефракционные элементы, заявляет письменно, что слово ликвидаторство по существу правильно и что бороться с ликвидаторством необходимо, а редакция «Голоса» объясняет устранение термина его непригодностью по существу!!

Большинство ЦК, и притом именно все нефракционные элементы, заявляет письменно, что соглашается на устранение термина, уступая настояниям меньшевиков (вернее: уступая ультиматуму, ибо меньшевики заявили, что иначе резолюция не будет единогласной), ввиду их обещания *«бороться с этим течением»*, а редакция «Голоса» пишет: резолюция дала «недвусмысленный ответ на вопрос о так называемой «борьбе с ликвидаторством»» (стр. 18, там же)!!

На пленуме они обещают исправиться, просят: не употребляйте «направленного против нас термина», ибо мы отныне сами будем бороться с этим течением, — а в первом номере «Голоса» после пленума провозглашают борьбу с ликвидаторством так называемой борьбой.

Ясно, что мы имеем здесь со стороны голосовцев полный и решительный поворот к ликвидаторству, поворот, который станет понятным, если взглянуть, как на нечто цельное, связанное, причинно-обусловленное; на то, что произошло после пленума, — особенно на выступления «Нашей Зари», «Возрождения» и господ, вроде Михаила, Юрия, Романа и К^о. Об этом мы будем говорить ниже, и нам придется показать там всю поверхностность точки зрения Троцкого, склонного сваливать все на «нарушение нравственно-политических обязательств» (венская резолюция), тогда как перед нами, очевидно, не личное или групповое «нарушение обязательств», не моральный, не юридический акт,

а *политический*, именно: сплочение антипартийных легалистов в России.

Теперь же следует остановиться на другом вопросе, именно на вопросе о причинах и значении такого шага пленума, как устранение слова ликвидаторство из резолюции. Объяснять это исключительно усердием не по разуму таких примиренцев, как Троцкий, Ионов и К^о, было бы неправильно. Тут есть еще другой момент. Дело в том, что значительная часть решений пленума проводилась не по обычному принципу подчинения меньшинства большинству, а по принципу *соглашения* двух фракций, большевиков и меньшевиков, при посредничестве националов. На это обстоятельство, повидимому, намекает в «Откликах Бунда» тов. Ионов, когда он пишет: «Товарищи, цепляющиеся теперь за формалистику, прекрасно знают, чем бы кончился последний пленум, если бы он стал на формальную точку зрения».

Тов. Ионов в этой фразе говорит намеками. Подобно Троцкому, он считает такой способ изложения своих мыслей особенно «тактичным», нефракционным и специфически-партийным. На самом деле это именно образ действия кружковых дипломатов, ничего не приносящий, кроме вреда, партии и партийности. Намеки пропадают для одних, разжигают кружковое любопытство других, подстрекают к сплетне и наущничанию третьих. Поэтому намеки Иопова необходимо расшифровать. Если он говорит здесь не о том, что пленум по ряду вопросов стремился к соглашению (а не простому решению большинством), то приглашаем его выразиться яснее и не вводить в соблазн зарубежных кумушек.

Если же Ионов говорит здесь о соглашении фракций на пленуме, то его слова против «товарищей, цепляющихся теперь за формалистику», наглядно показывают нам еще одну черту тех якобы примиренцев, которые на деле тайком помогают ликвидаторам.

Ряд единогласных решений принят на пленуме по *соглашению* фракций. Почему это было необходимо? Потому что фактически фракционные отношения равнялись расколу, а при всяком расколе всегда и неизбежно дисциплина целого коллектива (в данном случае: партии) приносится в жертву дисциплине части коллектива (в данном случае: фракции).

К единству нельзя было идти при русских партийных отношениях иначе, как через соглашение фракций (всех ли фракций или главных, частей ли фракций или фракций полностью, это вопрос другой). Отсюда — необходимость компромисса, т. е. таких уступок в некоторых пунктах, которые не признавались большинством, а требовались меньшинством. Одной из таких компромиссных уступок было удаление из резолюции слова: ликвидаторство. Особенно рельефным проявлением этого компромиссного характера решений пленума является *условная* передача большевиками их *фракционного* имущества *третьим* лицам. Часть партии условно передает свое имущество третьим лицам (из международной социал-демократии), которые должны будут решать, отдать ли эти деньги ЦК или вернуть фракции. Совершенно необычный и невозможный в нормальной, нерасколовшейся, партии характер этого договора ясно показывает, на каких *условиях* большевики принимали соглашение. Декларация большевиков, напечатанная в № 11 ЦО, говорит ясно, что основным идейно-политическим условием является проведение резолюции, «осуждающей ликвидаторство и отзовизм и признающей борьбу с этими течениями за неотъемлемый элемент политической линии партии», что одним из обеспечений проведения этой линии в жизнь является состав ЦО, что продолжение фракционного органа и фракционной политики меньшевиками дает право большевикам «потребовать от держателя возврата денег». ЦК *принял* эти условия, прямо сославшись в резолюции о фракционных центрах на эту декларацию большевиков.

Спрашивается, подлежат эти условия выполнению или нет? Формальны эти условия или нет? Тов. Ионов, пренебрежительно говорящий о «формалистике», не понял самого элементарного различия между соглашением, как основой договора (= условия о передаче большевиками денег, условия, утвержденного единогласной резолюцией ЦК о фракционных центрах), и соблюдением формальных условий договора, как основой сохранения единства.

Если тов. Ионов теперь, после единогласной резолюции ЦК о фракционных центрах, презрительно махает рукой на «формалистику», то он этим махает рукой на *все* решение ЦК о фракционных центрах. Софизм тов. Ионина сводится

вот к чему: сумма решений ЦК достигнута не только проведением резолюций по большинству голосов, но и соглашением враждующих течений по некоторым важнейшим вопросам; — следовательно, и *впредь* не обязательны формально эти решения, а меньшинство вправе требовать соглашения! *Так как* в решениях ЦК есть элемент соглашения, то *всегда* можно эти решения рвать, ибо соглашение дело добровольное!

Разве подобная софистика не есть плохо прикрытая защита ликвидаторов?

Но если софизмы Ионова не более, как смешны, то в стремлении ЦК (плenums) сделать максимум возможных уступок был момент психологически и политически верный, правильный. Большевики и отзовисты сходились в бешеных нападках на БЦ (Большевистский Центр), против которого выдвигались самые свирепые обвинения. Не принципиальные разногласия, а «злость» БЦ — вот что нас больше всего и в первую голову отдаляет от партии, говорили и меньшевики и отзовисты*.

Это — очень важное обстоятельство, не уяснив которого нельзя понять, почему именно таким, а не другим, является ход нашего объединительного кризиса. Принципиальных защитников ликвидаторства и отзовизма *не было*: ни меньшевики, ни впередовцы *не решались* занимать подобной позиции. Тут сказалась давно уже отмеченная в нашей литературе (и не раз отмечавшаяся в международной литературе против оппортунистов) черта современных «критиков» марксизма и критиков действительно марксистской тактики: нерешительность, беспринципность, прятанье «новой» линии, прикрывание последовательных представителей ликвидаторства и отзовизма. Мы не ликвидаторы, это фракционный термин, — кричали меньшевики. Мы не отзовисты, это фракционное преувеличение, — вторили им впередовцы. И тысячи обвинений против БЦ по всем и всяческим делам вплоть до так называемой «уголовщины» (читай: экспроприации) сыпались *в целях* затупевания и оттеснения на второй план принципиально-политических разногласий.

---

* Ср. отзыв Ионова: «Не менее настойчиво твердил пленуму г. Мартов, что «опасные уклоны» вправо — выдумка злых большевиков, что один враг у партии, это — Большевикский Центр с его фракционным хозяйничанием» (стр. 22 цитир. ст.).

Большевики ответили на это: хорошо, господа, пусть ЦК разберет *все* ваши обвинения и учинит по ним «суд и расправу». Пять национальных социал-демократов входят в пленум, — от них зависит решение вообще, тем более единогласное решение. Пусть они и явятся «судьями» в разборе ваших (т. е. меньшевистских и впередовских) обвинений и удовлетворении ваших претензий к БЦ. Большевики пошли дальше. Они согласились на максимум компромиссов в резолюциях, потребованных меньшевиками и впередовцами.

И вот максимум уступок в резолюциях о положении дел в партии и о конференции сделан, все «обвинения» рассмотрены и *все претензии к БЦ удовлетворены* на основании решения *всех пяти националов социал-демократов*.

Только таким путем можно было отнять у противников партийной линии, т. е. антиликвидаторской линии, *всякую возможность отговорок, всякую возможность увернуться от принципиальной постановки вопроса*. И эту возможность у них отняли.

Если теперь Аксельрод и Мартов с К^о в «Необходимом дополнении», Алексинский и К^о в листке впередовцев пытаются опять вытащить на свет божий обвинения против БЦ, сплетни, клеветы, ложь и инсинуации, — то эти господа сами изрекают себе приговор. Отрицать то, что пленум *единогласно все* обвинения их рассмотрел, *все* обвинения своей резолюцией отменил и признал отмеченными, — отрицать этого нельзя, отрицать этого ни те, ни другие герои склоки не могут. А если так, то для всех и каждого ясно теперь, что поднимающие опять склоку (Аксельрод, Мартов, Алексинский и К^о) — просто политические шантажисты, желающие сплетней замаять принципиальные вопросы. И иначе, как политических шантажистов, мы их третировать не будем. Иными вопросами, кроме вопроса о проведении партией антиликвидаторской и антиотзовистской линии, мы заниматься не будем, предоставляя Аксельроду, Мартову, Алексинскому купаться в помоях сколько им угодно.

Компромиссы и уступки большевиков, их согласие на резолюции, во многом недостаточно решительные, были необходимы для чистоты принципиальной размежки. Удовлетворив *все* претензии меньшевиков и отзо-

вистов, признанные правильными большинством националов*, большевики добились того, что для социал-демократов без различия направлений, для всех, кроме профессиональных шантажистов, вопрос встал исключительно о проведении партийной линии, антиликвидаторской и антиотзовистской. Никому, ни единому человеку в партии, не был загражден доступ к партийной работе, к участию в проведении этой линии; никаких помех ее проведению, никаких посторонних мешающих обстоятельств не осталось по решению, которое зависело от националов социал-демократов. И если теперь снова и еще более явно показали себя ликвидаторы, то этим *доказано*, что посторонние помехи были выдумкой, отводом глаз, сплетнической уверткой, приемом кружковых интриганов, не более того.

Поэтому размежка и разборка и началась настоящим образом только после пленума; идет эта разборка исключительно по важнейшему принципиальному вопросу — о ликвидации нашей партии. Те «примиренцы», которые ошеломлены, огорчены, удивлены тем, что размежка началась после пленума, доказали своим удивлением только свое пленение кружковой дипломатией. Кружковый дипломат мог думать, что условное соглашение с Мартовым и Мартыновым, Максимовым и вторым впередовцем²¹ есть конец всякой размежки, ибо принципиальные разногласия для такого дипломата — дело второстепенное. Наоборот, для кого принципиальный вопрос о ликвидаторстве и отзовизме стоит на первом месте, — нет ничего удивительного в том, что именно *после* удовлетворения *всех* претензий Мартова, Максимова и проч., именно *после* максимальных уступок им в вопросах организационных и т. п., должна была начаться размежка чисто принципиальная.

То, что происходит в партии после пленума, не есть крах партийного объединения, а есть начало объединения тех, кто действительно может и хочет работать в партии и по-партийному, есть начало очистки действительно

---

*. Напомним, что решающие голоса имели на пленуме 4 меньшевика, 4 большевика, 1 впередовец, 1 латыш, 2 бундовца и 2 поляка, т. е. против меньшевиков и впередовцев большевики не имели большинства даже с поляками и латышом; решали бундовцы.

партийного блока большевиков, партийцев-меньшевиков, националов, нефракционных социал-демократов от враждебных партий ренегатов, от полулибералов и полуанархистов*.

4. О ПАРАГРАФЕ 1-ОМ РЕЗОЛЮЦИИ О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ В ПАРТИИ

Продолжая разбор недостатков резолюций пленума, я должен остановиться теперь на первом пункте резолюции о положении дел в партии. Этот пункт не затрагивает, правда, таких вопросов, которые непосредственно связаны с тем или иным пониманием партийного объединения, но мне придется сделать отступление, ибо толкование этого первого пункта вызвало уже не мало споров в партии.

В моем проекте резолюции вовсе не было этого пункта, и я — как и вся редакция «Пролетария» — боролся против него самым решительным образом. Пункт был проведен меньшевиками и поляками, которых часть большевиков предупреждала самым настойчивым образом, что толкование этого неясного, туманного пункта неминуемо будет плодить недоразумения или — еще хуже — служить службу ликвидаторам.

Нечего и говорить, что целый ряд положений этого пункта критиковался мною на пленуме ввиду их бессодержательности, пустоты, тавтологичности. Говорить, что тактика социал-демократов всегда едина в своей принципиальной основе — и не определять, в чем эти принципиальные основы состоят, почему и о каких именно основах (марксизм вообще или то или иное из положений марксизма) здесь идет речь; — говорить, что тактика с.-д. всегда рассчитана на максимум результатов — и не определять ни ближайшей цели (ближайших возможных результатов) борьбы в данный момент, ни специфических приемов борьбы этого данного момента; — гово-

* Между прочим. К характеристике блока голосовцев и впередовцев против большевиков (блока, вполне подобного блоку жоресистов и эрвистов против гедистов) может служить следующий факт. В «Необходимом дополнении» Мартов издевается над Плехановым за то, что он придает значение составу комиссии о школе. Мартов фальшивит. На пленуме тот же Мартов вместе со всеми меньшевиками, вместе с Максимовым и при помощи Троцкого боролся за резолюцию о признании отзвонистой школы в NN партийною, с которой ЦК должен войти в соглашение! Нам с трудом удалось провалить этот антипартийный блок.

Конечно, раз и голосовцы и впередовцы входят в партию, они вполне вправе входить в блоки. Дело не в праве, а в принципиальности блока. Это — блок беспринципных против партийности и принципиальности.

речь, что тактика рассчитана на различные пути, которыми может пойти развитие, и не определять конкретно этих путей; — говорить трюизмы о том, что тактика должна содействовать накоплению сил, делать пролетариат готовым и к открытой борьбе и к использованию противоречий неустойчивого режима, — все это недостатки очевидные, бросающиеся в глаза, превращающие весь пункт в ненужный и негодный балласт.

Но есть еще нечто худшее в этом пункте. Есть в нем лазейка для ликвидаторов, на которую было указано во время пленума различными членами его, не только большевиками, но и одним из бундовцев и даже Троцким. Это — фраза о том, что для сознательного пролетариата *впервые* открывается возможность, организовавшись в массовую социал-демократическую партию, применять сознательно, планомерно и последовательно этот тактический метод международной социал-демократии». (Какой *этот* метод? Речь шла раньше о принципиальных основах тактики, а не о методе ее и тем менее о каком-либо определенном методе.)

Почему *впервые*, — спрашивали критики этого пункта на пленуме. Если потому, что всякий шаг развития страны дает нечто новое, более высокое и в уровне техники и в определенности классово-борьбы и т. п., тогда перед нами опять банальность. Тогда всякий момент всегда и безусловно дает нечто такое, что является *впервые* по сравнению с прошлым моментом. Но мы переживаем определенный момент, момент контрреволюционного упадка, момент громадного понижения энергии масс и социал-демократического рабочего движения после революционного подъема. И если такой момент характеризуется, как дающий *впервые* пролетариату возможность применять сознательно и т. д. метод международной социал-демократии, то эти слова неминуемо поведут к толкованию ликвидаторскому, к чисто либеральному превознесению третьедумского, якобы мирного и якобы законного периода над периодом бури и натиска, над периодом революции, когда борьба пролетариата шла в непосредственно революционных формах и либералы ругали ее «безумием стихии».

Чтобы обратить особое внимание на эту опасность ликвидаторского толкования архинейского пункта, я внес целый ряд письменных заявлений на этом заседании пленума,

подчеркивая ряд мест из речей ораторов. Вот два моих заявления:

1) «По требованию Ленина заносится в протокол из слов тов. Т.⁷² (польского с.-д.): «совершенно ложно толкование, что здесь принижение тактики революции по сравнению с контрреволюцией».

2) «По требованию Ленина заносится в протокол восклицание т. Мартова («правильно!») к словам И.⁷³ (большевика, защищавшего этот пункт), что спорные слова не принижают, а возвышают значение революции и ее методов по сравнению с контрреволюционными».

Оба заявления констатируют, что поляк и большевик, при согласии Мартова, категорически отрекались от самой малейшей допустимости ликвидаторского толкования этого пункта. В намерения этих двух товарищей вовсе такое толкование, разумеется, не входило.

Но давно уже известно, что применению подлежит закон, а не мотивы закона, не намерения законодателя. Значение данного пункта в агитации и пропаганде определится не благими намерениями тех или других из его авторов, не их заявлениями на пленуме, а объективным соотношением сил и направлений внутри русской части с.-д. (нерусские социал-демократы едва ли обратят особое внимание на этот неясный пункт).

Поэтому я с особым интересом ждал, как будут теперь толковать этот пункт в печати, предпочитая не торопиться с выражением своего мнения, предпочитая сначала выслушать отзывы небывших на пленуме социал-демократов или отзывы голосовцев.

Первый же номер «Голоса» после пленума дал вполне достаточный материал к оценке нашего спора о том, как будут толковать этот пункт.

В редакционной статье «Голоса» об итогах пленума читаем:

«Совершенно невысказано и нелепо было бы, конечно, предположить, что ЦК этими словами» («впервые» и т. д.) «хотел выразить косвенное осуждение нашей прошлой тактике, *поскольку она была приспособлена к революционной обстановке*» (курсив автора; № 19—20, стр. 18).

Очень хорошо! Автор объявляет ликвидаторское толкование невысказанным и нелепым. Однако, читая дальше, мы в том же самом абзаце встречаем следующее утверждение:

«Этими словами официально признана сравнительная отсталость нашей политической жизни в прошлом вопреки революционным формам, в которых она проявлялась, что, кстати говоря, было одной из главных причин поражения революции; этими словами официально признана чрезмерная элементарность нашей прошлой тактики, на которую ее обрекали отсталые общественные отношения; этими словами, наконец, официально признано, что, какова бы ни была политическая ситуация в будущем, всякая попытка вернуться к диктатуре замкнутых подпольных кружков в движении со всей связанной с этим политикой была бы решительным шагом назад».

Не правда ли, хорошо?

Не знаешь, с чего начать в разборе этого богатства «перлов».

Начну с троекратной ссылки на «официальное признание». Сколько пасмешек сыпалось из того же «Голоса» на всякое официальное признание той или иной резолюцией оценки прошлого, оценки революции, оценки роли буржуазных партий и т. д. Вот вам образчик искренности криков против «официальности»: когда голосовцам не нравится *ясное* решение партии, они подсмеиваются над претензиями «официально» решать сложные-де научные вопросы и т. д. и т. п. — как «Sozialistische Monatshefte» смеются над дрезденской резолюцией против оппортунистов или как бельгийские министриалисты в наши дни смеются над амстердамской резолюцией⁷⁴. Но зато, как только голосовцу показалось, что есть лазейка ликвидаторству, он *трижды* клянется и божится, что это «признано официально».

А когда голосовец клянется и божится, знайте, что он... уклоняется от истины. Говорить об «официальном признании» *его* толкования со стороны автора статьи тем более неумно, что *спорность толкования* этого пункта специально была предметом дебатов в ЦК, причем из *официально занесенных в протокол* — да, да! вот уже действительно «официально»! — заявлений, *проведших эти слова* поляка и большевика, явствует, что они толкования «Голоса» никогда не признают правильным. Осрамился только наш автор с криками об официальном признании.

Слово «впервые» признает «сравнительную отсталость прошлого» — это еще куда ни шло, хотя ни откуда не видно, почему это надо отнести именно к политической жизни, а не к другим сторонам общественного развития; но добавлять: «вопреки революционным формам» — значит высовывать

слишком неосторожно ослиное ухо веховца. Можно биться об заклад, что из сотни либералов не менее 90, прочитав это место, облобызают голосовцев, а из сотни рабочих не менее 90 отвернутся от оппортунистов. А «кстати» добавление о «причинах поражения революции» выдает участников ликвидаторского пятитомника головой: им хочется протащить свои либеральные взгляды на роль пролетариата в революции под прикрытием неясной резолюции. Поэтому они говорят об «элементарности» и даже — это заметьте! — о *чрезмерной* элементарности «нашей прошлой тактики». «Чрезмерная» элементарность тактики, — это, видите ли, вытекает из слова «впервые» применять сознательно, планомерно и последовательно (в массовой партии) метод международной социал-демократии*. Тактика эпохи открытой борьбы, эпохи сравнительной свободы печати, массовых союзов, выборов при участии революционных партий, всеобщего возбуждения населения, быстрых колебаний в политике правительства, эпохи некоторых крупных побед над правительством — эта тактика была *чрезмерно* элементарной, очевидно, по сравнению с неэлементарной тактикой 1909—1910 годов! Какой запас отреченства, какую мизерность социал-демократического понимания событий надо иметь, чтобы делать подобные толкования!

Но выводить из слова «впервые» осуждение «диктатуры (!!) замкнутых подпольных кружков» — это уже совсем бесподобно. В эпоху «чрезмерно элементарной» тактики 1905—1907 годов руководство партией рабочих гораздо больше походило, извольте видеть, на «диктатуру», чем в 1909—1910 годах, гораздо более исходило от «подпольных» организаций и именно «кружков», которые были более «замкнуты», чем в наше время! Чтобы придать этому забавному глубокомыслию вид правдоподобия, надо вспомнить, что оппортунисты и кадетолюбцы чувствовали себя среди рабочих «замкнутым кружком» во время революции и находят, что теперь в *борьбе за легальность* (не шутите!) они не «замкнуты» (сам Милюков рядом

* В этом духе толкует резолюцию ЦК и тов. Ан. (см. его статью «По поводу письма с Кавказа» в настоящем № «Дискуссионного Листка»). Тов. Ан. своей статьей подтверждает самые тяжелые обвинения автора «Письма с Кавказа», тов. К. Ст.,⁷⁶ хотя и называет это письмо «пасквилом». К любопытной во многих отношениях статье т. Ан. мы еще вернемся.

с нами), они не «кружок» (у нас открытые ренегатские журналы есть), не «подпольные» и т. д. и т. п.

Впервые пролетариат, организуясь в массовую социал-демократическую партию, наблюдает среди людей, желающих считать себя его руководителями, такое *планомерное и последовательное* тяготение к либеральному ренегатству.

С этим уроком толкования пресловутого пункта о «*впервые*» должны будут волей-неволей посчитаться тот товарищ поляк и тот товарищ большевик*, которые официально заявляли, что находят ликвидаторское толкование *их* пункта совершенно ложным.

5. ЗНАЧЕНИЕ ДЕКАБРЬСКИХ (1908 г.) РЕЗОЛЮЦИЙ И ОТНОШЕНИЕ К НИМ ЛИКВИДАТОРОВ

Последние замечания о недостатках резолюции пленума приходится отнести к вводным словам к первому пункту, гласящим: «В развитие основных положений резолюций партийной конференции 1908 г., ЦК постановляет»... Такая формулировка есть результат уступки меньшевикам, и на этом обстоятельстве тем более приходится остановиться, что мы опять имеем здесь образец вопиюще нелояльного отношения к уступке или вопиющей неспособности понять значение партийных определений тактики.

В проекте резолюции, одобренном большинством комиссии и, следовательно, имевшем обеспеченное большинство голосов пленума, стояло: «в *подтверждение* резолюций декабря 1908 года и в развитие их»... Меньшевики и здесь заявили ультимативное требование уступки, отказываясь голосовать за резолюцию в целом, если останутся слова «в *подтверждение*», ибо резолюции декабря 1908 г. они считают верхом «фракционности». Мы сделали требуемую уступку, не отказавшись голосовать за резолюцию без слов о подтверждении. Жалеть об этой уступке я не был бы несколько склонен, если бы она достигла цели, т. е. встретила то лояльное отношение меньшевиков к партийному решению, без которого совместная работа невозможна. У нашей партии *нет* иного определения ее основных задач тактики, организации и думской работы в эпоху

* На пленуме эти товарищи толковали § 1 в смысле указания на рост классовую дифференциацию, прогресс чисто социалистического сознания рабочих масс, на усиление буржуазной реакции. Эти мысли верны, конечно, но они не выражены (и не они выражены) в положениях, составивших § 1.

III Думы, кроме как в резолюциях декабря 1908 г. Не отрицая того, что фракционная борьба была в то время очень сильна, мы не станем настаивать на том или ином резком слове тогдашних, направленных против ликвидаторов, резолюций. Но на основных положениях их мы настаиваем безусловно, ибо говорить о партии, партийности, партийной организации — значило бы все бросать большие слова, если бы мы отмахивались от единственного, данного партией и подтвержденного годом работы, ответа на важнейшие, коренные вопросы, без ответа на которые нельзя сделать ни шагу ни в пропаганде, ни в агитации, ни в организации. Мы вполне готовы признать необходимость совместной работы над исправлением этих резолюций, пересмотра их сообразно критике товарищей *всех* фракций и партийных меньшевиков в том числе, конечно; мы знаем, что некоторые положения этих резолюций останутся, вероятно, довольно долго в партии спорными, и иначе, как по большинству голосов, решать их в ближайшем будущем не удастся. Но, *пока* этот пересмотр не предпринят и не закончен, *пока* партия не дала нового ответа на вопрос об оценке третьедумской эпохи и вытекающих из нее задач, мы *безусловно требуем*, чтобы все партийные социал-демократы, каких бы взглядов они ни были, руководились в своем действии именно этими резолюциями.

Казалось бы, это — азбука партийности? Казалось бы, иного отношения к партийным решениям и быть не могло? Но поворот к ликвидаторству, сделанный «Голосом» после пленума, заставил его и по этому вопросу воспользоваться уступкой большинства партии не для перехода к лояльной партийной позиции, а для немедленного заявления своего недовольства размером уступки! (Голосовцы забыли только, повидимому, что, кто первый поднял спор по поводу единогласно принятой компромиссной резолюции, заявив недовольство ею и требование новых уступок, новых исправлений, тот тем самым дал другой стороне право требовать исправлений в другую сторону. И мы этим правом, разумеется, воспользуемся.)

Цитированная уже мною редакционная статья «Голоса» № 19—20 об итогах пленума заявляет сразу, что вступительные слова в резолюцию есть *компромисс*. Это — правда, превращающаяся в неправду при умолчании

о том, что компромиссом, который вынужден был ультиматумом меньшевиков, был отказ большинства ЦК от прямого *подтверждения* всех резолюций декабря 1908 г., а не только их основных положений!

«С нашей точки зрения, — продолжает «Голос», — эта фраза очень плохо вяжется с недвусмысленным содержанием важнейших пунктов резолюции, знаменуя известный перелом в партийном развитии, она, тем не менее, конечно, стоит в преемственной связи со всем прошлым российской социал-демократии, но меньше всего» (11) «она связана именно с «лондонским наследством»⁷⁶. Однако, мы были бы неисправимыми доктринерами, если бы мы думали, что можно с одного удара достичь абсолютного единомыслия в нашей партии, если б мы жертвовали крупным шагом вперед в движении ради местничества» (11). «Исправление этих ошибок резолюции мы можем предоставить историкам».

Это звучит так, как если бы бывшие на пленуме голосовцы получили нагоняй за свою «уступчивость большевикам» от своих русских легалистов, вроде Потресова и К^о, или от не бывших на пленуме редакторов «Голоса» и как будто бы они извинялись перед ними. Мы-де не доктринеры, — пусть историки исправляют ошибки резолюции!

Осмелимся заметить на это великолепное заявление, что партийные социал-демократы составляют резолюции не для историков, а для того, чтобы руководиться *на деле* этими резолюциями *в своей работе* пропаганды, агитации, организации. Другого определения задач этой работы для эпохи III Думы у партии нет. Для ликвидаторов партийные резолюции, конечно, — ноль, ибо для них вся партия ноль, для них и всей партией (а не только ее резолюциями) только «историки» могут заниматься с пользой и с интересом. Но с ликвидаторами ни большевики, ни партийные меньшевики в одной организации работать не хотят и не будут. Ликвидаторов мы попросим идти к безголовцам⁷⁷ или к энесам⁷⁸.

Если бы голосовцы лояльно относились к партии, если бы они считались на деле с партией, а не с Потресовым и К^о, с организацией революционных социал-демократов, а не с кружком легалистов-литераторов, то они свое недовольство резолюциями декабря 1908 г. выразили бы иначе.

Они именно теперь, после пленума, бросили бы неприличное, только кадетам свойственное, презрительное хихиканье по поводу каких-то там «подпольных» «решений». Они принялись бы за деловой разбор этих решений и исправление их, сообразно своей точке зрения, сообразно их взгляду на опыт 1907—1910 годов. Вот это было бы работой для действительного партийного объединения, для сближения на одной линии социал-демократической деятельности. Отказываясь от этого, голосовцы на деле выполняют именно программу ликвидаторов. В самом деле, какова программа ликвидаторов по этому вопросу? Их программа состоит в том, чтобы игнорировать решения подпольной, осужденной на гибель и т. п. партии, противопоставляя решениям партии бесформенную «работу» вольных стрелков, называющих себя социал-демократами и устроившихся, вперемежку с либералами, народниками и беззаглавцами, в разных легальных журнальчиках, легальных обществах и т. п. Не нужно никаких революций, никакой «оценки момента», никакого определения наших ближайших целей борьбы и нашего отношения к буржуазным партиям, — это всё мы зовем (вслед за Милюковым!) «диктатурой замкнутых подпольных кружков» (не замечая, что своей бесформенностью, неорганизованностью, раздробленностью мы фактически отдаем «диктатуру» либеральным кружкам!).

Да, да, несомненно, что ликвидаторы ничего иного не могут требовать от голосовцев в вопросе об отношении к партийным резолюциям, как презрительной насмешки и игнорирования их.

Серьезно разбирать взгляд, что резолюция ЦК о положении дел в партии в 1909—1910 году «менее всего» связана с лондонским наследством, нельзя, потому что нелепость этого взгляда бьет в лицо. Над партией издеваются, говоря: мы готовы считаться «со всем прошлым» ее, но не с тем прошлым, которое непосредственно связано с настоящим, и не с настоящим! Другими словами: мы готовы считаться с тем, что не определяет нашего теперешнего поведения. Мы готовы (в 1910 году) считаться «со всем прошлым» социал-демократии, кроме того прошлого, которое содержит решения о партии кадетов эпохи 1907—1908—1909 годов, о партиях трудовых эпохи 1907—1908—1909 годов, о задачах борьбы эпохи 1907—1908—1909 годов.

Мы готовы считаться со всем, кроме того, с чем надо считаться, чтобы теперь быть партийцем на деле, вести партийную работу, проводить партийную работу, проводить партийную тактику, направлять партийным образом третьедумскую социал-демократическую деятельность.

К стыду Бунда надо сказать, что он дает в своем органе место таким же ликвидаторским насмешкам над лондонским наследством в статье т. Ионова (стр. 22). «Скажите на милость, — пишет Ионов, — какое отношение имеют резолюции Лондонского съезда к настоящему моменту и вопросам, стоящим теперь на очереди? Смее надеяться, что этого и т. Ленин со всеми его присными не знают».

Ну, где же мне знать такую мудреную вещь! Где же мне знать, что никакого существенного изменения в основных группах буржуазных партий (черносотенцев, октябристов, кадетов, народников), в их классовом составе, в их политике, в их отношении к пролетариату и к революции не произошло с весны 1907 г. по весну 1910 года? Где же мне знать, что те небольшие частные изменения, которые можно и стоит отметить в этой области, указаны в резолюциях декабря 1908 года? Где мне знать все это?

Для Ионова это все, должно быть, не имеет отношения к настоящему моменту и к вопросам, стоящим на очереди. Для него это — лишнее, какое-то там партийное определение тактики по отношению к непролетарским партиям. К чему себя обременять? Не проще ли обозвать это стремление вырабатывать партийное определение пролетарской тактики «усиленной охраной» и т. п.? Не проще ли превратить социал-демократов в вольных стрелков, в *диких*, которые «свободно», без всякой «усиленной охраны» будут решать очередные вопросы — сегодня вместе с либералами в журнале «Наши Помои», завтра с безголовцами на съезде прихлебателей от литературы, послезавтра с поссианцами в кооперативе⁷⁹. Только... только, любезная божия коровка, чем же это будет отличаться от того, чего добиваются легалисты-ликвидаторы? Ровно ничем!

Партийные социал-демократы, которые недовольны решениями лондонскими или резолюциями декабря 1908 г. и которые хотят работать в партии, по-партийному, будут критиковать эти резолюции в партийной печати, будут предлагать поправки, убеждать товарищей, завоевывать для себя большинство в партии. С такими людьми мы

можем не соглашаться, но их отношение к делу будет партийным, они будут помогать *не разброду*; как помогают ему Ионов, «Голос» и К^о.

Вот посмотрите на г. Потресова.

Сей «социал-демократ», демонстрирующий публике свою независимость от социал-демократической партии, восклицает в «Нашей Заре» № 2, стр. 59: «И сколько их, этих вопросов, без разрешения которых невозможно и шагу ступить, нельзя русскому марксизму быть идейным течением, подлинно вобравшим в себя всю энергию и силу» (нельзя ли поменьше фраз, любезный г. независимец!) «революционного сознания эпохи! Как идет экономическое развитие России, какие перемещения сил производит оно под сурдинку реакции, что творится в деревне и в городе, какие изменения несет это развитие в социальный состав рабочего класса России и пр. и пр.? Где ответы или приступ к ответу на эти вопросы, где экономическая школа русского марксизма? А что случилось с политической работой мысли, которую когда-то жил меньшевизм? С его организационными исканиями, с его анализом прошлого, с его оценкой настоящего?»

Если бы сей независимец не бросал на ветер вымученных фраз, а действительно думал над тем, что он говорит, то он увидел бы весьма простую вещь. Если действительно нельзя и шагу ступить революционному марксисту без разрешения этих вопросов (а это правда), то решением их — не в смысле научной законченности, научных исследований, а в смысле определения того, какие шаги и как делать надо, — решением должна заниматься *социал-демократическая партия*. Ибо «революционный марксизм» вне социал-демократической партии есть просто салонная фраза легального болтуна, желающего иногда похвастать тем, что «и мы тоже» почти социал-демократы. Социал-демократическая партия дала *приступ к ответу* на указанные вопросы и дала *именно в резолюциях* декабря 1908 г.

Независимцы устроились довольно хитро: в легальной печати они бьют себя в грудь и вопрошают, «где приступ к ответу у революционных марксистов?» Независимцы знают, что в легальной печати ответить им нельзя. А в нелегальной печати друзья этих независимцев (голововцы) презрительно отмахиваются от ответа на вопросы, «без разрешения которых невозможно и шагу ступить».

Достигается все, что нужно независимцам (т. е. ренегатам социализма) во всем мире: звонкая фраза налицо, фактическая независимость от социализма и от социал-демократической партии тоже налицо.

6. О ГРУППЕ НЕЗАВИСИМЦЕВ-ЛЕГАЛИСТОВ

Перейдем теперь к выяснению того, что произошло после пленума. На этот вопрос Троцкий и Ионов дают согласный и простой ответ. «Ни во внешних условиях политической жизни, — гласит венская резолюция, — ни во внутренних отношениях нашей партии *не произошло после пленума никаких реальных изменений*, которые затруднили бы работу по строительству партии... Фракционный рецидив, неизжитое наследие фракционных отношений, вот и все.

У Иопова то же объяснение «в лицах».

«Пленум кончился. Участники его разъехались... Руководители старых фракций очутились на свободе, эмансипировались от всяких сторонних влияний и давлений. К тому же подоспели порядочные подкрепления. Для одних — в лице т. Плеханова, усиленно проповедующего в последнее время объявление партии на военном положении. Для других — в лице шестнадцати «старых партийных работников, хорошо известных редакции «Голоса Социал-Демократа» (см. № 19—20 «Открытое письмо»). «Как же при таких условиях не ринуться в бой? Вот и принялись за старое «дело взаимного истребления» («Отклики Бунда» № 4, стр. 22).

Подоспели «подкрепления» к фракционерам и — опять подрались, только и всего. Правда, в качестве «подкрепления» большевикам подоспел партийный меньшевик, Плеханов, «подоспел» с войной против ликвидаторов, но это все равно для Иопова. Ионову не нравится, очевидно, плехановская полемика с Потресовым, т. И.⁸⁰ (предлагавшим «распустить все») и т. д. Это его право, конечно, порицать эту полемику. Но как же это назвать ее «объявлением партии на военном положении»? Война с ликвидаторами есть объявление партии на военном положении — запомним эту «философию» тов. Иопова.

Для меньшевиков заграничных подкреплением явились меньшевики русские. Но это обстоятельство несколько не заставляет т. Иопова задуматься.

Понятно, какой практический вывод вытекает из подобной «оценки момента» Троцким и Ионовым. Ничего

особенного не произошло. Просто фракционная драка. Поставить новых нейтрализаторов — и дело будет в шляпе. Все объясняется с точки зрения кружковой дипломатии. Все практические рецепты — одна кружковая дипломатия. Даны «ринувшиеся в бой», даны желающие «примирять»: тут выкинуть упоминание о «фундаменте», здесь добавить имя-река в «учреждение», там «уступить» легалистам в приемах созыва конференции... Старая, но вечно новая история заграничной кружковщины!

Наш взгляд на то, что произошло после пленума, иной. Добившись единогласных резолюций, устранив *все* «склочные» обвинения, пленум окончательно припер к стене ликвидаторов. Прятаться за склоку более нельзя. Ссылаться на неуступчивость и «механическое подавление» (вариант: усиленная охрана, военное положение, осадное положение и т. п.) более нельзя. Отойти от партии можно только из-за ликвидаторства (как впередовцы могут отойти только из-за отзовизма и из-за антимарксистской философии).

Припертые к стене, ликвидаторы обнаружили свое «лицо». Их русский центр — все равно формальный или не формальный, полунелегальный (Михаил и К^о) или вполне легальный (Потресов и К^о) — *ответил отказом* на призыв вернуться в партию. Русские легалисты-ликвидаторы окончательно порвали с партией, сплотившись в группу *независимых социалистов* (независимых от социализма и зависимых от либерализма, конечно). Ответ Михаила и К^о, с одной стороны, выступления «Нашей Зари» и «Возрождения», с другой, — знаменуют именно сплочение антипартийных кружков «социал-демократов» (вернее: якобы с.-д.) в группу *независимых социалистов*. Поэтому «примиренческие» потуги Троцкого и Ионова *теперь* смешны и жалки. Только полным непониманием происходящего можно объяснить эти потуги, которые теперь безвредны, ибо за ними нет никого, кроме кружковых дипломатов за границей, кроме непонимания и незнания где-нибудь в захолустье.

Примиренцы à la * Троцкий и Ионов ошиблись тем, что приняли особые условия, давшие расцвести примиренческой дипломатии на пленуме, за общие условия теперешней

* — вроде. Ред.

партийной жизни. Они ошиблись тем, что дипломатию, сыгравшую свою роль на пленуме *благодаря* наличности условий, породивших *глубокие* стремления к примирению (—партийному объединению) в обеих главных фракциях, — эту дипломатию они приняли за самодовлеющую цель, за длительное орудие игры промежду «данных лиц, групп и учреждений».

На пленуме для дипломатии действительно было место, ибо партийное объединение партийных большевиков и партийных меньшевиков было необходимо, а без уступок, без компромисса оно было невозможно. При определении меры уступок «честные маклера» неизбежно выдвинулись на первое место — неизбежно, ибо для партийных меньшевиков и партийных большевиков вопрос о мере уступок был второстепенным вопросом, пока оставалась в силе принципиальная база всего объединения. Выдвинувшись на пленуме на первое место, получив возможность сыграть роль в качестве «нейтрализаторов», в качестве «судей» для устранения склоки, для удовлетворения «претензий» против БЦ, «примиренцы» à la Троцкий и Ионов воображали, что, пока есть «данные лица, группы и учреждения», они всегда смогут играть эту роль. Забавное заблуждение. Маклера нужны, когда нужно определять меру уступок, необходимых для получения единогласия. Меру уступок нужно определять, когда есть заведомо общая принципиальная база объединения. Вопрос о том, кто войдет в это объединение после всех уступок, оставался тогда открытым, ибо в принципе неизбежно было условное допущение того, что все социал-демократы пожелают войти в партию, все меньшевики пожелают лояльно проводить резолюцию антиликвидаторскую, все впередовцы — резолюцию антиотзовистскую.

Теперь же маклера не нужны, им нет места, ибо нет вопроса о мере уступок. А вопроса о мере уступок нет, ибо нет вопроса ни о каких уступках. Все уступки (и даже чрезмерные) сделаны на пленуме. Теперь вопрос стоит исключительно о принципиальной позиции борьбы с ликвидаторством, и притом не вообще с ликвидаторством, а с определенной группой ликвидаторов-независимцев, группой Михаила и К^о, группой Потресова и К^о. Если с данными лицами, группами и учреждениями вздумают теперь «мирить» партию Троцкий и Ионов, то для нас,

для всех партийных большевиков и для всех партийных меньшевиков, они будут просто изменниками партии, не более того.

Примиренцы-дипломаты были «сильны» на пленуме исключительно потому и постольку, поскольку и партийные большевики и партийные меньшевики мира хотели, и вопросу об условиях мира отдавали подчиненное значение по отношению к вопросу об антиликвидаторской и антиотзовистской тактике партии. Я, например, находил уступки чрезмерными и боролся из-за меры уступок (на что намекает «Голос» в № 19—20 и о чем прямо говорит Ионов). Но я готов был тогда помириться и готов был бы теперь помириться даже с чрезмерными уступками, раз линия партии этим не подрывалась, раз уступки не вели к отрицанию этой линии, раз уступки служили мостками для привлечения людей от ликвидаторства и от отзовизма к партии. Но, после сплочения и выступления Михаила и К^о, Потресова и К^о против партии и против пленума, я не пойду ни на какие разговоры ни о каких уступках, ибо партия обязана теперь порвать с этими независимцами, обязана решительно бороться с ними, как с вполне и окончательно определившимися ликвидаторами. И я могу уверенно говорить не только за себя, а за *всех* партийных большевиков. Партийные меньшевики достаточно ясно высказались, устами Плеханова и других, в том же духе, и при таком положении дел в партии «примиренцы»-дипломаты à la Троцкий и Ионов должны будут либо бросить свою дипломатию, либо уйти к независимцам от партии.

Чтобы убедиться в окончательном сплочении легалистов в группу независимых социалистов, достаточно бросить общий взгляд на события после пленума, достаточно оценить их по существу, а не только с той точки зрения мелкой и мелочной истории «конфликтов», которой напрасно ограничивается Ионов.

1) Михаил, Роман и Юрий объявляют и резолюции ЦК (пленума) и самое существование его вредным. Со времени опубликования этого факта прошло около 2-х месяцев, и факт не опровергнут. Ясно, что он верен*.

* Только что вышел № 21 «Голоса Социал-Демократа». На стр. 16 Мартон и Дан подтверждают верность этого факта, говоря об «отказе трех товарищей (?) вступить в ЦК». Как водится, они прикрывают при этом трехэтажною бравью по адресу «Тышко-Ленина» тот факт, что группа Михаила и К^о окончательно превратилась в группу независимцев.

2) Шестнадцать русских меньшевиков, в том числе по меньшей мере двое из вышеназванной тройки и ряд виднейших литераторов меньшевиков (Череванин, Кольцов и т. д.), выступают в «Голосе», при одобрении редакции, с оправданием ухода меньшевиков из партии, выступают с чисто ликвидаторским манифестом.

3) Меньшевицкий легальный журнал «Наша Заря» помещает программную статью г. Потресова, в которой говорится прямо, что «нет партии, как цельной и организованной иерархии учреждений» (№ 2, стр. 61), что нельзя ликвидировать «чего на самом деле уже нет, как организованного целого» (там же). В числе сотрудников этого журнала значатся Череванин, Кольцов, Мартынов, Августовский, Маслов, Мартов, — тот самый Л. Мартов, который в состоянии занимать место в «организованной иерархии учреждений» нелегальной партии, имеющей центр, как у «организованного целого», и состоять в легальной группе, с милостивого разрешения Столыпина объявляющей эту нелегальную партию несуществующей.

4) В популярном меньшевицком журнале «Возрождение» (№ 5, 30 марта 1910 г.), при том же составе сотрудников, неподписанная, т. е. редакционная, статья расхваливает вышеназванную статью г. Потресова из «Нашей Зари» и добавляет, после приведения той же самой цитаты, которая приведена выше мной:

«Ликвидировать нечего, — и, прибавим мы» (т. е. редакция «Возрождения») «от себя, — мечта о восстановлении этой иерархии в ее старом, подпольном виде просто вредная, реакционная утопия, знаменующая потерю политического чутья у представителей самой реалистической когда-то партии» (стр. 54).

Кто все эти факты считает случайностью, тот, очевидно, не хочет видеть правды. Кто думает объяснить эти факты «рецидивом фракционности», тот убаюкивает себя фразой. При чем тут фракционность и фракционная борьба, от которой и группа Михаила и К^о, и группа Потресова и К^о стоят давным-давно в стороне? Нет, для того, кто не хочет нарочно закрывать глаза, тут никакие сомнения невозможны. Пленум устранил все препятствия (действительные или мнимые) для возврата партийных легалистов в партию, все препятствия к постройке нелегальной партии

с учетом новых условий и новых форм использования легальных возможностей. Четыре меньшевика цеккиста и двое редакторов «Голоса» признали *все* препятствия к совместной партийной работе устраненными. Группа русских легалистов *дала свой ответ пленуму*. Этот ответ *отрицательный*: заниматься восстановлением и укреплением нелегальной партии не хотим, ибо это — реакционная утопия.

Этот ответ — крупнейший политический факт в истории социал-демократического движения. Окончательно сплотилась и окончательно порвала с социал-демократической партией группа *независимых* (от социализма) *социалистов*. Насколько оформлена эта группа, состоит ли она из одной организации или из ряда отдельных кружков, весьма *lose* (свободно, некрепко) между собою связанных, этого мы пока не знаем, да это и неважно. Важно то, что тенденции к образованию независимых от партии групп, — давно бывшие у меньшевиков, — привели теперь к новому политическому образованию. И отныне все российские социал-демократы, которые не хотят себя обманывать, должны считаться, как с фактом, с существованием этой группы независимцев.

Чтобы уяснить значение этого факта, напомним прежде всего «независимых социалистов» Франции, которые в наиболее передовом, наиболее очищенном от всего старого, буржуазном государстве довели до самого конца тенденции этого политического направления. Мильеран, Вивиани, Бриан принадлежали к социалистической партии, но неоднократно действовали независимо от ее решений, вопреки им, и вступление Мильерана в буржуазное министерство, под предлогом спасения республики и охраны интересов социализма, привело к разрыву его с партией. Буржуазия наградила изменников социализма должностями министров. Тройка французских ренегатов продолжает называть себя и свою группу независимыми социалистами, продолжает оправдывать свое поведение интересами рабочего движения и социальной реформы.

Наших независимцев, конечно, буржуазное общество не может наградить так быстро: они начинают в условиях, неизмеримо более отсталых, они должны довольствоваться похвалами и помощью либеральной буржуазии (издавна поддерживавшей тенденции меньшевиков к «незави-

симству»). Но основная тенденция и тут и там одна: независимость от социалистической партии мотивируется интересами рабочего движения; «борьба за легальность» (лозунг в *дановской* формулировке, подхваченный со всем усердием в ренегатском «Возрождении», № 5, стр. 7) провозглашается лозунгом рабочего класса; группируются на деле буржуазные интеллигенты (парламентарии во Франции, литераторы у нас), действующие вперемежку с либералами; подчинение партии отвергается: партию объявляют недостаточно «реалистическою» и Мильеран с К⁰, и «Возрождение» с «Голосом»; про партию говорят, что она есть «диктатура замкнутых подпольных кружков» («Голос»), что она замыкается в узко-революционное сообщество, вредящее широкому прогрессу (Мильеран и К⁰).

Возьмите далее, для уяснения позиции наших независимцев, историю образования нашей русской «народно-социалистической партии». Эта история поможет понять суть дела тем, кто не видит родства наших независимцев с Мильераном и К⁰ из-за громадной разницы внешних условий их «работы». Что наши «энесы» представляют из себя легалистское и умеренное крыло мелкобуржуазной демократии, это общеизвестно, и из марксистов, кажется, никто в этом не сомневался. Народные социалисты выступили как ликвидаторы программы, тактики и организации революционной партии мелкобуржуазных демократов на съезде с.-р. в конце 1905 года; они выступали в теснейшем блоке с с.-р. в газетах дней свободы осенью 1905 г. и весной 1906 г. Они легализовались и отделились в самостоятельную партию осенью 1906 года, что не помешало им на выборах во II Думу и во II Думе почти сливаться от времени до времени с эсерами.

Осенью 1906 года мне случилось писать в «Пролетарии» об народных социалистах, и я назвал их «эсеровскими меньшевиками»*. Прошло три с половиной года, и Потресов с К⁰ сумел доказать партийным меньшевикам, что я был прав. Надо только признать, что даже гг. Пешехоновы с К⁰ поступили политически честнее, чем г. Потресов и его группа, когда, после ряда фактически независимых от партии с.-р. политических актов, они объявили себя

* См. Сочинения, 4 изд., том 11, стр. 170—179. Ред.

открыто независимой от эсеров, отдельной политической партией. Конечно, эта «честность» обусловлена, между прочим, и соотношением сил: Пешехонов считал партию с.-р. бессильной и полагал, что от неформального соединения с ней *проигрывает* он; Потресов считает, что он *выигрывает* от политической азефщины⁸¹, продолжая числиться социал-демократом при фактической независимости от социал-демократической партии.

Г. Потресов и К⁰ считают пока наиболее для себя выгодным прикрываться чужим именем, пользоваться воровски престижем РСДРП, разлагая ее изнутри, действуя фактически против нее, а не только независимо от нее. Возможно, что группа наших независимцев будет стараться как можно дольше рядиться в чужие перья; возможно, что после какого-либо удара партии, после большого провала нелегальной организации, или при особо соблазнительной конъюнктуре, вроде возможности пройти, скажем, в Думу независимо от партии, независимцы сами сбросят с себя маску; — мы не можем предвидеть всех и всяческих эпизодов их политического шарлатанства.

Но одно мы знаем твердо, именно, что партии рабочего класса, РСДРП, прикрытая деятельность независимцев вредна, губительна и что мы должны во что бы то ни стало разоблачать ее, вывести независимцев на свежую воду и объявить о разрыве всякой их связи с партией. Пленум сделал громадный шаг вперед по этому пути: как это ни странным может показаться на первый взгляд, но именно согласие (неискреннее или бессознательное) Мартова и Мартынова, именно максимальные, даже чрезмерные уступки им и помогли вскрыть нарыв ликвидаторства, нарыв независимства в нашей партии. Ни один добросовестный социал-демократ, ни один партиец, какой бы фракции он ни сочувствовал, не может отрицать теперь, что группа Михаила и К⁰, группа Потресова и К⁰ суть *независимцы*, что они на деле партии не признают, партии не хотят, против партии работают.

Насколько быстро или насколько медленно идет процесс назревания откола независимцев и образования ими особой партии, зависит, конечно, от многих причин и обстоятельств, не поддающихся учету. У народных социалистов особая группа существовала до революции, и отделение этой группы, временно и неполно примыкавшей к социа-

листам-революционерам, было особенно легко. У наших независимцев есть еще личные традиции, связи с партией, задерживающие процесс откола, но эти традиции все ослабевают, да, кроме того, революция и контрреволюция выдвигает новых людей, свободных от всяких революционных и партийных традиций. Окружающая обстановка «веховских» настроений с чрезвычайной быстротой толкает зато бесхарактерную интеллигенцию к независимству. «Старое» поколение революционеров сходит со сцены; Столыпин травит изо всех сил представителей этого поколения, большей частью раскрывших все свои псевдонимы и всю свою конспирацию в дни свободы, в годы революции. Тюрьма, ссылка, каторга, эмиграция все увеличивают ряды выбывающих из строя, а новое поколение растет медленно. У интеллигенции, особенно той, которая «пристроилась» к той или иной легальной деятельности, развивается полное неверие в нелегальную партию, нежелание тратить силы на особенно трудную и особенно неблагодарную в наши времена работу. «Друзья сказываются в несчастьи», и рабочий класс, переживающий тяжелые годы натиска и старых и новых контрреволюционных сил, неизбежно будет наблюдать отпадение многих и многих из его интеллигентских «друзей на час», друзей на время праздника, друзей только на время революции, — друзей, которые были революционерами во время революции, но поддаются эпохе упадка и готовы провозгласить «борьбу за легальность» при первых удачах контрреволюции.

В ряде европейских стран контрреволюционным силам удавалось начисто смести остатки революционных и социалистических организаций пролетариата после 1848, например, года. Буржуазный интеллигент, во дни юности примкнувший к социал-демократии, в силу всей своей мещанской психологии склонен махнуть рукой: так было — так будет; отстаивать старую нелегальную организацию дело безнадежное, создавать новую — еще того более безнадежное; мы вообще «преувеличили» силы пролетариата в буржуазной революции, мы ошибочно приписали роли пролетариата «универсальное» значение, — все эти идейки ренегатского «Общественного движения» прямо и косвенно толкают к отречению от нелегальной партии. Вставши раз на наклонную плоскость, независимец не замечает

того, как он катится все ниже, не замечает того, что он работает рука об руку со Столыпиным: Столыпин физически, полицейски, виселицей и каторгой разрушает нелегальную партию — либералы прямо делают то же открытой пропагандой веховских идей — независимцы среди социал-демократов косвенно содействуют разрушению нелегальной партии, крича об ее «омертвелости», отказываясь помогать ей, оправдывая (см. письмо 16-ти в № 19—20 «Голоса») уход из нее. Со ступеньки на ступеньку.

Не будем закрывать глаза на то, что борьба за партию станет для нас тем более тяжелой, чем дальше затянется контрреволюционный период. Что партийцы не преуменьшают опасности, что они прямо смотрят ей в глаза, это показывает, например, статья тов. К. в № 13 ЦО. Но решительное и прямое признание слабости партии, распада организаций и трудности положения не вызывает у т. К. — как не вызывает и ни у одного партийца — ни минуты колебания насчет того, нужна ли она, нужно ли работать над восстановлением ее. Чем труднее наше положение, чем больше растет число врагов, — позавчера к ним прибавились веховцы, вчера народные социалисты, сегодня независимцы социал-демократы, — тем теснее сплотятся все социал-демократы без различия оттенков на защиту партии. Многих с.-д., которых мог расколоть вопрос о том, как вести на штурм революционно-настроенные и верящие социал-демократии массы, — не сможет не сплотить вопрос о том, обязательно ли бороться за сохранение и укрепление нелегальной социал-демократической рабочей партии, созданной 1895—1910 годами.

Что касается до «Голоса» и голосовцев, то они замечательно рельефно подтвердили сказанное про них резолюцией расширенной редакции «Пролетария» в июле прошлого года. «В меньшевистском лагере партии — гласит эта резолюция (см. Приложение к № 46 «Пролетария», стр. 6) — при полном пленении официального органа фракции, «Голоса Социал-Демократа», меньшевиками-ликвидаторами, меньшинство фракции, испытав до конца путь ликвидаторства, уже поднимает голос протеста против этого пути и ищет вновь партийной почвы для своей деятельности»... * До «конца» пути ликвидаторства расто-

* См. Сочинения, 4 изд., том 15, стр. 413—414. Ред.

яние оказалось более длинным, чем мы тогда думали, но правильность основной мысли приведенных слов доказана с тех пор фактами. Особенно подтвердился термин «пленение ликвидаторами» в применении к «Голосу Социал-Демократа». Это — именно пленные ликвидаторов, не смеющие ни прямо защищать ликвидаторство, ни прямо встать против него. Они и на пленуме приняли единогласно резолюции не как свободные люди, а как пленные, на короткий срок получившие от своих «хозяев» отпуск и снова вернувшиеся в рабство на другой день после пленума. Не будучи в состоянии защищать ликвидаторство, они напирали изо всех сил на все возможные (и все вымышленные!) препятствия, не связанные с принципиальными вопросами, но мешающие им отречься от ликвидаторства. И когда все эти «препятствия» были устранены, когда все их посторонние, личные, организационные, денежные и прочие претензии были удовлетворены, — они против воли «голоснули» отречение от ликвидаторства. Бедняжки! они не знали, что в это время манифест 16-ти уже находился в пути по направлению к Парижу, что группа Михаила и К^о, группа Потресова и К^о окрепли в своей защите ликвидаторства. И они покорно повернули за 16-тью, за Михаилом, за Потресовым опять к ликвидаторству!

Величайшее преступление бесхарактерных «примиренцев», вроде Ионова и Троцкого, защищающих или оправдывающих этих людей, состоит в том, что они губят их, подкрепляя их зависимость от ликвидаторства. В то время, как решительное выступление всех нефракционных социал-демократов против Михаила и К^о, против Потресова и К^о (эти группы не решаются ведь защищать ни Троцкий, ни Ионов!) могло бы вернуть к партии кое-кого из голосовских пленников ликвидаторства, — ужимки и жеманство «примиренцев», несколько не примиряя партию с ликвидаторами, только внушают голосовцам «бессмысленные надежды».

Впрочем, эти ужимки и это жеманство, несомненно, объясняются в немалой степени и простым непониманием положения. Только в силу непонимания может тов. Ионов ограничиваться вопросом о помещении или непопадании статьи Мартова, могут венские сторонники Троцкого сводить вопрос к «конфликтам» в ЦО. И статья Мартова

(«На верном пути»... к ликвидаторству) и конфликты в ЦО — лишь частные эпизоды, которых нельзя понять вне связи с целым. Например, статья Мартова ясно показала нам, изучившим за год все оттенки ликвидаторства и голосовства, что *Мартов повернул* (или его повернули). *Не мог* один и тот же Мартов подписывать «Письмо» ЦК о конференции и писать статьи: «На верном пути». Вырывая статью Мартова из цепи событий, из предшествующего ей «Письма» ЦК, из следующего за ней № 19 — 20 «Голоса», манифеста 16-ти, статей Дана («Борьба за легальность»), Потресова и «Возрождения», вырывая из той же цепи событий «конфликты» в ЦО, Троцкий и Ионов отнимают у себя возможность понять происходящее*. И наоборот, все становится вполне понятным, раз в центре поставить то, что *лежит в основе всего*, именно: окончательное сплочение русских независимцев и их окончательный разрыв с «реакционной утопией» восстановления и укрепления нелегальной партии.

7. О ПАРТИЙНОМ МЕНЬШЕВИЗМЕ И ОБ ЕГО ОЦЕНКЕ

Последним вопросом, который мы должны рассмотреть для уяснения «объединительного кризиса» в нашей партии, является вопрос о так называемом партийном меньшевизме и об оценке его значения.

Взгляды нефракционных — т. е. желающих считаться нефракционными — Ионина и Троцкого (№ 12 «Правды» и Венская резолюция) крайне характерны в этом отношении. Троцкий решительно и упорно игнорирует партийный меньшевизм, — на что было уже указано в № 13 ЦО**, — а Ионов выдает «заветную» мысль своего единомышленника, объявляя, что значение выступлений «г. Плеханова» (других партийных меньшевиков Ионов не хочет видеть) сводится к «подкреплению» фракционной борьбы большевиков, к проповеди «объявления партии на военном положении».

Неправильность этой позиции Троцкого и Ионина должна бы была броситься им в глаза просто уже потому, что ее опровергают факты. Из № 13 ЦО видно, что не менее

* Возьмите еще, для примера, «теорию равноправия» легальных одиночек нелегальной партии. Неужели не ясно, после выступлений Михаила и К^о, Потресова и К^о, что смысл и значение этой теории есть признание группы независимцев-легалистов и подчинение им партии?

** См. настоящий том, стр. 168—169. *Ред.*

как в семи заграничных группах содействия партии — в Париже, Женеве, Берне, Цюрихе, Льеже, Ницце, Сан-Ремо — поднялись плехановцы или, вернее, партийные меньшевики против «Голоса» с требованием выполнения решений пленума, с требованием закрытия «Голоса», с указанием на ликвидаторский характер идейной позиции, занятой в № 19—20 «Голоса». Тот же процесс, хотя, быть может, менее наглядно, происходит и среди работников в России. Замалчивать эти факты смешно. Пытаться, вопреки им, представить борьбу Плеханова с голосовцами, как литераторскую «фракционную» борьбу, значит — объективно — становиться на сторону группы независимцев-легалистов против партии.

Явно фальшивая, явно неустойчивая позиция, которую заняли указанные «примиренцы», должна бы открыть им глаза на неверность их исходной точки зрения, будто политическое значение объединения на пленуме состояло в соглашении «с данными лицами, группами и учреждениями». Не надо давать себя обманывать внешним формам партийных событий и личным особенностям их, надо оценивать идейно-политическое значение происходящего. По внешности судя, соглашение было с голосовцами-имяреками. Но ведь основой, условием соглашения был переход голосовцев на позицию Плеханова: это ясно из анализа резолюции о положении дел в партии, который дан выше*. По внешности, именно голосовцы оказались представителями меньшевизма в партии, — например, если судить по составу ЦО. На деле ЦО стал превращаться после пленума в орган «сотрудничества» партийных большевиков и плехановцев при полном противодействии со стороны голосовцев. Получился зигзаг в развитии партийного объединения: сначала как будто бы что-то вроде общепримиренческой каши без ясного определения идейного базиса объединения, но потом логика политических тенденций взяла свое, отцеживание независимцев от партии оказалось ускорено этим допущением максимальных уступок голосовцам на пленуме.

* Из 4-х ценистов меньшевиков, бывших на пленуме, двое все усилием направляли на то, чтобы, сделав максимальные уступки голосовцам, фактически перевести их на позицию Плеханова. Это не значит, что эти двое были твердыми партийцами, что они гарантированы от вооружения и голосовцам. Это значит, что меньшевизм был застигнут в такой момент, когда он не мог еще отречься от партийности.

Когда я слышал на пленуме и видел в «Голосе» (№ 19—20, стр. 18) бешеные выходы против лозунга «соглашение спльных фракций для борьбы с ликвидаторами справа и слева» (этот лозунг взят «Голосом» в кавычки, но почему-то не сказано прямо, что я защищал его до пленума и на пленуме), то я думал про себя: «abwarten!», «wait and see» (поживем — увидим!). Подождите, гг. голосовцы, ибо вы хотите подвести счет «без хозяина»: дело не в том, что пленум дал всем возможность участвовать в соглашении, а не только «сильным», своей идейно-политической позицией сильным, фракциям. Дело в том, позволят ли ваши «хозлева» — т. е. группы независимцев-легалистов — превратиться этой возможностью в действительность.

Прошло несколько месяцев — и только слепые могут не видеть теперь, что на деле именно «соглашение сильных фракций» составляет партийное объединение, двигает его вперед «через все препятствия». Так должно быть, так только и может быть в силу реального соотношения сил в партии. Несомненно, что в ближайшем будущем либо все руководящие учреждения партии будут формально перестроены так, чтобы выражать это соглашение, либо жизнь партии и развитие ее объединения пойдет на время помимо руководящих ее учреждений.

Конечно, называть «сильной фракцией» партийных меньшевиков кажется на первый взгляд странным, ибо в данный момент сильнее, — по крайней мере за границей, — видимо, голосовцы. Но мы, социал-демократы, о силе судим не по тому, как высказываются заграничные группы, как группируются литераторы меньшевиков, а по тому, чья позиция объективно верна и чья осуждена логикой политического положения на подчинение «независимцам». Рабочедельцы были сильнее искровцев и за границей и в России в 1898—1900 годах, но все же они не были «сильной фракцией».

Теперь, когда голосовцы мобилизовали все силы против Плеханова и выдвинули против него все свои ушаты с помоями — вплоть до г. Потресова и до воспоминаний о том, как «обижали» Мартова в 1901—1903 (sic!) годах, — теперь это бессилие голосовцев становится особенно явным. Аксельрод и К^о уже безнадежно опоздали политически, издавая в апреле, за границей, сборник личной ругани против Плеханова, когда в России февральская «Наша

Заря» и мартовское «Воарождение» перенесли вопрос совсем в иную плоскость, когда Плеханов в № 13 ЦО перешел уже от истории своих столкновений с голосовцами к борьбе против современной политики их. Голосовцы так же беспомощно барахтаются, вспоминая старые (вплоть до 1901 года!) «обиды», как впередовцы, все еще взывающие к добрым сердцам о защите от БЦ.

И посмотрите, как выдают себя все больше и больше наши «обиженные», которые совершенно так же беснуются в 1910 году при одной мысли о соглашении «Ленина — Плеханова» (их терминология!), как год тому назад бесновался из-за этого Максимов. Подобно Максиму голосовцы стараются представить дело так, будто речь идет чуть не о личном соглашении «Ленина с Плехановым», причем действия последнего объясняются «диким капризом» (стр. 16 «Необходимого дополнения»), «обращением Савла в Павла», «порханьем» и т. д. и т. п. Мартов из кожи лезет, чтобы, вспоминая «*пятилетнюю деятельность*» (ibid.*) Плеханова в роли меньшевика, скомпрометировать его (задним числом) за это порханье, не замечая, что он как раз этим всего больше оплевывает сам себя.

В том же самом «Необходимом дополнении» коллективная редакция «Голоса» уверяет нас (стр. 32), что Плеханов был «велик» именно в течение указанного пятилетия (1904—1908 годы). Посмотрите-ка, что отсюда выходит. Большевики объявляют «великим» Плеханова за деятельность его не в течение тех 20 лет (1883—1903), когда он оставался верен себе, когда он не был ни меньшевиком, ни большевиком, а был основателем социал-демократии, — а именно в течение тех пяти лет, когда, по признанию самих же меньшевиков, он «порхал», т. е. не держался последовательно меньшевистской линии. Выходит, что «величие» состояло в том, чтобы не падать целиком в болото меньшевиизма.

Но именно пятилетняя история меньшевизма, которую Аксельрод и Мартов вспомнили на голову себе, дает ряд фактов, помогающих *объяснить* раскол меньшевиков не такими мизерными, личными причинами, на которые напирал Мартов.

* — Ibidem — там же. Ред.

Плеханов кооптирует Аксельрода и Мартова в 1903 г., объявляя в № 52 «Искры», в статье «Чего не делать», что хочет *маневрировать с оппортунистами* и маневрами *исправить* их. Он доходит при этом до самых крайних нападок на большевиков. Он старается вытащить в конце 1904 года явно скатившегося к либерализму Аксельрода («План земской кампании»), но делает это так, что не говорит ни единого слова по поводу таких перлов, как объявление демонстраций перед земцами «высшим типом демонстраций» (в брошюре «Письмо к ЦК», изданной *только* для членов партии). Весной 1905 г. Плеханов убеждается в безнадежности «маневров» и уходит от меньшевиков, основывая «Дневник» и проповедуя соединение с большевиками. № 3 «Дневника» (ноябрь 1905 г.) совсем не меньшевистский.

Потратив около полутора года на маневр с оппортунистами внутри партии (с конца 1903 до весны 1905 г.), Плеханов с начала 1906 года и в течение 1907 года предпринимает *маневрирование* с кадетами. Он доходит при этом до гораздо больших оппортунистических крайностей, чем остальные меньшевики. Но, когда он, провозгласивший «маневрирование» во время I Думы, после разгона ее (в № 6 «Дневника»), предлагает соглашение революционных партий для борьбы за Учредительное собрание, то «Пролетарий» (№ 2, от 29 августа 1906 г., в статье «Тактические колебания») тотчас отмечает, что эта позиция совсем не меньшевистская*.

Весной 1907 года, на Лондонском съезде, Плеханов — по рассказу Череванина, цитированному уже мною в предисловии к сборнику «За 12 лет», — борется с *организационным анархизмом* меньшевиков**. Ему нужен «рабочий съезд», как маневр для развития партии, а не *против* партии. Во второй половине 1907 года, как поведал в «Необходимом дополнении» Мартов, Плеханову «пришлось потратить не мало красноречия», чтобы отстоять необходимость нелегального (т. е. партийного) органа меньшевиков против Аксельрода (предпочитавшего, очевидно, легальные органы, фактически непартийные). В 1908 году конфликт из-за статьи Потресова является поводом к его разрыву с ликвидаторами.

* См. Сочинения, 4 изд., том 11, стр. 153—157. *Ред.*

** См. Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 78—86. *Ред.*

О чем говорят эти факты? О том, что теперешний раскол меньшевиков не случайность, а неизбежность. «Маневрирование» не оправдывает того, кто делал ошибки во имя маневров, и я ничего из того, что писано мной против этих ошибок Плеханова, не беру назад. Но «маневрирование» *объясняет*, почему одним меньшевикам *легко* уйти к независимцам, а другим *трудно* и даже невозможно. Социал-демократ, который, маневрируя, ведет рабочий класс за кадетами, приносит ему не меньший вред, чем тот, кто делает это в силу имманентного тяготения к оппортунизму. Но первый сумеет, сможет, успеет остановиться там, где вторые скатятся в яму. Русская пословица говорит: заставь известного человека богу молиться — он лоб расшибет. Плеханов мог бы сказать: заставь Потресовых и Данов идти вправо для маневра — они пойдут вправо для принципа.

То, на чем остановились известные меньшевики, вполне оправдывает их название: «партийные меньшевики». Они остановились на борьбе за партию — против независимцев-легалистов. От этого простого и ясного вопроса тщетно пытаются увильнуть г. Потресов и редакция «Голоса Социал-Демократа» в «Необходимом дополнении».

И Энгельс боролся с S. D. F. * (английские социал-демократы) — вертится Потресов (стр. 24). Софистика, любезнейший. Энгельс поправлял партию⁶², а вы ведь не говорите, как поправить партию, вы даже не говорите прямо: нужна теперь нелегальная социал-демократическая партия, нужна РСДРП или нет. Перед лицом Столыпина вы говорите: *нет* («Наша Заря»), а перед лицом членов партии, в нелегальной печати, вы этого не *смеете* сказать, вы виляете и вертитесь.

«Ленин-Плеханов рекомендуют войну против новых форм рабочего движения» (стр. 31), «мы *исходим* из состояния, условий и запросов действительного рабочего движения» (стр. 32) — уверяет редакция. Софистика, любезнейшие. Вы сами признали, что пленум сделал *все* для признания этих новых форм, да и большевики своей борьбой *до* пленума *доказали* это. Не из-за того мы расходимся, нужны ли «новые формы», нужно ли вести легальную работу, нужно ли основывать легальные общества, совсем

* — Social-Democratic Federation — Социал-демократическая федерация. Ред.

не из-за этого. Мы расходимся из-за того, позволительно ли ведущим подобную работу легалистам, вроде группы Михаила и К^о, группы Потресова и К^о, считать себя социал-демократами, *будучи независимыми от партии социал-демократов*, или социал-демократические партийцы обязаны признавать партию, проповедывать ее необходимость, работать в ней, работать над ее организацией, устраивать нелегальные ячейки везде и во всех союзах для правильных сношений с ней и т. д. И вы прекрасно понимаете, что расходимся мы *теперь* — после пленума — *только* из-за этого.

Голосовцы стараются представить наше стремление сблизиться с партийными меньшевиками, войти в соглашение с ними для борьбы за партию против независимцев, как личный блок «Ленина и Плеханова». Они ругательски ругают автора статьи против Потресова в № 47—48 «*Пролетария*» за тон «льстивого царедворца», «спекулирующего-де на соглашение» с Плехановым.

Я открываю эту статью и читаю на стр. 7-ой:

«Конечно, и все ошибки Плеханова во время революции простекли именно из того, что он *не* провел последовательно той линии, которую сам вел в старой «*Искре*».

Пусть судят читатели, что больше похоже на «лесть» и на «спекуляцию»: это ли прямое указание на то, что большевики считают ошибкой Плеханова, или объявление Плеханова «великим», как раз за тот период, когда он был меньшевиком и когда он «поржал», по словам меньшевиков.

«Плеханов будет с нами», — пишет редакция «Голоса Социал-Демократа», — когда «наступит снова время *ответственных*» (курсив «Голоса») «политических действий» (стр. 32 «Необходимого дополнения»).

Это — политически безграмотно, но в отношении «спекуляции» достаточно ясно. Безграмотно, ибо *теперь* как раз время *во сто раз* более *ответственных* политических действий для старых вождей, чем при открытой борьбе, когда масса сама гораздо легче найдет дорогу. Ясно в смысле «спекуляции», ибо выражается готовность опять признать Плеханова меньшевиком, когда он начнет снова «маневрировать».

Мы удивляемся, что голосовцы не понимают того, какое значение имеют подобные выходки с их стороны наряду,

например, с фразой Аксельрода: «мы не пожелали унижаться» (перед Плехановым) «до роли угодливых лакеев» (стр. 19). Вы именно ведете себя, как указанный в последних словах *род людей*. Ваше отношение к Плеханову как раз соответствует «формуле» *этих* людей: «либо в зубы, либо ручку пожалуйте».

Пять лет вы просили «ручку», теперь даете на 32-х страницах двойного формата «в зубы», а на 32-ой странице «выражаете готовность»: согласны и опять меньшевиком признать, и «ручку» попросить.

Что касается нас, то мы вправе сказать, что за время «порханий» Плеханов никогда не был большевиком. Мы его большевиком не считаем и никогда не будем считать. Но его, как и всякого меньшевика, способного восстать против группы независимцев-легалистов и до конца довести борьбу с ними, мы считаем *партийным* меньшевиком. Мы считаем безусловным долгом всех большевиков в теперешние трудные времена, когда на очереди дня борьба за марксизм в теории и за партию в практике рабочего движения, приложить все усилия для сближения с такими социал-демократами.

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. О ПЛАТФОРМЕ БОЛЬШЕВИКОВ

Партийная конференция, намеченная пленумом, не сможет и не должна ограничиться тем порядком дня, который предположен был им при условии перехода всех меньшевиков на партийную позицию. Этого не вышло — и играть в прятки перед самим собой нам не пристало.

Лозунгом выборов на эту конференцию, лозунгом созыва ее и подготовки ее должно быть *сложение партийцев* в борьбе с группой независимцев-легалистов. Соответственно этой задаче и учитывая антипартийную позицию голосовцев, мы должны со всей решительностью перестроить все руководящие учреждения партии, чтобы они занимались не склокой, которую уготовляет им и будет уготовлять отныне всякий голосовец, а *действительной работой по строению партии*. Голосовцы не хотят ее строить, они хотят помогать тайком группе независимцев-легалистов.

Такова должна быть платформа большевиков для этой конференции. Строить партию согласно декабрьским (1908 г.) резолюциям и в духе их. Продолжать дело пленума, проведя отмеченные выше исправления его решений,

предписываемые всем ходом событий после пленума. Направить все усилия на систематическое, неуклонное, всестороннее и упорное использование всех и всяческих легальных возможностей, чтобы собирать силы пролетариата, чтобы помогать ему группироваться и сплачиваться, воспитываться к борьбе и расправлять свои члены, — и также неуклонно восстанавливать, учась приспособлять их к новым условиям, нелегальные ячейки, нелегальные чисто партийные и преимущественно, в первую голову чисто пролетарские организации, которые одни только могут направить всю работу в легальных организациях, пропитать ее революционным социал-демократическим духом, провести непримиримую борьбу с ренегатами и независимцами-легалистами, подготовить то время, когда наша партия, наша РСДРП, сохранив все традиции революции и великих побед пролетариата в 1905 году, укрепив и расширив партийную пролетарскую армию, поведет ее в новый бой, на новые победы.

ЮБИЛЕЙНОМУ НОМЕРУ «ЗИНА»⁸³

Когда делегированный Центральным Комитетом социал-демократии Латышского края товарищ на пленарном заседании Центрального Комитета РСДРП делал отчет о состоянии работы в социал-демократии Латышского края (этот отчет вкратце был изложен в № 12 Центрального Органа нашей партии), у нас осталось впечатление об особенно «нормальном», безболезненном развитии латышской социал-демократии в переживаемое нами тяжелое время. Это впечатление было создано тем, что социал-демократия Латышского края, будучи по своему составу наиболее пролетарской и руководимая преимущественно самими рабочими, уже совершила требуемый объективными обстоятельствами переход к выработке особой тактики и разрешению организационных задач затянувшегося периода контрреволюции. Во время революции латышский пролетариат и латышская социал-демократия занимали одно из первых, наиболее важных мест в борьбе против самодержавия и всех сил старого строя. Небезынтересно, между прочим, отметить, что официальная статистика стачек за 1905 год (изданная министерством торговли и промышленности)⁸⁴ показывает, что Лифляндская губерния стоит на первом месте по настойчивости пролетарской стачечной борьбы. В 1905 г. в Лифляндской губернии насчитывалось всего 53 917 фабрично-заводских рабочих, а число стачечников — 268 567, т. е. почти в пять раз (4,98 раза) больше! Каждый фабрично-заводской рабочий в Лифляндской губ. бастовал в среднем 5 раз в этом году. За Лифляндской губ. следует Бакинская губ., где каждый фабрично-заводской рабочий бастовал 4,56 раза, Тифлисская губерния — 4,49 раза, Петроковская губерния — 4,98 раза и Петербургская — 4,19. В Московской губ. в 1905 г. бастовавших рабочих числилось 276 563, то есть немного

больше, чем в Лифляндской губ., в то время как общее количество фабрично-заводских рабочих в Московской губ. в 5 раз больше, чем в Лифляндской губ. (285 769 против 53 917). Из этого видно, насколько сознательнее, единодушнее и революционнее выступал латышский пролетариат. Но известно также, что его руководящая роль авангарда в наступлении на абсолютизм не ограничивалась забастовочной борьбой: он шел в авангарде вооруженного восстания, он больше всех содействовал поднятию движения на наивысшую ступень, то есть на ступень восстания. Он больше, чем кто-либо другой, втянул в великую революционную борьбу против царизма и помещиков латышский сельскохозяйственный пролетариат и латышское крестьянство.

Будучи одним из передовых отрядов российской социал-демократии во время революции, латышская рабочая партия оказалась впереди и в тяжелый период контрреволюции. Из упомянутого выше отчета нам стало известно, что у латышской социал-демократии не народилось особого течения ни от увлечения революционной фразой (вроде наших «отзовистов»), ни от увлечения легальными возможностями (вроде наших *ликвидаторов*, которые отрицают нелегальную партию, махают рукой на задачи восстановления и укрепления РСДРП). Латышские социал-демократические рабочие сумели поставить работу по использованию всяческих легальных возможностей: легальных союзов, различных рабочих обществ, думской трибуны и т. д.; причем, они ничуть не «ликвидировали» нелегальную, революционную социал-демократическую партию, а, наоборот, сохранили везде партийные нелегальные рабочие ячейки, которые будут защищать и развивать традиции великой революционной борьбы, настойчиво и неуклонно подготавливая все более и более широкие и сознательные массы борцов из молодых поколений рабочего класса.

Несомненно, что среди тех причин, которыми объясняются успехи латышской социал-демократии, необходимо поставить на первое место более высокую ступень развития капитализма, как в городе, так и в деревне, большую ясность и определенность классовых противоречий, обострение их национальным гнетом, концентрацию латышского населения и более высокую ступень его культурного развития. Во всех этих отношениях обстановка, при кото-

рой приходится развиваться и действовать русскому рабочему классу, значительно менее развита. Эта неразвитость порождает теперь более острый кризис в русской части РСДРП. Мелкобуржуазная интеллигенция в нашем движении играет большую роль, принося вместе с плюсами и минусы: вместе с разработкой вопросов теории и тактики она приносит «разработку» каждого отклонения от социал-демократического пути в особое «направление», как, например, «отзовизм» и «ликвидаторство».

Мы позволяем себе высказать надежду, что латышская социал-демократия, которая имеет полное основание гордиться своими успехами, не будет столь надменной, что махнет рукою на эти большие вопросы РСДРП.

Чем сознательнее пролетариат, тем яснее представляет он себе свои социал-демократические цели, тем энергичнее борется он против всяких мелкобуржуазных извращений в рабочем движении, тем более заботится он об освобождении своих менее развитых товарищей рабочих от влияния мелкобуржуазного оппортунизма.

Ликвидаторское направление в РСДРП есть продукт российских мелкобуржуазных отношений. Либеральная буржуазия вся становится против революции, отказывается от нее, проклинает тактику 1905 г., которая, мол, «кровавая и бесплодная», пресмыкается перед властью имущими, призывает народ держаться только одних методов *легальной* борьбы. И находящаяся в нашей партии мелкобуржуазная интеллигенция поддается влиянию контрреволюционного либерализма. Издается история революции в пяти томах («Общественное движение в России в начале XX века», под редакцией Маслова, Мартова и Потресова), и в этой истории фактически пропагандируется учение ренегатов, что пролетариат «переоценил» свои силы, «недооценил» силы буржуазии и т. д. На самом деле массы пролетариата недооценили предательство буржуазии, переоценили силы буржуазии в борьбе за свободу, недооценили своих собственных сил, — сил наступления миллионов угнетенных и эксплуатируемых.

Издаются легальные журналы («Наша Заря» и «Возрождение»), в которых проповедуется, что восстановление и укрепление нелегальной партии, нашей старой, испытанной годами РСДРП, есть «реакционная утопия». В нелегальном меньшевистском органе — «Голосе Социал-Демонстрата» —

защищаются тому подобные господа и провозглашается лозунг: «борьба за легальность». Один из наиболее видных вождей меньшевизма, Плеханов, выходит из редакции и из состава сотрудников всех этих изданий, объявляя им войну и призывая меньшевиков — *партийцев* поддерживать и укреплять революционную, нелегальную партию пролетариата — РСДРП.

Таким образом, наша партия вступила в решающий бой против всех независимых групп легалистов, которые (т. е. легалисты) неправильно именуют себя социал-демократами. В действительности же они разрушают дело социал-демократов, разрушают социал-демократическую организацию рабочего класса, разменивают ее на бесформенные легальные группы, которые не имеют никаких принципов и которые фактически делают рабочий класс зависимым от либеральной идеологии и либерального политического руководства.

Лет десять тому назад наша партия провела успешную борьбу против так называемого «экономизма», который весьма родственен теперешнему «ликвидаторству». Теперь борьба труднее, поскольку все силы контрреволюции — не только старой, но и новой (современной), либерально-буржуазной контрреволюции — направлены на то, чтобы уничтожить в пролетариате традиции 1905 г., чтобы уничтожить его нелегальную социал-демократическую партию. Но рабочий класс, который умел быть вождем в революции 1905 г., несомненно, преодолеет все эти отклонения от социал-демократического пути.

До революции 1905 г. социал-демократы работали 20 лет в совершенно нелегальных кружках и построили партию, которая ведет миллионы на штурм самодержавия. После революции мы можем — и, следовательно, мы должны — не только продолжать работу нелегальных ячеек, но в десятки раз ее усилить, окружать эти ячейки густой сетью легальных организаций, использовать для нашей агитации трибуну черной Думы, внедрять в рабочие массы уроки, полученные в революционной борьбе, и создать социал-демократическую партию, которая поведет десятки миллионов на новый штурм самодержавия.

**ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О КООПЕРАТИВАХ
РОССИЙСКОЙ С.-Д. ДЕЛЕГАЦИИ
КОПЕНГАГЕНСКОГО КОНГРЕССА ⁸⁵**

Конгресс признает,

1) что пролетарские кооперативы дают возможность рабочему классу улучшать свое положение уменьшением посреднической эксплуатации, воздействием на условия труда у поставщиков, улучшением положения служащих и т. д.;

2) что пролетарские кооперативы получают все более важное значение в массовой экономической и политической борьбе, оказывая помощь при стачках, локаутах, преследованиях и т. п.;

3) что пролетарские кооперативы, когда они организуют массы рабочего класса, обучают его самостоятельному ведению дел и организации консума, подготавливая его в этой области к роли организатора экономической жизни в будущем социалистическом обществе.

Конгресс признает, с другой стороны,

1) что достижимые кооперативами улучшения ограничены очень узкими границами до тех пор, пока средства производства и обмена остаются в руках класса, экспроприация которого есть главная цель социализма;

2) что кооперативы, будучи чисто коммерческими учреждениями и в силу давления условий конкуренции, имеют тенденцию вырождаться в буржуазные акционерные общества;

3) что кооперативы, не будучи организациями непосредственной борьбы с капиталом, способны порождать и порождают иллюзии, будто они являются средством решения социального вопроса.

Конгресс призывает поэтому рабочих всех стран

а) вступать в пролетарские кооперативные общества и всесторонне содействовать их развитию, направляя их организацию в строго демократическом духе (низкие вступит. взносы, 1 пай — 1 человек и т. д.);

б) неустанной социалистической пропагандой и агитацией внутри союза содействовать распространению идей классовой борьбы и социализма среди рабочих масс;

в) по мере роста социалистического сознания в кооперативах, завязывать и укреплять органические связи между кооперативами и партией социалистов, а также профессиональными союзами;

г) вместе с тем конгресс указывает, что производственные кооперативы имеют значение для борьбы рабочего класса лишь в том случае, если они являются составными частями кооперативов потребительных.

Написано 16—17 (29—30) августа
1910 г.

Впервые напечатано в 1929 г.
во 2—3 изданиях Сочинений
В. И. Ленина, том XIV

Печатается по рукописи

ПИСЬМО В МЕЖДУНАРОДНОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ БЮРО О ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ РСДРП

2 сентября 1910 г. Копенгаген

Центральный Комитет Российской социал-демократической рабочей партии на пленарном заседании в январе 1910 г. постановил просить Международное социалистическое бюро принять в Бюро в качестве представителей партии двух товарищей: Г. Плеханова и Вл. Ленина, чтобы подчеркнуть серьезность своих стремлений к единству. Само собою разумеется, что социал-демократическая рабочая партия претендует только на один голос в Бюро, но она, по примеру Франции, хотела бы более полного представительства.

Это решение — присоединить к теперешнему представителю, Вл. Ленину, тов. Г. Плеханова — было единогласно поддержано социал-демократической делегацией на конгрессе.

Представитель РСДРП в Международном социалистическом бюро.

Вл. Ленин

*Напечатано в 1911 г.
в книге: «Huitième Congrès socialiste
International», Gand («Восьмой
международный социалистический
конгресс», Ганд)*

*Печатается по тексту книги
Перевод с французского*

О ФРАКЦИИ «ВПЕРЕДОВЦЕВ»

Группа «Вперед» выпустила в Париже «сборник статей по очередным вопросам», под названием «Вперед». В связи с брошюрой т. Сажина⁸⁶ («К вопросу о возрождении партии»), которая «издана на частные средства» и которую можно получать через редакцию сборника «Вперед», в связи с отдельным листком за подписью группы «Вперед» и с платформой этой группы, партия имеет теперь более чем достаточно материала для суждения о «впередовцах».

Платформа впередовцев характеризуется тремя следующими особенностями. Во-первых, из всех групп и фракций нашей партии впервые выдвигает она философию и притом под прикрытием псевдонима. «Пролетарская культура», «пролетарская философия» — вот что стоит в платформе. Скрывается под этим псевдонимом *махизм*, т. е. защита философского идеализма под разными соусами (эмпириокритицизм, эмпириомонизм и т. д.). Во-вторых, в области политики группа объявила отзовизм «законным оттенком» и сообщила о том, что некоторые отзовисты, члены этой группы, несогласны с определением задач партии по отношению к Государственной думе. Самое определение это дано в платформе впередовцев так неясно и запутано, что иначе, как подлаживанием к отзовистскому кругу мыслей, охарактеризовать этого определения нельзя. В-третьих, наконец, платформа решительно осуждала фракционность и требовала объединения фракций, слияния их в партии.

Итак, в итоге мы имеем — если начать с конца — одно весьма хорошее пожелание и два прикрытия весьма плохим идейно-политическим направлением, выражающим разрыв

с марксизмом и подчинение пролетариата буржуазной идеологии и политике. Сборник «Вперед» наглядно показывает, какие продукты могут получаться из такой смеси.

Автор передовой статьи сборника, Максимов, строго выдерживает дипломатию платформы, говоря о «пролетарской культуре» без всякого пояснения того, что он под этим понимает. В статье, написанной с претензией на популярность изложения, эта игра в прятки особенно бросается в глаза. Какая же это популярность, если ни один читатель, кроме лично знающих Максимова или проследивших уже *весь* спор о махизме и в связи с махизмом, не может понять истинного смысла подобной фразы? Какая же это популярность, когда тот же Максимов на странице 4 сборника говорит об «опасности для пролетарского социализма» тех выходцев из интеллигенции, которые «без критики принимают и пропагандируют неправильные и вредные для пролетариата идеи буржуазной науки и философии»...?

Многоточие принадлежит Максиму. Должно ли оно обозначать стыдливое умолчание, мы не знаем. Но мы твердо знаем, что говорить, особенно в «популярной» статье, о вреде для пролетариата *«буржуазной философии»* и не определять точно и ясно, *какая* именно философия имеется в виду, значит прибегать к худшего вида фракционной дипломатии. Если вы считаете вопрос о буржуазной философии важным, если вы выдвигаете его в передовице «популярного» сборника, то имейте же мужество говорить прямо, защищайте свои идеи, а не прячьте их.

Тов. Сажин, в качестве «практика» должно быть, разрушает дипломатию Максимова весьма невежливо*. Он требует на странице 31 своей брошюры, чтобы «членам партии» была «обеспечена» *«полная свобода их революционной и философской мысли»*.

Это — лозунг насквозь оппортунистический. Во всех странах подобный лозунг изнутри социалистических

* В сборнике «Вперед», другой «практик», петербургский «Трич II—н»⁸⁷ тоже не очень дипломатично пробалтывается: «Кстати сказать — пишет он — книга Бельтова «Монастический взгляд» особенно может вызвать такое неправильное представление об историческом материализме» (сборник, стр. 57). Ну, еще бы! Самое правильное «представление об историческом материализме» дают, конечно, книги русских богостроителей и махистов — потому же «впередовцу» это не известно? И где же книга, на которой воспиталось целое поколение русских марксистов, тягаться с философскими произведеньями Юшквичей, Богдановых, Валентиновых и Луначарских...

партий выдвигался только оппортунистами и не означал на деле ничего иного, кроме «свободы» развращения рабочего класса буржуазной идеологией. «Свободы мысли» (читай: свободы печати, слова, совести) мы требуем от *государства* (а не от партии) наравне с свободой союзов. Партия же пролетариата есть свободный союз, учреждаемый *для борьбы* с «мыслями» (читай: с идеологией) буржуазии, для защиты и проведения в жизнь одного определенного, именно: марксистского миросозерцания. Это — азбука. И эту азбуку заставила забыть Максимова, Сажина и К^о фальшь их политического положения. Не их личное лицемерие, а именно политическая фальшь позиции породила у них проповедь буржуазных лозунгов. Фальшь состоит в том, что одни «впередовцы» всей душой хотят тащить пролетариат *назад*, к идеям буржуазной философии (махизм), другие же равнодушны к философии и требуют лишь «полной свободы»... для махизма. Все вместе *вынуждены* поэтому дипломатничать, путать, играть в прятки, хвататься за буржуазные лозунги.

А что значит *на деле* «полная свобода революционной мысли»? Ничего, кроме *свободы* для отзовистских и других полуанархистских идей. Другими словами, здесь сказано то же, что в «платформе» впередовцев выражено фразой: признание отзовизма «законным оттенком». Получается опять мелкая дипломатия с идеями, опять игра в прятки, опять лицемерие, объясняемое всецело той же фальшивой идейно-политической позицией: мы-де не махисты, но за «полную свободу» махизма (в партии); мы не отзовисты, но за «полную свободу» отзовистского оттенка или общее: «революционной мысли»! Путаницу довершает еще то, что *двое* впередовцев за своими *личными* подписями (Сажин и Рабочий Ар.⁸⁸) высказываются решительно за важность и необходимость использования легальных возможностей и думской трибуны. «Социал-демократия — пишет Рабочий Ар. — должна бороться с теми, кто ведет агитацию» (кто же это ведет такую агитацию, т. Ар.? Не ваши ли впередовцы?) «против *какого бы то ни было*» (вот мы как!) «использования легальных возможностей, потому что такой-образ действий не социал-демократичен» (стр. 48—49 сборника). И тот же самый Ар., *повторяя* эти слова большевиков направления «*Пролетария*», ругательно ругает «*Пролетарий*» (задним числом) за то, что

он будто бы малевал впередовцев странными красками! Вот, что называется: отступить по всей линии, сдавать все свои позиции, осуждать в печати (опять-таки: не говоря этого прямо) тех своих друзей, тех впередовцев, которые в свое время принимали резолюцию, например, о бойкоте съезда фабрично-заводских врачей, — и прикрывать свое отступление, свою капитуляцию барабанным боем. Мизерная фракционная дипломатия!

Взгляните на писания «впередовцев» по вопросу о фракциях и фракционности. «Платформа» осуждала фракции и требовала распускания их. Сажин громит фракционные центры, «заграничных вождей» и пр. и проч. Слез пролито впередовцами по поводу фракционности целое море, слов наговорено без конца.

А дела их? Вся история группы «Вперед» со времени январского (1910) «объединительного» пленума есть *создание фракции из-за границы*. Вот выдержка из одного письма (от 15 июля 1910 г.), посланного русским работником члену Заграничного бюро ЦК:

«Есть Комитет (в Петербурге) и, кроме того, существует группа «впередовцев» с отдельной кассой и секретарем. Деньги получились из-за границы. В Москве» — дальше названо лицо, очень близкое к одному из наиболее видных отзовистов, и указано на ведение подобной же политики.

Ни один человек, сколько-нибудь знакомый с партийными делами, сколько-нибудь внимательно относившийся к позиции литературной группки «Вперед», не мог ни на минуту сомневаться в организации ею фракции из-за границы. Что пресловутая «школа в NN» была заграничным центром новой фракции, это было заявлено печатно в июне 1909 года*, и с тех пор в этом убедились даже самые беззаботные и неосведомленные социал-демократы. Пресловутая «платформа» выработана за границей 8 интеллигентами и 7 рабочими-учениками. Роль этих рабочих, подмахнувших лозунги «пролетарская философия» и признание отзовизма «законным оттенком», слишком ясна, чтобы стоило еще говорить об этом. Перед нами чистейший образец создания фракции группой заграничных литераторов, которые именно подобны «ханам» (выражение Войнова⁸⁹ в сборнике «Вперед»), ибо произвол свой они

* См. Сочинения, 4 изд., том 15, стр. 415—416. Ред.

чувствуют сами, *прикрывая* перед публикой то, что им особенно дорого, т. е. буржуазную философию махизма и отзовизма. «Впередовцы» кричат против «заграничных вождей» и сами устраивают организацию, являющуюся фактически простым *придатком* к горстке заграпичных литераторов; — кричат против фракции и сами строят *тайком* новую, мелкую, сугубо-безжизненную, сектантски-эмпириомонистическую фракцию. *Политический* источник всего этого лицемерия — невозможность открытого, прямого выступления за то, что действительно дорого действительным вожакам фракции.

Ограничимся двумя примерами особенно вопиющего лицемерия. На странице 53 сборника *Рабочий Ар.* заявляет, что бюро ЦК в России «ни черта не делает» (слова эти приписаны, конечно, рабочему «ленинцу», который будто бы агитировал в таком духе «впередовца». О, наивная хитрость «рабочего-Ар.»!) — и что впередовец (опять вместе с «ленинцем» и, конечно, по его наущению) предлагал «объявить Московскую организацию независимой от русского ЦК и не подчиняющейся его директивам».

Бюро русского ЦК, начиная с января 1910 года, билось над восстановлением организации центра, *вопреки* противодействию и ликвидаторов-голосовцев (известная история с Михаилом, Романом, Юрием) и впередовцев (строивших в это время из-за границы *свою* фракцишку *против* ЦК). И теперь эти же впередовцы проливают крокодиловы слезы о «бездеятельности» бюро ЦК! Эти впередовцы, на деле вполне «*независимые*» от партии, вполне антипартийные фракционеры, пишут в популярном сборнике о необходимости объявить местные организации «*независимыми*» от ЦК.

Другой пример. В том же сборнике анонимный «член партии» упражняется в наезднической критике денежного отчета ЗБЦК. Анонимный наездник пишет, между прочим, на стр. 60-ой: «Какие-такие «держатели» (в отчете говорится о получении денег от держателей), почему они «держат» или «держали» деньги ЦК, на какие «специальные цели» эти деньги предназначены, — ничего и никто не поймет здесь».

Так и напечатано. *Ничего и никто не поймет.*

Это пишут члены той самой группы «Вперед», от которой двое представителей было на январском пленуме, при-

нявшем заявлении большевиков об их условной передаче денег «держателям» (т. е. трем известнейшим представителям международной соц.-дем.). Какие деньги, какого происхождения, кто держатели и т. д., — все это *досконально* известно было пленуму, т. е. *всем* фракциям, т. е. и *впередовцам*, в том числе. А впередовцы в «популярном» сборнике для обманывания рабочих пишут: «ничего никто не поймет».

Это пишут в том самом сборнике «Вперед», в котором две первые статьи подписаны *Максимовым и Домовым*⁹⁰. Оба этих «впередовца» *прекрасно знают всю историю* получения большевиками этих денег и передачи их держателям. И вот, так как им «неловко» выступать лично и заявлять, что «ничего никто не поймет», то они для этого поручения избирают *анонимных наездников*, называющих себя «членами партии» по случаю своего антипартийного поведения. Максимов и Домов через анонимных наездников говорят рабочим в «популярном» сборнике *заведомую неправду*, будто «ничего никто не поймет» насчет того, какие-такие «держатели» денег и т. д. И эти господа бьют себя в грудь и распинаются против «фракций» и против «заграничных вождей».

Они «критикуют» через анонимного «члена партии» денежный отчет ЦК, а сами сообщают на первой странице своего сборника, что до сих пор их группе мешал издавать газету «недостаток материальных средств» и что *теперь это препятствие удалось устранить*. Теперь группа «Вперед» получила, значит, деньги. Известие приятное для впередовцев, слов нет. Только какой же это «лоб» надо иметь, о, почтеннейшие «впередовцы», чтобы печатно, в «популярном» сборнике говорить через анонимного наездника *заведомую неправду* про ЦК, будто «ничего никто не поймет», какие-такие «держатели» и какие у них деньги, и в то же время *ни звука не говорить* ни ЦК, ни другим фракциям, *какие-такие деньги получила группа «Вперед» и какие литераторы ими распоряжаются?* Партия, должно быть, обязана отчетом перед впередовцами, а впередовцы не обязаны отчетом перед партией?

Еще и еще раз надо повторить, что это лицемерие впередовцев объясняется не личными качествами Петра или Сидора, а *политической фальшью* всей их позиции, объясняется тем, что литераторы-махисты и отзовисты *не могут*

вступить *прямо и открыто* в борьбу за дорогие им не социал-демократические идеи. Кто поймет эти *политические условия*, тот не будет останавливаться растерянно, недоуменно, тоскливо перед одной внешней стороной явления, перед суммой личных конфликтов, склоки, руготни и пр. Кто поймет эти политические условия, тот не удовлетворится примиренческой фразой (à la* Троцкий) о том, что нужна *не* борьба с отзовистами, а преодоление отзовизма, ибо это пустая и бессодержательная фраза. Объективные условия контрреволюционной эпохи, эпохи распада, эпохи богостроительства, эпохи махизма, отзовизма, ликвидаторства, — эти объективные условия *поставили* нашу партию в условия борьбы с кружками литераторов, организующих свои фракции, и от этой борьбы фразой отделаться нельзя. Отстраниться же от этой борьбы значит отстраниться от одной из современных задач рабочей с.-д. партии.

*«Социал-Демократ» № 15—16,
30 августа (12 сентября) 1910 г.

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

---

* — вроде. Ред.

ВОПРОС О КООПЕРАТИВАХ НА МЕЖДУНАРОДНОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ В КОПЕНГАГЕНЕ

В настоящей статье я намерен ограничиться изложением хода занятий конгресса по указанному в заголовке вопросу и характеристикой тех направлений социалистической мысли, которые боролись здесь между собою.

До конгресса были опубликованы три проекта резолюций о кооперативах. Бельгийский проект (№ 5 «Периодического Бюллетеня Международ. Соц. Бюро», который выходит нерегулярно на трех официальных языках Международных конгрессов) начинается с предостережения рабочих-социалистов против учения тех, кто видит в кооперативах нечто самодовлеющее, некое средство для разрешения социального вопроса. Признавая затем, что рабочий класс чрезвычайно заинтересован в том, чтобы утилизировать кооперативы, как орудие своей классовой борьбы, проект бельгийской партии указывает непосредственные выгоды кооперативов (борьба с торговой эксплуатацией, улучшение условий труда у поставщиков и т. д.) и выражает пожелание, чтобы между социалистическими партиями и кооперативами устанавливались «органические, все более и более тесные связи».

Проект большинства французской социалистической партии составлен в духе Жореса. Кооперативы превозносятся до небес и выставляются — совсем как у буржуазных реформаторов — в качестве «необходимого» элемента «социального преобразования». Говорятся туманные фразы о превращении кооперативов из союза отдельных лиц во всеобщие федерации ассоциаций. Смешиваются пролетарские кооперативы с кооперативами мелких хозяйчиков (в земледелии). Проповедуется нейтральность кооперативов,

описывается вред того, чтобы на кооперативы возлагали какие-нибудь обязательства по отношению к социалистической партии.

Наконец, проект меньшинства французских социалистов (гедистский) решительно заявляет, что сами по себе кооперативы отнюдь не являются классовыми организациями (каковы, например, профессиональные союзы), что значение их определяется тем употреблением, которое из них делают. Рабочие, входя массами в кооперативы, могут извлекать из них пользу для своей борьбы с капиталом, могут до известной степени уяснить себе на примере, чем было бы социалистическое общество, организуемое после уничтожения противоречий современного строя. Проект подчеркивает поэтому ограниченное значение кооперативов и призывает социалистические партии к содействию пролетарским кооперативам, предостерегает от кооперативных иллюзий, рекомендует сплочение социалистов внутри кооперативов в целях разъяснения массам их настоящей задачи: завоевания политической власти и превращения средств производства и обмена в общую собственность.

Совершенно очевидно, что здесь намечаются две основные линии: одна — линия пролетарской классовой борьбы, признание за кооперативами ценности для этой борьбы, как ее орудия, как одного из подсобных средств ее, и определение условий, при которых кооперативы играли бы действительно такую роль, а не оставались простыми торговыми предприятиями. Другая линия — мелкобуржуазная, затемняющая вопрос о роли кооперативов в классовой борьбе пролетариата, раздвигающая значение кооперативов за пределы этой борьбы (т. е. смешивающая пролетарские и хозяйские взгляды на кооперативы), определяющая цели кооперативов такими общими фразами, которые приемлемы и для буржуазного реформатора, этого идеолога прогрессивных хозяев и хозяйчиков.

К сожалению, две указанные линии именно только *намечались* в трех заранее приготовленных проектах, а не были ясно, отчетливо, резко противопоставлены друг другу, как *два направления*, борьба которых должна решить вопрос. И поэтому занятия конгресса шли неровно, спутанно, как бы стихийно. На разногласия ежеминутно

«натыкались», но их не выяснили вполне, и в результате получилась резолюция, отражающая сбивчивость мысли, не дающая *всего*, что могла и должна была бы дать резолюция конгресса социалистических партий.

В комиссии по вопросу о кооперативах сразу наметились два течения. Одно — Жореса и Эльма. Эльм был одним из четырех немецких делегатов в кооперативной комиссии и выступал в качестве представителя немцев, выступал в определенно оппортунистическом духе. Другое направление — бельгийское. Посредником, примирителем явился австриец Карпелес, видный деятель австрийского кооперативного движения, не защищавший определенно принципиальной линии, но (вернее: не «но», а именно потому) склонявшийся гораздо чаще к оппортунистам. Да и бельгийцев заставлял спорить с Жоресом и Эльмом гораздо больше инстинкт действительно пролетарской постановки кооперативного дела, чем отчетливое понимание враждебности и непримиримости пролетарской и мелкобуржуазной точки зрения на вопрос. Поэтому, например, Ансель (председатель кооперативной комиссии) говорил горячие и превосходные речи в комиссии против нейтральности кооперативов, против преувеличения их значения, за необходимость *нам* быть *социалистами-кооператорами*, а не *кооператорами-социалистами*, — а при выработке резолюции тот же Ансель мог прямо привести в отчаяние своей уступчивостью по отношению к формулировкам Жореса и Эльма, своим нежеланием вникнуть в причины расхождения.

Но вернусь к заседаниям комиссии. Понятно, что решающее влияние на ход работ имели представители наций с сильно развитым кооперативным движением. Сразу обнаружилось при этом расхождение бельгийцев и немцев к громадной невыгоде этих последних. Бельгийцы во всяком случае вели пролетарскую линию, хотя и не вполне последовательно, не вполне отчетливо. Эльм выступал оппортунистом чистой воды (особенно в подкомиссии, о чем ниже). Естественно, что руководящая роль принадлежала бельгийцам. Австрийцы склонялись к ним, и к концу работ комиссии была прочтена резолюция *австро-бельгийская*, тогда как Эльм, внесший немецкую резолюцию, прямо заявил, что считает вполне возможным соглашение ее с жоресистским проектом. Так как

у французов было сильное меньшинство против Жореса (за его точку зрения было 202 мандата, а за гедовскую 142), а у немцев, наверное, получилось бы не менее сильное меньшинство против Эльма (если бы ясно и резко встал вопрос о двух точках зрения), то австро-бельгийский союз имел верные шансы на победу. И дело шло, конечно, не столько о «победе» в узком смысле слова, сколько об отстаивании последовательно пролетарской точки зрения на кооперативы. Этой последовательности не удалось добиться в силу чрезмерных уступок, сделанных подкомиссией Жоресу и Эльму.

Что касается нас, русских с.-д., то мы старались поддержать в комиссии австро-бельгийскую линию и с этой целью раньше еще, чем оглашен был австро-бельгийский примирительный проект, внесли свой проект резолюции следующего содержания:

«ПРОЕКТ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ РОССИИ

Конгресс полагает:

1) Что пролетарские потребительные товарищества улучшают положение рабочего класса в том отношении, что суживают размеры эксплуатации со стороны всякого рода торговых посредников, что влияют на условия труда рабочих, занятых в заведениях поставщиков, и улучшают положение собственных служащих.

2) Что эти товарищества могут получить большое значение для экономической и политической массовой борьбы пролетариата, поддерживая рабочих во время стачек, локаутов, политических преследований и проч.

С другой стороны, конгресс указывает на то:

1) что улучшения, которые могут быть достигнуты при помощи потребительных товариществ, могут быть лишь весьма незначительны до тех пор, пока средства производства находятся в руках того класса, без экспроприации которого не может быть осуществлен социализм;

2) что потребительные товарищества не являются организациями непосредственной борьбы с капиталом и существуют наряду с подобного же рода организациями других классов, могущими породить иллюзию, что эти организации являются средством, при помощи которого социальный вопрос может быть решен без классовой борьбы и экспроприации буржуазии.

Конгресс призывает рабочих всех стран:

а) вступать в пролетарские потребительные товарищества и всячески содействовать их развитию, отстаивая при этом демократический характер этих организаций;

б) путем неустанной социалистической пропаганды в потребительных товариществах, способствовать распространению среди рабочих идей классовой борьбы и социализма;

с) стремиться, вместе с тем, достигнуть возможно более полного сближения всех форм рабочего движения.

Конгресс отмечает также, что производительные товарищества в том только случае имеют значение для борьбы рабочего класса, когда являются составной частью товариществ потребительных.

Все проекты резолюций сданы были в подкомиссию (комиссии Международных конгрессов так велики, — каждая нация посылает по 4 делегата в каждую комиссию, — что о выработке текста резолюций в полном собрании комиссии не может быть и речи). В подкомиссию вошло 10 человек: два бельгийца (Ансель и Вандервельд), один француз (Жорес), один австриец (Карпелес), один немец (Эльм), один голландец (марксист Вибо), по одному: итальянец, датчанин, англичанин, русский с.-д. (Воинов и я — наша с.-д. делегация не успела собраться для выбора представителя — поэтому мы присутствовали оба, а голосовал один).

В подкомиссии пошла уже чисто деловая работа составления текста резолюции. Принятый конгрессом текст, за самыми мелкими, стилистическими изменениями, и есть тот, который выработан подкомиссией; — читатели найдут текст резолюции конгресса в другом месте настоящего номера. Борьба в подкомиссии — в отличие от комиссии — сосредоточилась не на вопросе об отношениях кооперативов к партии, а на более принципиальном вопросе о значении и роли кооперативов. Бельгийцы клонили к совершенно верному принципиально определению их роли, как одного из возможных (при известных условиях) подсобных орудий пролетарской классовой борьбы за «полную экспроприацию» (*expropriation intégrale*) класса капиталистов. Эльм, поддерживаемый Жоресом, восстал решительно и показал весь свой оппортунизм целиком. Он говорил, что неизвестно, дойдет ли вообще дело до экспроприации, что он лично считает это совершенно невероятным, что для «большинства» (!) это вопрос спорный, что в программе немецкой с.-д. партии экспроприации нет, что следует сказать «*Ueberwindung des Kapitalismus*» — «преодоление капитализма». Знаменитые слова Бебеля в Ганновере, сказанные в заключение споров с Бернштейном, «*es bleibt bei der Expropriation*» — «мы стоим попрежнему за экспроприацию»⁹¹, были забыты одним из вождей немецкого оппортунизма. В связи с этими

спорами возник «вопрос о социализации». Жорес ультимативно требовал, чтобы в определении значения кооперативов стояло: «они помогают рабочим (как и стоит в тексте принятой конгрессом резолюции) готовить демократизацию и социализацию средств производства и обмена».

Это — одна из тех расплывчатых, неопределенных, вполне приемлемых для идеологов мелкого хозяйчика и для теоретиков буржуазного реформизма фраз, на которые Жорес такой мастер и до которых он такой охотник. Что такое «демократизация средств производства и обмена»? (В комиссии потом, когда проект вернулся туда из подкомиссии, французы заменили слово средств — *моуенс* — словом сил — *форсес*, но дело от этого несколько не изменилось.) Крестьянское производство (говорил я в комиссии) «демократичнее», чем крупное капиталистическое. Значит ли это, что мы, социалисты, хотим создания мелкого производства? Что такое «социализация»? Под этим можно понимать превращение в собственность всего общества, но можно также понимать и какие угодно частичные меры, какие угодно реформы в рамках капитализма, начиная от крестьянских товариществ и кончая муниципальными банями и писсуарами. Ссылался же Жорес в подкомиссии на датские сельскохозяйственные товарищества, полагая, очевидно, вслед за буржуазными экономистами, будто это не капиталистические предприятия.

Организуя противодействие этому оппортунизму, мы (русские и польские с.-д.) пытались апеллировать от Эльма к Вурму, соредктору «*Neue Zeit*»*, бывшему тоже в кооперативной комиссии от немцев. Вурм не одобрял фразы о «демократизации и социализации», предлагал (приватно) ряд поправок, парламентировал между Эльмом и марксистами, но Эльм проявил такую «твердокаменность», что Вурм ничего не добился. Уже после конгресса я прочитал в «*Leipziger Volkszeitung*» (№ 201, 31 августа 1910 г., 3. Beilage**), что в пемецкой делегации был поднят еще во вторник вопрос о кооперативах. «Р. Фишер спрашивал, — пишет корреспондент этой газеты, — нет ли разногласий по вопросу о кооперативах среди немецких делегатов».

* — «Новое Время». Ред.

** — «Лейпцигская Народная Газета» (...3-е приложение). Ред.

Эльм отвечал: «Есть. С сегодня на завтра их не устранить. Решения конгрессов всегда решения компромиссные, и в данном вопросе дело тоже кончится, вероятно, компромиссом». Вурм: «Мои воззрения на вопрос о кооперативах совершенно иные (*durchaus andere*), чем воззрения фон Эльма; но мы все же сойдемся, вероятно, на общей резолюции». Делегация сочла после этого дальнейшее обсуждение ненужным.

Это сообщение подтверждает то явление, которое вполне обрисовалось уже на Штутгартском международном съезде⁹². Немецкая делегация составляет поровну из представителей партии и профессиональных союзов. От этих последних проходят почти сплошь оппортунисты, ибо выбирают обыкновенно секретарей и прочую союзную «бюрократию». В общем немцы неспособны вести выдержанной принципиальной линии на Международных съездах, и гегемония в Интернационале подчас ускользает из их рук. Бессилие Вурма перед Эльмом только лишней раз иллюстрировало тот кризис в германской социал-демократии, который состоит в нарастании неизбежной решительной разверстки с оппортунистами.

По вопросу о денежной поддержке кооперативами партии Эльм и Жорес в подкомиссии тоже добились чрезмерной уступки от бельгийцев, которые согласились на формулировку: «кооперативам каждой страны предоставляется решать, следует ли им и в какой степени помогать непосредственно из своих средств политическому и профессиональному движению».

Когда проект подкомиссии вернулся в комиссию для окончательного утверждения, мы обратили все внимание именно на эти два пункта. Вместе с Гедом мы внесли две (главные) поправки: во-первых, заменить слова: «(кооперативы) помогают рабочим готовить демократизацию и социализацию производства и обмена» словами: «(кооперативы) помогают в известной степени готовить функционирование производства и обмена после экспроприации класса капиталистов». Смысл этой поправки, формулированной стилистически не совсем удачно, состоял не в том, что кооперативы теперь *не* могут помогать рабочим, а в том, что *подготавливаемое* уже теперь кооперативами функционирование будущего производства и обмена может наступить *лишь после* экспроприации капиталистов.

Вторая поправка относилась к пункту, который говорит об отношении кооперативов к партии. Мы предлагали либо добавить слова: «что (т. е. помощь рабочей борьбе) во всяком случае желательно с точки зрения социализма», либо заменить весь этот пункт другим, прямо рекомендуя *социалистам* в кооперативах проповедывать и отстаивать необходимость прямой помощи классовой борьбе пролетариата.

Обе поправки были отклонены комиссией, собрав лишь около 15 голосов. Социалисты-революционеры голосовали — как и всегда на Международных съездах — за Жореса. Перед русской публикой они не прочь упрекнуть в оппортунизме даже Бебеля, а перед европейской они идут за Жоресом и за Эльмом! Вурм попробовал было исправить конец резолюции посредством перестановки трех последних абзацев. Пусть сначала будет сказано, что желательно соединение кооперативов в одну федерацию (абзац второй с конца). Пусть потом будет заявлено, что от кооперативов зависит, оказывать ли прямую помощь партии или нет (абзац третий с конца). И пусть последний абзац начнется словами: «но» (*но* конгресс заявляет, что желательны все более интимные отношения между партией, профессиональными союзами и кооперативами). Тогда из *общего* контекста будет ясно, что конгресс *рекомендует* кооперативам помогать партии. Эльм отверг даже эту поправку! Вурм взял ее тогда назад. Тогда Вибо поставил ее от себя, мы голосовали за нее, но поправка была отклонена.

По вопросу о том, как держаться на пленуме конгресса, мы имели совещание с Гедом. Гед полагал, — и его мнение разделили немецкие революционные с.-д., — что из-за частных поправок не следует поднимать войны на пленуме конгресса, что голосовать надо в общем за резолюцию. Недостатки ее состоят в *допущении* одной ревизионистской фразы, которая не заменяет собой определения цели социализма, а стоит *рядом* с таким определением, — и в одном *недостаточно-сильном* выражении той мысли, что рабочие кооперативы должны помогать рабочей классовой борьбе. Такие недостатки следовало постараться исправить, но поднимать из-за них борьбу на пленуме нет основания. Мы согласились с этим мнением Геда, и резолюция была принята на пленуме конгресса единогласно.

Подводя итог работам конгресса по вопросу о кооперативах, мы должны сказать, — не скрывая ни от себя, ни от рабочих недостатков резолюции, — что Интернационал дал правильное в основных чертах определение задач пролетарских кооперативов. Всякий член партии, всякий с.-д. рабочий, всякий сознательный рабочий-кооператор должен руководиться принятой резолюцией и вести всю свою деятельность в ее духе.

Копенгагенский конгресс знаменует ту стадию развития рабочего движения, когда оно шло, так сказать, преимущественно *вширь* и *начало* захватывать в русло классовой борьбы пролетарские кооперативы. Разногласия с ревизионистами наметились, но до выступления ревизионистов с самостоятельной программой еще далеко. Борьба с ревизионизмом отсрочена, но эта борьба придет неизбежно.

*«Социал-Демократ» № 17,
25 сентября (8 октября) 1910 г.
Подпись: Н. Лени н*

*Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»*

О ТОМ, КАК НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ ЗНАКОМЯТ ИНТЕРНАЦИОНАЛ С ПОЛОЖЕНИЕМ ДЕЛ В РСДРП

В связи с Копенгагенским международным конгрессом в ряде изданий появились статьи о положении дел в нашей партии. Мы остановимся коротко на трех статьях, написанных представителями трех различных партийных (вернее: *антипартийных*) течений.

На первом месте по своей бесцеремонности заслуживает быть поставленной статья, появившаяся, к сожалению, в центральном органе наших германских товарищей («Vorwärts» * от 28 августа). Статья эта — анонимная. Она носит только подзаголовок: «От нашего русского корреспондента».

Из нее читатель узнает, что «никогда еще русские эмигранты, которые в нашей партии играют непропорционально большую роль, не были так чужды интересам и потребностям русского рабочего движения, как теперь», что ЦО нашей партии «Социал-Демократ» «ведется в узкофракционном духе» и что большевики отличаются «формальным и внешним радикализмом», что они лишь в результате эволюции пришли, наконец, к «признанию» парламентаризма и т. д. Большинство нашей партии наш автор крайне недоволен. Все положение партии рисуется автору в весьма мрачном свете. Одну лишь светлую точку заметил наш автор в жизни РСДРП. Это — «выходящая в Вене... рабочая газета «Правда», которая с самого начала стоит совершенно в стороне от фракционной полемики и ставит себе задачей политическую агитацию» и пр.

Не начинаете ли догадываться, читатель, чьему «нефракционному» перу принадлежит эта статья? Вы, конечно,

* — «Вперед». Ред.

не ошибаетесь. Да, это «нефракционный» Троцкий не постеснялся выступить с откровенной рекламой газетке своей фракции. Это он перед недостаточно осведомленными немецкими читателями дает ту же оценку позиции партийного большинства, что и ликвидаторы*.

Задачу оклеветать нашу партию в органе германских ревизионистов взял на себя другой литератор: *Р. Стрельцов*. Его статья появилась в «*Sozialistische Monatshefte*»**, редактируемом г. Блохом, которого Бебель в Магдебурге справедливо назвал национал-либералом. Р. Стрельцов — коллега г. Прокоповича по газете «Товарищ»⁹⁴ — уже открыто берет под свою защиту ликвидаторов. «Нет ничего абсурднее того обвинения, которое против них выдвигается». Настоящие с.-д. это — именно ликвидаторы. А партийное большинство, — оно, видите ли, «считает лишним использование так называемых легальных возможностей, т. е. участие с.-д. в профсоюзах, кооперативах, открытых съездах и т. д.». Да, правильное представление получит немецкий читатель, если историю русской революции он будет изучать по Череванину, а современное положение и тактическую борьбу внутри нашей партии — по Стрельцову и Троцкому!..

Третья статья принадлежит перу ультиматиста (он же богостроитель) Воинова, выступившего в органе бельгийских товарищей «*Le Peuple*»⁹⁵***. И хотя Воинов дал превратное представление бельгийским товарищам о «тактических течениях в нашей партии» (заглавие его статьи), однако, в одном отношении его статья принесла значительную пользу: она раскрыла нам еще раз суть отзовистско-ультиматистской тактики. Бывают же такие благословенные писатели в группе «Вперед», которые открыто излагают цели отзовистов-ультиматистов, а не замазывают их, как это делается обычно в литературных выступлениях «впередовцев». Послушайте сами. Какой

* То обстоятельство, что эта статья появилась в таком органе, как «Vorwärts», заставило наших делегатов на Копенгагенский конгресс обратиться с протестом в ЦК германской партии. Этот протест подан делегатами нашего ЦО (Г. В. Плехановым и А. Варским) и представителем партии в Международное бюро (Н. Лениным)⁹³. При обсуждении этого вопроса в социал-демократической делегации Троцкий и открыл нам тот секрет, что эта пресловутая статья написана им.

** — «Социалистический Енисейский». Ред.

*** При этом Воинов предусмотрительно сообщил читателям, что он — делегат на Интернациональный конгресс в Копенгагене.

«впередовец» признает вам теперь прямо, что отзовисты-ультиматисты носят теперь с мечтой о боевых дружинах и пр.? А откровенный Воинов прямо пишет, что он и его друзья хотят «продолжать и развивать нашу боевую подготовку», тогда как поправевший Ленин отрицает для данного момента, «например, необходимость инструкторских школ». Какой «впередовец» теперь говорит прямо о необходимости «ультиматума» по адресу думской фракции? А добрый Воинов откровенно сообщает нам, что «возрождение партии» необходимо его друзьям для того, чтобы «поставить нашим депутатам ультиматум»... Какой «впередовец» скажет вам в печати, для чего отзовистам-ультиматистам нужна «партийная школа» за границей? А разговорчивый Воинов не преминул сообщить, что «школа» нужна для подготовки «нового съезда» партии и выбора другого ЦК вместо нынешнего «правого» Центрального Комитета*. Не похвалят же Воинова за эту откровенность впередовские «дипломаты»!

Троцкий, Воинов и Стрельцов братски подали другу другу руки в борьбе против партийной линии...

*«Социал-Демократ» № 17,
25 сентября (8 октября) 1910 г.*

*Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»*

---

* Тут Воинов считал полезным... прихвастнуть еще, будто «некоторые из членов ЦК, выбравшие на съезде, но недовольные новым направлением ЦК, подали в отставку». Где, когда, товарищ Воинов?

Объявление об издании
Рабочей Газеты.

Миллионы рабочих в России и
с.г. мира в России все еще страдают.
Резко ухудшилась организация, и все же
важно отметить из них антимилитаризм, ре-
и идеи среди оставшихся рабочих с.-
д.-тии, также и анализ среди рабочих
многих слов недовольства организацией,
неудовольств в России, ит. м. ит. м. ит. м.
из среди рабочих, — работ на земле,
которыми этикетки сменяются ико-
номии. Не мало народу из молодежи и
молодежь среди с.д., которая тоже страдает
в возможности работать в карьерах
ураганов, страдая в руках безработицы.

Первая страница рукописи
«Объявление об издании «Рабочей Газеты». —
Октябрь 1910 г.

Уменьшено

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБ ИЗДАНИИ «РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ» ⁹⁶

Тяжелый кризис рабочего движения и социал-демократической партии в России все еще продолжается. Распад партийных организаций, почти повальное бегство из них интеллигенции, разброд и шатания среди оставшихся верными социал-демократии, уныние и апатия среди довольно широких слоев передового пролетариата, неуверенность в том, где путь выхода из этого положения, — таковы те черты, которыми отличается современное положение. Не мало находится малодушных и маловеров среди социал-демократов, которые готовы отчаяться в возможности разобраться в царящей путанице, отчаяться в задаче восстановления и укрепления партии, РСДРП с ее революционными задачами и традициями, готовы махнуть рукой и замкнуться в личную жизнь или в узкие, мелкие кружки, занятые одной «культурной» работой и т. п.

Кризис продолжается, но его конец уже ясно виден теперь, дорога к выходу вполне намечена и испробована партией, разброд и шатания отлились уже в довольно определенные и весьма определенным образом оцененные партией течения, направления, фракции, — а определенность антипартийных течений, ясная оценка их есть уже половина избавления от разброда и шатаний.

Чтобы не поддаваться отчаянию и разочарованию, необходимо только понять всю глубину источников кризиса. Через этот кризис нельзя перескочить, его нельзя обойти, его можно только изжить в упорной борьбе, ибо это кризис не случайный, а порожденный *особым* этапом и *экономического* и *политического* развития России.

Самодержавие царит, как и прежде. Еще грубее насилия. Еще сильнее бесправие. Еще наглее экономический гнет. Но самодержавие не может уже держаться *только* старыми средствами. Оно *вынуждено* делать новую попытку, попытку открытого союза с черносотенными помещиками-крепостниками, с октябристскими капиталистами, союза в Думе и через Думу. Всем, кто не потерял способности думать, очевидна безнадежность этой попытки, очевидно нарастание нового революционного кризиса. Но этот революционный кризис подготавливается в новой обстановке, при неизмеримо большей сознательности, сплоченности, организованности классов и партий, которых до революции 1905 г. не было. Русский либерализм из добродушной, мечтательной, рыхлой и сырой оппозиции благих пожеланий превратился в крепкую, парламентски вышколенную партию интеллигентных буржуа, которые являются сознательными врагами социалистического пролетариата и революционной расправы крестьянских масс с гг. крепостниками. Клянчить уступок у монархии, грозить ей революцией (ненавистой и страшной для самого либерала), вечно изменять освободительной борьбе и перебегать на сторону врага — такова неизбежная, в силу классово-природы неизбежная, участь либеральной, к.-д., партий. Русское крестьянство доказало свою способность к массовой революционной борьбе, если она начата пролетариатом, и свое свойство бесконечно колебаться между либерализмом и социал-демократией. Русский рабочий класс доказал, что он единственный до конца революционный класс, единственный руководитель в борьбе за (буржуазную даже) свободу. И теперь великая задача продолжения борьбы за свободу может быть решена и будет решена только революционной борьбой пролетариата, увлекающего за собой массы трудящихся и эксплуатируемых. Действуя в новой обстановке, среди более сознательных и более сплоченных врагов, рабочий класс должен перестроить и свою партию, РСДРП. На место руководителя-интеллигента он выдвигает руководителей из рабочей среды. Растет новый тип с.-д. рабочего партийца, самостоятельно ведущего все дела партии и способного сплотить, объединить, организовать *вдесятеро* и во сто раз большие, по сравнению с прежним, пролетарские массы.

К этому новому рабочему и обращаемся мы в первую голову с нашей «Рабочей Газетой». Этот рабочий вырос из того возраста, когда ему могло нравиться, чтобы с ним говорили сюсюкая, чтобы его кормили молочной кашей. Ему нужно знать все о политических задачах партии, о ее строительстве, о внутривнутрипартийной борьбе. Ему не страшна неприкрашенная правда о партии, укреплении, восстановлении и перестройкой которой он занят. Ему не помогают, а приносят вред те общереволюционные фразы, те слащаво-примиренческие возгласы, которые он находит в сборниках «Вперед» или в газете Троцкого «Правда», не находя ни там, ни здесь ясного, точного, прямого изложения партийной линии и партийного положения.

Это партийное положение очень трудное, но главная трудность состоит не в том, что партия страшно ослаблена и организации зачастую совсем разбиты, и не в том, что обострена внутривнутрипартийная борьба фракций, а в том, что передовой слой социал-демократических рабочих недостаточно ясно сознал сущность и значение этой борьбы, недостаточно сплотился для успешного ведения ее, недостаточно самостоятельно и недостаточно энергично вмешался в нее для создания, поддержки, укрепления того *партийного ядра*, которое выводит РСДРП из разброда, развала и шатаний на твердую дорогу.

Эта дорога намечена вполне решениями Декабрьской 1908 года конференции, развитыми в решениях пленума ЦК 1910 года. Это ядро состоит из того союза ортодоксальных большевиков (противников отзовизма и буржуазной философии) и партийных меньшевиков (противников ликвидаторства), который сейчас *ведет*, на деле, а не в силу формальных только отношений, ведет главную работу в РСДРП.

Рабочим говорят, что этот союз только усиливает и обостряет фракционную борьбу, борьбу с ликвидаторами и отзовистами «вместо» того, чтобы бороться с ликвидаторством и отзовизмом. Это — пустая фраза, это одно сюсюканье, предполагающее в рабочем не взрослого человека, а ребенка. Неприятна та правда, что при слабости партии, при разбитости организаций, при неизбежности заграничной базы всякое течение легко составляет фактически совершенно независимую и самостоятельную от партии

ваграничную фракцию, но эту правду смешно (или преступно) скрывать от с.-д. рабочего, который должен перестроить *свою* партию на основе *определенной*, точной, ясной партийной линии. Самые нежелательные *формы* фракционной борьбы господствуют у нас сейчас, это несомненно, но именно для того, чтобы переделать *формы* этой борьбы, необходимо передовым рабочим не морщить презрительно нос, не отмахиваться фразой от неприятной (для дилетанта, для гостя в партии) задачи переделки неприятных форм неприятной борьбы, а *поймать* сущность и значение этой борьбы и *поставить* работу на местах так, чтобы по *каждому* вопросу социалистической пропаганды, политической агитации, профессионального движения, кооперативной работы и т. д. и т. п. *определять* ту грань, за которой начинается отклонение *от* социал-демократии в либеральное ликвидаторство или полуанархический отзовизм, ультиматизм и т. п., *вести партийное дело* в правильной линии, определяемой этими гранями. Одной из главных задач «Рабочей Газеты» ставим мы — помочь рабочим в определении этих граней по каждому из важнейших *конкретных* вопросов современной русской действительности.

Рабочим говорят: именно объединительная попытка пленума (полного собрания) ЦК в январе 1910 г. доказала бесплодность и безысходность внутрипартийной фракционной борьбы, которая-де «сорвала» объединение. Говорят так люди или неосведомленные или совсем неспособные думать или *скрывающие* свои настоящие цели посредством тех или иных звонких, благозвучных и ничего не говорящих фраз. Пленум «разочаровал» только тех, кто боялся смотреть правде в глаза и тешил себя иллюзиями. Как ни велика была подчас «примиренческая каша» на пленуме, а в результате получилось как раз то объединение, которое только и возможно, которое только и нужно. Если ликвидаторы и отзовисты *подписали* резолюцию о борьбе с ликвидаторством и отзовизмом, а на другой день еще «усерднее» взялись за старое, то это только доказало невозможность партии рассчитывать на непартийные элементы, только показало яснее, каковы эти элементы. Партия есть добровольный союз, и объединение возможно и полезно лишь тогда, когда объединяются люди, которые хотят и могут вести хоть сколько-нибудь

добросовестно общую партийную линию, вернее: которые *заинтересованы* (своими идеями, своими тенденциями) ведением *общей* партийной линии. Объединение невозможно и вредно, когда оно пытается запутать и затемнить сознание этой линии, когда оно пытается связать *фиктивной* связью тех, кто тянет партию решительно по антипартийному направлению. И объединение между *основными* группами большевизма и меньшевизма достигнуто пленумом и упрочено, если не благодаря пленуму, то через пленум.

Рабочий, который не хочет, чтобы с ним говорили сюсюкая, не может не понимать, что ликвидаторство и отзовизм такие же не случайные, глубоко заходящие своими корнями направления, как большевизм и меньшевизм. Только сочинители побасенок «для рабочих» объясняют различие этих фракций «интеллигентскими» спорами. На деле эти два направления, наложившие свой отпечаток на всю историю российской революции, на все первые годы (и во многих отношениях самые важные годы) массового рабочего движения в России, порождены самым процессом экономической и политической перестройки России из крепостнической в буржуазную страну, порождены теми влияниями разных буржуазных классов, которые на пролетариат действовали, или вернее: той обстановкой различных слоев буржуазии, в которой пролетариат действовал. Отсюда вытекает, что невозможно объединение социал-демократии в России путем уничтожения одного из двух направлений, сложившихся в эпоху наиболее открытых, наиболее широких, массовых, свободных, исторически-важных действий рабочего класса в революции. Но отсюда вытекает также, что не в благожелательных фразах о единстве, об уничтожении фракций и т. п., а только во внутреннем развитии двух фракций заложены основы реального сближения их. Именно такое сближение и переживает партия рабочего класса с тех пор, как мы, большевики, весной 1909 г. окончательно похоронили «отзовизм»⁹⁷, а партийные меньшевики, с Плехановым во главе, начали не менее решительную борьбу с ликвидаторством. Что сознательные рабочие в *обеих* фракциях в громадном большинстве стоят на стороне противников отзовизма и ликвидаторства, это несомненно. Поэтому, как бы ни тяжела, временами трудна и

всегда неприятна ни была внутрипартийная борьба на этой почве, мы не должны забывать *сути* явления из-за *формы* его. Из-за деревьев не видят леса, кто не видит в основе этой борьбы (неизбежной при данном состоянии партии в форме борьбы фракций) процесса *сплочения* основного партийного ядра сознательных с.-д. рабочих.

Целям такого сплочения настоящего с.-д. ядра будет служить и «Рабочая Газета», которую основываем мы, большевики, заручившись согласием партийных меньшевиков (с Плехановым во главе) на поддержку нашего издания. Это издание вынуждено появиться на свет, как фракционное издание, как фракционное предприятие большевиков. Найдутся, пожалуй, люди, которые и тут за деревьями не заметят леса и закричат о возврате *назад* к фракционности. Изложив подробно наш взгляд на сущность и значение действительно происходящего, действительно важного и необходимого партийного объединения, мы уже тем самым показали цену подобным возражениям, которые *на деле* означали бы лишь *запутывание* вопроса об объединении и *прикрытие* тех или иных фракционных целей. А мы хотим больше всего, чтобы «Рабочая Газета» помогла рабочим с полной ясностью и до конца понять все партийное положение и все партийные задачи.

Приступая к изданию «Рабочей Газеты», мы рассчитываем на помощь и ЦК нашей партии и местных организаций и отдельных групп сознательных рабочих, оторвавшихся в данную минуту от партии. Мы рассчитываем на помощь ЦК, зная, что в течение ряда месяцев ему не удавалось поставить свою работу *правильно* в России, не удавалось именно потому, что кроме большевиков и партийных меньшевиков он не встречал *нигде* содействия, а нередко встречал прямое противодействие других фракций. Эта тяжелая полоса в жизни ЦК пройдет и, чтобы она прошла скорее, мы должны не просто «ждать», пока ЦК восстановится, пока он окрепнет и т. д., а *немедленно* приступать по инициативе отдельных групп и отдельных местных организаций к налаживанию — сначала пусть в самых скромных размерах — того именно дела укрепления партийной линии и *действительного* партийного единства, над которым больше всего трудится и ЦК.

Мы рассчитываем на помощь местных организаций и отдельных групп рабочих, ибо исключительно их активная работа над газетой, исключительно их поддержка, их отзывы, их статьи, материалы, сведения и замечания могут поставить на ноги и обеспечить ведение «Рабочей Газеты».

Написано в октябре 1910 г.

*Впервые напечатано 5 мая 1937 г.
в газете «Правда» № 122*

Печатается по рукописи

УРОКИ РЕВОЛЮЦИИ

Минуло пять лет с тех пор, как в октябре 1905 года рабочий класс России нанес первый могучий удар царскому самодержавию. Пролетариат поднял в те великие дни миллионы трудящихся на борьбу с их угнетателями. Он завоевал себе в несколько месяцев 1905 года такие улучшения, которых рабочие десятки лет тщетно ждали от «начальства». Пролетариат завоевал всему русскому народу, хотя и на короткое время, невиданную на Руси свободу печати, собраний, союзов. Он смел с своей дороги поддельную булыгинскую Думу, вырвал у царя манифест о конституции и раз навсегда сделал невозможным управление Россией без представительных учреждений.

Великие победы пролетариата оказались полупобедами, потому что царская власть не была свергнута. Декабрьское восстание кончилось поражением, и царское самодержавие стало отбирать одно за другим завоевания рабочего класса по мере того, как ослабевал его натиск, ослабевала борьба масс. В 1906 году рабочие стачки, крестьянские и солдатские волнения были гораздо слабее, чем в 1905 году, но все-таки были еще очень сильны. Царь разогнал первую Думу, во время которой стала опять развиваться борьба народа, но не посмел сразу изменить избирательный закон. В 1907 году борьба рабочих еще более ослабела, и царь, разогнав вторую Думу, совершил государственный переворот (3 июня 1907 года); он нарушил все свои самые торжественные обещания не издавать законов без согласия Думы и изменил избирательный закон так, что большинство в Думе наверняка доставалось

Первая международная выставка

Впервые в истории человечества

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА

JOURNAL OUVRIER

№ 4.

14 августа 1910 года

Цена 10 коп.

Уроки революции

Вот уже несколько лет как в Европе и в Америке идет борьба за социальную революцию. Впервые в истории человечества рабочие всех стран объединились в единый фронт. Они подняли знамя революции и начали борьбу за освобождение от капитализма. Эта борьба идет с огромной силой и стремительностью. Рабочие все больше осознают необходимость революции и готовы к ней. Они уже добились многого: сокращения рабочего дня, повышения заработной платы, улучшения условий труда. Но этого недостаточно. Им нужна социальная революция, которая уничтожит капитализм и установит социализм. Рабочие должны бороться за это до конца. Они должны объединиться и действовать сообща. Только так они смогут добиться своей цели. Революция — это путь к свободе и счастью для всех. Рабочие должны бороться за нее с решимостью и отвагой. Они должны быть готовы к жертвам. Только так они смогут построить новое общество, где каждый будет работать для блага всех. Революция — это великое дело. Рабочие должны бороться за нее до конца. Они должны быть готовы к жертвам. Только так они смогут построить новое общество, где каждый будет работать для блага всех.

Вот уже несколько лет как в Европе и в Америке идет борьба за социальную революцию. Впервые в истории человечества рабочие всех стран объединились в единый фронт. Они подняли знамя революции и начали борьбу за освобождение от капитализма. Эта борьба идет с огромной силой и стремительностью. Рабочие все больше осознают необходимость революции и готовы к ней. Они уже добились многого: сокращения рабочего дня, повышения заработной платы, улучшения условий труда. Но этого недостаточно. Им нужна социальная революция, которая уничтожит капитализм и установит социализм. Рабочие должны бороться за это до конца. Они должны объединиться и действовать сообща. Только так они смогут добиться своей цели. Революция — это путь к свободе и счастью для всех. Рабочие должны бороться за нее с решимостью и отвагой. Они должны быть готовы к жертвам. Только так они смогут построить новое общество, где каждый будет работать для блага всех. Революция — это великое дело. Рабочие должны бороться за нее до конца. Они должны быть готовы к жертвам. Только так они смогут построить новое общество, где каждый будет работать для блага всех.

помещикам и капиталистам, партии черносотенцев и их прислужникам.

И победы и поражения революции дали великие исторические уроки русскому народу. Чествуя пятилетнюю годовщину 1905 года, постараемся выяснить себе главное содержание этих уроков.

Первый и основной урок — тот, что *только* революционная борьба масс способна добиться сколько-нибудь серьезных улучшений в жизни рабочих и в управлении государством. Никакое «сочувствие» рабочим со стороны образованных людей, никакая геройская борьба одиночек-террористов не могли подорвать царского самодержавия и всевластия капиталистов. Только борьба самих рабочих, только совместная борьба миллионов могла сделать это, и, когда ослабевала *такая* борьба, сейчас же начиналось отнятие того, что рабочие завоевали. Русская революция подтвердила то, о чем поется в международной рабочей песне:

«Никто не даст нам избавленья,
Ни бог, ни царь и ни герой;
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой».

Второй урок — тот, что недостаточно подорвать, ограничить царскую власть. Ее надо *уничтожить*. Пока царская власть не уничтожена, уступки царя всегда будут непрочны. Царь давал уступки, когда натиск революции усиливался, и брал назад все уступки, когда натиск ослабевал. Только завоевание демократической республики, свержение царской власти, переход власти в руки народа может избавить Россию от насилия и произвола чиновников, от черносотенно-октябристской Думы, от всевластия помещиков и помещичьих прислужников в деревне. Если бедствия крестьян и рабочих стали теперь, после революции, еще более тяжелыми, чем прежде, то это расплата за то, что революция была слаба, что царская власть не была свергнута. 1905 год, а затем две первые Думы и их разгон научили народ очень многому, научили прежде всего общей борьбе за политические требования. Народ, пробуждаясь к политической жизни, сначала требовал от самодержавия уступок: чтобы царь созвал Думу, чтобы царь заменил старых министров новыми, чтобы царь «дал» всеобщее избирательное право.

Но самодержавие не шло и не могло идти на такие уступки. На просьбы об уступках самодержавие отвечало штыками. И тогда народ начал приходить к сознанию о необходимости *борьбы* против самодержавной власти. Теперь Столыпин и черная, господская Дума еще с большей силой вбивают, можно сказать, это понимание в голову крестьянам. Вбивают и вобьют.

Царское самодержавие тоже извлекло для себя урок из революции. Оно увидело, что полагаться на веру крестьян в царя нельзя. Оно укрепляет теперь свою власть посредством союза с черносотенными помещиками и октябристскими фабрикантами. Чтобы свергнуть царское самодержавие, нужен теперь гораздо более сильный натиск революционной массовой борьбы, чем в 1905 году.

Возможен ли такой гораздо более сильный натиск? Ответ на этот вопрос приводит нас к *третьему и самому главному* уроку революции. Этот урок состоит в том, что мы видели, *как* действуют различные классы русского народа. До 1905-го года многим казалось, что весь народ одинаково стремится к свободе и хочет одинаковой свободы; по крайней мере, у громадного большинства не было никакого ясного понятия о том, что различные классы русского народа различно относятся к борьбе за свободу и добиваются неодинаковой свободы. Революция рассеяла туман. В конце 1905 года, а затем также во время первой и второй Думы *все* классы русского общества выступили открыто. Они показали себя на деле, обнаружили, каковы их настоящие стремления, за что они могут бороться и насколько сильно, упорно, энергично они способны бороться.

Фабрично-заводские рабочие, промышленный пролетариат вел самую решительную и самую упорную борьбу с самодержавием. Пролетариат начал революцию девятым января и массовыми стачками. Пролетариат довел борьбу до конца, поднявшись на вооруженное восстание в декабре 1905 года, на защиту расстреливаемых, избиваемых, истязуемых крестьян. Число бастовавших рабочих в 1905 году было около *трех миллионов* (а с железнодорожниками, почтовыми служащими и т. д., наверное, до четырех миллионов), в 1906 году — один миллион, в 1907 — $\frac{3}{4}$ миллиона. Подобной силы стачечного движения не видывал еще мир. Русский пролетариат показал, какие

непочатые силы таятся в рабочих массах, когда назревает действительно революционный кризис. Величайшая в мире стачечная волна 1905 года далеко еще не исчерпала всех боевых сил пролетариата. Например, в московском фабричном округе было 567 тысяч фабрично-заводских рабочих и 540 тысяч стачечников, а в петербургском — 300 тысяч фабрично-заводских рабочих и 1 миллион стачечников. Значит, рабочие московского района далеко еще не развили такого упорства в борьбе, как петербургские. А в Лифляндской губернии (город Рига) на 50 тысяч рабочих было 250 тысяч стачечников, то есть каждый рабочий бастовал, в среднем, более чем по пяти раз в 1905 году. Теперь во всей России никак не менее трех миллионов фабричных, горных и железнодорожных рабочих, и число это каждый год возрастает; при такой силе движения, как в Риге в 1905 году, они могли бы выставить армию в 15 миллионов стачечников.

Перед таким натиском не устояла бы никакая царская власть. Но всякий понимает, что подобного натиска нельзя вызвать искусственно, по желанию социалистов или передовых рабочих. Такой натиск возможен только тогда, когда всю страну охватывает кризис, возмущение, революция. Чтобы подготовить такой натиск, нужно втянуть в борьбу самые отсталые слои рабочих, нужно вести годы и годы упорную, широкую, неуклонную пропагандистскую, агитационную и организационную работу, создавая и укрепляя всякого вида союзы и организации пролетариата.

По силе борьбы рабочий класс России стоял впереди всех остальных классов русского народа. Самые условия жизни рабочих делают их способными к борьбе и толкают на борьбу. Капитал собирает рабочих большими массами в крупных городах, сплачивает их, обучает совместным действиям. На каждом шагу рабочие сталкиваются лицом к лицу со своим главным врагом — с классом капиталистов. Борясь с этим врагом, рабочий становится *социалистом*, приходит к сознанию необходимости полного переустройства всего общества, полного уничтожения всякой нищеты и всякого угнетения. Становясь социалистами, рабочие с беззаветной отвагой борются против всего, что стоит им поперек пути, и прежде всего против царской власти и крепостников-помещиков.

Крестьяне тоже выступили на борьбу против помещиков и против правительства в революции, но их борьба была гораздо более слабой. Сосчитано, что из фабричных рабочих участвовало в революционной борьбе, в стачках — большинство (до $\frac{3}{5}$), а из крестьян, несомненно, только меньшинство: наверное, не больше одной пятой или одной четвертой части. Крестьяне боролись менее упорно, более разрозненно, менее сознательно, все еще надеясь нередко на доброту царя-батюшки. В 1905—1906 годах крестьяне, собственно, только поугали царя и помещиков. А их надо не поугать, их надо *уничтожить*, их правительство — *царское* правительство — надо стереть с лица земли. Теперь Столыпин и черная, помещичья, Дума стараются создать из богатых крестьян новых помещиков-хуторян, союзников царя и черной сотни. Но чем больше помогает царь и Дума крестьянам-богачам разорять массу крестьян, тем сознательнее становится эта масса, тем меньше будет она сохранять веру в царя, веру крепостных рабов, веру забитых и темных людей. С каждым годом все больше становится в деревне сельских рабочих, — им негде искать спасения, кроме как в союзе с городскими рабочими для общей борьбы. С каждым годом все больше становится в деревне разоренных, обнищавших до конца, изголодавшихся крестьян, — из них миллионы и миллионы пойдут, когда поднимется городской пролетариат, на более решительную, более сплоченную борьбу с царем и помещиками.

В революции принимала участие также либеральная буржуазия, т. е. либеральные помещики, фабриканты, адвокаты, профессора и т. д. Они составляют партию «народной свободы» (к.-д., кадеты). Они много обещали народу и много шумели о свободе в своих газетах. Они имели большинство депутатов в первой и второй Думах. Они сулились «мирным путем» добиться свободы, они осуждали революционную борьбу рабочих и крестьян. Крестьяне и многие из крестьянских депутатов («трудовиков») верили этим посулам и шли покорно и послушно за либералами, сторонясь от революционной борьбы пролетариата. В этом состояла величайшая ошибка крестьян (и многих горожан) во время революции. Либералы одной рукой, да и то очень-очень редко, помогали борьбе за свободу, а другую руку всегда протягивали

царю, обещая ему сохранить и укрепить его власть, помирить крестьян с помещиками, «утихомирить» «буйных» рабочих.

Когда революция дошла до решительной борьбы с царем, до декабрьского восстания 1905 года, либералы все целиком подло изменили свободе народа, отшатнулись от борьбы. Царское самодержавие воспользовалось этим предательством народной свободы либералами, воспользовалось темнотой крестьян, во многом веривших либералам, и разбило восставших рабочих. А когда был разбит пролетариат, никакие Думы, никакие сладкие речи кадетов, никакие их посулы не удержали царя от уничтожения всех остатков свободы, от восстановления самодержавия и всевластия крепостников-помещиков.

Либералы оказались обманутыми. Крестьяне получили тяжелый, но полезный урок. Не бывать на Руси свободе, пока широкие массы народа верят либералам, верят в возможность «мира» с царской властью, сторонятся от революционной борьбы рабочих. Никакая сила на земле не удержит наступления свободы в России, когда поднимется на борьбу масса городского пролетариата, отодвинет колеблющихся и предательских либералов, поведет за собой сельских рабочих и разоренное крестьянство.

А что пролетариат России подымется на такую борьбу, что он станет вновь во главе революции, — за это ручается все экономическое положение России, весь опыт революционных годов.

Пять лет тому назад пролетариат нанес первый удар царскому самодержавию. Для русского народа блеснули первые лучи свободы. Теперь опять восстановлено царское самодержавие, опять царят и правят крепостники, опять повсюду насилия над рабочими и крестьянами, везде азиатское самодурство властей, подлое надругательство над народом. Но тяжелые уроки не пропадут даром. Русский народ не тот, что был до 1905 года. Пролетариат обучил его борьбе. Пролетариат приведет его к победе.

ДВА МИРА

О Магдебургском съезде германской с.-д. партии писали уже много во всех газетах, и все главные события на этом съезде, все перипетии борьбы достаточно известны. Внешняя сторона борьбы ревизионистов с ортодоксами, драматические эпизоды съезда чересчур заполняли внимание читателей в ущерб уяснению принципиального значения этой борьбы, идейно-политических корней расхождения. А между тем, магдебургские прения — главным образом по вопросу о голосовании баденцев за бюджет — дали в высшей степени интересный материал, характеризующий два мира идей и две классовые тенденции *внутри* с.-д. рабочей партии Германии. Голосование за бюджет лишь одно из проявлений этого расхождения двух миров, расхождения столь глубокого, что ему несомненно предстоит выразиться по поводам гораздо более серьезным, гораздо более глубоким и важным. И теперь, когда в Германии явно для всех *надвигается* великая революционная буря, следует взглянуть на магдебургские прения, как на маленький смотр небольшой частички армии (ибо вопрос о голосовании за бюджет есть лишь небольшая частичка основных вопросов с.-д. тактики) *перед* началом кампании.

Что показал этот смотр относительно понимания своих задач разными частями пролетарской армии? Что говорит нам этот смотр о том, как будут себя вести эти разные части армии? — вот вопросы, на которых мы намерены остановиться.

Начнем с одного частного (на первый взгляд) столкновения. Вождь ревизионистов, Франк, усердно подчеркивал, как и все баденцы, что министр фон Бодман сначала

отрицал «равноправие» с.-д. с другими, буржуазными, партиями, а потом как бы взял это «оскорбление» назад. Бебель в своем реферате сказал по этому поводу:

...«Если министр современного государства, представитель существующего государственного и общественного порядка, — а целью современного государства, как политического учреждения, является защита и поддержание существующего государственного и общественного строя против всех нападений со стороны социал-демократов, защита при надобности и посредством насилия, — если такой министр говорит, что он не признает равноправия социал-демократии, то он с своей точки зрения вполне прав». Франк перебивает Бебеля и кричит: «Неслыханно!» Бебель продолжает, отвечая ему: «Я нахожу это вполне естественным». Франк снова восклицает: «Неслыханно!»

Почему так возмущен был Франк? Потому, что он насквозь пропитан верой в буржуазную «законность», в буржуазное «равноправие», не понимая исторических *пределов* этой законности, не понимая, что вся эта законность *должна*, неизбежно должна разлететься вдребезги, раз дело коснется основного и главного вопроса о сохранении буржуазной собственности. Франк целиком пропитан мелкобуржуазными конституционными иллюзиями; поэтому он не понимает исторической *условности* конституционных порядков даже в такой стране, как Германия; он верит в абсолютное значение, в абсолютную силу буржуазной (вернее: буржуазно-феодальной) конституции в Германии, искренно *оскорбляясь* тем, что конституционный министр не хочет признать «равноправия» его, Франка, члена парламента, человека, действующего вполне по закону. Упиваясь этой законностью, Франк доходит до того, что забывает непримиримость буржуазии с пролетариатом, и незаметно для себя переходит на позицию тех, кто считает эту буржуазную законность вечной, кто считает социализм ущемляющимся в рамках этой законности.

Бебель сводит вопрос с этих конституционных иллюзий, свойственных буржуазной демократии, на реальную почву классовой борьбы. Можно ли «оскорбляться» тем, что равноправия на почве буржуазного права не признает за нами, врагами всего буржуазного строя, защитник этого строя? Ведь одно уже допущение того, что меня

может оскорблять это, показывает непрочность моих социалистических убеждений!

И Бебель старается втолковать Франку социал-демократические взгляды посредством наглядных примеров. Нас не мог «оскорбить» — говорил Бебель Франку — исключительный закон против социалистов; мы были полны гнева и ненависти, «и если бы мы тогда могли, мы ринулись бы в бой, как нам того от души хотелось, мы разбили бы вдребезги все, что стояло нам поперек пути» (*бурные возгласы одобрения* — отмечает в этом месте стенографический отчет). «Мы были бы изменниками нашему делу, если бы мы не сделали этого» (*Правильно!*). «Но мы не могли этого сделать».

Меня оскорбляет, что конституционный министр не признает равноправия социалистов, — рассуждает Франк. Вас не должно оскорблять отрицание равноправия человеком, говорит Бебель, который не очень давно душил вас, попирая все «принципы», который должен был душил вас, защищая буржуазный строй, и который должен будет завтра душил вас (этого Бебель не сказал, но он ясно намекнул на это; почему Бебель так осторожен, что ограничивается намеками, мы скажем в своем месте). Мы были бы изменниками, если бы не задушили этих врагов пролетариата, имея к тому возможность.

Два мира идей: с одной стороны, точка зрения пролетарской классовой борьбы, которая может в известные исторические периоды идти на почве буржуазной законности, по которая неизбежно приводит к развязке, к прямой схватке, к дилемме: «разбить вдребезги» буржуазное государство или быть разбитым и задушенным. С другой стороны, точка зрения реформиста, мелкого буржуа, который за деревьями не видит леса, за мишурой конституционной законности не видит ожесточенной классовой борьбы, в захолустье какого-нибудь маленького государства забывает великие исторические вопросы современности.

Реформисты мнят себя реальными политиками, людьми положительной работы, государственными мужами. Эти детские иллюзии выгодно поддерживать в пролетариате хозяевам буржуазного общества, но социал-демократы должны беспощадно разрушать их. Слова о равноправии — «ничего не значащие фразы», говорил Бебель. «Кто может

поймать на удочку этих фраз целую социалистическую фракцию, тот государственный человек, — говорил Бебель при общем смехе партийного съезда, — но те, кто дают себя поймать, те уже совсем не государственные люди». Это не в бровь, а в глаз всевозможным оппортунистам социализма, которые дают себя поймать национал-либералам в Германии, кадетам в России. «Отрицатели — говорил Бебель — часто добивались гораздо большего, чем люди так называемой положительной работы. Резкая критика, резкая оппозиция падает всегда на благодарную почву, если эта критика справедлива, а наша, несомненно, справедлива».

Оппортунистические фразы о положительной работе означают во многих случаях работу *на либералов*, вообще работу на других, кто держит в руках власть, кто определяет направление деятельности данного государства, общества, коллектива. И Бебель прямо сделал этот вывод, заявив, что «у нас в партии не мало таких национал-либералов, которые ведут национал-либеральную политику». В пример он привел *Блоха*, неизвестного редактора так называемого (по словам Бебеля — *так называемого*) «Социалистического Ежемесячника» («Sozialistische Monatshefte»). «Национал-либералам не место в нашей партии» — прямо заявил Бебель при общем одобрении съезда.

Посмотрите на список сотрудников «Социалистического Ежемесячника». Там *все* представители международного оппортунизма. Там не могут нахвалиться поведением наших ликвидаторов. Разве это не два мира идей, когда вождь германской социал-демократии объявляет редактора этого органа национал-либералом?

Оппортунисты всего мира клонят к политике блока с либералами, то прямо и открыто провозглашая и осуществляя ее, то проповедуя или оправдывая избирательные соглашения с либералами, поддержку их лозунгов и т. п. Бебель еще и еще раз разоблачил всю фальшь, всю лживость этой политики, и про его слова без преувеличения можно сказать, что их должен знать и помнить всякий социал-демократ.

«Если я, как социал-демократ, вхожу в союз с буржуазными партиями, то можно ставить 1000 против 1, что в выигрыше будут не социал-демократы, а буржуазные партии, мы же окажемся

в проигрыше. Это — *политический закон*, что повсюду, где правые и левые вступают в союз, левые теряют, правые выигрывают...

Если я вхожу в политический союз с *принципиально* враждебной мне партией, тогда мне приходится по необходимости приспособлять мою тактику, т. е. мои приемы борьбы, к тому, чтобы не разрывать этого союза. Я уже не смогу тогда критиковать беспощадно, не смогу бороться принципиально, ибо тогда я задену своих союзников; я буду вынужден молчать, прикрывать многое, оправдывать то, чего нельзя оправдать, затушевывать то, чего нельзя затушевывать».

Оппортунизм потому и является оппортунизмом, что он *коренные* интересы движения приносит в жертву минутным выгодам или соображениям, основанным на самом близоруком, поверхностном расчете. Франк говорил в Магдебурге с пафосом о том, что министры в Бадене «хотят нас, социал-демократов, привлечь к совместной работе!»

Не вверх надо смотреть, а вниз — говорили мы во время революции нашим оппортунистам, увлекавшимся неоднократно различными кадетскими перспективами. Бебель, имея перед собой Франков, говорил в своем заключительном слове в Магдебурге: «Массам непонятно, что есть социал-демократы, своим вотумом доверия поддерживающие правительство, которое массы всего охотнее совсем бы устранили. У меня часто получается впечатление, что часть наших вождей перестала понимать страдания и бедствия масс (*бурное одобрение*), что им чуждо положение масс». А «повсюду в Германии в массах накопился громадный запас озлобления».

«Мы переживаем — говорил в другом месте своей речи Бебель — такое время, когда особенно непозволительны гнилые компромиссы. Классовые противоречия не смягчаются, а обостряются. Мы идем навстречу очень, очень серьезным временам. Что будет после предстоящих выборов? Подождем и посмотрим. Если дойдет дело до того, что в 1912 году разразится европейская война, тогда вы увидите, что нам придется пережить, на каком посту придется нам стоять. Наверное, не на том, который заняли теперь баденцы».

В то время как одни успокаиваются самодовольно на том положении вещей, которое сделалось в Германии привычным, Бебель все внимание обращает сам и советует обратить партии на неизбежно предстоящую перемену. «До сих пор все, что мы пережили, это стычки на аванпостах, мелочи» — говорил Бебель в заключительном

слове. Главная борьба предстоит впереди. И с точки зрения этой главной борьбы вся тактика оппортунистов является верхом бесхарактерности и близорукости.

Говоря о грядущей борьбе, Бебель ограничивается намеками. Ни разу не говорит он прямо о том, что революция надвигается в Германии, хотя мысль его, несомненно, такова, — все указания на обострение противоречий, на трудность реформ в Пруссии, на безвыходное положение правительства и командующих классов, на рост озлобления в массах, на опасность европейской войны, на усиление экономического гнета в силу дороговизны жизни, объединения капиталистов в тресты и картели и т. д. и т. д., — все клонит явственно к тому, чтобы выяснить партии и массам неизбежность революционной борьбы.

Почему так осторожен Бебель, почему он ограничивается одними наводящими указаниями? Потому, что нарастающая революция в Германии встречает особую, своеобразную политическую ситуацию, которая не похожа на другие предреволюционные эпохи в других странах и которая требует поэтому от вождей пролетариата решения некоторой *новой* задачи. Главная особенность этой своеобразной предреволюционной ситуации состоит в том, что грядущая революция неизбежно должна быть несравненно более глубокой, более серьезной, втягивающей более широкие массы в более трудную, упорную, долгую борьбу, чем все предыдущие революции. А в то же время эта предреволюционная ситуация отличается наибольшим (по сравнению с прежним) господством *законности*, ставшей поперек дороги тем, кто ввел эту законность. Вот в чем своеобразие положения, вот в чем трудность и новизна задачи.

Ирония истории сделала то, что господствующие классы Германии, создавшие самое сильное во всей 2-ой половине XIX века государство, укрепившие условия наиболее быстрого капиталистического прогресса и условия самой прочной конституционной законности, самым явственным образом подходят теперь к положению, когда эту законность, *их* законность *приходится* сломать, *приходится* — во имя сохранения господства буржуазии.

Германская с.-д. рабочая партия в течение около полувека использовала буржуазную законность образцово,

создав наилучшие пролетарские организации, превосходную печать, подняв на самый высокий уровень (какой только возможен при капитализме) сознательность и сплоченность социалистического пролетарского авангарда.

Теперь близится время, когда эта полувековая полоса германской истории *должна*, в силу объективных причин *должна*, смениться иной полосой. Эпоха использования созданной буржуазией законности *сменяется* эпохой величайших революционных битв, причем битвы эти *по сути дела* будут разрушением *всей* буржуазной законности, *всего* буржуазного строя, а *по форме* должны начаться (и начинаются) растерянными потугами буржуазии избавиться от ею же созданной и для нее ставшей невыносимой законности! «Стреляйте первые, господа буржуа!» — в этих словах выразил в 1892 году Энгельс своеобразие положения и своеобразие тактических задач революционного пролетариата⁹⁸.

Социалистический пролетариат ни на минуту не забудет, что ему предстоит и предстоит неизбежно революционная массовая борьба, ломающая всю и всякую законность осужденного на смерть буржуазного общества. И в то же время у партии, великолепно использовавшей полувековую законность буржуазии *против* буржуазии, нет ни малейших оснований отказываться от тех удобств в борьбе, от того плюса в сражении, что *враг запутался* в своей собственной законности, что враг вынужден «стрелять первым», вынужден рвать свою собственную законность.

Вот в чем своеобразие предреволюционной ситуации в современной Германии. Вот почему так осторожен старый Бебель, все внимание направляющий на предстоящую великую борьбу, всю силу своего громадного таланта, своего опыта, своего авторитета обрушивающий против близоруких и бесхарактерных оппортунистов, которые этой борьбе не понимают, которые не годятся для нее в вожди, которым придется, вероятно, во время революции превратиться из *вождей* в *ведомых*, а то и в отбрасываемых прочь.

В Магдебурге с этими вождями спорили, их порицали, им ставили официальный ультиматум, как представителям всего того, что накопилось в великой революционной армии ненадежного, слабого, зараженного буржуазной

законностью, отупевшего от благоговейного преклонения перед этой законностью, перед всей ограниченностью одной из эпох рабовладения, т. е. одной из эпох буржуазного господства. Порицая оппортунистов, грозя им исключением, германский пролетариат тем самым порицал в своей могучей организации все элементы застоя, неуверенности, дряблости, неумения порвать с психологией умирающего буржуазного общества. Порицая плохих революционеров в своей среде, передовой класс сделал один из последних смотров своим силам перед вступлением на путь социальной революции.

* *
*

В то время, как внимание всех революционных с.-д. во всем мире было устремлено на то, как германские рабочие готовятся к борьбе, выбирают момент для нее, внимательно следят за врагом и *очищают* себя от слабостей оппортунизма, — оппортунисты всего мира злорадствовали по поводу разногласий Люксембург и Каутского насчет оценки данного момента, насчет того, *сейчас или еще не сейчас, сию минуту или в следующую минуту* наступает и наступит один из таких поворотных пунктов, которым было 9-ое января в русской революции. Оппортунисты злорадствовали, старались разжечь эти, не имеющие первостепенного значения, разногласия и на страницах «Социалистического Ежемесячника», и в «Голосе Социал-Демократа» (Мартынов), и в «Жизни», «Возрождении», и т. п. ликвидаторских органах, и в «Neue Zeit» (Мартов) *. Мизерность этих приемов оппортунистов всех стран запечатлена в Магдебурге, где разногласия среди революционных социал-демократов Германии не играли никакой заметной роли. Оппортунисты рано стали злорадствовать. Магдебургский съезд *принял* первую часть предложенной *Розой Люксембург* резолюции, в которой прямо указывается на массовую стачку, как средство борьбы.

«Социал-Демократ» № 18,
16 (29) ноября 1910 г.

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

* В «Neue Zeit» («Новое Время». Ред.) Мартову дана была решительная отповедь г. Карским.

О ДЕМОНСТРАЦИИ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ МУРОМЦЕВА

(ЗАМЕТКА)

«Эта Дума» — пишет кадетская «Речь» по поводу первого заседания четвертой сессии черносотенной Думы — «в сегодняшний день окончательно и бесповоротно отрезала себя от народных настроений и национального сознания». Говорится это, конечно, по поводу отказа черносотенцев и октябристов почтить память председателя I Думы, Муромцева.

Трудно было бы рельефнее, чем в приведенной фразе, выразить всю фальшь той точки зрения, на которой стоят наши либералы по отношению к борьбе за свободу вообще и к демонстрации по поводу кончины Муромцева, в частности.

Нет сомнения, что демонстрация против царского правительства, против самодержавия, против черносотенной Думы была необходима по поводу смерти Муромцева, что демонстрация состоялась, что участвовали в ней самые различные и самые широкие слои населения, самые различные партии от социал-демократии до кадетов, «прогрессистов» и польских октябристов (польского коло⁹⁹), включительно. И точно так же нет сомнения, что оценка этой демонстрации кадетами в сотый и тысячный раз показывает, насколько чужды они демократии, насколько *гибельно* для дела демократии в России ведение этого дела или хотя бы руководящее участие в этом деле наших кадетов.

Все демократы и все либералы участвовали и должны были участвовать в демонстрации по поводу смерти Муромцева, ибо в потемках режима черной Думы такая демонстрация дала возможность открытого и сравнительно

широкого выражения *протеста* против самодержавия. Самодержавие царя вело отчаянную борьбу против введения представительных учреждений в России. Самодержавие подделывало и искажало созыв первого парламента в России, когда пролетариат и революционное крестьянство вырвали у него массовой борьбой необходимость такого созыва. Самодержавие глумилось и надругалось над демократией, над народом, *поскольку* голос народа, голос демократии раздавался в I Думе. Самодержавие преследует теперь даже воспоминание об этом слабом выражении требований демократии в I Думе (выражение этих требований было гораздо слабее, беднее, ужс, менее жизненно во время I Думы и с ее трибуны, чем осенью 1905 года с трибун, которые создала себе волна открытой массовой борьбы).

Вот почему демократия и либерализм могли и должны были сойтись на демонстрации протеста против самодержавия по всякому поводу, напоминавшему массам о революции. Но, сойдясь на общей демонстрации, они *не могли* не выразить *своего* отношения и к оценке задач демократии вообще и к истории I Думы, в частности. А первый же приступ к такой оценке показал невыносимое убожество, политическое бессилие и политическое слабоумие нашего буржуазного либерализма.

Подумайте только: черная Дума «сегодня», 15 октября 1910 года, «окончательно и бесповоротно отрезала себя» от народа! Значит, она не была до сих пор отрезана от него бесповоротно. Значит, участие в чествовании памяти Муромцева устраняло, способно было устранить «отрезанность» от «народных настроений», то есть отрезанность от демократии тех или иных из наших контрреволюционеров. Поймите же, господа, претендующие на высокое звание демократов, что вы сами, больше чем кто бы то ни было, принимаете значение демонстрации, опошляете ее, когда ставите вопрос таким образом. «При самой высокой морально-политической оценке III Думы — пишет «Речь» — казалось нелепым думать, что она способна будет отклонить от себя этот элементарный долг почтить с трибуны имя того, кто с таким достоинством и блеском открыл ее (II) и освятил». Услужили, нечего сказать: Муромцев открыл и освятил «ее», III Думу! Нечаянно кадеты сказали этими словами ту горькую правду, что

измена русского либерализма и русской буржуазии революционной борьбе и восстанию конца 1905-го года «открыла и освятила» эпоху контрреволюции вообще и III Думы в особенности. «Полагали, — пишет «Речь», — что кучка политических скандалистов не в состоянии будет заглушить голос приличия и такта в большинстве Думы». Вот как! вопрос шел и идет о «приличии и такте», а не о протесте против самодержавия. Вопрос ставится не так, что демократия *отрезывается* от контрреволюции, а так, что либерализм *объединяется* с контрреволюцией. Либерализм становится на почву контрреволюции, приглашая ее представителей, октябристов, участвовать в чествовании памяти Муромцева не для выражения протеста против самодержавия, а для выполнения «приличия и такта». Муромцев «открыл и освятил» (бывают же такие поганые слова!) первый, царем созданный, якобы-парламент; вы, господа октябристы, сидите в третьем, царем созданном, якобы-парламенте, — не будет ли «неприлично и бестактно» отказаться выполнить «элементарный долг». Как великолепно отражает этот совсем маленький пример, это одно только рассуждение кадетского официального органа всю идейную и политическую гнилость нашего либерализма. Его линия — *уговаривать* самодержавие, черносотенных помещиков и их союзников, октябристов, а не развивать *демократическое* сознание масс. Его удел поэтому — неизбежный и неотвратимый удел псдобного буржуазного либерализма во всякой буржуазно-демократической революции — вечно оставаться рабом монархии и феодалов, вечно получать от них пинки сапогом.

Если бы у кадетских депутатов была хоть капля понимания задач демократии, они и в III Думе позаботились бы не о выполнении *октябристами* «элементарного долга», а о демонстрации перед *народом*. Не заявление председателю нужно было для этого подать (оглашение такого заявления, по § 120 наказа, зависит от усмотрения председателя), а добиться тем или иным путем постановки вопроса на обсуждение.

Если бы у кадетских писателей была хоть капля понимания задач демократии, они не упрекали бы октябристов в бестактности, а разъяснили бы, что поведение III Думы как раз и подчеркивает значение демонстрации по поводу

смерти Муромцева, как раз и поднимает вопрос с *обывательно-мещанской* болтовни о «приличии и такте» на высоту *политической* оценки современного режима и роли различных партий.

Но демонстрация по поводу смерти Муромцева не могла не поднять также другого вопроса, именно вопроса об историческом значении I Думы. Нечего и говорить, что кадеты, имевшие в ней большинство и упоенные в то время надеждой на кадетское министерство, на «мирный» переход к свободе, на укрепление своей гегемонии среди демократии, превозносят Муромцева, как «национального героя». Трудовики, в лице г. Жилкина, опустились до того, что, присоединяясь к этому либеральному хору, прямо чествовали Муромцева, как политического «воспитателя» левых партий.

Подобная оценка I Думы кадетами и трудовиками имеет то важное значение, что показывает крайне низкий уровень политического сознания в русском «обществе». «Общество», восхищающееся политической ролью кадетов в I Думе, не в праве жаловаться на Столыпина и III Думу: оно имеет как раз такое правительство, которого заслуживает. Гегемония либерализма в русском освободительном движении неминуемо означает его слабость и неустранимость господства диких помещиков. Только отстранение либерализма пролетариатом и пролетарская гегемония *давали* победы революции и *способны* дать их еще.

Эпоха I Думы была таким периодом, когда побежденный в декабре пролетариат собирал силы для нового натиска. Революционная стачка, ослабевшая после декабря, снова могуче подняла голову; за рабочими потянулись крестьяне (крестьянские волнения охватили весной 1906 г. 46% уездов Европейской России); усилились солдатские «бунты». Перед либеральной буржуазией стояла дилемма: помочь новому *революционному* натиску масс, и тогда победа над царизмом была возможна, — или отвернуться от революции и тем облегчить победу царизму. Новый подъем массовой борьбы, новые колебания буржуазии, нерешительность и выжидание царизма — вот в чем *суть* перводумской эпохи, вот в чем *классовая основа* этой полосы в русской истории.

Кадеты, как главенствующая партия в I Думе, и Муромцев, как один из главарей этой партии, проявили полное

непонимание политического положения и совершили новое предательство демократии. Они отвернулись от революции, осуждали массовую борьбу, ставили ей всевозможные препятствия и старались использовать нерешительность царизма, пугая его революцией и требуя сделки (= кадетское министерство) *от имени* революции. Понятно, что такая тактика была по отношению к демократии *изменой*, по отношению к царизму — бессильным якобы «конституционным» бахвальством. Понятно, что царизм только выигрывал время для сосредоточения своих сил, «играя» в переговоры с кадетами и *готовя* разгон Думы и государственный переворот. Пролетариат и часть крестьянства поднялись на новую борьбу весной 1906 г., — их вина или их беда состояла в том, что они боролись не достаточно решительно и не в достаточном числе. Либералы весной 1906 г. упивались игрой в конституцию и переговорами с Треповым, осуждая тех, мешая делу тех, кто одип только мог *слоमित* Треповых.

Фарисеи буржуазии любят изречение: *de mortuis aut bene aut nihil* (о мертвых либо молчать, либо говорить хорошее). Пролетариату нужна *правда* и о живых политических деятелях и о мертвых; ибо те, кто действительно заслуживает имя политического деятеля, не умирают для политики, когда наступает их физическая смерть. Говорить условную ложь о Муромцеве — значит вредить делу пролетариата и делу демократии, развращать сознание масс. Говорить горькую правду про кадетов и про тех, кто давал себя вести (и проводить) кадетам, — значит чувствовать *великое* в первой русской революции, значит помогать успеху второй.

«Социал-Демократ» № 18,
16 (29) ноября 1910 г.
Подпись: В. Л е н и н

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

НЕ НАЧАЛО ЛИ ПОВОРОТА?

Настоящий номер был уже сверстан, когда мы получили петербургские и московские газеты от 12 ноября. Как ни недостаточны сведения легальной печати, но из них вытекает все же несомненно, что в целом ряде городов произошли студенческие сходки, манифестации, уличные шествия с протестом против смертной казни, с речами против правительства. Петербургская демонстрация 11 ноября, даже по сведениям держащих себя совершенно по-октябристски «Русских Ведомостей»¹⁰⁰, собрала *не менее 10 000 человек* на Невском. Та же газета сообщает, что на Петербургской стороне «у Народного дома к шествию присоединилось много рабочих. У Тучкова моста шествие остановилось. Полицейский отряд никак не мог остановить шествие, и толпа прошла с пением и флагами на Большой проспект Васильевского острова. Только у университета полиции удалось рассеять толпу».

Полиция и войска вели себя, разумеется, истинно-русски.

Откладывая до следующего номера оценку этого несомненного демократического подъема, мы не можем не сказать здесь нескольких слов об отношении разных партий к демонстрации. «Русские Ведомости», поместившие 11-го ложное известие, что демонстрация отменена; сообщают 12-го, будто с.-д. не приняли никакого постановления, а отдельные депутаты из них даже высказывали свое отрицательное отношение, и лишь одни трудовики в принятой резолюции сочли невозможным препятствовать демонстрации. Мы не сомневаемся, что это позорящее наших с.-д. депутатов сообщение ложно; вероятно, оно так же злобно выдуманно «Русскими Ведомостями», как и их вчерашнее сообщение об отмене демонстрации. «Голос Москвы»¹⁰¹ сообщает 12-го, что, «за исключением

с.-д., депутаты всех партий относятся отрицательно к выступлению студенчества на улицах.

Ясно, что кадетские и октябристские органы сугубо «уклоняются от истины», будучи запуганы совершенно нелепыми, смешными криками правых о том, что «пружины, готовящие демонстрацию, нажимаются из Таврического дворца».

А что кадеты вели себя недостойно, это — факт. «Речь» поместила 11-го, в день демонстрации, воззвание депутатов к.-д., приглашающее не устраивать демонстрации. Мотивировка и в этом воззвании и в передовице «Речи» поистине подлая: «не омрачать» скорбных дней! «устраивать манифестации, соединять их с памятью Толстого» — значит обнаруживать «отсутствие искренней любовности к священной памяти»! и т. д. в чисто-октябристском духе (сравните передовицу от 11-го в «Голосе Москвы» с почти буквально тождественными фразами).

К счастью, подлая подножка, подставленная демократии кадетами, не удалась. Демонстрация все же состоялась. И если полицейская «Россия» продолжает винить во всем кадетов, ухитряясь даже в их воззвании видеть «разжигание», то в Думе, по словам «Голоса Москвы», и октябристы и крайние правые (Шульгин) оценили *заслугу* кадетов, признали их «противниками демонстрации».

Кого весь ход русской революции не научил тому, что дело освободительного движения в России *безнадежно*, пока им руководят кадеты, пока он не умеет оберечь себя от измен кадетов, тот пусть учится снова и снова на фактах современной политики, на истории демонстрации 11-го ноября.

Первое же начало демократического подъема — начало кадетских гнусностей.

Отметим еще сообщение «Голоса Москвы», что рабочие предложили будто бы студентам устроить грандиозную демонстрацию 14-го. Доля правды тут, наверное, есть, ибо сегодня (15 (28) ноября) парижские газеты сообщают об аресте в С.-Петербурге 13-ти членов бюро профессиональных союзов за *попытку* организовать рабочую манифестацию.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

Умер Лев Толстой. Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции.

Л. Н. Толстой выступил, как великий художник, еще при крепостном праве. В ряде гениальных произведений, которые он дал в течение своей более чем полувекковой литературной деятельности, он рисовал преимущественно старую, дореволюционную Россию, оставшуюся и после 1861 года в полукрепостничестве, Россию деревенскую, Россию помещика и крестьянина. Рисуя эту полосу в исторической жизни России, Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества.

Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием *всех*, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот.

И Толстой не только дал художественные произведения, которые всегда будут ценны и читаемы массами, когда они создадут себе человеческие условия жизни, свергнув иго помещиков и капиталистов, — он сумел с замечательной

силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования. Принадлежа, главным образом, к эпохе 1861—1904 годов, Толстой поразительно рельефно воплотил в своих произведениях — и как художник, и как мыслитель и проповедник — черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость.

Одна из главных отличительных черт нашей революции состоит в том, что это была *крестьянская* буржуазная революция в эпоху очень высокого развития капитализма во всем мире и сравнительно высокого в России. Это была буржуазная революция, ибо ее непосредственной задачей было свержение царского самодержавия, царской монархии и разрушение помещичьего землевладения, а не свержение господства буржуазии. В особенности крестьянство не сознавало этой последней задачи, не сознавало ее отличия от более близких и непосредственных задач борьбы. И это была крестьянская буржуазная революция, ибо объективные условия выдвинули на первую очередь вопрос об изменении коренных условий жизни крестьянства, о ломке старого средневекового землевладения, о «расчистке земли» для капитализма, объективные условия выдвинули на арену более или менее самостоятельного исторического действия крестьянские массы.

В произведениях Толстого выразились и сила и слабость, и мощь и ограниченность именно крестьянского массового движения. Его горячий, страстный, нередко беспощадно-резкий протест против государства и полицейски-казенной церкви передает настроение примитивной крестьянской демократии, в которой века крепостного права, чиновничьего произвола и грабежа, церковного иезуитизма, обмана и мошенничества накопили горы злобы и ненависти. Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы в такой исторический момент, когда старое средневековое землевладение, и помещичье и казенно-«надельное», стало окончательно нестерпимой помехой дальнейшему развитию страны и когда это старое землевладение неизбежно подлежало самому крутому, беспощадному разрушению. Его непрестанное, полное самого глубокого чувства и самого пылкого возмущения, обличение капитализма передает

весь ужас патриархального крестьянина, на которого стал надвигаться новый, невидимый, непонятный враг, идущий откуда-то из города или откуда-то из-за границы, разрушающий все «устой» деревенского быта, несущий с собою невиданное разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис — все бедствия «эпохи первоначального накопления», обостренные во сто крат перенесением на русскую почву самоновейших приемов грабежа, выработанных господином Купоном¹⁰².

Но горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю. Борьба с крепостническим и полицейским государством, с монархией превращалась у него в отрицание политики, приводила к учению о «непротивлении злу», привела к полному отстранению от революционной борьбы масс 1905—1907 гг. Борьба с казенной церковью совмещалась с проповедью новой, очищенной религии, то есть нового, очищенного, уточненного яда для угнетенных масс. Отрицание частной поземельной собственности вело не к сосредоточению всей борьбы на действительном враге, на помещичьем землевладении и его политическом орудии власти, т. е. монархии, а к мечтательным, расплывчатым, бессильным воздыханиям. Обличение капитализма и бедствий, причиняемых им массам, совмещалось с совершенно апатичным отношением к той всемирной освободительной борьбе, которую ведет международный социалистический пролетариат.

Противоречия во взглядах Толстого — не противоречия его только личной мысли, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в пореформенную, но дореволюционную эпоху.

И поэтому правильная оценка Толстого возможна только с точки зрения того класса, который своей политической ролью и своей борьбой во время первой развязки этих противоречий, во время революции, доказал свое призвание быть вождем в борьбе за свободу народа и за

освобождение масс от эксплуатации, — доказал свою беззаветную преданность делу демократии и свою способность борьбы с ограниченностью и непоследовательностью буржуазной (в том числе и крестьянской) демократии, — возможна только с точки зрения социал-демократического пролетариата.

Посмотрите на оценку Толстого в правительственных газетах. Они льют крокодиловы слезы, уверяя в своем уважении к «великому писателю» и в то же время защищая «святейший» синод. А святейшие отцы только что проделали особенно гнусную мерзость, подсылая попов к умирающему, чтобы надуть народ и сказать, что Толстой «раскаялся». Святейший синод отлучил Толстого от церкви. Тем лучше. Этот подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, жандармами во Христе, с темными инквизиторами, которые поддерживали еврейские погромы и прочие подвиги черносотенной царской шайки.

Посмотрите на оценку Толстого либеральными газетами. Они отделяются теми пустыми, казенно-либеральными, избито-профессорскими фразами о «голосе цивилизованного человечества», о «единодушном отклике мира», об «идеях правды, добра» и т. д., за которые так бичевал Толстой — и справедливо бичевал — буржуазную науку. Они *не могут* высказать прямо и ясно своей оценки взглядов Толстого на государство, на церковь, на частную земельную собственность, на капитализм, — не потому, что мешает цензура; наоборот, цензура помогает им выйти из затруднения! — а потому, что каждое положение в критике Толстого есть пощечина буржуазному либерализму; — потому, что одна уже безбоязненная, открытая, беспощадно-резкая *постановка* Толстым самых больных, самых проклятых вопросов нашего времени *бьет в лицо* шаблонным фразам, избитым вывертам, уклончивой, «цивилизованной» лжи нашей либеральной (и либерально-народнической) публицистики. Либералы горой за Толстого, горой против синода — и, вместе с тем, они за... веховцев, с которыми «можно спорить», но с которыми «надо» ужиться в одной партии, «надо» работать вместе в литературе и в политике. А веховцев лобызает Антоний Волинский.

Либералы выдвигают на первый план, что Толстой — «великая совесть». Разве это не пустая фраза, которую

повторяют на тысячи ладов и «Новое Время» и все ему подобные? Разве это не обход тех *конкретных* вопросов демократии и социализма, которые Толстым *поставлены*? Разве это не выдвигает на первый план того, что выражает предрассудок Толстого, а не его разум, что принадлежит в нем прошлому, а не будущему, его отрицанию политики и его проповеди нравственного самоусовершенствования, а не его бурному протесту против всякого классового господства?

Умер Толстой, и отошла в прошлое дореволюционная Россия, слабость и бессилие которой выразились в философии, обрисованы в произведениях гениального художника. Но в его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему. Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат. Он разъяснит массам трудящихся и эксплуатируемых значение толстовской критики государства, церкви, частной поземельной собственности — не для того, чтобы массы ограничивались самоусовершенствованием и вздыханием о божецкой жизни, а для того, чтобы они поднялись для нанесения нового удара царской монархии и помещичьему землевладению, которые в 1905 году были только слегка надломаны и которые надо уничтожить. Он разъяснит массам толстовскую критику капитализма — не для того, чтобы массы ограничились проклятиями по адресу капитала и власти денег, а для того, чтобы они научились опираться на каждом шагу своей жизни и своей борьбы на технические и социальные завсезания капитализма, научились спланировать в единую миллионную армию социалистических борцов, которые свергнут капитализм и создадут новое общество без нищеты народа, без эксплуатации человека человеком.

ТОВАРИЩАМ — СЛУШАТЕЛЯМ ШКОЛЫ В БОЛОНЬЕ ¹⁰³

Уважаемые товарищи!

На ваше предложение взять на себя чтение лекций в Болонье я не могу согласиться по причинам, во-первых, принципиальным, а во-вторых, по невозможности для меня съездить в Болонью.

И направление, и приемы деятельности той группы, которая устроила школу на Капри и в Болонье, я считаю вредными для партии и несоциал-демократическими.

«Платформа», которую выпустили организаторы каприйской школы и часть (правда, меньшая часть) их учеников, состоит из защиты отступлений от марксизма как в философии, так и в политике, в определении тактических задач нашей партии. Кроме того, устройство школы в Болонье противоречит и этой «платформе» и требованиям партийности, ибо организаторы действуют раскольнически, не только не помогая (ни деньгами, которые у них имеются, ни личным трудом) школьной комиссии, назначенной пленумом ЦК в январе 1910 г., но прямо срывая все начинания этой комиссии.

Понятно, поэтому, что никакого участия в предприятиях этой антипартийной и разрывающей с социал-демократизмом группы я принимать не могу.

Но, разумеется, *слушателям* школы в Болонье я с величайшим удовольствием, независимо от их взглядов и симпатий, готов прочесть ряд лекций и по вопросу о тактике, и о положении партии, и об аграрном вопросе. Для этого позволю себе пригласить товарищей слушателей на обратном пути в Париж, где было бы возможно организовать целый ряд лекций. Деньги на поездку можно найти таким образом: 1) Организаторы каприйской школы взяли в долг

у большевиков 500 франков. Теперь они имеют деньги и, вероятно, возвратят долг партии, т. е. Заграничному бюро ЦК. Я, с своей стороны, готов добиваться ассигнования этих денег на поездку из Болоньи в Париж, и думаю, что большевик, делегированный нами в Заграничное бюро ЦК, всячески будет содействовать этому. 2) Если 500 франков мало (я не знаю, сколько слушателей в Болонье и сколько могли бы ехать), то есть еще 1 500 фр., ассигнованных пленумом ЦК для школьной комиссии, с которой порвали дело организаторы школы в Болонье. Я думаю, что можно бы добиться ассигнования этой суммы на курс лекций в Париже для слушателей, которые желали бы приехать из Болоньи.

Париж достаточно велик, чтобы устроиться в нем вполне конспиративно (есть кварталы, где русских совсем нет), а кроме того можно устроиться в окрестностях Парижа.

Закончу выражением благодарности слушателям школы в Болонье за их товарищеское приглашение и выражением надежды на то, что будет принято мое предложение о поездке в Париж.

С товарищеским приветом *Н. Ленин*

Написано 20 ноября (3 декабря)
1910 г.

Впервые напечатано в 1911 г.
в «Отчете второй высшей социал-
демократической пропагандистско-
агитаторской школы для рабочих».
Издание группы «Вперед»

Печатается по копии,
написанной рукой Н. К. Крупской

Л. Н. ТОЛСТОЙ И СОВРЕМЕННОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ¹³⁴

Русские рабочие почти во всех больших городах России уже откликнулись по поводу смерти Л. Н. Толстого и выразили, так или иначе, свое отношение к писателю, который дал ряд самых замечательных художественных произведений, ставящих его в число великих писателей всего мира, — к мыслителю, который с громадной силой, уверенностью, искренностью *поставил* целый ряд вопросов, касающихся основных черт современного политического и общественного устройства. В общем и целом это отношение выражено в напечатанной в газетах телеграмме, посланной рабочими депутатами III Думы¹⁰⁵.

Л. Толстой начал свою литературную деятельность при существовании крепостного права, но уже в такое время, когда оно явно доживало последние дни. Главная деятельность Толстого падает на тот период русской истории, который лежит между двумя поворотными пунктами ее, между 1861 и 1905 годами. В течение этого периода следы крепостного права, прямые переживания его насквозь проникали собой всю хозяйственную (особенно деревенскую) и всю политическую жизнь страны. И в то же время именно этот период был периодом усиленного роста капитализма снизу и насаждения его сверху.

В чем сказывались переживания крепостного права? Больше всего и яснее всего в том, что в России, стране по преимуществу земледельческой, земледелие было за это время в руках разоренных, обнищавших крестьян, которые вели устарелое, первобытное хозяйство на старых крепостных наделах, урезанных в пользу помещиков в 1861 году. А, с другой стороны, земледелие было в руках

помещиков, которые в центральной России обрабатывали земли трудом крестьян, крестьянской сохой, крестьянской лошадейю за «отрезные земли», за покосы, за водопой и т. д. В сущности, это — старая крепостническая система хозяйства. Политический строй России за это время был тоже насквозь пропитан крепостничеством. Это видно и по государственному устройству до первых приступов к изменению его в 1905 году, и по преобладающему влиянию дворян-землевладельцев на государственные дела, и по всевластию чиновников, которые тоже были главным образом — особенно высшие — из дворян-землевладельцев.

Эта старая патриархальная Россия после 1861 года стала быстро разрушаться под влиянием мирового капитализма. Крестьяне голодали, вымирали, разорялись, как никогда прежде, и бежали в города, забрасывая землю. Усиленно строились железные дороги, фабрики и заводы, благодарн «дешевому труду» разоренных крестьян. В России развивался крупный финансовый капитал, крупная торговля и промышленность.

Вот эта быстрая, тяжелая, острая ломка всех старых «устоев» старой России и отразилась в произведениях Толстого-художника, в воззрениях Толстого-мыслителя.

Толстой знал превосходно деревенскую Россию, быт помещика и крестьянина. Он дал в своих художественных произведениях такие изображения этого быта, которые принадлежат к лучшим произведениям мировой литературы. Острая ломка всех «старых устоев» деревенской России обострила его внимание, углубила его интерес к происходящему вокруг него, привела к перелому всего его мирозерцания. По рождению и воспитанию Толстой принадлежал к высшей помещичьей знати в России, — он порвал со всеми привычными взглядами этой среды и, в своих последних произведениях, обрушился с страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии, которые сверху донизу пропитывают всю современную жизнь.

Критика Толстого не нова. Он не сказал ничего такого, что не было бы задолго до него сказано и в европейской и в

русской литературе теми, кто стоял на стороне трудящихся. Но своеобразие критики Толстого и ее историческое значение состоит в том, что она с такой силой, которая свойственна только гениальным художникам, выражает ломку взглядов самых широких народных масс в России указанного периода и именно деревенской, крестьянской России. Ибо критика современных порядков у Толстого отличается от критики тех же порядков у представителей современного рабочего движения именно тем, что Толстой стоит на точке зрения патриархального, наивного крестьянина, Толстой переносит его психологию в свою критику, в свое учение. Критика Толстого потому отличается такой силой чувства, такой страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием в стремлении «дойти до корня», найти настоящую причину бедствий масс, что эта критика действительно отражает перелом во взглядах миллионов крестьян, которые только что вышли на свободу из крепостного права и увидели, что эта свобода означает новые ужасы разорения, голодной смерти, бездомной жизни среди городских «хитровцев» и т. д. Толстой отражает их настроение так верно, что сам в свое учение вносит их наивность, их отчуждение от политики, их мистицизм, желание уйти от мира, «непротивление злу», бессильные проклятья по адресу капитализма и «власти денег». Протест миллионов крестьян и их отчаяние — вот что слилось в учении Толстого.

Представители современного рабочего движения находят, что протестовать им есть против чего, но отчаиваться не в чем. Отчаяние свойственно тем классам, которые гибнут, а класс наемных рабочих неизбежно растет, развивается и крепнет во всяком капиталистическом обществе, в том числе и в России. Отчаяние свойственно тем, кто не понимает причин зла, не видит выхода, не способен бороться. Современный промышленный пролетариат к числу таких классов не принадлежит.

«Наш Путь» № 7,
28 ноября 1910 г.
Подпись: В. И — ин

Печатается по тексту
газеты «Наш Путь»

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО КО ВСЕМ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАМ ПАРТИЙЦАМ

На январском пленуме ЦК 1910 года мы, как представители большевистской фракции, распустили нашу фракцию и передали принадлежащие ей суммы денег и другое имущество трем известным деятелям международной социал-демократии. Передача эта, равно как и распущение фракции, были шагами *условными*. На каких условиях мы сделали эти шаги, известно из нашего заявления на том же пленуме, заявления, пленумом принятого и опубликованного в первом же номере (№ 11) Центрального Органа, вышедшем после пленума.

Говоря коротко, эти условия сводились к тому, чтобы другие фракции (и в первую голову фракция *голосовцев*, т. е. меньшевиков, издающих и поддерживающих «Голос Социал-Демократа») выполнили *лояльно*, т. е. честно и до конца свой долг, именно (1) борьбу с ликвидаторством и отзовизмом, которые признаны в единогласно принятой резолюции пленума проявлением буржуазного влияния на пролетариат, и (2) распущение своих фракций.

В настоящее время, после *годового* опыта, годового выжидания, мы вполне и окончательно убедились в том, что *ни то ни другое* условие *не выполнены* ни голосовцами ни впередовцами.

Результатом такого убеждения, с нашей стороны, явился, во-1-х, выпуск «Рабочей Газеты», является, во-2-х, заявление о возврате денег и имущества, заявление, поданное нами в ЦК на днях, 5 декабря 1910 года.

После этой заявки дело стоит формально и по существу таким образом. Мы *условно* отдали все имущество и все свои силы на поддержку антиликвидаторской и

антиотзовистской работы над восстановлением партии и ее полного единства. Нарушение голосовцами и впередовцами принятых ими условий разрушает наш договор. Расторгая этот нарушенный ликвидаторами и отзовистами договор, мы будем работать *попрежнему* над восстановлением партии и ее полного единства, над проведением антиликвидаторской и антиотзовистской линии, но эту работу мы должны вести *не с теми* союзниками, которые на пленуме были допущены (из доверия к их обещаниям) к участию в партийных центрах. Так как, по общему признанию и по неоднократным заявлениям делегатов национальных организаций, на пленуме и на других партийных собраниях, конференциях и т. д., именно наша, большевистская, фракция рассматривалась всегда, как *наиболее ответственная* за положение дел в партии, то мы считаем своим долгом открыто изложить наши взгляды на положение дел в партии и на значение сделанных нами шагов.

Январский пленум 1910 года имел очень крупное значение в истории нашей партии. Он окончательно определил *тактическую линию* партии для эпохи контрреволюции, постановив *в развитие* декабрьских резолюций 1908-го года, что и ликвидаторство и отзовизм суть проявления влияния буржуазии на пролетариат. Пленум поставил, далее, вопрос об уничтожении фракций в нашей партии, — т. е. о необходимости создания *действительного* единства рабочей социал-демократической партии, — *в связь* с определением идейно-политических задач партии в данный исторический период.

Эти два дела, сделанные пленумом в январе 1910 года, имеют, по нашему убеждению, *историческое* значение, и их результаты гораздо важнее, гораздо жизненнее, гораздо прочнее, чем кажется поверхностному наблюдателю.

Но эти результаты страшно испорчены напутанной около них *фразой*. Нет ничего столь враждебного духу социал-демократии и столь вредного, как *фраза*. А фраза «примиренческая» не менее вредна и не менее сбивает с толку людей, чем фраза отзовистская и ликвидаторская. Эта «примиренческая» фраза засоряет *суть* дела, ставит

воздыхания и благопожелания на место учета реальных тенденций и реального соотношения сил в партии, вредит *сближению* тех, кого можно и должно сблизить, попытками *играть в объединение* с теми, кто не хочет сейчас и не может сейчас объединиться.

В течение года, прошедшего после январского пленума, эта фраза исчерпала себя и показала свои плоды. Если партия *научится* теперь, на горьком опыте героев «примиренческой» фразы научиться тому, как *не* следует браться за дело «примирения» и уничтожения фракций, то протекший после пленума год окажется не потерянным втуне.

Фраза сводилась к тому, что достаточно собрать «обещания» об уничтожении фракций, достаточно скомпановать центральные учреждения из самых разнокалиберных элементов, достаточно «уравновесить» противоположные элементы, — и к уничтожению фракций будет сделан серьезный шаг.

Годовой опыт показал и не мог не показать, что метод сторонников *фразы* потерпел полное крушение. На «обещаниях» ничего построить нельзя, на соединении разнородных и несоединимых элементов базировать что-либо смешно. Все, что было *на фразе* построено в решениях и мерах пленума, все это на другой же день оказалось мыльным пузырем. И решения и резолюции и искусственно скомпанованные учреждения оказались *на деле* мертвыми буквами, мертвыми учреждениями. А то, что было *реального* в делах пленума, то развилось, укрепилось, показало себя на работе, нашло себе новые формы существования *вне резолюций, помимо них*.

Трудно себе представить какой-либо более наглядный и более назидательный урок, чем этот урок событий, *имевших* место в течение года после пленума, урок, преподанный людям, увлекавшимся фразой, пустыми благопожеланиями, игрой в распределение местечек в учреждениях и т. п.

Что же было реального в делах пленума? Реально было указание *связи* между идейно-политическим *содержанием* партийной работы и уничтожением фракций. Реально было *сближение* тех фракций или течений, которые сходились не на дешевой примиренческой фразе, не на обещаниях и посулах, не на игре в распределение местечек в центрах, а *на работе, сходились в понимании*

идейно-политических задач момента, сходились *на деле* в постановке этих задач, в решении их.

Пока об уничтожении фракций говорились вслереечивые и дешевые фразы людьми, не понимавшими ни объективного источника разногласий, ни *фактической* обстановки, обеспечивавшей *на деле* независимость от партии известным литературским группам (вроде группы г. Потресова и К^о или группы махистских и отзовистских литераторов), до тех пор фразы оставались пустыми, бессильными фразами. А с тех пор, как в двух основных и главных фракциях, наложивших свой отпечаток на *всю* историю рабочего движения во время революции и даже более того: на *всю* историю революции в России, стало нарастать, в силу изменения объективных условий, сближение *на работе*, сближение в *понимании* этих объективных условий, — никакие усилия интриганов, желающих подорвать это сближение или вызвать недоверие к нему, не смогут остановить начавшегося процесса.

Фактическое положение дел в партии, создавшееся после пленума, выяснилось за истекший год с полной ясностью. Факт — то, что голосовцы и впередовцы *подписали* резолюции о борьбе с ликвидаторством и отзовизмом, на деле же *всю* свою пропаганду и агитацию, *всю* свою практическую работу вели и ведут именно в смысле поддержки и защиты ликвидаторства и отзовизма.

Этот факт показывает тем, кто имеет глаза, чтобы видеть, насколько несостоятельна политика, удовлетворяющаяся бумажными резолюциями, насколько вредна фраза, расходящаяся с делом.

Далее. Факт тот, что ни голосовцы ни впередовцы *ни на минуту* не прекращали своей фракционной самостоятельности. Обе фракции существуют попрежнему в полной фактической *независимости* от партии, имея свои кассы, свои органы, свои агентуры. У отзовистов формой их фракционной организации является заграничная так называемая «школа» (на деле это — учреждение для систематического подбора агентуры и планомерного ведения организационной работы помимо партии и против партии). «Школа» дополняется отдельным издательством и транспортом. У голосовцев фракционная организация

более *lose* (более «свободная», менее оформленная), причем главную роль играют абсолютно независимые от партии группа г. Потресова и К^о, группа 16-ти, группа Михаила, Романа и Юрия с К^о. Голосовцы принимают деятельнейшее участие в этих группах, ведя против партии всю пропагандистско-агитационную и организационную работу и в то же время не отказываясь от участия в партийных центрах для систематического подрыва их значения и разложения их изнутри.

Всякий партийный социал-демократ не может не видеть, к чему приводит такое положение дел.

В области литературы — годичный опыт показал, что ЦО ведется *на деле* большевиками *плюс* плехановцы *против* заседающих в редакции голосовцев. Жизнь обошла рамки, созданные примиренческой фразой: «примиренцы» по обещанию, «примиренцы» по должности, «примиренцы» по поручению ликвидаторских центров оказались *сплошной помехой работе*. Плеханов же и его единомышленники, никаких обещаний на пленуме не дававшие, никаких должностей не принимавшие, оказались *на деле проводниками* партийной линии.

Вопиющее противоречие между формой и сущностью, между фразой и делом, между явно лицемерным существованием якобы партийной коллегии (редакции ЦО) и фактической работой в ЦО помимо этой коллегии вносит величайшее разложение в партийную жизнь. Чтобы прекратить это разложение, это низведение формально партийных учреждений до роли, вызывающей заслуженные насмешки и ликование врагов партии, надо порвать с лицемерием и открыто сказать, что есть, открыто признать ведение партийной работы *двумя* фракциями.

В области заграничного объединения не сделано за год абсолютно ничего. Группы остаются расколоты везде, где они были расколоты и раньше. Группы меньшевиков-ликвидаторов открыто превратились в группы поддержки «Голоса». Сближение наметилось и началось *на деле* исключительно между большевиками и плехановцами. Заграничное бюро Центрального Комитета в качестве объединителя заграничной работы социал-демократов превратилось в посмешище, над которым законно издеваются и впередовцы и голосовцы, с удовольствием наблюдая, как партийный центр играет роль коллегии по делам

провокационным и по ведению никому не нужной бумажной волокиты.

В области наиболее важной, именно в работе организационной на местах в России за год не сделано абсолютно ничего в пользу партии. ЦК, который должен был *пригласить* Михайлов, Романов и Юриев на основании «обещаний», данных пленуму, усердно занимался этой благодарной и достойной революционера работой приглашения в партию тех, кто смеется над ней и продолжает вредить ей, но *за год* так и не успел никого «пригласить». А в это время антипартийные фракции *усилили* свои организации против партии: усилилась агентура и развилась фракция впередовцев, усилилась группа г. Потресова и другие ликвидаторские предприятия, продолжавшие вести проповедь против партии в ряде клубов, кооперативов и т. п., продолжавшие интриговать против партии у думской социал-демократической фракции. Роль ЦК, занимавшегося в это время «приглашением» ликвидаторов или *отпиской* по «склочным» делам голосовцев и впередовцев, есть роль прямо унижительная, и мы не должны позволить врагам партии сводить ЦК до этой роли.

Только люди, совершенно не имеющие способности думать или желающие заниматься мелкой интригой, могут еще *не видеть*, что продолжение такого состояния партийных центров *неминуемо* готовит торжество ликвидаторам и отзовистам, которые с удовольствием наблюдают, как ЦК запутался и продолжает путаться в примиренческой фразе, в *игре* на примирение с теми, кто не хочет мириться с партией.

Примиренческая фраза великолепно понята ликвидаторами и отзовистами и великолепно использована ими против партии. Герой этой фразы, Троцкий, стал вполне естественно героем и присяжным адвокатом ликвидаторов и отзовистов, с которыми он *ни в чем* не согласен теоретически и *во всем* согласен практически.

И ликвидаторы и впередовцы отлично усвоили себе, при благосклонной помощи этого адвоката, тактику: сколько угодно клясться и божаться, что они партийцы. Это повторяет «Голос» и платформа группы «Вперед», продолжая *на деле* разлагать партию и вести всю работу в антипартийном духе. Формальное и словесное «примиренчество» стало орудием ликвидаторов из «Голоса» и впередовцев.

Понятно, что играть эту роль одуроченных мы, как представители большевистского течения, не можем. Выждав целый год, сделав все возможное для разъяснения антипартийности впередовцев, голосовцев и Троцкого со страниц ЦО, мы *не можем брать на себя ответственности* перед партией за учреждения, которые заняты «приглашением» ликвидаторов и отпиской «по делам» впередовцев. Мы хотим не склоки, а работы.

Мы хотим совместной работы с теми, кто хочет работать и на деле доказал свою способность работать в партийном духе, т. е. в первую голову с партиями меньшевиками и действительно нефракционными социал-демократами. Мы не хотим отвечать за склоку с теми, кто совместно с партией работать не хочет, а хочет работать с г. Потресовым и с отзовистами.

Положение дел в России таково, что от заграничных организаций партии настоятельно требуется усиленная и дружная работа. Трехлетний период золотых дней контрреволюции (1908—1910 гг.), видимо, приходит к концу и сменяется периодом начинающегося подъема. И летние стачки текущего года и демонстрации по поводу смерти Толстого ясно указывают на это. Организационная работа партии в России ослаблена до последней крайности, и этой слабостью пользуются самым беззастенчивым образом впередовцы и голосовцы, развивая свою антипартийную работу при помощи русских и заграничных фракционных центров.

При таких условиях тянуть далее игру в примирение с этими фракционными центрами, закрывать лицемерно глаза на их независимость, «приглашать» их представителей для совместной борьбы с их же политикой, прикрывать их перед партией приемом их членов в центры, — это значит осуждать себя на безысходную склоку. Это значит *тормозить* работу заграничных центров, и без того настолько заторможенную, что в течение года *ни одного* собрания ЦК в России не было, ни одной не только конференции, но даже частного совещания местных работников партии устроить не удалось (тогда как «школа» отзовистов и легальные органы ликвидаторов неоднократно успевали организовывать против партии всякого рода совещания, собрания агентов, корреспондентов журнала и т. п.).

Мы обязаны сложить с себя ответственность за этот *полный* застой работы запутавшихся игрой в примирение с голосовцами центров и начать немедленно самостоятельную и самую энергичную работу по сплочению ортодоксальных большевиков, партийных меньшевиков и нефракционных социал-демократов для устройства совещаний, конференций, областных бюро, групп сношений с партийной литературой и т. д. К такой работе, которая одна только способна *на деле* вывести партию из тупика и освободить центры от «ухаживанья» за голосовцами, мы и зовем всех партийцев-социал-демократов.

Еще от имени большевистской фракции, до пленума, весной 1909 г., мы провозгласили политику *сближения* с партийными меньшевиками, и с тех пор эта политика принесла огромные плоды, *вопреки* неудачной попытке довериться «обещаниям» голосовцев и рассматривать их как партийцев. Все, что сделано с тех пор для действительного укрепления не впередовской проповеди и не голосовской защиты ликвидаторства, а *линии партии*, для действительного сближения основного ядра *обеих* главных фракций, все это сделано нами *независимо* от этих неудачных попыток примирения с голосовцами. И, снимая с себя ответственность за продолжение этих попыток, мы уверены, что достигнем еще большего сближения *на работе* и посредством «Рабочей Газеты», и посредством легальной литературы, и посредством заграничной деятельности групп сторонников «Рабочей Газеты» и сторонников Плеханова.

После пленума, поставившего с полной ясностью вопрос о фракциях и их уничтожении, поставившего этот вопрос впервые *в связи* с идейно-политической линией самих этих фракций, т. е. впервые на реальную почву учета *действительного сближения на работе*, а не пустых посулов, формальных обещаний и т. п. фразы, — после пленума и годовичного испытания его результатов *нельзя* уже продолжать старой лицемерной игры в прятки.

Надо действовать открыто. Надо иметь смелость говорить, что есть. Если ЦК прямо и открыто захочет сказать партии то, что есть, это простое заявление будет в его руках орудием огромной силы, во сто крат более веским, чем какие бы то ни было резолюции, пожелания, осуждения, исключения и т. п.

Сказать то, что есть, значит признать, что попытка уничтожения *всех* фракций, к сожалению, сорвана голосовцами и впередовцами, но *сближение* основного ядра, сближение действительно партийных элементов из двух главных фракций, сближение их с партийными элементами из националов и нефракционных социал-демократов сделало шаг вперед. Если Троцкий и ему подобные адвокаты ликвидаторов и отзовистов объявляют это сближение «политически бессодержательным», то подобные речи только аттестуют всю беспринципность Троцкого, всю *реальную* враждебность его политики политике *действительного* (а не обещаниями только ограничивающегося) уничтожения фракций. *Обещать* это уничтожение после годового испытания итогов пленума значит просто шарлатанить. Но если уничтожение фракций есть фраза, то *сближение* основных течений в двух главных фракциях есть *факт*. Никаких «блоков», никаких велеречивых обязательств, никаких посулов исчезновения разногласий из этого факта не вытекает, но из него вытекает *реальная возможность* строить партию *на деле*, опираясь на сотрудничество *части* меньшевиков и *части* большевиков.

Если ЦК захочет с полной последовательностью вступить на путь такого признания и такой работы, захочет сделать все центральные учреждения органом такого сближения, освободить их совершенно от недостойного и вредного «ухаживания» за голосовцами или «приглашения» голосовцев, дать возможность работы без склоки, то мы всей душой и всеми силами поддержим эту политику, которую мы *на деле* провели с весны 1909-го года, т. е. почти уже в течение целых двух лет.

Если ЦК не захочет сделать этого неизбежного вывода из уроков пленума и его результатов, то пусть он отдаст ведение партийной работы... и работы по восстановлению единства союзу голосовцев, впередовцев и Троцкого. Это будет прямее и честнее, а мы от этого союза, доказавшего на деле свою антипартийность, устранимся.

Мы несколько не заблуждаемся, конечно, относительно того, что по поводу нашего шага некоторые люди (и среди них, наверняка, будут испытанные адвокаты ликвидаторов и отзовистов) поднимут крики о «расколе». Как ни нелесно,

как ни лицемерны будут подобные крики, но в предупреждение неосведомленных людей на этих вероятных возражениях необходимо остановиться.

С формальной стороны, наш шаг — заявка о возврате денег, о прекращении договора, заключенного нами на строго определенных условиях, — безусловно законный. Условия нашего договора с ЦК открыто заявлены, напечатаны в ЦО, приняты *единогласно* Центральным Комитетом на пленуме. Принимая эти *условия* от имени всей партии, печатая их в ЦО партии, ЦК тем самым признал с полнейшей определенностью, что только *при выполнении* на деле этих условий он может требовать от нас определенного образа действий. Никто не сможет отрицать, что голосовцами и впередовцами условия эти, вопреки подписанной ими резолюции, не выполнены. Наше формальное право *расторгнуть* договор, поэтому, бесспорно. Расторгая договор, мы выступаем для самостоятельной борьбы за партийность, для самостоятельной работы по постройке партии *без тех*, кто годичным опытом доказал свое нежелание над этим работать, *с теми* меньшевиками и нефракционерками, которые доказали обратное. Если договор, прямо и точно обусловленный переходом к партийности голосовцев и впередовцев, оказался *ими* нарушен, то наше полное право и *наша обязанность* расторгнуть договор с людьми, надсмеявшимися над партией, и искать всех возможных форм сближения с людьми, поддерживающими партию.

Но еще гораздо более важным, чем формальная сторона дела, является фактическое положение вещей. С *этой* стороны, особенно ярко освещается лицемерность голосовцев и впередовцев, которые и на пленуме и после пленума продолжают заявлять в печати о своей партийности. Лицемерие таких заверений, вопиющая фальшь криков о расколе со стороны *таких* людей до того очевидны, что об этом не стоит тратить много слов. Именно голосовцы и впередовцы создали сейчас же после пленума, — вернее: не переставали создавать, вопреки своим посулам на пленуме, — раскол фактический, именно они в течение всего года продолжали этот раскол, усиливали его, поддерживали *независимость* от партии группы Потресова и К^о, группы литераторов, устроителей «махистской» школы и т. д. и т. п. Допускать далее пребывание

таких раскольников в партийных центрах значит окончательно губить дело партии. Оставлять прежнее положение, когда эти раскольники пользовались своим пребыванием в партийных центрах для тормоза всякой работы, для *разложения партии изнутри* в угоду г. Потресову или вождям «махистской» школы, — значит наносить величайший и непоправимый ущерб делу партийного объединения.

Давно уже сказано: не всяк, глаголющий «господи, господи», внидет в царствие небесное. И мы, после опыта пленума, должны повторить: не всяк, глаголющий дешевые фразы о партийности, партиец на деле. Голосовцы и впередовцы партию раскололи после пленума. Это факт. Троцкий был их адвокатом в этом деле. Это тоже факт.

Чтобы остановить раскол, чтобы помешать его распространению, *нет* иного средства, как укрепить, упрочить, формально утвердить сближение тех, кто *на деле* вел партийную работу после пленума, т. е. партийцев меньшевиков и большевиков.

Оповещая о нашем взгляде на дела в партии всех партийных меньшевиков, нефракционных партийцев социал-демократов и большевиков, а также все национальные социал-демократические организации, мы приглашаем группы большевиков в России немедленно начать сплавиваться вокруг «Рабочей Газеты» и приступить к подготовке тех совещаний и конференций, которые необходимы для восстановления партии и которые неизбежно, в силу данного положения вещей, должны начаться с самых скромных, неофициальных и неформальных попыток. Подробнее говорить о характере этих попыток в печати неуместно.

Мы приглашаем и заграничные группы большевиков перестроиться таким образом, чтобы прекратить всякую связь с вполне доказавшими свою антипартийность впередовцами и, без помехи со стороны этих защитников отзовизма, начать систематическую работу по укреплению партии, сближению с партийцами других фракций, созданию общих клубов, лекций, рефератов и т. п., начать подготовительные шаги к действительному заграничному

объединению всех, не идущих за «Впередом» и за «Голосом». Если там, где есть голосовцы, неизбежно существование двух параллельных групп, то большевикам неприлично терпеть долее в своих группах антипартийных впередовцев. Они могут себе найти приют у голосовцев.

Редакция «Рабочей Газеты»

*Написано во второй половине ноября
(первой половине декабря) 1910 г.*

*Впервые напечатано 21 января 1932 г.
в газете «Правда» № 21*

Печатается по рукописи

№ 1

ЗВЕЗДА

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПЕЧАТЬ

Адрес редакции: Иваново-Вознесенск, К. Некрасова, д. 10, кв. 8.
Телефон редакция: 1. Телефон приемная: 444444.

Цена 20 к.

14-е издание 1927 г.

Содержание этого номера: «Письма читателей о крестьянском вопросе», «Альбом крестьян», «Земельный вопрос», «Телеграмма министру по деревням», «Судьям и юристам о Ташкенте».

Содержание этого номера: «Письма читателей о крестьянском вопросе», «Альбом крестьян», «Земельный вопрос», «Телеграмма министру по деревням», «Судьям и юристам о Ташкенте».

СОДЕРЖАНИЕ

М. Д. Мирь, М. Д.
Телеграмма министру по деревням
Судьям и юристам о Ташкенте
Альбом крестьян
Письма читателей о крестьянском вопросе

Телеграмма министру по деревням
Судьям и юристам о Ташкенте
Альбом крестьян
Письма читателей о крестьянском вопросе

Письма читателей о крестьянском вопросе
Альбом крестьян
Телеграмма министру по деревням
Судьям и юристам о Ташкенте

Литературно-художественный отдел

Письма читателей о крестьянском вопросе
Альбом крестьян
Телеграмма министру по деревням
Судьям и юристам о Ташкенте

Содержание

Письма читателей о крестьянском вопросе
Альбом крестьян
Телеграмма министру по деревням
Судьям и юристам о Ташкенте

Письма читателей о крестьянском вопросе
Альбом крестьян
Телеграмма министру по деревням
Судьям и юристам о Ташкенте

Задача в письме

Письма читателей о крестьянском вопросе
Альбом крестьян
Телеграмма министру по деревням
Судьям и юристам о Ташкенте

Наша задача

Письма читателей о крестьянском вопросе
Альбом крестьян
Телеграмма министру по деревням
Судьям и юристам о Ташкенте

Письма читателей о крестьянском вопросе
Альбом крестьян
Телеграмма министру по деревням
Судьям и юристам о Ташкенте

Но журнал

Письма читателей о крестьянском вопросе
Альбом крестьян
Телеграмма министру по деревням
Судьям и юристам о Ташкенте

Первая страница газеты «Звезда» № 1. — 1910 г.

Уменьшено

РАЗНОГЛАСИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ ¹⁰⁶

I

Основные тактические разногласия в современном рабочем движении Европы и Америки сводятся к борьбе с двумя крупными направлениями, отступающими от марксизма, который фактически стал господствующей теорией в этом движении. Эти два направления — ревизионизм (оппортунизм, реформизм) и анархизм (анархосиндикализм, анархо-социализм). Оба эти отступления от господствующей в рабочем движении марксистской теории и марксистской тактики наблюдаются в различных формах и с различными оттенками во всех цивилизованных странах на протяжении более чем полувековой истории массового рабочего движения.

Уже из одного этого факта явствует, что нельзя объяснять этих отступлений ни случайностями, ни ошибками отдельных лиц или групп, ни даже влиянием национальных особенностей или традиций и т. п. Должны быть коренные причины, лежащие в экономическом строе и в характере развития всех капиталистических стран, и постоянно порождающие эти отступления. Вышедшая в прошлом году небольшая книжка голландского марксиста Антона Паннекука: «Тактические разногласия в рабочем движении» (Anton Pannekoek. «Die taktischen Differenzen in der Arbeiterbewegung». Hamburg, Erdmann Dubber, 1909) представляет из себя интересную попытку научного исследования этих причин. В дальнейшем изложении мы познакомим читателя с выводами Паннекука, которые нельзя не признать вполне правильными.

Одной из наиболее глубоких причин, порождающих периодически разногласия насчет тактики, является самый

факт роста рабочего движения. Если не мерить этого движения по мерке какого-нибудь фантастического идеала, а рассматривать его, как практическое движение обыкновенных людей, то станет ясным, что привлечение новых и новых «рекрутов», втягивание новых слоев трудящейся массы неизбежно должно сопровождаться шатаниями в области теории и тактики, повторениями старых ошибок, временным возвратом к устарелым взглядам и к устарелым приемам и т. д. На «обучение» рекрутов рабочее движение каждой страны тратит периодически большие или меньшие запасы энергии, внимания, времени.

Далее. Быстрота развития капитализма неодинакова в разных странах и в разных областях народного хозяйства. Марксизм всего легче, всего быстрее, полнее и прочнее усваивается рабочим классом и его идеологами в условиях наибольшего развития крупной промышленности. Отсталые или отстающие в своем развитии экономические отношения постоянно ведут к появлению таких сторонников рабочего движения, которые усваивают себе лишь некоторые стороны марксизма, лишь отдельные части нового миросозерцания или отдельные лозунги, требования, не будучи в состоянии решительно порвать со всеми традициями буржуазного миросозерцания вообще и буржуазно-демократического миросозерцания в частности.

Затем, постоянным источником разногласий является диалектический характер общественного развития, идущего в противоречиях и путем противоречий. Капитализм прогрессивен, ибо уничтожает старые способы производства и развивает производительные силы, и в то же время, на известной ступени развития, он задерживает рост производительных сил. Он развивает, организует, дисциплинирует рабочих, — и он давит, угнетает, ведет к вырождению, нищете и т. д. Капитализм сам создает своего могильщика, сам творит элементы нового строя, и в то же время, без «скачка», эти отдельные элементы ничего не изменяют в общем положении вещей, не затрагивают господства капитала. Эти противоречия живой жизни, живой истории капитализма и рабочего движения умеет охватить марксизм, как теория диалектического материализма. Но понятно само собою, что массы учатся из жизни, а не из книжки, и

поэтому отдельные лица или группы постоянно преувеличивают, возводят в одностороннюю теорию, в одностороннюю систему тактики то одну, то другую черту капиталистического развития, то один, то другой «урок» этого развития.

Буржуазные идеологи, либералы и демократы, не понимая марксизма, не понимая современного рабочего движения, постоянно перескакивают от одной беспомощной крайности к другой. То они объясняют все дело тем, что злые люди «натравливают» класс на класс, — то утешают себя тем, что рабочая партия есть «мирная партия реформ». Прямым продуктом этого буржуазного мирозерцания и его влияния надо считать и анархо-синдикализм и реформизм, хватающиеся за *одну* сторону рабочего движения, возводящие односторонность в теорию, объявляющие взаимноисключающими такие тенденции или такие черты этого движения, которые составляют специфическую особенность того или иного периода, тех или иных условий деятельности рабочего класса. А действительная жизнь, действительная история *включает* в себя эти различные тенденции, подобно тому, как жизнь и развитие в природе включают в себя и медленную эволюцию и быстрые скачки, перерывы постепенности.

Ревизионисты считают фразами все рассуждения о «скачках» и о принципиальной противоположности рабочего движения всему старому обществу. Они принимают реформы за частичное осуществление социализма. Анархо-синдикалист отвергает «мелкую работу», особенно использование парламентской трибуны. На деле эта последняя тактика сводится к поджиданию «великих двух» при неумении собирать силы, создающие великие события. И те, и другие тормозят самое важное, самое насущное дело: сплочение рабочих в крупные, сильные, хорошо функционирующие, умеющие при *всяких* условиях хорошо функционировать, организации, проникнутые духом классовой борьбы, ясно создающие свои цели, воспитываемые в действительно марксистском мирозерцании.

Здесь мы позволим себе маленькое отступление и заметим в скобках, во избежание возможных недоразумений, что Паннекук иллюстрирует свой анализ *исключительно*

примерами из западно-европейской истории, особенно Германии и Франции, *совершенно не* имея в виду России. Если иногда кажется, что он намекает на Россию, то это зависит лишь от того, что основные тенденции, порождающие определенные отступления от марксистской тактики, проявляются и у нас, несмотря на громадные культурные, бытовые и историко-экономические отличия России от Запада.

Наконец, чрезвычайно важной причиной, порождающей разногласия среди участников рабочего движения, являются изменения в тактике правящих классов вообще, буржуазии в особенности. Будь тактика буржуазии всегда однообразна или хотя бы всегда однородна, — рабочий класс быстро научился бы отвечать на нее столь же однообразной или однородной тактикой. На деле буржуазия во всех странах неизбежно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы и отстаивания своего господства, причем эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это, во-первых, метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению, метод поддержки всех старых и отживших учреждений, метод непримиримого отрицания реформ. Такова сущность консервативной политики, которая все больше перестает быть в Западной Европе политикой землевладельческих классов, все больше становится одной из разновидностей общеполитической буржуазной политики. Второй метод — метод «либерализма», шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д.

Буржуазия переходит от одного метода к другому не по злостному расчету отдельных лиц и не по случайности, а в силу коренной противоречивости ее собственного положения. Нормальное капиталистическое общество не может успешно развиваться без упроченного представительского строя, без известных политических прав населения, которое не может не отличаться сравнительно высокой требовательностью в «культурном» отношении. Эту требовательность по части известного минимума культурности порождают условия самого капиталистического способа производства с его высокой техникой, сложностью, гибкостью, подвижностью, быстротой развития всемирной конкуренции и т. д. Колебания в так-

тике буржуазии, переходы от системы насилия к системе якобы уступок свойственны, вследствие этого, истории всех европейских стран за последние полвека, причем разные страны преимущественно развивают применение того или иного метода в течение определенных периодов. Например, Англия в 60-х, 70-х годах XIX века была классической страной «либеральной» буржуазной политики, Германия 70-х и 80-х годов держалась метода насилия и т. п.

Когда в Германии царил этот метод, односторонним отзвуком этой одной из систем буржуазного управления был рост анархосиндикализма, или, по-тогдашнему, анархизма в рабочем движении («молодые» в начале 90-х годов¹⁰⁷, Иоган Мост в начале 80-х¹⁰⁸). Когда в 1890 году наступил поворот к «уступкам», этот поворот, как и всегда, оказался еще более опасным для рабочего движения, порождая столь же односторонний отзвук буржуазного «реформаторства»: оппортунизм в рабочем движении. «Позитивная, реальная цель либеральной политики буржуазии — говорит Паннекук — есть введение в заблуждение рабочих, внесение раскола в их среду, превращение их политики в бессильный придаток бессильного, всегда бессильного и эфемерного, якобы, реформаторства».

Нередко буржуазия на известное время достигает своей цели посредством «либеральной» политики, которая представляет из себя, по справедливому замечанию Паннекука, «более хитрую» политику. Часть рабочих, часть их представителей подчас дает себя обмануть кажущимися уступками. Ревизионисты провозглашают «устарелым» учение о классовой борьбе или начинают вести политику, на деле осуществляющую отречение от нее. Зигзаги буржуазной тактики вызывают усиление ревизионизма в рабочем движении и нередко доводят разногласия внутри него до прямого раскола.

Все причины указанного рода вызывают разногласия относительно тактики внутри рабочего движения, внутри пролетарской среды. Но китайской стены между пролетариатом и соприкасающимися с ним слоями мелкой буржуазии, в том числе и крестьянства, нет и быть не может. Понятно, что переходы отдельных лиц, групп и слоев от мелкой буржуазии к пролетариату не могут

не порождать, с своей стороны, колебаний в тактике этого последнего.

Опыт рабочего движения различных стран помогает уяснить на конкретных вопросах практики сущность марксистской тактики, помогает более молодым странам яснее различать истинное классовое значение отступлений от марксизма и успешнее бороться с этими отступлениями.

*«Звезда» № 1,
16 декабря 1910 г.
Подпись: В. И л ь и н*

*Печатается по тексту
газеты «Звезда»*

ТОЛСТОЙ И ПРОЛЕТАРСКАЯ БОРЬБА

Толстой с огромной силой и искренностью бичевал господствующие классы, с великой пагледностью разоблачал внутреннюю ложь всех тех учреждений, при помощи которых держится современное общество: церковь, суд, милитаризм, «законный» брак, буржуазную науку. Но его учение оказалось в полном противоречии с жизнью, работой и борьбой могильщика современного строя, пролетариата. Чья же точка зрения отразилась в проповеди Льва Толстого? Его устами говорила вся та многомиллионная масса русского народа, которая *уже* ненавидит хозяев современной жизни, но которая *еще* не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца, непримиримой борьбы с ними.

История и исход великой русской революции показали, что именно таковой была та масса, которая оказалась *между* сознательным, социалистическим пролетариатом и решительными защитниками старого режима. Эта масса, — главным образом, крестьянство, — показала в революции, как велика в ней ненависть к старому, как живо ощущает она все тягости современного режима, как велико в ней стихийное стремление освободиться от них и найти лучшую жизнь.

И в то же время эта масса показала в революции, что в своей ненависти она недостаточно сознательна, в своей борьбе непоследовательна, в своих поисках лучшей жизни ограничена узкими пределами.

Великое народное море, взволновавшееся до самых глубин, со всеми своими слабостями и всеми сильными своими сторонами отразилось в учении Толстого.

Изучая художественные произведения Льва Толстого, русский рабочий класс узнает лучше своих врагов, а разбираясь в *учении* Толстого, весь русский народ должен будет понять, в чем заключалась его собственная слабость, не позволившая ему довести до конца дело своего освобождения. Это нужно понять, чтобы идти вперед.

Этому-то движению вперед мешают все те, кто объявляет Толстого «общей совестью», «учителем жизни». Это — ложь, которую сознательно распространяют либералы, желающие использовать противореволюционную сторону учения Толстого. Эту ложь о Толстом, как «учителе жизни», повторяют за либералами и некоторые бывшие социал-демократы.

Только тогда добьется русский народ освобождения, когда поймет, что не у Толстого надо ему учиться добиваться лучшей жизни, а у того класса, значения которого не понимал Толстой и который единственно способен разрушить ненавистный Толстому старый мир, — у пролетариата.

НАЧАЛО ДЕМОНСТРАЦИЙ

После трех лет революции, с 1905 по 1907 год, Россия пережила три года контрреволюции, с 1908 по 1910 год, три года черной Думы, разгула насилия и беспорядка, натиска капиталистов на рабочих, отнятия тех завоеваний, которые рабочими были сделаны. Царское самодержавие, только надломанное, но не уничтоженное в 1905 году, собралось с силами, соединилось с помещиками и капиталистами в III Думе и снова ввело в России старые порядки. Еще сильнее стал гнет капиталистов над рабочими, еще наглее беззакония и произвол чиновников в городе и особенно в деревне, еще свирепее расправа с борцами за свободу, еще чаще смертные казни. Царское правительство, помещики и капиталисты бешено *мстили* революционным классам, и пролетариату в первую голову, за революцию, — точно торопясь воспользоваться перерывом массовой борьбы для уничтожения своих врагов.

Но бывают такие враги, которых можно в нескольких сражениях разбить, можно придавить на время, но *нельзя* уничтожить. Полная победа революции вполне возможна, и такая победа совершенно уничтожила бы царскую монархию, смела бы с лица земли крепостников-помещиков, передала бы все их земли без выкупа крестьянам, заменила бы чиновничье управление демократическим самоуправлением и политической свободой. Такие преобразования не только возможны, они *необходимы* в каждой стране в XX веке, они совершены уже во *всех* европейских государствах более или менее полно, ценой более или менее долгой и упорной борьбы.

Но *никакие*, даже самые полные победы реакции, *никакое* торжество контрреволюции *не может* уничтожить врагов царского самодержавия, врагов помещичьего и капиталистического гнета, потому что враги эти — миллионы рабочих, которые все более скопляются в городах и на крупных фабриках, заводах, железных дорогах. Враги эти — разоряемое крестьянство, которому еще во много раз тяжелее живется теперь, при соединении земских начальников и богатых крестьян для грабежа *по закону*, для отнятия крестьянской земли *с согласия* помещичьей Думы, *под защитой* всех помещичьих и военных властей. Таких врагов, как рабочий класс, как крестьянская беднота, уничтожить нельзя.

И мы видим теперь, как после трех лет самого бесшабашного разгула контрреволюции *народные массы*, больше всего угнетенные, придавленные, забитые, запуганные всякого вида преследованиями, снова начинают поднимать голову, снова просыпаются и начинают приниматься за борьбу. Три года казней, преследований, диких расправ уничтожили десятки тысяч одних «врагов» самодержавия, заперев в тюрьмы и улав в ссылку сотни тысяч других, запугали еще сотни и сотни тысяч третьих. Но миллионы и десятки миллионов теперь уже не те, чем они были до революции. Эти миллионы *никогда* еще в истории России не переживали таких назидательных, наглядных уроков, такой открытой борьбы классов. Что в этих миллионах и десятках миллионов началось новое глубокое, глухое брожение, — это видно из летних стачек текущего года и из недавних демонстраций.

Рабочие стачки в России и во время подготовки революции и во время самой революции были самым распространенным средством борьбы пролетариата, этого передового класса, который один только является до конца революционным классом в современном обществе. Экономические и политические стачки, то чередуясь друг с другом, то переплетаясь в одно неразрывное целое, спланивали массы рабочих против класса капиталистов и самодержавного правительства, вносили брожение во все общество, поднимали на борьбу крестьянство.

Когда в 1895 году начались непрерывные массовые стачки, это было началом полосы подготовки народной революции. Когда в январе 1905 года в один месяц число

стачечников перешло за 400 тысяч, это было началом самой революции. Все три года революции число стачечников, постепенно падая (почти 3 миллиона в 1905 г., 1 миллион в 1906, $\frac{3}{4}$ миллиона в 1907 г.), было так высоко, как никогда еще не было ни в одной стране в мире.

Когда в 1908 году число стачечников резко упало сразу (176 тысяч) и еще резче в 1909 г. (64 тысячи), это означало конец первой революции или вернее первой полосы революции.

И вот, с лета текущего года начинается опять подъем. Число экономических стачечников *возрастает* и возрастает очень сильно. Полоса *полного* господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового подъема. Пролетариат, *отступавший* — хотя и с большими перерывами — с 1905 по 1909 год, собирается с силами и начинает переходить в *наступление*. Оживление в некоторых отраслях промышленности сейчас же ведет к оживлению пролетарской борьбы.

Пролетариат начал. Другие, буржуазные, демократические классы и слои населения, продолжают. Смерть умеренно-либерального, чуждого демократии, председателя I Думы, Муромцева, вызывает первое робкое начало манифестаций. Смерть Льва Толстого вызывает — впервые после долгого перерыва — *уличные демонстрации* с участием преимущественно студенчества, но отчасти также и рабочих. Прекращение работы целым рядом фабрик и заводов в день похорон Толстого показывает начало, хотя и очень скромное, демонстративных забастовок.

В самое последнее время зверства царских тюремщиков, истязавших в Вологде и Зерентуе наших товарищей каторжан, преследуемых за их геройскую борьбу в революции, подняли еще выше брожение среди студентов. Повсюду в России происходят сходки и митинги, полиция силой врывается в университеты, избивает учащихся, арестует их, преследует газеты за малейшее правдивое слово о волнениях и всем этим только усиливает волнения.

Пролетариат начал. Демократическая молодежь продолжает. Русский народ просыпается к новой борьбе, идет навстречу новой революции.

Первое же начало борьбы показало нам опять, что живы те силы, которые поколебали царскую власть в 1905 г.

и которые разрушат ее в этой грядущей революции. Первое же начало борьбы показало нам опять значение массового движения. Никакие преследования, никакие расправы не могут остановить движения, раз поднялись массы, раз начали шевелиться миллионы. Преследования только разжигают борьбу, втягивают в нее новые и новые ряды борцов. Никакие покушения террористов не помогут угнетенным массам, и никакие силы на земле не остановят масс, когда они поднимутся.

Теперь они начали подниматься. Этот подъем, может быть, пойдет быстро, — может быть, пойдет медленно и с перерывами, но он во всяком случае идет к революции. Русский пролетариат шел впереди всех в 1905 году. Вспоминая это славное прошлое, он должен напрячь теперь все усилия, чтобы восстановить, укрепить, развить свою организацию, свою партию, Российскую социал-демократическую рабочую партию. Наша партия переживает ныне трудные дни, но она непобедима, как непобедим пролетариат.

За работу же, товарищи! Беритесь везде и повсюду за постройку организаций, за создание и укрепление рабочих с.-д. партийных ячеек, за развитие экономической и политической агитации. В первой русской революции пролетариат научил народные массы бороться за свободу, во второй революции он должен привести их к победе!

ЧТО ДЕЛАЕТСЯ В ДЕРЕВНЕ?

В газетах ведутся споры по поводу новой книги бывшего министра земледелия Ермолова о «современной пожарной эпидемии в России». Либеральная печать отметила, что пожары в деревне после революции не ослабели, а усилились. Реакционные газеты подхватили крики и вопли Ермолова о «безнаказанности поджигателей», о «терроре в деревне» и т. д. Число пожаров в деревне возросло в чрезвычайных размерах: например, в Тамбовской губернии с 1904 по 1907 г. — *вдвое*, в Орловской — *в 2 1/2 раза*, в Воронежской — *в 3 раза*. «Сколько-нибудь состоятельные крестьяне» — пишет лакействующее перед правительством «Новое Время» — «желают идти на хутора, пытаются заводить новую культуру, но точно в неприятельской стране они испытывают партизанскую осаду со стороны одичавшей деревенской вольницы. Их жгут и травят, травят и жгут, «хоть бросай все и беги, куда глаза глядят»».

Неприятное признание приходится делать сторонникам царского правительства! Для нас, социал-демократов, новые данные не безынтересны, как лишнее подтверждение лжи правительства и жалкого бессилия либеральной политики.

Революция 1905 г. вполне показала, что старые порядки в русской деревне осуждены историей бесповоротно. Никакая сила в мире не сможет укрепить эти порядки. Как переделать их? Крестьянские массы ответили на это своими восстаниями 1905 года, ответили через своих депутатов I и II Думы. Помещичьи земли должны быть отобраны у помещиков безвозмездно. Когда 30 000 помещиков

(с Николаем Романовым во главе) имеют 70 миллионов десятины земли, а 10 миллионов крестьянских дворов почти такое же количество, ничего иного кроме кабалы, безысходной нищеты, разорения и застоя во всем народном хозяйстве получиться не может. И социал-демократическая рабочая партия звала крестьян на революционную борьбу. Рабочие всей России своими массовыми стачками 1905 года объединяли и направляли крестьянскую борьбу. План либералов «помирить» крестьян с помещиками на «выкупе по справедливой оценке» был пустой, жалкой, предательской уверткой.

Как хочет переделать старые деревенские порядки столыпинское правительство? Оно хочет ускорить полное разорение крестьян, сохранить помещичьи земли, помочь ничтожной кучке богатых крестьян «выйти на хутора», оттягать как можно больше общинной земли. Правительство поняло, что вся масса крестьян против него, и оно старается найти себе союзников из крестьянских богатеев.

Чтобы осуществить правительственную «реформу», нужны «20 лет покоя», сказал однажды сам Столыпин. «Покоем» он называет покорность крестьян, отсутствие борьбы против насилия. А без насилия земских начальников и прочих властей, без насилия на каждом шагу, без насилия над *десятками миллионов*, без подавления малейших проявлений их самостоятельности, столыпинская «реформа» проводиться не может. «Покоя» не только на 20 лет, но и на три года Столыпин не создал и создать не может: вот та неприятная истина, которую напомнила царским слугам книга бывшего министра о деревенских пожарах.

У крестьян нет и быть не может иного выхода из того положения отчаянной нужды, нищеты, голодной смерти, в которое их ставит правительство, как массовая борьба вместе с пролетариатом за свержение царской власти. Подготовка сил пролетариата для такой борьбы, создание, развитие, укрепление пролетарских организаций, — вот в чем очередная задача РСДРП.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ БАБУШКИН

(НЕКРОЛОГ)

Мы живем в проклятых условиях, когда возможна такая вещь: крупный партийный работник, гордость партии, товарищ, всю свою жизнь беззаветно отдавший рабочему делу, пропадает без вести. И самые близкие люди, как жена и мать, самые близкие товарищи годами не знают, что случилось с ним: мается ли он где на каторге, погиб ли в какой тюрьме или умер геройской смертью в схватке с врагом. Так было с Иваном Васильевичем, расстрелянным Ренненкампом. Узнали мы об его смерти лишь совсем недавно.

Имя Ивана Васильевича близко и дорого не одному социал-демократу. Все, знавшие его, любили и уважали его за его энергию, отсутствие фразы, глубокую выдержанную революционность и горячую преданность делу. Петербургский рабочий, он в 1895 г., с группой других сознательных товарищей, энергично ведет работу за Невской Заставой среди рабочих Семянниковского, Александровского, Стеклянного заводов, образует кружки, устраивает библиотеки и сам все время страстно учится.

Все мысли его направлены на то, как бы расширить работу. Он принимает деятельное участие в составлении *первого агитационного листка*, выпущенного в С.-Петербурге осенью 1894 года, листка к Семянниковским рабочим, и самолично распространяет его. Когда в С.-Петербурге образуется «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», Иван Васильевич становится одним из активнейших его членов и работает в нем вплоть до своего ареста. Идея создания за границей политической газеты, которая послужила бы делу объединения

и укрепления с.-д. партии, обсуждалась вместе с ним его старыми товарищами по петербургской работе — основателями «Искры» — и встретила с его стороны самую горячую поддержку. Пока Иван Васильевич остается на воле, «Искра» не терпит недостатка в чисто-рабочих корреспонденциях. Просмотрите первые 20 номеров «Искры», все эти корреспонденции из Шуи, Иваново-Вознесенска, Орехово-Зуева и др. мест центра России: почти все они проходили через руки Ивана Васильевича, старавшегося установить самую тесную связь между «Искрой» и рабочими. Иван Васильевич был самым усердным корреспондентом «Искры» и горячим ее сторонником. Из центрального района Бабушкин перебирается на юг, в Екатеринослав, где его арестуют и сажают в тюрьму в Александровске. Из Александровска он бежит вместе с другим товарищем, перепилив решетку окна. Не зная ни одного иностранного языка, он пробирается в Лондон, где тогда была редакция «Искры». Много переговорено было там, много вопросов обсуждено совместно. Но Ивану Васильевичу не привелось быть на втором съезде партии... тюрьма и ссылка выбили его надолго из строя. Поднимавшаяся революционная волна выдвигала новых работников, новых партийных деятелей, а Бабушкин жил в это время на далеком севере, в Верхотенске, оторванный от партийной жизни. Времени он даром не терял, учился, готовился к борьбе, занимался с рабочими, товарищами по ссылке, старался сделать их сознательными социал-демократами и большевиками. В 1905 г. подоспела амнистия, и Бабушкин двинулся в Россию. Но и в Сибири в это время кипела борьба, и там нужны были такие люди, как Бабушкин. Он вступил в Иркутский комитет и с головой ринулся в работу. Приходилось выступать на собраниях, вести социал-демократическую агитацию и организовывать восстание. В то время, как Бабушкин с пятью другими товарищами — имена их не дошли до нас — вез в Читту большой транспорт оружия в отдельном вагоне, поезд был настигнут карательной экспедицией Ренненкампа, и все шестеро, безо всякого суда, были немедленно же расстреляны на краю вырытой на скорую руку общей могилы. Умерли они, как герои. Об их смерти рассказали солдаты-очевидцы и железнодорожники, бывшие на этом же поезде. Бабушкин пал жертвой зверской расправы царского

опричника, но, умирая, он знал, что дело, которому он отдал всю свою жизнь, не умрет, что его будут делать десятки, сотни тысяч, миллионы других рук, что за это дело будут умирать другие товарищи-рабочие, что они будут бороться до тех пор, пока не победят...

* * *

Есть люди, которые сочинили и распространяют басню о том, что Российская социал-демократическая рабочая партия есть партия «интеллигентская», что рабочие от нее оторваны, что рабочие в России — социал-демократы без социал-демократии, что так было в особенности до революции и в значительной мере во время революции. Либералы распространяют эту ложь из ненависти к той революционной борьбе масс, которой руководила в 1905 г. РСДРП, а из социалистов перенимает эту лживую теорию кое-кто по неразумию или легкомыслию. Биография Ивана Васильевича Бабушкина, десятилетняя социал-демократическая работа этого *рабочего-искровца* служит наглядным опровержением либеральной лжи. И. В. Бабушкин — один из тех рабочих-передовиков, которые за *10 лет* до революции начали создавать *рабочую* социал-демократическую партию. Без неустанной, героически упорной работы *таких* передовиков в пролетарских массах РСДРП не просуществовала бы не только десяти лет, но и десяти месяцев. Только благодаря деятельности *таких* передовиков, только благодаря их поддержке, РСДРП выросла к 1905 г. в партию, которая *неразрывно слилась* с пролетариатом в великие октябрьские и декабрьские дни, которая сохранила эту связь в лице *рабочих депутатов* не только II, но и III, черносотенной, Думы.

Либералы (кадеты) хотят превратить в народного героя недавно умершего председателя I Думы, С. А. Муромцева. Мы, социал-демократы, не должны пропускать случая, чтобы выразить презрение и ненависть царскому правительству, которое преследовало даже таких умеренных и безобидных чиновников, как Муромцев. Муромцев был только либеральным чиновником. Он не был даже демократом. Он боялся революционной борьбы масс. Он ждал свободы для России не от такой борьбы, а от доброй воли царского самодержавия, от *соглашения* с этим злейшим

и беспощадным врагом русского народа. В таких людях смешно видеть народных героев русской революции.

А такие народные герои есть. Это — люди, подобные Бабушкину. Это — люди, которые не год и не два, а целые 10 лет перед революцией посвятили себя целиком борьбе за освобождение рабочего класса. Это — люди, которые не растратили себя на бесполезные террористические предприятия одиночек, а действовали упорно, неуклонно среди пролетарских масс, помогая развитию *их* сознания, *их* организации, *их* революционной самостоятельности. Это — люди, которые встали во главе вооруженной массовой борьбы против царского самодержавия, когда кризис наступил, когда революция разразилась, когда миллионы и миллионы пришли в движение. Все, что отвоевано было у царского самодержавия, отвоевано *исключительно* борьбой масс, руководимых такими людьми, как Бабушкин.

Без таких людей русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоеует себе полное освобождение от всякой эксплуатации.

Прошла уж пятая годовщина декабрьского восстания 1905 года. Будем чествовать эту годовщину, вспоминая рабочих-передовиков, которые пали в борьбе с врагом. Мы обращаемся с просьбой к товарищам рабочим собирать и присылать нам воспоминания о тогдашней борьбе и дополнительные сведения о Бабушкине, а также о других социал-демократических рабочих, павших в восстании 1905 г. Мы намерены издать брошюру с жизнеописанием таких рабочих. Такая брошюра будет лучшим ответом всяким маловерам и умалителям Российской социал-демократической рабочей партии. Такая брошюра будет лучшим чтением для молодых рабочих, которые будут учиться по ней, как надо жить и действовать всякому сознательному рабочему.

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Относительно нашей заявки¹⁰⁹ существуют (и распространяются умышленно ликвидаторами-голосовцами) ложные слухи, которым мы считаем долгом противопоставить краткое изложение сути дела и наших взглядов.

Формально дело стоит так, что на пленуме I. 1910 заключен договор фракции с партией. По договору, наша фракция обязалась распуститься, *если* распустятся остальные фракции. Условие не соблюдено. *Мы восстанавливаем свою свободу борьбы с либералами и анархистами, поощряемыми вождем «примиренцев», Троцким.* Вопрос о деньгах играет для нас *второстепенную* роль, хотя, конечно, отдавать деньги *фракции* блоку ликвидаторов + анархисты + Троцкий мы не собираемся, отнюдь не отказываясь от своего права разоблачить перед международной социал-демократией этот блок, его финансовые «основы» (пресловутые «фонды» впередовцев, оберегаемые от разоблачения Троцким и голосовцами) и т. д.*

По существу, мы снимаем с себя ответственность за то *содействие* разложению партии, которое оказала «примиренческая» (т. е. потакающая голосовцам-либералам и впередовцам-анархистам) политика. Мы предупредили партию официально и открыто *еще до № 12 ЦО*, заявив в листке «Голос ликвидаторов против партии» о заговоре против партии**.

* Право представлять фракцию дано нашей шестерке пленум'a (пленума. Ред.). Из шести голосов мы имеем четыре: три в Париже и один по доверенности (письменной) Мешковского. Если бы Мешковский надумал отречься, мы опросим остальных выбранных в Лондоне членов ЦК большевиков и кандидатов, опросим также большевиков, заявивших себя влиятельной работой.

** См. настоящий том, стр. 138—145. Ред.

Если кое-кому эти слова показались преувеличением, то события вполне и буквально нас подтвердили. Ликвидаторы-либералы *извне* партии укрепились, создали фракцию, вполне враждебную («Наша Заря», «Возрождение», «Дело Жизни») социал-демократии и *готовую* сорвать дело партии на выборах в IV Думу. Голосовцы *помогали* гг. Потресовым и К^о разлагать партию, *портя и тормозя* работу изнутри центральных учреждений. Заграничное бюро ЦК — единственный постоянный практический орган — попал в руки *ликвидаторов* благодаря частью бессилию Бунда и латышей, частью прямой помощи голосовцам со стороны ликвидаторских элементов этих национальных организаций. ЗБ ЦК не только ничего не сделал для объединения *партийцев* за границей, не только ничем не помог борьбе с голосовцами и впередовцами, но *прикрывал* антипартийные «фонды» анархистов и шаги либералов.

Впередовцы, благодаря «примиренческой» поддержке Троцкого и «Голоса», укрепились во фракцию с транспортом, *агентурой*, усилившись *во много раз* после пленума I. 1910.

То, что вполне ясно наметилось уже на пленуме (защита, например, анархистской школы Троцким + голосовцы), развилось до конца. Блок либералов и анархистов при помощи примиренцев бесстыдно разрушает остатки партии *извне* и помогает разлагать ее *изнутри*. Игра в формалистику с «приглашением» голосовцев и троцкистов в центры обессиливает вконец и без того ослабленных партийцев.

Слагая с себя ответственность за эту игру, мы будем *помимо нее* вести нашу *партийную* линию сближения с плехановцами и *беспоощадной* борьбы с блоком. Само собою разумеется, что мы *всячески* поддержим *все* шаги ЦК, если ему удастся собраться в России, восстановить центральный аппарат в России, создать партийную организационную базу (вместо ликвидаторского ЗБ ЦК) за границей и *начать работу* против либералов и анархистов.

В заключение два слова о *расколе*, которым пугают «примиренцы». Раскол *de facto** сейчас уже полный, ибо потресовцы и впередовцы *вполне* откололись и *никто* не вернет их к *партийной линии*. Если ЦК решительно

* — фактически, на деле. Ред.

осудит их как либералов и анархистов, раскола *de jure** не будет, ибо *своей* линии они защищать не могут. Если центры перестанут играть в «приглашение» либералов слуг Потресова (голосовцев) и впередовцев, то раскола *de jure* не будет, и рабочие покинут окончательно и впередовцев и потресовцев. *Иная* политика делает раскол затыжным, ободрив потресовцев и впередовцев. Что касается до нас, то мы от этой «иной» политики, как *уполномоченные представители большевистского течения*, за которыми руководящее значение признал пленум I. 1910, вполне отстраняемся.

Представители большевистского течения, подписавшие на пленуме договор с ЦК и имеющие полномочие (по доверенности от Мешковского) его расторгнуть.

Написано в декабре 1910 г.

*Впервые напечатано в 1933 г.
в Ленинском сборнике XXV*

Печатается по рукописи

---

* — юридически. Ред.

ГЕРОИ «ОГОВОРЧКИ»¹¹⁰

Только что полученная нами десятая книжка журнала г. Потресова и К^о, «Нашей Зари», дает такие поразительные образчики беззаботности, а вернее: беспринципности в оценке Льва Толстого, на которых необходимо немедленно, хотя бы и вкратце, остановиться.

Вот статья нового ратника потресовской рати, В. Базарова. Редакция несогласна с «отдельными положениями» этой статьи, не указывая, конечно, каковы эти положения. Так ведь много удобнее для прикрытия путаницы! Что касается до нас, то мы затрудняемся указать такие положения этой статьи, которыми мог бы не возмутиться человек, хоть капельку дорожащий марксизмом. «Наша интеллигенция, — пишет В. Базаров, — разбитая и раскисшая, обратившаяся в какую-то бесформенную умственную и нравственную слякоть, достигшая последней грани духовного разложения, единодушно признала Толстого — *всего* Толстого — своей совестью». Это — неправда. Это — фраза. Наша интеллигенция вообще, и интеллигенция «Нашей Зари» в частности, очень похожа на «раскисшую», но никакого «единодушия» в оценке Толстого она не проявила и не могла проявить, никогда *всего* Толстого правильно не оценивала и не могла оценить. И именно отсутствие единодушия прикрывается сугубо лицемерной, вполне достойной «Нового Времени», фразой о «совести». Базаров не борется со «слякотью», а поощряет слякоть.

Базарову «хочется напомнить о некоторых несправедливостях (!!) по отношению к Толстому, в которых повинны русские интеллигенты вообще, а мы, радикалы разных толков, в особенности». Тут правды только то, что Базаров,

Потресов и К^о суть именно «радикалы разных толков», настолько зависимые от всеобщей «слякотии», что во время самого непростительного замалчивания коренных непоследовательностей и слабостей миросозерцания Толстого они петушком, петушком бегут за «всеми», крича о «несправедливости» к Толстому. Они не хотят опьянять себя «тем особенно распространенным среди нас наркотиком, который Толстой называет «озлоблением спора», — это как раз такие речи, такие напевы, которые требуются обывателями, с бесконечным презрением отворачивающимися от спора из-за каких бы то ни было целиком и последовательно отстаиваемых принципов.

«Главная сила Толстого в том и состоит, что он, пройдя через все ступени типичного для современных образованных людей разложения, сумел найти синтез...». Неправда. Именно синтеза ни в философских основах своего миросозерцания, ни в своем общественно-политическом учении Толстой не сумел, вернее: не мог найти. «Толстой впервые (!) объективировал, т. е. создал не только для себя, но и для других, ту *чисто человеческую* (курсив везде самого Базарова) религию, о которой Конт, Фейербах и другие представители современной культуры могли только субъективно (!) мечтать» и т. д., и т. д.

Этакие речи хуже, чем обычная обывательщина. Это — принаряживание «слякотии» фальшивыми цветами, способное только ввести в обман людей. Более полувека тому назад Фейербах, не умея «найти синтеза» в своем миросозерцании, представлявшем во многих отношениях «последнее слово» немецкой классической философии, запутался в тех «субъективных мечтах», отрицательное значение которых давно уже было оценено действительно передовыми «представителями современной культуры». Объявить теперь, что Толстой «впервые объективировал» эти «субъективные мечтания», значит уходить в лагерь поворачивающих вспять, значит льстить обывательщине, значит подпевать веховщине.

«Само собою разумеется, основанное Толстым движение (!?) должно претерпеть глубокие перемены, если ему действительно суждено сыграть великую всемирно-историческую роль: идеализация патриархально-крестьянского быта, тяготение к натуральному хозяйству и многие другие утопические черты толстовства, которые в настоящее время выпячиваются (!) на первый план и кажутся самым существенным, в действительности являются как раз

субъективными элементами, не связанными необходимой связью с основой толстовской «религии».

Итак, «субъективные мечты» Фейербаха Толстой «объективировал», а то, что Толстой отразил и в своих гениальных художественных произведениях и в своем полном противоречий учении, отмеченные Базаровым экономические особенности России прошлого века, это «как раз субъективные элементы» в его учении. Вот что называется попасть пальцем в небо. Но и то сказать: для «интеллигенции, разбитой и раскисшей» (и т. д., как выше цитировано), нет ничего приятнее, желательнее, милее, нет ничего более потворствующего ее раскислости, чем это возвеличение «объективированных» Толстым «субъективных мечтаний» Фейербаха и это *отвлечение* внимания от тех конкретных историко-экономических и политических вопросов, которые «в настоящее время выпячиваются на первый план»!

Понятно, что Базарову особенно не нравится «резкая критика», которую вызвало учение о непротавлении злу «со стороны радикальной интеллигенции». Для Базарова «ясно, что о пассивности и квиетизме тут говорить не приходится». Поясняя свою мысль, Базаров ссылается на известную сказку об «Иване Дураке» и предлагает читателю «представить себе, что солдат посылает на дураков не тараканский царь, а их собственный поумневший повелитель Иван, что при помощи этих солдат, набранных из самих же дураков и, следовательно, близких к ним по всему своему душевному складу, Иван хочет принудить своих подданных к выполнению каких-либо несправедливых требований. Совершенно очевидно, что дуракам, почти безоружным и не знакомым с ратным строем, нечего и мечтать о физической победе над войском Ивана. Даже при условии самого энергичного «сопротивления с насиллем» дураки могут победить Ивана не физическим, а только моральным воздействием, т. е. только путем так называемой «деморализации» солдат Иванова войска»... «Сопротивление дураков с насиллем достигает того же результата (но только хуже и с большими жертвами), как и сопротивление без насиллия»... «Непротавление злу насиллем или, вообще, гармония средства и цели (!!) отнюдь не является идеей, свойственной только внеобщественным моральным проповедникам. Идея эта есть необходимая составная часть всякого цельного мирозерцания».

Так рассуждает новый ратник потресовской рати. Разбирать его рассуждения мы здесь не можем, да, пожалуй, достаточно на первый раз просто воспроизвести из них главное и добавить три слова: это — чистейшая веховщина.

Из заключительных аккордов кантаты на тему о том, что уши выше лба не растут: «Незачем изображать нашу слабость в виде силы, в виде превосходства над «квиеетизмом» и «ограниченной рассудочностью» (а над непоследовательностью рассуждений?) Толстого. Этого не следует говорить не только потому, что это противоречит истине, но и потому также, что это мешает нам учиться у величайшего человека нашего времени».

Так. Так. Не к чему только сердиться, господа, и отвечать смешной бравадой и бранью (как г. Потресов в №№ 8—9 «Нашей Зари»), если вас благословляют, одобряют и лобызают Изгоевы. От этих лобызаний и старым и новым ратникам потресовской рати не очиститься.

Генеральный штаб этой рати снабдил «дипломатической» оговорочкой статью Базарова. Но немногим лучше помещенная без всяких оговорочек передовица г. Неведомского. «Вобрав в себя, — пишет сей вития современной интеллигенции, — и воплотив в законченном виде основные аспирации и стремления великой эпохи падения рабства в России, Лев Толстой оказался и чистейшим, законченнейшим воплощением общечеловеческого идеологического начала — *начала совести*».

Бум; бум, бум... Вобрав в себя и воплотив в законченном виде основные манеры декламации, свойственные либерально-буржуазной публицистике, М. Неведомский оказался и чистейшим, законченнейшим воплощением общечеловеческого идеологического начала — *начала празднословия*.

Еще одно, последнее сказанье:

«Все эти европейские поклонники Толстого, все эти Анатоли Франсы разных наименований, и палаты депутатов, недавно голосовавшие огромным большинством против отмены смертной казни, а теперь почтившие вставанием великого *цельного* человека, все это царство промежуточности, половинчатости, оговорочности — какой величавой, какой мощной, вылитой из единого чистого металла, фигурой стоит перед ними этот Толстой, это живое воплощение единого принципа».

Уф! Говорит красно — и все, ведь, это неправда. Не из единого, не из чистого и не из металла отлита фигура

Толстого. И «все эти» буржуазные поклонники *как раз* не за «цельность», как раз за отступление от цельности «почтили вставанием» его память.

Одно только хорошее словечко нечаянно сболтнул г. Неведомский. Это словечко — оговорочность — так же хорошо аттестует господ из «Нашей Зари», как аттестует *из* вышеприведенная характеристика интеллигенции у В. Базарова. Перед нами сплошь и целиком — герои «оговорочки». Потресов оговаривается, что не согласен с махистами, хотя и защищает их. Редакция оговаривается, что не согласна с «отдельными положениями» Базарова, хотя всякому ясно, что дело тут не в отдельных положениях. Потресов оговаривается, что его оклеветал Изгоев. Мартов оговаривается, что он не вполне согласен с Потресовым и Левицким, хотя именно им он служит верную политическую службу. Все они вместе оговариваются, что не согласны с Череваниным, хотя больше одобряют его *вторую* ликвидаторскую книжку, усугубляющую «дух» первого его детища. Череванин оговаривается, что не согласен с Масловым. Маслов оговаривается, что не согласен с Каутским.

Все сли вместе согласны только в том, что они не согласны с Плехановым, и что он клеветнически обвиняет их в ликвидаторстве, сам *будто бы* не будучи в состоянии объяснить своего теперешнего сближения с его вчерашними противниками.

Нет ничего проще, чем объяснение этого сближения, непонятного для людей оговорочных. Когда у нас был локомотив, мы расходились самым сильным образом относительно того, соответствует ли крепости сего локомотива, запасам топлива и т. д. быстрота, скажем, в 25 или в 50 верст в час. Спор об этом, как о всяком горячо волнующем вопросе, велся со страстью и нередко с озлоблением. Спор этот — решительно по каждому вопросу, по которому он возникал, — у всех на виду, всем открыт, договорен до конца, не замазан никакими «оговорочками». И никому из нас не приходит в голову брать что-либо назад или хныкать по поводу «озлобления спора». Но когда локомотиву случилось потерпеть поломку, когда он лежит в болоте, окруженный «оговорочными» интеллигентами, подло хихикающими по поводу того, что «и ликвидировать нечего», ибо локомотива уже нет, тогда нас,

вчерашних «озлобленных спорщиков», сближает одно общее дело. Ни от чего не отрекаясь, ничего не забывая, никаких обещаний об исчезновении разногласий не делая, мы общее дело делаем вместе. Мы все внимание и все усилия направляем на то, чтобы локомотив поднять, чтобы его обновить, укрепить, усилить, поставить на рельсы — о скорости движения и о повороте тех или иных стрелок успеем поспорить в свое время. Задача дня в наше трудное время — создать нечто, способное дать отпор «оговорочным» людям и «раскислым интеллигентам», поддерживающим прямо и косвенно царящую «слякоть». Задача дня — копать, хотя бы при самых тяжелых условиях, руду, добывать железо, отливать сталь марксистского миросозерцания и надстроек, сему миросозерцанию соответствующих.

«Мысль» № 1, декабрь 1910 г.
Подпись: В. И.

Печатается по тексту
журнала «Мысль»

ИСТОРИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЫ В РОССИИ ¹¹¹

Тему, указанную в заглавии, затрагивают статьи Троцкого и Мартова в №№ 50 и 51 «Neue Zeit»*. Мартов излагает взгляды меньшевизма. Троцкий плетется за меньшевиками, прикрываясь особенно звонкой фразой. Для Мартова «русский опыт» сводится к тому, что «бланкистская и анархистская некультурность одержали победу над марксистской культурностью» (читай: большевизм над меньшевизмом). «Русская социал-демократия говорила слишком усердно *по-русски*» в отличие от «*общеевропейских*» приемов тактики. У Троцкого «философия истории» та же самая. Причина борьбы — «приспособление марксистской интеллигенции к классовому движению пролетариата». На первый план выдвигаются «сектантский дух, интеллигентский индивидуализм, идеологический фетишизм». «Борьба за влияние на политически незрелый пролетариат» — вот в чем суть дела.

I

Теория, видящая в борьбе большевизма с меньшевизмом борьбу за влияние на незрелый пролетариат, не нова. Мы встречаем ее с 1905 года (если не с 1903-го) в бесчисленных книгах, брошюрах, статьях *либеральной* печати. Мартов и Троцкий преподносят немецким товарищам марксистски подкрашенные *либеральные* взгляды.

Конечно, русский пролетариат гораздо менее зрел политически, чем западно-европейский. Но из всех классов

---

* — «Новое Время». Ред.

русского общества именно пролетариат обнаружил в 1905—1907 годы *наибольшую* политическую зрелость. Русская либеральная буржуазия, которая вела себя у нас так же подло, трусливо, глупо и предательски, как немецкая в 1848 г., *именно потому* ненавидит русский пролетариат, что он оказался в 1905 году *достаточно зрел политически*, чтобы вырвать у этой буржуазии *руководство* движением, чтобы беспощадно разоблачать предательство либералов.

«Иллюзия» думать, — заявляет Троцкий, — будто меньшевизм и большевизм «пустили глубокие корни в глубинах пролетариата». Это — образчик тех звонких, но пустых фраз, на которые мастер наш Троцкий. Не в «глубинах пролетариата», а в *экономическом содержании* русской революции лежат *корни* расхождения меньшевиков с большевиками. Игнорируя это содержание, Мартов и Троцкий лишили себя возможности понять исторический смысл внутрипартийной борьбы в России. Суть не в том, «глубоко» ли проникли теоретические формулировки разногласий в те или иные слои пролетариата, а в том, что экономические условия революции 1905 года *поставили* пролетариат в враждебные отношения к либеральной буржуазии — не только из-за вопроса об улучшении быта рабочих, но также из-за аграрного вопроса, из-за всех политических вопросов революции и т. д. Говорить о борьбе направлений в русской революции, раздавая ярлыки: «сектантство», «некультурность» и т. п., и не говорить ни слова об основных экономических интересах пролетариата, либеральной буржуазии и демократического крестьянства — значит опускаться до уровня вульгарных журналистов.

Вот пример. «Во всей Западной Европе, пишет Мартов, крестьянские массы считают годными к союзу (с пролетариатом) лишь по мере того, как они знакомятся с тяжелыми последствиями капиталистического переворота в земледелии; в России же нарисовали себе картину объединения численно слабого пролетариата с 100 миллионами крестьян, которые еще не испытали или почти не испытали «воспитательного» действия капитализма и потому не были еще в школе капиталистической буржуазии».

Это не обмолвка у Мартова. Это — центральный пункт *всех* воззрений меньшевизма. Этими идеями насквозь

пропитана оппортунистическая история русской революции, выходящая в России под редакцией Потресова, Мартова и Маслова («Общественное движение в России в начале XX века»). Меньшевик Маслов выразил эти идеи еще рельефнее, сказав в итоговой статье этого «труда»: «Диктатура пролетариата и крестьянства *противоречила бы всему ходу хозяйственного развития*». Именно здесь надо искать корня разногласий большевизма и меньшевизма.

Мартов *подменил* школу капитализма школой капиталистической буржуазии (в скобках будь сказано: другой буржуазии, кроме капиталистической, на свете не бывает). В чем состоит школа капитализма? В том, что он вырывает крестьян из деревенского идиотизма, встряхивает их и *толкает на борьбу*. В чем состоит школа «капиталистической буржуазии»? В том, что «немецкая буржуазия 1848 года без всякого зазрения совести предает крестьян, своих самых естественных союзников, без которых она бессильна против дворянства» (К. Маркс в «*Новой Рейнской Газете*» от 29-го июля 1848 г.)¹¹². В том, что русская либеральная буржуазия в 1905—1907 годах систематически и неуклонно предавала крестьян, перекидывалась по сути дела на сторону помещиков и царизма против борющихся крестьян, ставила прямые помехи развитию крестьянской борьбы.

Под прикрытием «марксистских» словечек о «воспитании» крестьян капитализмом Мартов защищает «*воспитание*» крестьян (*революционно боровшихся с дворянством*) либералами (*которые предавали крестьян дворянам*).

Это и есть подмена марксизма либерализмом. Это и есть марксистскими фразами прикрашенный либерализм. Слова Бебеля в Магдебурге, что среди социал-демократов имеются национал-либералы, верны не только в применении к Германии.

Необходимо заметить еще, что большинство идейных вождей русского либерализма воспитались на немецкой литературе и специально переносят в Россию *брентановский* и *зомбартовский* «марксизм», признающий «школу капитализма», но отвергающий школу революционной классовой борьбы. Все контрреволюционные либералы в России, Струве, Булгаков, Франк, Изгоев и К^о, щеголяют такими же «марксистскими» фразами.

Мартов сравнивает Россию эпохи крестьянских восстаний против феодализма с «Западной Европой», давным-давно покончившей с феодализмом. Это феноменальное извращение исторической перспективы. Есть ли «во всей Западной Европе» социалисты, у которых в программе стоит требование: «поддержать революционные выступления крестьянства вплоть до *конфискации помещичьих земель*»¹¹³? Нет. «Во всей Западной Европе» социалисты отнюдь не поддерживают мелких хозяев в их борьбе из-за землевладения против крупных хозяев. В чем разница? В том, что «во всей Западной Европе» давно сложился и окончательно определился буржуазный строй, в частности, буржуазные аграрные отношения, а в России именно теперь идет революция *из-за того, как* сложится этот буржуазный строй. Мартов повторяет истасканный прием либералов, которые всегда противопоставляют периоду революционных конфликтов из-за данного вопроса такие периоды, когда революционных конфликтов нет, ибо самый вопрос давно решен.

Трагикомедия меньшевизма в том и состоит, что он *должен был* во время революции принять тезисы, неприемлимые с либерализмом. Если мы поддерживаем борьбу «крестьянства» за *конфискацию* земель, значит, мы признаем победу возможной, экономически и политически выгодной для рабочего класса и для всего народа. А победа «крестьянства», руководимого пролетариатом, в борьбе за *конфискацию* помещичьих земель и есть *революционная диктатура пролетариата и крестьянства*. (Вспомним слова Маркса в 1848 г. о необходимости диктатуры в революции и справедливые насмешки Меринга над людьми, обвинявшими Маркса в том, будто он хотел введением диктатуры осуществить демократию¹¹⁴.)

В корне ошибочен взгляд, будто диктатура этих классов «противоречит всему ходу хозяйственного развития». Как раз наоборот. *Только* такая диктатура смела бы дочиста все остатки феодализма, обеспечила бы самое быстрое развитие производительных сил. Наоборот, политика либералов отдаст дело в руки русских юнкеров, которые во сто крат *замедляют* «ход хозяйственного развития» России.

В 1905—1907 годы противоречие между либеральной буржуазией и крестьянством вскрылось вполне. Весной и осенью 1905 г., а также весной 1906 г. крестьянские восстания охватили *от* $\frac{1}{3}$ *до* $\frac{1}{2}$ уездов центральной России. Крестьяне разрушили до 2 000 помещичьих усадеб (к сожалению, это не более $\frac{1}{15}$ того, что следовало разрушить). *Только* пролетариат беззаветно помогал этой революционной борьбе, всесторонне направлял ее, руководил ею, объединял ее своими массовыми стачками. Либеральная буржуазия *никогда, ни разу* не помогла революционной борьбе, предпочитая «успокаивать» крестьян и «мирить» их с помещиками и царем. Затем в обеих первых Думах (1906 и 1907 гг.) на парламентской арене повторилось то же самое. *Все время* либералы тормозили борьбу крестьян, предавали их, и *только рабочие депутаты* направляли и поддерживали крестьян *против либералов*. Борьба либералов с крестьянами и социал-демократами наполняет собой всю историю I и II Думы. Борьба большевизма и меньшевизма *неразрывно* связана с этой историей, как борьба из-за поддержки либералов, из-за свержения гегемонии либералов над крестьянством. Поэтому объяснять наши расколы влиянием интеллигенции, незрелостью пролетариата и т. п. есть ребячески наивное повторение либеральных сказок.

По той же причине в корне фальшиво рассуждение Троцкого, будто в международной социал-демократии расколы *вызываются* «процессом приспособления социально-революционного класса к ограниченным (узким) условиям парламентаризма» и т. д., а в русской социал-демократии приспособлением интеллигенции к пролетариату. «Насколько ограничено (узко) — пишет Троцкий — с точки зрения социалистической конечной цели было реальное политическое содержание этого процесса приспособления, настолько же несдержаны были его формы, велика была идеологическая тень, отбрасываемая этим процессом».

Это поистине «несдержанное» фразерство есть лишь «идеологическая тень» либерализма. Как Мартов, так и Троцкий смешивают в кучу разнородные исторические периоды, противопоставляя России, совершающей свою буржуазную революцию, — Европу, давно кончившую эти революции. В Европе реальное политическое содержание

социал-демократической работы есть подготовка пролетариата к борьбе за власть с буржуазией, которая имеет уже полное господство в государстве. В России дело идет *только еще о создании* современного буржуазного государства, которое будет похоже или на юнкерскую монархию (в случае победы царизма над демократией), или на крестьянскую буржуазно-демократическую республику (в случае победы демократии над царизмом). А победа демократии в современной России возможна только в том случае, если крестьянские массы пойдут *ва революционным* пролетариатом, а не *ва предательским либерализмом*. Этот вопрос исторически еще не решен. Буржуазные революции в России еще не закончены, и *ва этих пределах*, т. е. в пределах борьбы за *форму* буржуазного порядка в России, «реальное политическое содержание» работы русских социал-демократов *менее «ограничено»*, чем в странах, где нет никакой борьбы за конфискацию крестьянами помещичьих земель, где давно окончены буржуазные революции.

Легко понять, почему классовые интересы буржуазии заставляют либералов внушать рабочим, что их роль в революции «ограничена», что борьба направлений вызывается интеллигенцией, а не глубокими экономическими противоречиями, что рабочая партия должна быть «не гегемоном в освободительной борьбе, а классовой партией». Именно такая формула выдвинута в самое последнее время ликвидаторами-голосовцами (Левицкий в «Нашей Заре») и одобрена либералами. Слова «классовая партия» они понимают в брентановско-зомбартовском смысле: заботьтесь только о своем классе и бросьте «бланкистские мечты» о руководстве всеми революционными элементами народа в борьбе с царизмом и с предательским либерализмом.

II

Рассуждения Мартова о русской революции и Троцкого о современном положении русской социал-демократии дают конкретные подтверждения неверности их основных взглядов.

Начнем с бойкота. Мартов называет бойкот «политическим воздержанием», приемом «анархистов и синдикалистов», причем говорит *только* о 1906 году. Троцкий говорит,

что «бойкотистская тенденция идет через всю историю большевизма — бойкотирование профессиональных союзов, Государственной думы, местного самоуправления и т. д.», что это есть «продукт сектантской боязни утонуть в массах, радикализм непримиримого воздержания» и т. д. Относительно бойкота профессиональных союзов и местного самоуправления Троцкий говорит *прямую неправду*. Такая же неправда, что бойкотизм тянется через всю историю большевизма; большевизм вполне сложился, как направление, весной и летом 1905 года, до первого возникновения вопроса о бойкоте. Большевизм заявил в августе 1906 г. в официальном органе фракции о том, что миновали исторические условия, вызывавшие необходимость бойкота*.

Троцкий извращает большевизм, ибо Троцкий никогда не мог усвоить себе сколько-нибудь определенных взглядов на роль пролетариата в русской буржуазной революции.

Но еще гораздо хуже извращение истории этой революции. Если говорить о бойкоте, надо начать с начала, а не с конца. Первая (и единственная) победа в революции вырвана массовым движением, которое *шло под лозунгом бойкота*. Забывать об этом выгодно только либералам.

Закон 6/19 августа 1905 г. создавал булыгинскую Думу, как учреждение совещательное. Либералы, даже самые левые, решили участвовать в ней. Социал-демократия громадным большинством (против меньшевиков) решила бойкотировать эту Думу и звать массы к прямому натиску на царизм, к массовой стачке и восстанию. Следовательно, вопрос о бойкоте не был вопросом только внутри социал-демократии. Он был вопросом борьбы *либерализма с пролетариатом*. Вся либеральная пресса того времени показывает, что либералы боялись развития революции и все усилия направляли к «соглашению» с царизмом.

Каковы были объективные условия для непосредственной массовой борьбы? На это лучший ответ дает статистика стачек (с подразделением на экономические и политические) и крестьянского движения. Приводим главные данные, которые послужат нам для иллюстрации всего дальнейшего изложения.

* См. Сочинения, 4 изд., том 11, стр. 118—125. Ред.

Число стачечников (в тысячах) в каждую четверть года*.

		1905				1906				1907			
		I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV
Всего		810	481	294	1277	269	479	296	63	196	323	77	193
В том числе в стачках	экономических	411	190	143	275	73	222	125	37	52	52	66	30
	политических	399	291	151	1002	196	257	171	26	94	271	11	163
Процент уездов, охваченных крестьянским движением		14,2%		36,9%		49,2%		21,1%					

Эти цифры показывают нам, какую гигантскую энергию способен развить пролетариат в революции. За все 10-тилетие перед революцией число стачечников в России было только 431 тысяча, т. е. в среднем по 43 тысячи в год, а в 1905 году все число стачечников составило 2863 тысячи — при 1661 тысяче всех фабричных рабочих! Подобного стачечного движения не видал еще мир. В 3-ью четверть 1905 года, когда впервые возник вопрос о бойкоте, мы видим как раз переходный момент к новой, гораздо более сильной волне стачечного (а за ним и крестьянского) движения. Помогать ли развитию этой революционной волны, направляя ее на свержение царизма, или позволить царизму отвлечь внимание масс игрой в совещательную Думу, — таково было *реальное историческое содержание* вопроса о бойкоте. Можно судить поэтому, до какой степени пошлы и либерально-тупоумны потуги связать бойкот в истории русской революции с «политическим воздержанием», «сектантством» и т. п.! Под лозунгом бойкота, принятым *против* либералов, шло движение, поднявшее число политических забастовщиков с 151 тысячи в 3-ью четверть 1905 года до 1 миллиона в 4-ую четверть 1905 года.

* Чертой обведены периоды особенно важные: 1905 I — 9 января; 1905 IV — апогей революции, октябрь и декабрь; 1906 II — первая Дума; 1907 II — вторая Дума. Данные взяты из официальной статистики стачек¹¹⁸, которые я разрабатываю подробно в подготавливаемом мною к печати очерке истории русской революции. (См. настоящий том, стр. 361—386. Ред.)

Мартов объявляет «главной причиной» успеха стачек 1905 года «растущее оппозиционное течение в широких буржуазных кругах». «Влияние этих широких слоев буржуазии шло так далеко, что они, с одной стороны, прямо подстрекали рабочих к политическим стачкам», а с другой, побуждали фабрикантов «платить рабочим заработную плату за время стачки» (курсив Мартова).

Этому сладенькому воспеванию «влияния» буржуазии мы противопоставим сухую статистику. В 1905 г. стачки всего чаще, по сравнению с 1907 г., оканчивались в пользу рабочих. И вот данные за этот год: 1438610 стачечников предъявляли экономические требования; 369304 рабочих выиграли борьбу, 671590 — кончили ее компромиссом, 397716 — проиграли. Таково было на деле (а не по либеральным сказкам) «влияние» буржуазии. Мартов совершенно по-либеральному извращает действительное отношение пролетариата к буржуазии. Не потому рабочие победили (и в «экономике» и в политике), что буржуазия изредка платила за стачки или выступала оппозиционно, а потому буржуазия фрондировала и платила, что рабочие побеждали. Сила классового напора, сила миллионных стачек, крестьянских волнений, военных восстаний есть причина, «главная причина», любезнейший Мартов; «сочувствие» буржуазии есть следствие.

«17-ое октября, — пишет Мартов, — открывшее перспективы на выборы в Думу и создавшее возможность созывать собрания, основывать рабочие союзы, издавать социал-демократические газеты, показывало направление, в котором следовало бы вести работу». Но беда была в том, что «идея возможности «стратегии утомления» не пришла никому в голову. Все движение было искусственно толкаемо к серьезному и решительному столкновению», т. е. к декабрьской стачке и декабрьскому «кровавому поражению».

Каутский спорил с Р. Люксембург о том, наступил ли в Германии весной 1910 г. момент перехода «стратегии утомления» в «стратегию низвержения», причем Каутский сказал ясно и прямо, что этот переход неизбежен при дальнейшем развитии политического кривиса. А Мартов, цепляясь за полы Каутского, проповедует задним числом «стратегию утомления» в момент наивысшего обострения революции. Нет, любезный Мартов, вы просто повторяете

либеральные речи. Не «перспективы» мирной конституции «открыло» 17-ое октября, это либеральная сказка, а *гражданскую войну*. Эта война подготовлялась не субъективной волей партий или групп, а всем ходом событий с января 1905 года. Октябрьский манифест знаменовал не прекращение борьбы, а уравнивание сил борющихся: царизм *уже не мог* управлять, революция *еще не могла* его свергнуть. Из этого положения с объективной неизбежностью вытекал решительный бой. Гражданская война и в октябре и в ноябре была *фактом* (а мирные «перспективы» либеральной ложью); выразилась эта война не только в погромах, но и в борьбе вооруженной силой против непокорных частей армии, против крестьян в трети России, против окраин. Люди, которые при таких условиях считают *«искусственным»* вооруженное восстание и массовую стачку в декабре, лишь *искусственно* могут быть причисляемы к социал-демократии. *Естественная* партия для таких людей есть партия либеральная.

Маркс говорил в 1848 и в 1871 г., что бывают моменты в революции, когда сдача позиции врагу без борьбы больше деморализует массы, чем поражение в борьбе¹¹⁶. Декабрь 1905 г. был не только таким моментом в истории русской революции. Декабрь был естественным и неизбежным завершением *массовых* столкновений и битв, параставших во всех концах страны в течение 12-ти месяцев. Об этом свидетельствует *даже* сухая статистика. Число *чисто* политических (т. е. не предъявлявших никаких экономических требований) стачечников было: в январе 1905 г. — 123 тысячи, в октябре — 328 тысяч, в декабре 372 тысячи. И нас хотят уверить, что этот рост был *«искусственный»*! Нам преподносят сказку, будто *подобный* рост массовой политической борьбы *наряду* с восстаниями в войсках *возможен* без неизбежного перехода в вооруженное восстание! Нет, это не история революции, а либеральная клевета на революцию.

III

«Как раз в это время» — пишет Мартов об октябрьской стачке — «время всеобщего возбуждения рабочих масс... возникает стремление слить воедино борьбу за политическую свободу с экономической борьбой. Но, вопреки мнению тов. Розы Люксембург, в этом сказалась не сильная,

а слабая сторона движения». Попытка ввести революционным путем 8-мичасовой рабочий день кончилась неудачей и «дезорганизовала» рабочих. «В том же направлении действовала всеобщая стачка почтовых и телеграфных служащих в ноябре 1905 года». Так пишет историю Мартов.

Достаточно бросить взгляд на вышеприведенную статистику, чтобы видеть фальшь этой истории. На протяжении *всех* трех лет революции мы видим при *каждом* обострении политического кризиса подъем не только политической, но и экономической стачечной борьбы. В их соединении заключалась не слабость, а *сила* движения. Обратный взгляд есть взгляд либеральных буржуа, которые как раз хотели бы участия рабочих в политике *без* вовлечения самых широких масс в революцию и в борьбу с буржуазией. Именно после 17 октября либеральное земское движение окончательно раскололось: землевладельцы и фабриканты составили открыто контрреволюционную партию «октябристов», которые всей силой репрессий обрушились на забастовщиков (а «левые» либералы, кадеты, в печати обвиняли рабочих в «безумии»). Мартов, вслед за октябристами и кадетами, видит «слабость» рабочих в том, что они как раз в это время старались сделать экономическую борьбу еще более наступательной. Мы видим слабость рабочих (а еще более крестьян) в том, что они недостаточно решительно, недостаточно широко, недостаточно быстро перешли к наступательной экономической и вооруженной политической борьбе, которая *неизбежно* вытескала из *всего* хода развития событий, а вовсе не из субъективных желаний отдельных групп или партий. Между нашим взглядом и взглядом Мартова лежит пропасть, и эта пропасть между взглядами «интеллигентов» отражает только, вопреки Троцкому, пропасть, которая была *на деле* в конце 1905 г. *между классами*, именно между революционным борющимся пролетариатом и изменчески ведущей себя буржуазией.

Надо добавить еще, что поражения рабочих в стачечной борьбе характеризуют не только конец 1905 г., выхваченный Мартовым, а еще более 1906 и 1907 годы. Статистика говорит нам, что за 10 лет, 1895—1904, фабриканты выиграли 51,6% стачек (по числу стачечников); в 1905 г.—29,4%; в 1906 году—33,5%; в 1907 году—57,6%;

в 1908 году — 68,8%. Значит ли это, что экономические стачки 1906—1907 гг. были «безумны», «несвоевременны», были «слабой стороной движения»? Нет. Это значит, что, поскольку натиск революционной борьбы масс был недостаточно силен в 1905 г., постольку поражение (и в политике, и в экономике) было неизбежно, но если бы пролетариат не сумел при этом по меньшей мере *дважды* подниматься для *нового* натиска на врага (*четверть миллиона* одних только *политических* стачечников во вторую четверть 1906 года и также 1907), то поражение было бы *еще сильнее*; государственный переворот произошел бы не в июне 1907 г., а годом, или даже более чем годом, *раньше*; экономические завоевания 1905 г. были бы отобраны у рабочих *еще быстрее*.

Вот этого значения революционной борьбы масс абсолютно не понимает Мартов. Вслед за либералами, он говорит про бойкот в начале 1906 года, что «социал-демократия осталась на время *вне политической линии борьбы*». Чисто теоретически, подобная постановка вопроса о бойкоте 1906 г. есть невероятное упрощение и опoшление очень сложной проблемы. Какова была *реальная* «линия борьбы» во 2-ую четверть 1906 г., парламентская или внепарламентская? Посмотрите на статистику: число «экономических» стачечников поднимается с 73 тысяч до 222 тысяч, политических с 196 до 257. Процент уездов, охваченных крестьянским движением, с 36,9% до 49,2%. Известно, что военные восстания тоже чрезвычайно усилились и участились во 2-ую четверть 1906-го по сравнению с 1-ой. Известно дальше, что I Дума была самым революционным в мире (в начале XX века) и в то же время самым бессильным парламентом; ни одно ее решение не было проведено в жизнь.

Таковы объективные факты. Либералы и Мартов оценивают эти факты так, что Дума была реальной «*линией борьбы*», а восстания, политические стачки, крестьянские и солдатские волнения пустым делом «революционных романтиков». А глубокомыслящий Троцкий думает, что разногласия фракций на этой почве были «интеллигентской» «борьбой за влияние на незрелый пролетариат». Мы думаем, что объективные данные свидетельствуют о наличии весной 1906 г. такого серьезного подъема действительно революционной борьбы *масс*, что

социал-демократическая партия *обязана была* признать такую именно борьбу главной борьбой и приложить все усилия к ее поддержке и развитию. Мы думаем, что своеобразная политическая ситуация той эпохи, — когда царское правительство получило с Европы двухмиллиардный заем как бы под обеспечение созыва Думы, когда царское правительство спешно издавало законы против бойкота Думы, — вполне оправдывала попытку пролетариата вырвать из рук царя созыв первого парламента в России. Мы думаем, что не социал-демократия, а *либералы* «остались тогда *вне политической линии борьбы*». Те конституционные плюзии, на распространении которых в массах была построена вся карьера либералов в революции, были опровергнуты всего рельефнее историей первой Думы.

В обеих первых Думах либералы (кадеты) имели большинство и с шумом и треском занимали политическую авансцену. Но именно эти «победы» либералов и показали наглядно, что либералы все время оставались «вне политической линии борьбы», что они были политическими комедiantами, глубоко развращавшими демократическое сознание масс. И если Мартов и его друзья, вслед за либералами, указывают на тяжелые поражения революции как на урок того, «*чего не делать*», то мы ответим им: единственная реальная победа, одержанная революцией, была победой пролетариата, который отбросил либеральные советы идти в булыгинскую Думу и повел за собой крестьянские массы на восстание. Это во-1-х. А во-2-х, своей геройской борьбой в течение трех лет (1905—1907) русский пролетариат завоевал себе и русскому народу то, на завоевание чего другие народы потратили десятилетия. Он завоевал *освобождение* рабочих масс *из-под влияния* предательского и презренно-бессильного *либерализма*. Он завоевал себе роль *вождя* в борьбе за свободу, за демократию, как условие для борьбы за социализм. Он завоевал всем угнетенным и эксплуатируемым классам России *умение* вести революционную массовую борьбу, без которой нигде на свете не достигалось ничего серьезного в прогрессе человечества.

Этих завоеваний не отнимет у русского пролетариата никакая реакция, никакая ненависть, брань и злобствование либералов, никакие шатания, близорукость и маловерие социалистических оппортунистов.

IV

Развитие фракций русской социал-демократии после революции объясняется опять-таки не «приспособлением интеллигенции к пролетариату», а изменениями в отношениях между классами. Революция 1905—1907 годов обострила, сделала открытым, выдвинула на очередь дня антагонизм крестьянства и либеральной буржуазии в вопросе о *форме* буржуазного порядка в России. Политически созревший пролетариат не мог не принять самого энергичного участия в этой борьбе, и отражением его отношения к разным классам нового общества явилась борьба большевизма и меньшевизма.

Трехлетие 1908—1910 годов характеризуется победой контрреволюции, восстановлением самодержавия и III Думой, Думой черносотенцев и октябристов. Борьба между буржуазными классами за форму нового порядка сошла с авансены. Для пролетариата выдвинулась на очередь дня *элементарная* задача отстоять свою, пролетарскую, партию, враждебную и реакции, и контрреволюционному либерализму. Эта задача не легка, потому что именно на пролетариат обрушилась вся тяжесть экономических и политических преследований, вся ненависть либералов за вырванное у них социал-демократией руководство массами в революции.

Кризис социал-демократической партии очень тяжел. Организации разбиты. Масса старых руководителей (особенно из интеллигенции) арестованы. Новый тип социал-демократического рабочего, берущего партийные дела в свои руки, уже народился, но ему приходится преодолевать необыкновенные трудности. При таких условиях социал-демократическая партия теряет многих «попутчиков». Естественно, что в буржуазной революции к социалистам примкнули мелкобуржуазные попутчики. Они отпадают теперь от марксизма и от социал-демократии. Процесс этот обнаружился в обеих фракциях: у большевиков в виде течения «отзовистского», которое появилось весной 1908 г., сразу потерпело поражение на Московской конференции и, после долгой борьбы, отвергнутое официальным центром фракции, составило за границей *особую фракцию* — «впередовскую». Своеобразие периода распада выразилось в том, что в этой фракции сошлись вместе и те «махисты», которые в *платформу* свою внесли борьбу

с марксизмом (под вывеской защиты «пролетарской философии»), и «ультиматисты», эти стыдливые отзовисты, и различного типа «социал-демократы дней свободы», увлеченные «яркостью» лозунгов, затвердившие их, но *не появившие* основ марксизма.

У меньшевиков тот же процесс отпадения мелкобуржуазных «попутчиков» выразился в течении ликвидаторском, которое вполне оформилось теперь в журнале г. Потресова «Наша Заря», в «Возрождении» и «Жизни», в позиции «16-ти» и «тройки» (Михаила, Романа, Юрия), причем заграничный «Голос Социал-Демократа» занял место *прислужника* русских ликвидаторов на деле и дипломатического прикрывателя их перед партийной публикой.

Не понявши историко-экономического значения этого распада в эпоху контрреволюции, этого *отпадения* от социал-демократической рабочей партии *несоциал-демократических* элементов, Троцкий говорит немецким читателям о «распаде» обеих фракций, о «распаде партии», о «разложении партии».

Это — неправда. И эта неправда выражает, во-первых, полнейшее теоретическое непонимание Троцкого. Почему пленум признал *и* ликвидаторство, *и* отзовизм «проявлением буржуазного влияния на пролетариат», этого Троцкий абсолютно не понял. Подумайте в самом деле: распад партии, разложение партии или укрепление и очищение ее выражается в отделении осуждаемых партией течений, выражающих *буржуазное* влияние на пролетариат?

Во-2-х, эта неправда выражает на практике *рекламную* «политику» фракции Троцкого. Что предприятие Троцкого есть попытка создать фракцию, это видят теперь все и каждый, когда Троцкий удалил из «Правды» представителя ЦК. Рекламируя свою фракцию, Троцкий не стесняется рассказывать немцам, что «партия» *распадается*, обе фракции *распадаются*, а он, Троцкий, один все спасает. На деле мы все видим теперь, — и новейшая резолюция троцкистов (от имени венского клуба, 26 ноября 1910 г.) особенно наглядно это показывает, — что *доверием* Троцкий пользуется *исключительно* у ликвидаторов и «впередовцев».

До какой беззастенчивости доходит при этом Троцкий, унижая партию и возвеличивая себя перед немцами, показывает, например, такой пример. Троцкий пишет, что

«рабочие массы» в России считают «социал-демократическую партию стоящей *вне* (курсив Троцкого) их круга», и говорит о «социал-демократах без социал-демократии».

Как же г. Потресову и его друзьям не целовать Троцкого за такие речи?

А опровергает эти речи не только *вся* история революции, но даже выборы в III Думу по рабочей курии.

Для работы в легальных организациях, пишет Троцкий, «фракции меньшевиков и большевиков оказались, по их прежнему идейному и организационному укладу, совершенно неспособными»; работали «отдельные группы социал-демократов, но все это происходило вне рамок фракций, вне их организационного воздействия». «Даже важнейшая легальная организация, в которой меньшевики имеют перевес, работает совершенно вне контроля меньшевистской фракции». Так пишет Троцкий. А вот каковы факты. С самого начала существования социал-демократической фракции в III Думе большевистская фракция через своих доверенных людей, имевших полномочия от ЦК партии, все время вела работу содействия, помощи, совета и контроля за работой социал-демократов в Думе. То же делает редакция ЦО партии, состоящая из представителей фракций (которые распустились, как фракции, в январе 1910 г.).

Когда Троцкий подробно рассказывает немецким товарищам о глупости «отзовизма», изображая это течение, как «кристаллизацию» бойкотизма, свойственного всему большевизму, а затем в двух словах упоминает, что большевизм «не дал себя осилить» отзовизму, а «выступил против него решительно или, вернее, необузданно», то немецкий читатель, конечно, не представляет себе, сколько утонченного вероломства в подобном изложении. Иезуитская «резервация» Троцкого состоит в опущении маленькой, совсем маленькой «мелочи». Он «забыл» рассказать, что еще весной 1909 года большевистская фракция на официальном собрании ее представителей отстранила от себя, исключила отзовистов. Но как раз эта «мелочь» и неудобна Троцкому, желающему говорить о «распаде» большевистской фракции (а затем и партии), а не об *отпадении* несоциал-демократических элементов!

Мартова мы считаем теперь одним из вождей ликвидаторства, тем болсе опасным, чем «искуснее» защищает он

ликвидаторов квази-марксистскими словами. Но Мартов открыто излагает взгляды, наложившие свой отпечаток на целые течения в массовом рабочем движении 1903—1910 годов. Троцкий же представляет только свои личные колебания и ничего больше. Он был в 1903 г. меньшевиком; отошел от меньшевизма в 1904 г., вернулся к меньшевикам в 1905 г., шеголяя лишь ультра-революционной фразой; в 1906 г. опять отошел; в конце 1906 г. защищал избирательные соглашения с кадетами (т. е. фактически опять был с меньшевиками), а весной 1907 г. на Лондонском съезде говорил, что его различие от Розы Люксембург есть «скорее различие индивидуальных оттенков, чем политических направлений». Троцкий совершает плагиат сегодня из идейного багажа одной фракции, завтра — другой, и поэтому объявляет себя стоящим *выше* обеих фракций. Троцкий в теории *ни в чем* не согласен с ликвидаторами и отзовистами, а на практике во всем согласен с голосовцами и впередовцами.

Поэтому, если немецким товарищам Троцкий говорит, что он представляет «общепартийную тенденцию», то мне приходится заявить, что Троцкий представляет лишь *свою* фракцию и пользуется некоторым доверием *исключительно* у отзовистов и ликвидаторов. Вот факты, доказывающие правильность моего заявления. В январе 1910 г. Центральный Комитет нашей партии установил тесную связь с газетой Троцкого «Правда», назначив в редакцию представителя ЦК. В сентябре 1910 г. в Центральном Органе партии напечатано о *разрыве* представителя ЦК с Троцким из-за антипартийной политики Троцкого. В Копенгагене Плеханов, как представитель партийных меньшевиков и делегат редакции ЦО, вместе с пишущим эти строки, как представителем большевиков, и польским товарищем заявили решительный протест против того, как изображает Троцкий в немецкой печати наши партийные дела.

Пусть судят теперь читатели, представляет ли Троцкий «общепартийную» или «общепартийную» тенденцию в российской социал-демократии.

Написано в конце 1910 г.

*Напечатано 29 апреля
(12 мая) 1911 г.*

*в «Дискуссионном Листке» № 3
Подпись: В. Ленин*

*Печатается по тексту
«Дискуссионного Листка»*

**О СТАТИСТИКЕ СТАЧЕК
В РОССИИ¹¹⁷**

Написано в конце 1910 г.

*Напечатано в декабре 1910 г.
и в январе 1911 г. в журнале*

«Мысль» № № 1 и 2

Подпись: В. И л ь и н

Печатается по тексту журнала

I

Известные издания министерства торговли и промышленности «Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах» за десятилетие 1895—1904 и за 1905—1908 годы были уже неоднократно отмечены нашей литературой. Материал, собранный в этих изданиях, так богат и так ценен, что полное изучение и всесторонняя разработка его потребует еще очень много времени. Разработка, сделанная в названном издании, есть только первый приступ к делу, далеко и далеко не достаточный. В настоящей статье мы намерены ознакомить читателей с предварительными итогами одного опыта более детальной разработки, откладывая полное изложение до другого места.

Вполне установлен прежде всего тот факт, что стачки в России в 1905—1907 годах представляют из себя явление, невиданное в мире. Вот данные о числе стачечников в тысячах по годам и странам:

Среднее	Россия	Соед. Штаты Америки	Герма- ния	Фран- ция
ва 1895—1904 гг.	43	} максимум за все пят- надцатилетие 1894—1908 гг.	} 660	} 527
» 1905 г.	2 863			
» 1906 г.	1 108			
» 1907 г.	740			
» 1908 г.	176			
» 1909 г.	64			

Трехлетие 1905—1907 гг. выдается из ряду вон. Минимум числа стачечников в России за это трехлетие превышает максимум, когда бы то ни было достигавшийся в наиболее капиталистических странах мира. Это не значит, конечно, что русские рабочие развитее или сильнее, чем на Западе.

Но это значит, что человечество до сих пор не знало, какую энергию *способен* развить в данной области промышленный пролетариат. Своеобразие исторического хода событий выразилось в том, что приблизительные размеры этой способности впервые обнаружили в одной отсталой стране, переживающей еще буржуазную революцию.

Чтобы уяснить себе, каким образом в России, при небольшом, по сравнению с Западной Европой, числе фабрично-заводских рабочих, могло быть так велико число стачечников, надо принять во внимание *повторные* стачки. Вот данные о числе повторных стачек по годам в связи с отношением числа стачечников к числу рабочих:

Годы	Процентное отношение числа стачечников к общему числу рабочих	Процентное отношение числа повторных случаев стачек к общему числу стачек
1895—1904	1,46%—5,10%	36,2%
1905	163,8	85,5
1906	65,8	74,5
1907	41,9	51,8
1908	9,7	25,4

Мы видим отсюда, что трехлетие 1905—1907 гг., выходящее из ряду вон по общему числу стачечников, выделяется также по частоте повторных стачек и по высоте процентного отношения числа стачечников к общему числу рабочих.

Статистика дает нам также действительное число заведений, охваченных стачками, и рабочих, участвовавших в стачках; вот эти данные по годам:

	Процент участников стачек в заведениях, пораженных стачками, к общему числу рабочих
За 10 лет (1895—1904) в совокупности	27,0%
» 1905 год	60,0
» 1906 »	37,9
» 1907 »	32,1
» 1908 »	11,9

И эта табличка, подобно предыдущей, показывает, что упадок числа стачечников с 1906 по 1907 год *гораздо слабее*, в общем, чем упадок с 1905 по 1906 год. Мы увидим в дальнейшем изложении, что в некоторых производствах и в некоторых районах с 1906 по 1907 г. наблюдается не упадок, а усиление стачечного движения. Пока отметим, что погубернские данные о числе рабочих, действительно уча-

ствовавших в стачках, показывают следующее интересное явление. С 1905 по 1906 год процент рабочих, участвовавших в стачках, понизился в громадном большинстве губерний с развитой промышленностью; но есть ряд губерний, в которых этот процент *повысился* с 1905 по 1906 год. Это — наименее промышленные, наиболее захолустные, так сказать, губернии. Сюда относятся, например, губернии дальнего севера: Архангельская (11 тыс. фабрично-заводских рабочих: 1905 г. — 0,4 проц. раб., участвовавших в стачках; 1906 г. — 78,6 проц.), Вологодская (6 тыс. фаб.-завод. рабочих; 26,8 проц. — 40,2 проц. за те же годы), Олонецкая (1 тыс. фаб.-зав. раб.; 0—2,6 проц.); а затем губерния Черноморская (1 тыс. фаб.-зав. раб.; 42,4 проц. — 93,5 проц.); из поволжских — Симбирская (14 тыс. фаб.-заводских раб.; 10,0 проц. — 33,9 проц.); из центральных земледельческих — Курская (18 тыс. фаб.-зав. раб.; 14,4 проц. — 16,9 проц.); из восточной окраины — Оренбургская (3 тыс. фаб.-зав. раб.; 3,4 проц. — 29,4 проц.).

Ясно, какое значение имеет повышение процента участников стачек в этих губерниях с 1905 по 1906 год: до них волна не успела докатиться в 1905 году, они начали втягиваться в движение лишь после годовой, невиданной в мире, борьбы более передовых рабочих. С этим явлением, очень важным для понимания исторического хода событий, мы встретимся неоднократно в дальнейшем изложении.

Наоборот, с 1906 по 1907 год процент участников стачек повышается в некоторых очень промышленных губерниях, например, в Петербургской (68,0 проц. в 1906 г.; 85,7 проц. в 1907 г. — почти столько же, сколько в 1905 г., 85,9 проц.), во Владимирской (37,1 проц. — 49,6 проц.), Бакинской (32,9 проц. — 85,5 проц.), Киевской (10,9 проц. — 11,4 проц.) и в ряде других. Таким образом, если в увеличении процента стачечников по ряду губерний с 1905 по 1906 год мы наблюдаем арьергард рабочего класса, опоздавший к моменту наибольшего развития борьбы, то увеличение этого процента в ряде других губерний с 1906 по 1907 год показывает нам авангард в его стремлении снова поднять борьбу, приостановить начавшееся отступление.

Чтобы сделать этот верный вывод более точным, приведем абсолютные цифры числа рабочих и числа действительных участников стачек по губерниям первого и второго рода.

Губернии, в которых % рабочих, участвовавших в стачках, повысился с 1905 по 1906 год

Число таких губерний	Число фабрично-заводских рабочих в них	Число рабочих, действительно участвовавших в стачках	
		в 1905 г.	1906 г.
10	61 800	6 564	21 484

В среднем на губернию приходится по 6 тыс. фаб.-зав. рабочих. Увеличение числа рабочих, действительно участвующих в стачках, составляет всего 15 тысяч.

Губернии, в которых % рабочих, участвовавших в стачках, повысился с 1906 по 1907 год

Число таких губерний	Число фабрично-заводских рабочих в них	Число рабочих, действительно участвовавших в стачках	
		в 1906 г.	1907 г.
19	572 132	186 926	285 673

В среднем на губернию приходится по 30 тыс. фабрично-зав. рабочих. Увеличение числа рабочих, действительно участвовавших в стачках, составляет до 100 тысяч, а если вычесть нефтяников Бакинской губ., не считанных в 1906 году (вероятно, не более 20—30 тысяч), то около 70 тысяч.

Роль арьергарда в 1906 году и авангарда в 1907 г. выступает в этих данных отчетливо.

Для более точного суждения об этих размерах следует взять данные по районам России и сопоставить число стачечников с числом фабрично-заводских рабочих. Вот сводка этих данных:

Фаб.-зав. округа	Число фаб.-зав. рабоч. в 1905 г. (тыс.)	Число стачечников (в тыс.) за годы				
		1895—1904 в сумме	1905	1906	1907	1908
I. Петербургский	298	137	1 033	307	325	44
II. Московский	567	123	540	170	154	28
III. Варшавский	252	69	887	525	104	35
IV—VI: Киевский, Поволжский и Харьковский	543	102	403	106	157*	69*
Всего	1 660	431	2 863	1 108	740	176

* Эти цифры не вполне сравнимы с данными за предыдущие годы, ибо в 1907 г. впервые включены рабочие на нефтяных промыслах. Преувеличение, наверно, не более, чем на 20—30 тыс.

Рабочие разных районов неравномерно участвовали в движении. В общем, 1660 тыс. рабочих выставили 2863 тыс. стачечников, т. е. 164 стачечника на каждую сотню рабочих или, говоря иными словами, несколько больше чем половина рабочих бастовала в 1905 г. в среднем по два раза. Но эти средние затушевывают коренное различие между петербургским и варшавским округами, с одной стороны, и всеми остальными, с другой. В петербургском и варшавском округах вместе $\frac{1}{3}$ всего числа фабр.-зав. рабочих (550 тыс. из 1660), а стачечников они выставили $\frac{2}{3}$ всего числа (1920 тыс. из 2863). В этих округах каждый рабочий бастовал в среднем почти по 4 раза в 1905 г. В остальных округах приходится на 1140 тыс. рабочих 943 тыс. стачечников, т. е. пропорционально вчетверо меньше, чем в двух вышеназванных. Уже отсюда видно, как неверны утверждения либералов, повторяемые нашими ликвидаторами, будто рабочие переоценили свои силы. Наоборот, факты доказывают, что они недооценили свои силы, ибо не доиспользовали их. Если бы энергия и упорство стачечной борьбы (мы говорим здесь только об одной этой форме борьбы) во всей России были таковы же, как в округах петербургском и варшавском, то общее число стачечников было бы *вдвое больше*. Другими словами этот вывод можно выразить так: рабочие могли оценить только половину своих сил в данной области движения, ибо другую половину они еще не использовали. Говоря географически: запад и северо-запад уже проснулись, но центр, восток и юг наполовину спали. Развитие капитализма с каждым днем делает кое-что для пробуждения запоздавших.

Следующий важный вывод из порайонных данных состоит в том, что с 1905 по 1906 год упадок движения был повсеместный, хотя и неравномерный; с 1906 же по 1907 год, при громадном упадке в округе варшавском, при очень небольшом уменьшении в округах московском, киевском и поволжском, мы видим *увеличение* в округах петербургском и харьковском. Это значит, что при данном уровне сознательности и подготовки населения рассматриваемая форма движения в течение 1905 года исчерпала себя; она должна была, поскольку не исчезли объективные противоречия социально-политической жизни, перейти в высшую форму движения. Но после годичного, если можно

так выразиться, отдыха или периода собирания сил, в течение 1906 года, новый подъем наметился и начался в части страны. Если либералы, а за ними ликвидаторы, оценивая этот период, говорят презрительно об «ожиданиях романтиков», то марксист должен сказать, что, отворачиваясь от поддержки этого частичного подъема, либералы подрывали последнюю возможность отстаивания демократических приобретений.

По вопросу о территориальном распределении стачечников следует отметить еще, что громадное большинство их приходится на *шесть* губерний с сильно развитой промышленностью и с большими городами в пяти из них. Вот эти шесть губерний: Петербургская, Московская, Лифляндская, Владимирская, Варшавская и Петроковская. В этих губерниях было в 1905 г. 827 тыс. фабр.-зав. рабочих из всего числа 1661 тыс., т. е. почти половина общего числа. Стачечников же в них было за десятилетие 1895—1904 гг. в сумме 246 тыс. из 431 тыс., т. е. около 60 проц. всего числа стачечников; в 1905 г. — 2072 тыс. из 2863 тыс., т. е. около 70 проц.; в 1906 г. — 852 тыс. из 1108 тыс., т. е. около 75 проц.; в 1907 г. — 517 тыс. из 740 тыс., т. е. около 70 проц.; в 1908 г. — 85 тыс. из 176 тыс., т. е. менее половины*.

Итак, роль этих шести губерний в трехлетие 1905—1907 гг. была *выше*, чем в период предыдущий и последующий. Ясно, значит, что крупные городские и в том числе столичные центры развили за это трехлетие гораздо более высокую энергию, чем все остальные местности. Рабочие, разбросанные по деревням и по сравнительно мелким городским и промышленным центрам, составляя половину общего числа рабочих, выставили в 1895—1904 годах 40 проц. всего числа стачечников, а в 1905—1907 гг. всего 25—30 проц. Дополняя вышесделанный вывод, мы можем сказать, что крупные города проснулись, а мелкие и деревни в значительной степени еще спали.

Относительно деревни вообще, т. е. фабр.-зав. рабочих, живущих в деревнях, есть кроме того данные статистики о *числе стачек* (не о числе стачечников) в городах и вне городов. Вот эти данные:

* В 1908 году во главе губерний с значительным числом стачечников стоит Бакинская с 47 тыс. стачечников. Последние могилы массовый политической стачки!

	Число стачек		
	В го- родах	Вне го- родов	Всего
За 10 лет (1895—1904) в сумме	1 326	439	1 765
1905 год	11 891	2 104	13 995
1906 »	5 328	786	6 114
1907 »	3 258	315	3 573
1908 »	767	125	892

Составители официальной статистики, приводя эти данные, указывают, что по известным исследованиям г. Полежава из всего числа фабрик и заводов России 40 проц. находится в городах, 60 проц. вне городов¹¹⁹. Следовательно, если в обычное время (1895—1904) число стачек в городах **втрое** превышает число их в деревнях, то процентное отношение числа стачек к числу заведений *в 4¹/₂ раза* больше в городах, чем в деревнях. В 1905 году это отношение было приблизительно 8 : 1; в 1906 — 9 : 1; в 1907 — 15 : 1; в 1908* — 6 : 1. Другими словами: *роль городских фабрично-заводских рабочих в стачечном движении была гораздо сильнее в 1905 году, чем в предыдущие годы, по сравнению с ролью живущих в деревнях фабрично-заводских рабочих, причем в 1906 и 1907 годы эта роль становилась все больше и больше, т. е. пропорциональное участие деревенских в движении становилось все меньше и меньше. Живущие в деревнях фабрично-заводские рабочие, наименее подготовленные к борьбе десятилетием 1895—1904 гг., проявили наименьшую устойчивость, всего быстрее перейдя в отступление после 1905 года. Авангард, т. е. городские фабрично-заводские рабочие, в 1906 году употреблял особые усилия, а в 1907 году еще большие, чем в 1906 г., чтобы задержать это отступление.*

Рассмотрим, далее, распределение стачечников по производствам. Для этого мы выделим четыре главные группы производств: А) металлисты; Б) текстильные рабочие; В) типографы, деревообделочники, кожевники и рабочие химических производств; Г) рабочие в обработке

* В 1908 г. в число стачек вошли 228, а в 1907 — 230 стачек на нефтяных промыслах, впервые подчиненных инспекции в 1906 г.

минеральных веществ и в производстве питательных продуктов. Вот данные по годам:

Группы производств	Все число фабр.-зав. рабочих в 1904 г.	Число стачечников (в тыс.) за годы				
		1895—1904 в сумме	1905	1906	1907	1908
А	252	117	811	213	193	41
Б	708	237	1 296	640	302	56
В	277	38	471	170	179	24
Г	454	39	285	85	66	55
<i>Всего</i>	1 691	431	2 863	1 108	740	176

Металлисты были лучше всего подготовлены десятилетием перед 1905 г. За это десятилетие из них бастовало почти половина (117 из 252). Будучи наилучше подготовлены, они стоят впереди всех и в 1905 г. Число стачечников у них *более чем втрое* превышает число рабочих (811 против 252). Еще рельефнее выступает роль этого авангарда при разборе помесячных данных за 1905 г. (подробное рассмотрение этих данных невозможно в краткой статье, и мы откладываем его до другого места). Из всех месяцев 1905 года у металлистов максимум стачечников приходится не на октябрь, как во *всех* остальных группах производств, а на январь. Авангард с максимальной энергией начал движение, «раскачивая» остальную массу. За один январь месяц 1905 г. у металлистов бастовало 155 тысяч человек, т. е. две трети всего числа металлистов (252 тыс.); за один месяц число стачечников значительно больше, чем за десять лет перед этим (155 против 117). Но эта, почти сверхчеловеческая, энергия исчерпывает силы авангарда к концу 1905 года: металлисты стоят на первом месте по размеру упадка движения в 1906 году. Уменьшение числа стачечников у них максимальное: с 811 до 213, т. е. почти вчетверо. К 1907 году авангард собирается опять с силами: число стачечников уменьшается очень незначительно в общем (с 213 до 193), а по трем главнейшим производствам из группы производств по обработке металлов, именно по машиностроительному, судостроительному и чугунолитейному, число стачечников *увеличивается* с 104 тыс. в 1906 г. до 125 тыс. в 1907 г.

Текстильщики составляют главную массу русских фабрично-заводских рабочих, немного менее $\frac{1}{2}$ общего числа (708 из 1691). По подготовке за 10 лет перед 1905 г. они стоят на втором месте: бастовало $\frac{1}{3}$ общего числа (237 из 708). По силе движения в 1905 г. тоже на втором месте: около 180 стачечников на 100 рабочих. Они втягиваются в борьбу позже, чем металлисты: в январе у них было немногим больше стачечников, чем у металлистов (164 тыс. против 155), в октябре больше, чем в два раза (256 тыс. против 117). Позже втянутая в движение, эта главная масса всех более стойко держится в 1906 году: упадок в этом году всеобщий, но у текстильщиков он *меньше всех*, у них уменьшение вдвое (640 против 1296), у металлистов почти вчетверо (213 и 811), у остальных в $2\frac{1}{2}$ — $3\frac{1}{2}$ раза. Лишь к 1907 году силы главной массы оказываются тоже исчерпанными: с 1906 по 1907 год именно в этой группе упадок *самый большой*, больше чем вдвое (302 против 640).

Не останавливаясь на детальном разборе данных по остальным производствам, отметим только, что позади всех стоит разряд Г, наиболее слабо подготовленный и наиболее слабо участвовавший в движении. Если взять за норму металлистов, то можно сказать, что за разрядом Г «осталось в долгу» свыше миллиона стачечников за один 1905 год.

Отношение между металлистами и текстильщиками характерно, как отношение передового слоя к широкой массе. При отсутствии в 1895—1904 гг. свободных организаций, свободной печати, парламентской трибуны и т. п., массы не могли спланироваться в 1905 г. иначе, как стихийно, в ходе самой борьбы. Механизм этого спланивания состоял в том, что поднималась волна за волной стачечников, причем для «раскачивания» широкой массы авангарду приходилось затрачивать такую громадную энергию в начале движения, что он оказывался сравнительно ослабленным ко времени апогея движения. В январе 1905 г. было 444 тыс. стачечников, из них металлистов 155 тыс., т. е. 34 проц., а в октябре все число стачечников 519 тыс., из них металлистов — 117 тыс., т. е. 22 проц. Понятно, что такая неравномерность движения равносильна известной растрате сил вследствие их раздробления, их недостаточной концентрации. Это значит, во-1-х, что эффект мог бы быть повышен лучшей концентрацией сил, а, во-2-х,

что по объективным условиям изучаемой эпохи в начале каждой волны был неизбежен, и для достижения успеха необходим, ряд действий ошупью, так сказать, разведок, пробных движений и т. п. Поэтому, когда либералы, а за ними ликвидаторы вроде Мартова, с точки зрения своей теории о «переоценке своих сил пролетариатом» обвиняют нас в том, что мы «плелись за стихийной классовой борьбой», то эти господа выносят сами себе приговор и преподносят нам, против воли, величайший комплимент.

Чтобы закончить обзор погодных данных о стачках, остановимся еще на цифрах, характеризующих размер и продолжительность стачек и величину убытков от стачек.

Среднее число участников стачки было:

За 10 лет (1895—1904)	244 рабочих
» 1905 год	205 »
» 1906 »	181 »
» 1907 »	207 »
» 1908 »	197 »

Уменьшение размера стачек (по числу участников) в 1905 году объясняется вовлечением в борьбу массы мелких заведений, которые понизили средние числа участников. Дальнейшее уменьшение в 1906 г. отражает, видимо, понижение энергии борьбы. 1907 год и здесь дает некоторый шаг вперед.

Если мы возьмем среднее число участников чисто политических стачек, то получим такие цифры по годам: 1905—180; 1906—174; 1907—203; 1908—197. Эти цифры еще рельефнее указывают на понижение энергии борьбы в 1906 году и новое возрастание в 1907, или (а может быть вместе с тем) преимущественное участие в движении 1907 г. самых крупных заведений.

Число забастовочных дней на 1 рабочего забастовщика было:

За 10 лет (1895—1904)	4,8 дня
» 1905 год	8,7 »
» 1906 »	4,9 »
» 1907 »	3,2 »
» 1908 »	4,9 »

Упорство борьбы, характеризуемое этими цифрами, было выше всего в 1905 году, — затем оно быстро понижалось

до 1907 года и возросло лишь в 1908 году. Надо отметить, что по упорству борьбы западно-европейские стачки стоят несравненно выше. Число забастовочных дней на 1 рабочего-забастовщика составляло за пятилетие 1894—1898 гг. 10,3 для Италии, 12,1 для Австрии, 14,3 для Франции и 34,2 для Англии.

Если выделить чисто политические стачки, то получим такие цифры: 1905 — 7,0 дней на 1 забастовщика; 1906 — 1,5; 1907 — 1,0 день. Стачки по экономическим причинам отличаются всегда большей продолжительностью борьбы.

Принимая во внимание различное упорство стачечной борьбы за разные годы, мы получаем тот вывод, что данные о числе стачечников недостаточно еще определяют сравнительные размеры движения за разные годы. Точным определителем служит число забастовочных поденщин, которое составляло по годам:

			В том числе в чисто поли- тических стач- ках
За 10 лет (1895—1904) в сумме	2 079 408	—	—
» 1905 год	» » 23 609 387	7 569 708	
» 1906 »	» » 5 512 749	763 605	
» 1907 »	» » 2 433 123	521 647	
» 1908 »	» » 864 666	89 021	

Таким образом, точно определенные размеры движения за один только 1905 год *в 11 с лишним раз* больше движения за все 10 лет перед тем в сумме. Говоря иначе: размеры движения за 1905 год *в 115 раз* превышают *средние годовые* размеры движения за предыдущее 10-тилетие.

Это соотношение показывает нам, насколько близоруки люди, слишком часто встречающиеся среди официальных ученых (да и не среди них одних), которые принимают темп социально-политического развития, наблюдаемый в так называемые «мирные», «органические», «эволюционные» эпохи, за норму для всех случаев, за показатель возможной для современного человечества быстроты развития. На самом деле темп «развития» в так называемые «органические» эпохи есть показатель максимального застоя, максимальных помех развитию.

По данным о числе забастовочных поденщин составитель официальной статистики определяет понесенные промышленностью убытки. Эти убытки (недоработка продукта) составили за 10 лет, 1895—1904, в сумме — 10,4 миллионов рублей, за 1905 г. — 127,3 млн., за 1906 г. — 31,2 млн., за 1907 г. — 15,0 млн. и за 1908 г. — 5,8 млн. руб. За три года, 1905—1907, недоработка продукта составила, следовательно, 173,5 млн. руб.

Убытки рабочих от недополучения заработка за забастовочные дни (определенные по размеру средней поденной платы в разных производствах) составили за рассматриваемые годы в тысячах рублей:

Группы производств (см. выше, стр. 18*)	Число фабрично-зав. рабочих в 1905 г. в тысячах	Размеры убытков рабочих от стачек в тыс. рублях				
		1895—1904 в сумме	1905	1906	1907	1908
А	252	650	7 654	891	450	132
Б	708	715	6 794	1 968	659	228
В	277	137	1 997	610	576	69
Г	454	95	1 096	351	130	22
<i>Всего</i>	1 691	1 597	17 541	3 820	1 815	451

За три года, 1905—1907, убытки рабочих составили 23,2 млн. рублей, т. е. в 14 с лишним раз больше, чем за все десять лет перед тем, взятые вместе**. Составитель официальной статистики рассчитывает, что эти убытки составляли в среднем на одного рабочего, занятого в фабрично-заводской промышленности (а не на одного стачечника), около 10 коп. в год за первое десятилетие, около 10 рублей в 1905 г., около 2 рублей в 1906 г., около 1 руб. в 1907 г. Но этот расчет оставляет в стороне громадные различия в рассматриваемом отношении между

* См. настоящий том, стр. 370. *Ред.*

** Необходимо иметь в виду, что часть этих убытков в эпоху наиболее сильного движения рабочие переложили на предпринимателей. Статистика должна была выяснять, начиная с 1905 года, особую причину стачек (группа причин 3 б, по официальной номенклатуре): *требование уплаты за время стачки*. Число случаев предъявления этого требования было в 1905 г. — 632, в 1906 —

рабочими различных производств. Вот более детальный расчет, сделанный на основании цифр только что приведенной таблицы:

Группы производств	Средний размер убытков (в рублях) от стачек на 1 рабочего, занятого в фабрично-зав. промышленности				
	За 10 лет, 1895—1904 в сумме	1905	1906	1907	1908
А	2,6	29,9	3,5	1,8	0,5
Б	1,0	9,7	2,8	0,9	0,3
В	0,5	7,2	2,2	2,1	0,2
Г	0,2	2,4	0,7	0,3	0,05
Всего	0,9	10,4	2,3	1,1	0,3

Отсюда видно, что на одного металлиста (группа А) размер убытков от стачек в 1905 году составлял почти 30 рублей, втрое больше среднего, свыше чем вдесятеро больше, чем средний размер убытков рабочего в обработке минеральных веществ и питательных продуктов (группа Г). Сделанный нами выше вывод, что металлисты исчерпали свои силы в рассматриваемой форме движения к концу 1905 года, еще рельефнее подтверждается данной таблицей: в группе А размер убытков с 1905 по 1906 г. уменьшился в 8 с лишним раз, в остальных группах в 3—4 раза.

Заканчивая этим разбор погодных данных статистики стачек, мы перейдем в следующей статье к изучению помесячных данных.

II

Для изучения волнообразного характера стачечного движения годичный период слишком велик. Мы имеем теперь статистическое право сказать, что в трехлетие 1905—1907 гг. каждый месяц шел за год. Рабочее движение за эти три года прожило 30 лет. В 1905 году число стачечников ни в один месяц не опускалось ниже годового

256, в 1907 — 48 и в 1908 — 9 (до 1905 года это требование не предъявлялось вовсе). Результаты борьбы рабочих за это требование известны только за 1906 и 1907 гг. и только два-три случая, когда указанная причина была *главной*: в 1906 г. из 10 966 рабочих, бастовавших, главным образом, по этой причине, 2 171 выиграла стачку, 2 626 проиграла, 6 169 кончила компромиссом. В 1907 г. из 93 рабочих, бастовавших, главным образом, по этой причине, ни один не выиграл стачки, 52 проиграла, 41 кончил компромиссом. Из всего, что нам известно о стачках в 1905 г., следует предположить, что в 1905 г. стачки, вызванные этой причиной, были успешнее, чем в 1906 году.

минимума стачечников за 10-летие 1895—1904 гг., а в 1906 и 1907 гг. таких месяцев было только по два.

К сожалению, разработка помесячных данных, как и данных по отдельным губерниям, очень неудовлетворительна в официальной статистике. Многие сводки приходится делать заново. По этой причине, а также по соображениям места, мы ограничимся пока данными о *четвертях года*. Заметим по поводу разделения экономических и политических стачек, что официальная статистика дает не вполне сравнимые данные за 1905 и за 1906—1907 годы. Смешанные стачки — по официальной номенклатуре разряды 12 с экономическими требованиями и 12 б. с экономическими требованиями — в 1905 г. считались политическими, а позднее экономическими. Мы и за 1905 г. относим их к экономическим.

Число стачечников в тысячах ¹¹⁰:

Годы	1905				1906				1907			
	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV
Четверть года												
<i>Всего</i>	810	481	294	1 277	269	479	296	63	146	323	77	193
В том числе												
экономических	604	239	165	430	73	222	125	37	52	52	66	30
политических	206	242	129	847	196	257	171	26	94	271	11	163

Чертой обведены те периоды, которые показывают наибольший подъем волны. Уже с первого взгляда на таблицу бросается в глаза, что эти периоды совпадают с кардинальной важности политическими событиями, характеризующими все трехлетие. 1905 I — девятое января и его последствия; 1905 IV — октябрьские и декабрьские события; 1906 II — первая Дума; 1907 II — вторая Дума; в последней четверти 1907 года подъем наименьший, объясняемый политической забастовкой в ноябре (134 тыс. стачечников) по поводу суда над втородумскими рабочими депутатами. Таким образом этот период, заканчивающий трехлетие и являющийся переходным к иной полосе русской истории, есть как раз такое исключение, которое подтверждает правило: если подъем стачечной волны не означает здесь общего социально-политического подъема, то при ближайшем рассмотрении оказывается, что не было и стачечной волны, а была одиночная стачка-демонстрация.

**Диаграмма числа бастовавших рабочих
по четвертям года. — 1910 г.**
**Зачерченная часть — участники стачек политических,
незачерченная — экономических.**
**(На черновой тетради В. И. Ленина
«Статистика стачек в России»,
Ленинский сборник XXV)**

Правилом для изучаемого трехлетия является то, что подъем стачечной волны означает критические, поворотные пункты всей социально-политической эволюции страны. Статистика стачек воочию показывает нам главную движущую силу этой эволюции. Это не значит, конечно, чтобы рассматриваемая форма движения была единственной или высшей формой, — мы знаем, что это не так, — это не значит, чтобы можно было сделать непосредственные заключения от данной формы движения к частным вопросам социально-политической эволюции. Но это значит, что перед нами статистическая картина (конечно, далеко не полная картина) движения такого класса, который был главной пружиной общего направления событий. Движение других классов группируется вокруг этого центра, за ним следует, им направляется или определяется (в положительную или в отрицательную сторону), от него зависит.

Достаточно вспомнить главные моменты политической истории России за рассматриваемое трехлетие, чтобы убедиться в правильности этого вывода. Возьмем первую четверть 1905 года. Что показывает нам канун ее? Известную земско-банкетную кампанию. Правильно ли было оценивать выступления рабочих в этой кампании как «высший тип демонстрации»? Правильны ли были речи о невызывании «паники» у либералов? Поставьте эти вопросы в рамку статистики стачек (1903 год: 87 тыс., 1904 год: 25 тыс., январь 1905: 444 тыс., в том числе 123 тыс. политических), и ответ будет ясен. Вышеуказанный спор о тактике в земской кампании лишь отражает коренящийся в объективных условиях антагонизм либерального и рабочего движения.

Что видим мы после январского* подъема? Известные февральские указы, кладущие начало некоторому преобразованию государственного устройства.

Возьмите 3-ью четверть 1905 года. На первом плане в политической истории закон 6 августа (так называемая Булыгинская Дума). Суждено ли этому закону воплотиться в жизнь? Либералы думают, что да, и постановляют вести линию своего поведения соответственно такому мнению.

* По данным о четвертях года выходит, что был один подъем. На деле их было два: в январе — 444 тыс. стачечников и в мае — 220 тыс. В промежутке минимум приходится на март — 73 тыс.

В лагере марксистов обратный взгляд, не разделяемый теми, кто, объективно, проводит взгляды либерализма. События последней четверти 1905 г. решают спор.

По цифрам, относящимся к целым четвертям года, кажется, что в конце 1905 г. был один подъем. На деле их было два, отделенных несобольшим ослаблением движения. В октябре было 519 тыс. стачечников, в том числе 328 тыс. чисто политических, в ноябре 325 тыс. (в том числе 147 тыс. политических) и в декабре 433 тыс. (в том числе 372 тыс. политических). В исторической литературе высказан взгляд либералов и наших ликвидаторов (Череванина и компании), по которому в декабрьском подъеме есть элемент «искусственности». Статистика опровергает этот взгляд, показывая как раз в этом месяце *максимум* числа чисто политических стачечников: 372 тыс. Понятны те тенденции, которые заставили либералов придти к определенной оценке, но с чисто научной точки зрения нелепо считать в какой бы то ни было мере «искусственным» движение такого размера, что в один месяц число чисто политических стачечников составило почти $\frac{9}{10}$ всего числа стачечников за целое десятилетие.

Возьмем, наконец, два последних подъема весной 1906 и весной 1907 гг.*. Их общим отличием от январского и майского подъема 1905 года (из которых первый тоже был сильнее второго) является то, что они идут по линии отступления, тогда как первые два шли по линии наступления. Это отличие характеризует вообще два последние года рассматриваемого трехлетия по сравнению с первым годом трехлетия. Следовательно, точной оценкой повышения цифр в указанные периоды 1906 и 1907 гг. будет та, что эти повышения знаменуют приостановку отступления и попытку отступающих снова перейти в наступление. Таково объективное значение этих подъемов, ясное для нас теперь с точки зрения окончательных результатов всего «трехлетия бури и натиска». Первая и вторая Думы представляли из себя не что иное, как политические пере-

* Надо заметить, что десятилетняя история русских стачек за 1895—1904 гг. обнаружила обычный подъем экономических стачек во 2-ю четверть года. За все десятилетие среднее число стачечников в год было 43 тыс., а по четвертям года: I — 10 тыс.; II — 15 тыс.; III — 12 тыс. и IV — 6 тыс. Совершенно очевидно из одного сравнения цифр, что подъемы весной 1906 и весной 1907 гг. объясняются не этими «общими» причинами подъема стачек летом в России. Стоит взглянуть на числа политических стачечников.

говоры и политические демонстрации наверху по случаю приостановки отступления вниз.

Отсюда ясна вся близорукость либералов, видящих в этих переговорах нечто самодовлеющее, самостоятельное, независимое от того, долго ли протянется и к чему поведет та или иная приостановка отступления. Отсюда ясна объективная зависимость от либералов тех ликвидаторов, которые, подобно Мартову, с презрением говорят теперь об «ожиданиях романтиков» во время отступления. Статистика показывает нам, что дело шло не об «ожиданиях романтиков», а о фактически имевших место перерывах, приостановках отступления. Не будь этих приостановок, событие 3-го июня 1907 года, исторически совершенно неизбежное, поскольку отступления оставались отступлениями, имело бы место раньше, может быть, целым годом, или даже более чем годом раньше.

Рассмотрев историю стачечного движения в связи с главными моментами политической истории, перейдем к изучению соотношения экономических и политических стачек. Официальная статистика дает по этому вопросу интереснейшие данные. Возьмем сначала общие итоги по отдельным годам рассматриваемого трехлетия:

	Число стачечников в тысячах		
	1905	1906	1907
Экономических	1 439	458	200
Политических	1 424	650	540
<i>Всего</i>	2 863	1 108	740

Первый вывод отсюда тот, что экономические и политические стачки находятся в самой тесной связи. Они вместе поднимаются и вместе падают. Сила движения в эпоху наступления (1905 г.) характеризуется тем, что политические стачки как бы воздвигаются на широком базисе не менее сильных экономических стачек, которые, даже взятые отдельно, далеко оставляют позади цифры за все 10-тилетие 1895—1904 гг.

При упадке движения число экономических стачечников падает быстрее, чем число политических. Слабость движения в 1906 и особенно в 1907 г. характеризуется, несомненно, отсутствием широкой и прочной базы экономической борьбы. С другой стороны, более медленное

падение числа политических стачечников вообще и особенно небольшое падение этого числа с 1906 по 1907 г. указывает, видимо, на знакомое уже нам явление: передовые слои с наибольшей энергией стараются приостановить отступление и превратить его в наступление.

Этот вывод вполне подтверждается данными о соотношении экономической и политической стачки по различным группам производств. Чтобы не пестрить статьи цифрами, ограничимся сопоставлением металлистов и текстильщиков по четвертям 1905 года, причем на этот раз возьмем сводку официальной статистики*, относившей за этот год смешанные стачки к политическим, как было уже указано выше.

		Число стачечников в тысячах			
		1905 год, четверти	I	II	III
Группа А (металлисты)	{ экономических	120	42	37	31
	{ политических	159	76	63	283
<i>Всего</i>		279	118	100	314
Группа Б (текстильщики)	{ экономических	196	109	72	182
	{ политических	111	154	53	418
<i>Всего</i>		307	263	125	600

Различие между передовым слоем и широкой массой выступает отчетливо. У передовиков с самого начала чисто экономические стачечники в меньшинстве, как и в течение всего года. Первая четверть и в этой группе характеризуется, однако, очень высоким числом (120 тыс.) чисто экономических стачечников: ясно, что и среди металлистов немало таких слоев, которых надо было «раскачать» и которые начинали движение с предъявления чисто экономических требований. У текстильщиков мы видим в начале движения (I четверть года) громадное преобладание чисто экономических стачечников, которые оказываются в меньшинстве во II четверть года, с тем, чтобы опять получить большинство в III четверть. В последнюю четверть года, во время апогея движения, у металлистов число чисто экономических стачечников равняется 10% общего числа стачечников и 12% всего числа металлистов; — у текстильщиков чисто экономические

* По этой сводке, число экономических стачечников в 1905 г. было 1 021 тыс., политических — 1 842 тыс., т. е. доля экономических стачечников в общей сумме меньше, чем в 1906 г. Мы уже объяснили, что это неверно.

стачечники за тот же период составляют 30% общего числа стачечников и 25% всего числа текстильщиков.

Совершенно очевидно теперь, какова именно взаимозависимость экономической и политической стачки: без их тесной связи действительно широкое, действительно массовое движение невозможно; конкретной же формой этой связи является, с одной стороны, то, что в начале движения и при втягивании новых слоев в движение чисто экономическая стачка играет преобладающую роль, а с другой стороны, политическая стачка будит и шевелит остальных, обобщает и расширяет движение, поднимает его на высшую ступень.

Было бы чрезвычайно интересно проследить детально, как именно в течение всего трехлетия втягивались в движение новички. Данные об этом в основном материале есть, ибо сведения получались на карточках о каждой стачке отдельно. Но обработка этих сведений в официальной статистике очень неудовлетворительна, и масса богатейшего материала, имеющегося в карточках, пропала, не войдя в обработку. Некоторое приблизительное представление дает следующая таблица о числе случаев стачек в процентах к числу заведений различных размеров:

Группы заведений		Число случаев стачек в %% к числу заведений				
		За 10 лет (1895—1904) в сумме	За 1905 г.	За 1906 г.	За 1907 г.	За 1908 г.
До	20 рабочих	2,7	47,0	18,5	6,0	1,0
21 —	50 »	7,5	89,4	38,8	19,0	4,1
51 —	100 »	9,4	108,9	56,1	37,7	8,0
101 —	500 »	21,5	160,2	79,2	57,5	16,9
501 —	1 000 »	49,9	163,8	95,1	64,5	13,0
Свыше	1 000 рабочих	89,7	231,9	108,8	83,7	23,0

Тот передовой слой, который мы наблюдали до сих пор по данным о различных районах и различных группах производств, выступает теперь по данным о разных группах заведений. Общим правилом за все года является повышение процента заведений с стачками по мере увеличения размеров заведений. При этом для 1905 года характерно, во-1-х, то, что повторных стачек тем больше, чем крупнее заведение, а во-2-х, что по сравнению десятилетия 1895—1904 гг. с 1905 годом увеличение процента тем стремительнее, чем *мельче* заведение. Это ясно указывает

на особенную быстроту втягивания новичков, привлечения никогда еще не участвовавших в стачках слоев. Быстро вовлеченные в движение в эпоху максимального подъема, эти новички оказываются наименее устойчивыми: падение процента заведений с стачками с 1906 по 1907 год всего сильнее в мелких заведениях, всего слабее в крупных. Авангард дольше всех, настойчивее всех работает над приостановкой отступления.

Но вернемся к данным о соотношении экономической и политической стачки. Данные по четвертям года за все трехлетие, приведенные выше (стр. 19)*, показывают прежде всего, что все крупные подъемы связаны с подъемом числа не только политических, но и экономических стачечников. Некоторым исключением является лишь подъем весной 1907 года, когда максимум экономических стачечников приходится не на II, а на III четверть года.

В начале движения (I четверть 1905 г.) мы видим громадное преобладание числа экономических стачечников над политическими (604 и 206 тыс.). Апогей движения (IV четверть 1905 г.) дает новую волну экономических стачек, более слабую, чем январская, при сильном преобладании политической стачки. Третий подъем, весной 1906 г., показывает опять очень большое увеличение числа и экономических и политических стачечников. Одних уже этих данных достаточно для опровержения того мнения, будто соединение экономической и политической стачки было «слабой стороной движения». Такое мнение неоднократно высказывали либералы; его повторял по отношению к ноябрю 1905 г. ликвидатор Череванин; недавно его повторил по отношению к той же эпохе также и Мартов. Особенно часто в подтверждение такого взгляда ссылаются на неудачу борьбы за 8-мичасовой рабочий день.

Факт этой неудачи бесспорен, бесспорно и то, что всякая неудача означает слабость движения, но либеральная точка зрения сказывается в признании «слабой стороной движения» именно соединения экономической борьбы с политической; марксистская точка зрения видит слабость в недостаточности этого соединения, в недостаточном значительном числе экономических стачечников. Статистика наглядно подтверждает правильность марксист-

* См. настоящий том, стр. 376. Ред.

ского взгляда, обнаруживая «общий закон» трехлетия: усиление движения при усилении экономической борьбы. И этот «общий закон» логически связывается с основными чертами всякого капиталистического общества: в нем всегда будут существовать столь отсталые слои, которых может разбудить лишь самое экстренное обострение движения, а иначе, как с экономическими требованиями, отсталые слои не могут втянуться в борьбу.

Сопоставляя подъем последней четверти 1905 г. с предыдущим и последующим подъемами, т. е. с первой четвертью 1905 г. и со второй четвертью 1906 г., мы ясно видим, что октябрьско-декабрьский подъем слабее и предыдущего и последующего по широте экономической базы, т. е. по проценту числа экономических стачечников в общем числе стачечников. Несомненно, что требование 8-мичасового рабочего дня отталкивало много таких элементов из буржуазии, которые могли сочувствовать другим стремлениям рабочих. Но так же несомненно, что это требование привлекало много таких элементов не из буржуазии, которые еще не были втянуты в движение, которые, выставив 430 тыс. экономических стачечников в последнюю четверть 1905 г., понизили это число до 73 тыс. в I четверть 1906 г. и снова повысили до 222 тыс. во II четверть 1906 года. Слабостью было, значит, не отсутствие сочувствия буржуазии, а недостаточная поддержка или недостаточно своевременная поддержка элементами не из буржуазии.

Либералу свойственно бояться, что движение рассматриваемого рода отталкивает всегда известные элементы буржуазии. Марксисту свойственно отмечать, что движение рассматриваемого рода привлекает всегда широкие элементы не из буржуазии. *Suum cuique* — каждому свое.

По вопросу о перипетиях борьбы рабочих и предпринимателей чрезвычайно поучительны данные официальной статистики о результатах стачек. Общие итоги этой статистики таковы:

Результаты стачек	Процент числа стачечников в стачках с указанными результатами				
	За 10 лет (1895—1904)	За 1905 г.	За 1906 г.	За 1907 г.	За 1908 г.
В пользу рабочих	27,1	23,7	35,4	16,2	14,1
Взаимные уступки (компромисс)	19,5	46,9	31,1	26,1	17,0
В пользу хозяев (против рабочих)	51,6	29,4	33,5	57,6	68,8

Общий вывод отсюда прежде всего тот, что максимальная сила движения означает и максимальный успех рабочих. Всего выгоднее для них 1905 год, когда напор стачечной борьбы был наибольший. Этот год выделяется также необыкновенной частотой компромиссов: стороны еще не приспособились к новым, необычным условиям, предприниматели растерялись под влиянием частоты стачек, и дело чаще, чем когда бы то ни было, кончалось компромиссом. В 1906 году борьба становится упорнее: случаи компромисса несравненно реже; но рабочие в общем все еще побеждают: процент стачечников выигравших больше, чем процент проигравших. Начиная с 1907 года поражения рабочих непрерывно усиливаются, при уменьшении случаев компромисса.

Если взять абсолютные цифры, то увидим, что всего за 10 лет, 1895—1904, в сумме выиграло стачки 117 тыс. рабочих, а за один 1905 год слишком чем втрое больше: 369 тыс., за 1906 год раза в полтора больше: 163 тыс.

Но год — слишком большой период для изучения волнообразного движения стачечной борьбы в трехлетие 1905—1907 гг. Не приводя помесечных данных, которые заняли бы слишком много места, приведем данные по четвертям года за 1905 и 1906 годы. 1907 год можно опустить, так как по результатам стачек мы не наблюдаем в этом году перерывов, упадков и подъемов, а видим сплошное отступление рабочих и наступление капиталистов, вполне выраженное в приведенных уже данных по годам.

Годы Четверти года	1905				1906			
	I	II	III	IV	I	II	III	IV
Результаты стачек								
В пользу рабочих	158	71	45	95	34	86	37	6
Компромисс	267	109	61	235	28	58	46	8
В пользу хозяев	179	59	59	100	11	78	42	23
Всего*	604	239	165	430	73	222	125	37

Из этих данных следуют очень интересные выводы, требующие детального рассмотрения. В общем, мы видели, борьба тем успешнее для рабочих, чем сильнее их напор. Подтверждается ли это приведенными данными? I четверть 1905 г. менее выгодна для рабочих, чем II, хотя движение за этот период ослабело. Это заключение оказывается, однако,

* В официальной статистике нет помесечных итогов по данному вопросу; их приходилось суммировать из данных по производствам.

ошибочным, ибо трехмесячные данные соединяют вместе январский подъем (321 тыс. экономических стачечников) и упадок в феврале (228 тыс.) и в марте (56 тыс.). Выделяя месяц подъема, январь, видим, что в этом месяце рабочие победили: 87 тыс. забастовщиков выиграли стачки, 81 тыс. проиграли, 152 тыс. кончили компромиссом. Оба месяца упадка в этом периоде (февраль и март) дают поражение рабочих.

Второй период (II четверть 1905 г.) есть период подъема, который достигает апогея в мае. Подъем борьбы означает победу рабочих: 71 тыс. стачечников выиграли стачки, 59 проиграли, 109 тыс. кончили компромиссом.

Третий период (III четверть 1905 г.) есть период упадка: число стачечников гораздо меньше, чем во II четверть. Упадок натиска означает победу хозяев: 59 тыс. рабочих проиграли стачки, только 45 выиграли. Процент рабочих, проигравших стачки, равняется 35,6%, *т. е. выше, чем в 1906 году*. Это значит, что та «общая атмосфера сочувствия» рабочим в 1905 г., о которой так много говорят либералы, как о главной причине побед рабочих — (недавно о «главной причине» — сочувствии буржуазии говорил и Мартов), — несколько не мешала поражению рабочих, *когда их натиск ослабевал*. Вы сильны, когда вам сочувствуют в обществе, говорят рабочим либералы. Вам сочувствуют в обществе, когда вы сильны, говорят рабочим марксисты.

Последняя четверть 1905 г. кажется исключением: при наибольшем подъеме поражение рабочих. Но это исключение кажущееся, ибо соединены вместе месяц подъема — октябрь, когда рабочие победили и в экономической области (+57, — 22: тысячи рабочих, выигравших и проигравших стачки), и месяцы — ноябрь (+25, — 47) и декабрь (+12, — 31), когда экономическая борьба падала и когда рабочие были побеждены. При этом ноябрь месяц, месяц перелома, месяц наибольших колебаний, наибольшей уравновешенности противоположных сил, наибольшей неизвестности насчет общих итогов и общего направления истории России вообще, истории отношений хозяев к рабочим в частности, этот месяц дает *наибольший* из всех месяцев 1905 года процент случаев компромисса: из 179 тыс. экономических стачечников в этом месяце было 106 тысяч, т. е. 59,2% стачечников, кончивших борьбу компромиссом*.

* Общее число экономических стачечников составило в октябре 190 тыс., в ноябре 179 тыс., в декабре 61 тыс.

Первая четверть 1906 года дает опять кажущееся исключение: наибольший упадок экономической борьбы и наибольший выигрыш рабочих (+34, — 11). И здесь соединены вместе месяц поражений рабочих, январь (+4, — 6), и месяцы побед рабочих, февраль (+14, — 2) и март (+16, — 2,5). Число экономических стачечников падает в течение всего этого периода (январь — 26,6 тыс., февраль — 23,3 тыс., март — 23,2 тыс.), но подъем общего движения ясно уже намечается (все число стачечников в январе — 190 тыс., в феврале — 27 тыс., в марте — 52 тыс.).

Вторая четверть 1906 года — крупный подъем движения и выигрыш рабочих (+86, — 78); выигрыш этот особенно силен в мае и июне — в июне число экономических стачечников достигает максимума за 1906 год, 90 тыс., — тогда как апрель дает исключение: поражение рабочих, несмотря на рост движения по сравнению с мартом.

Начиная с III четверти 1906 года мы видим непрерывный, в общем, упадок экономической борьбы вплоть до конца года и, соответственно этому, поражения рабочих (незначительное исключение в августе 1906, когда рабочие последний раз победили в экономической борьбе: +11,3, — 10,3).

Чтобы подвести краткие итоги перипетиям экономической борьбы за 1905 и 1906 годы, можно употребить такой прием. В 1905 году ясно выделяются три главные подъема стачечной борьбы вообще и экономической в частности: январь, май и октябрь. За эти три месяца вместе число экономических стачечников составило 667 тыс. из всего числа 1439 тыс. за год, т. е. не четверть, а близко к половине. И все эти три месяца были месяцами побед рабочих в экономической области, т. е. превышения числа рабочих, выигравших стачки, над числом рабочих, проигравших стачки.

В 1906 году явственно разделяются, в общем и целом, первая и вторая половины года: в первой — приостановка отступления и большой подъем; во второй — большой упадок. На первую половину года приходится 295 тыс. экономических стачечников, на вторую — 162. Первая половина дала рабочим победу в экономической борьбе, вторая — поражение.

Эти общие итоги вполне подтверждают тот вывод, что не «атмосфера сочувствия», не симпатии буржуазии, а сила натиска играла решающую роль и в экономической борьбе.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ СТРОЙ СОВРЕМЕННОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ¹²⁰

Написано в конце 1910 г.

*Впервые напечатано в 1932 г.
в Ленинском сборнике XIX*

Подпись: В. Ильин

Печатается по рукописи

1

Капиталистический строй
современного земледелия.

Глава первая.

Социальная структура вообще, экономическая структура в частности сдвигается грандиозная улитка в рамках буржуазно-капиталистической дегенерации. Цивилизационный процесс и кризис самих корней буржуазно-капиталистической экономической структуры современных государств и его развитие, характеризуются прежде всего на основании объективных соотношений и количественных данных, не поддаются разработке сколько-нибудь серьезно в капиталистическом обществе без учета

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Социальная статистика вообще, экономическая статистика в частности, сделала громадные успехи в течение двух-трех последних десятилетий. Целый ряд вопросов и притом самых коренных вопросов, касающихся экономического строя современных государств и его развития, которые решались прежде на основании общих соображений и примерных данных, не может быть разрабатываем сколько-нибудь серьезно в настоящее время без учета массовых данных, собранных относительно всей территории известной страны по одной определенной программе и сведенных вместе специалистами-статистиками. В особенности вопросы экономики земледелия, вызывающие особенно много споров, требуют ответа на основании точных и массовых данных, тем более, что в европейских государствах и в Америке все более входит в обычай производство периодических переписей, охватывающих все сельскохозяйственные предприятия страны.

В Германии, например, такие переписи были произведены в 1882, 1895 и последняя в 1907 году. На значение этих переписей много раз указывали в нашей литературе, и едва ли можно найти книгу или статью, посвященную экономике современного земледелия, в которой бы не было ссылок на данные германской сельскохозяйственной статистики. По поводу последней переписи поднят уже изрядный шум и в немецкой и в нашей литературе. Г-н Валентинов, помнится, в «Киевской Мысли»¹²¹ в прошлом году бил в большой барабан по поводу того, что эта перепись опровергла будто бы учение марксизма и взгляды Каутского, доказав живучесть мелкого производства и

победу его над крупным. Недавно в «Экономисте России»¹²² г. профессор Воблый в статье: «Тенденции в аграрной эволюции в Германии» (№ 36, от 11 сентября 1910 г.) опровергал на основании данных переписи 1907 г. применимость к сельскому хозяйству «схемы, выработанной Марксом в отношении развития индустрии»¹²³ и доказывал, что «мелкие предприятия не только не гибнут в борьбе с крупными в области сельского хозяйства; напротив, каждая новая перепись констатирует их успех».

Мы думаем поэтому, что было бы своевременно подробно разобрать данные переписи 1907 года. Правда, издание материалов по этой переписи еще не закончено: вышли в свет три тома, содержащие *все* данные переписи*, а четвертый том, посвященный «изложению итогов переписи в целом», еще не вышел в свет и неизвестно, скоро ли выйдет. Но откладывать изучение *итогов* переписи до выхода этого заключительного тома нет оснований, ибо материал *весь* уже налицо имеется, сводка его — тоже, и литература широко его использует.

Заметим только, что ставить вопрос так, как его обыкновенно ставят, ограничиваясь почти исключительно сравнением числа хозяйств различных (по площади) размеров и количества земли у них за разные годы, значит совершенно неправильно браться за дело. Действительные разногласия между марксистами и противниками марксизма в аграрном вопросе коренятся гораздо глубже. Если задаваться целью полного выяснения источников разногласий, то надо обратить прежде всего и больше всего внимание на вопрос о том, каковы основные черты капиталистического строя современного земледелия. Как раз по этому вопросу данные немецкой переписи 12 июня 1907 года особенно ценны. Она менее детальна по некоторым вопросам, чем предыдущие переписи 1882 и 1895 годов, но зато она дает впервые невиданные по богатству данные о наемном труде в сельском хозяйстве. А употребление наемного труда есть главный отличительный признак всякого капиталистического земледелия.

* Statistik des Deutschen Reichs, Band 212, Teil 1 a, 1 b и 2 a. Berufs- und Betriebszählung vom 12. Juni 1907. Landwirtschaftliche Betriebsstatistik. Berlin. 1909 и 1910 (Государственная статистика Германии, том 212, часть 1 a, 1 b и 2 a. Перепись профессий и предприятий 12 июня 1907 года. Статистика сельскохозяйственных производств. Берлин. 1909 и 1910. Ред.).

Поэтому мы постараемся прежде всего дать общую картину капиталистического строя современного земледелия, опираясь главным образом на данные германской переписи 1907 года и дополняя их данными лучших сельскохозяйственных переписей других стран, именно: датских, швейцарских, американских и последней венгерской. Что же касается того факта, который больше всего бросается в глаза при первом ознакомлении с итогами переписи и о котором больше всего говорят, именно: уменьшения в Германии числа крупных (по размерам сельскохозяйственной площади) хозяйств и количества земли у них, то мы обратимся к его рассмотрению лишь в конце нашей работы. Ибо это — один из сложных фактов, являющихся функцией целого ряда других, и понять его значение, не выяснив предварительно несколько вопросов, гораздо более важных и основных, нет никакой возможности.

I

ОБЩАЯ КАРТИНА ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРОЯ
СОВРЕМЕННОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Германские сельскохозяйственные переписи, как и все европейские (в отличие от русских) переписи подобного рода, основываются на сведениях, собранных о каждом сельскохозяйственном предприятии отдельно. При этом количество собираемых сведений возрастает обыкновенно с каждой переписью. Например, в Германии в 1907 г. опущены очень важные сведения о количестве скота, употребляемого для полевых работ (эти сведения собирались в 1882 и 1895 гг.), но зато впервые собраны сведения о количестве пашни под разными хлебами, о числе семейных и наемных рабочих. Получаемые таким образом о каждом хозяйстве сведения вполне достаточны для политико-экономической характеристики этого хозяйства. Весь вопрос, вся трудность задачи состоит в том, как свести эти данные таким образом, чтобы получить точную политико-экономическую характеристику различных групп или типов хозяйств в целом. При неудовлетворительной сводке, при неправильной или недостаточной группировке может получиться — и постоянно получается при обработке современных переписей — такой результат

что необыкновенно детальные, великолепные данные, имеющиеся о каждом отдельном предприятии, исчезают, теряются, пропадают в целом, когда речь идет о миллионах хозяйств всей страны. Капиталистический строй сельского хозяйства характеризуется *отношениями*, которые существуют между хозяевами и рабочими, между хозяйствами разных типов, и если признаки этих типов взяты неправильно, подобраны неполно, то самая лучшая перепись может не дать политико-экономической картины действительности.

Отсюда понятна громадная, исключительная важность вопроса о приемах сводки или группировки данных современных переписей. Мы рассмотрим в дальнейшем изложении *все* приемы, довольно разнообразные, употребляемые в перечисленных выше лучших переписях. Пока же заметим, что германская перепись, как и громадное большинство других, дает полную сводку, исключительно группируя хозяйства по одному признаку, именно по размеру сельскохозяйственной площади каждого хозяйства. По этому признаку перепись делит все хозяйства на 18 групп, начиная с хозяйств, имеющих меньше одной десятой доли гектара*, и кончая такими, которые имеют свыше 1000 гектаров сельскохозяйственной площади. Что подобная детализация представляет из себя статистическую роскошь, не оправдываемую политико-экономическими соображениями, это чувствуют сами авторы германской статистики, дающие сводку всех данных в шесть — а с выделением одной подгруппы семь — крупных групп по размерам сельскохозяйственной площади. Эти группы следующие: хозяйства, имеющие до $\frac{1}{2}$ гектара, от $\frac{1}{2}$ до 2, от 2 до 5, от 5 до 20, от 20 до 100 и свыше 100, причем из последних особо выделена подгруппа хозяйств, имеющих свыше 200 гектаров сельскохозяйственной площади.

Спрашивается, каково политико-экономическое значение подобной группировки? Земля есть, несомненно, главное средство производства в сельском хозяйстве; по количеству земли всего вернее можно судить поэтому о размерах хозяйства, а следовательно, и о типе его] т. е.,

* Гектар равняется 0,915 десятины. Обычно употребляется сокращение га = гектар.

например, о том, идет ли речь о мелком, среднем, крупном, капиталистическом или не употребляющем наемного труда хозяйстве. Обычно хозяйства до 2 гектаров относятся к мелким (иногда так называемым парцелльным или карликовым) хозяйствам, от 2 до 20 (иногда от 2 до 100) к крестьянским, свыше 100 к крупным, *то есть* капиталистическим.

И вот, впервые собранные переписью 1907 года сведения о наемном труде дают нам прежде всего возможность в первый раз проверить на массовых данных это «обычное» предположение. Впервые в статистическую рутину вносится хоть некоторый — далеко не достаточный, как увидим ниже, — элемент рациональности, т. е. элемент учета таких данных, которые имеют самое прямое, самое непосредственное политико-экономическое значение.

В самом деле, все говорят о мелком производстве. А что такое мелкое производство? Самый обычный ответ на этот вопрос состоит в том, что мелкое производство есть такое, которое не употребляет наемного труда. Так смотрят не только марксисты. Например, Эд. Давид, книгу которого «Социализм и сельское хозяйство» можно бы назвать одной из новейших сводок буржуазных теорий по аграрному вопросу, пишет на стр. 29 русского перевода: «Во всех тех случаях, где мы говорим о мелком производстве, мы разумеем хозяйственную категорию, функционирующую без постоянной чужой помощи и без побочного промысла».

Перепись 1907 г. вполне устанавливает, прежде всего, что число таких хозяйств очень невелико, что в современном земледелии хозяева, не нанимающие рабочих, или не нанимающиеся на работу к другим, составляют незначительное меньшинство. Из всего числа 5 736 082 сельскохозяйственных предприятий в Германии, зарегистрированных переписью 1907 г., только 1 872 616, т. е. менее одной трети, принадлежат хозяевам, которых главным занятием является самостоятельное ведение сельского хозяйства и которые не имеют побочных промыслов. Сколько из них нанимают рабочих? Об этом нет сведений, т. е. они имелись в самом подробном виде в первоначальных карточках и потерялись при сводке! Составители не пожелали подсчитать (проделав массу самых детальных и никчемных подсчетов), какое число хозяйств в каждой

группе нанимает постоянных или временных наемных рабочих.

Чтобы приблизительно определить число хозяйств без наемных рабочих, выделим те группы, в которых число *хозяйств* меньше числа наемных рабочих. Это будут группы с количеством земли до 10 гектаров на хозяйство. В этих группах 1283 631 хозяин, считающий своим главным занятием земледелие и не имеющий побочного промысла. У этого числа хозяев всего 1400 162 наемных рабочих (если допустить, что наемных рабочих держат *только* такие хозяева, которые считают земледелие своим главным занятием и не имеют побочных промыслов). Только в группах хозяйств, имеющих от 2 до 5 гектаров, число самостоятельных земледельцев без побочного промысла *больше* числа наемных рабочих, именно: 495 439 хозяйств и 411 311 наемных рабочих.

Конечно, бывают наемные рабочие и у таких земледельцев, которые имеют побочные промыслы; конечно, бывают «мелкие» хозяева, нанимающие не по одному, а по несколько наемных рабочих. Но все-таки не может подлежать сомнению, что хозяева, не нанимающие рабочих и не нанимающиеся на работу, составляют ничтожное меньшинство.

По данным о числе наемных рабочих выделяются сразу *три* основные группы хозяйств в германском земледелии:

I. Хозяйства *пролетарские*. Сюда следует отнести группы, в которых меньшинство хозяев считает своим главным занятием самостоятельное ведение земледелия, — в которых большинство является наемными рабочими и т. п. Например, хозяйств с количеством земли до $\frac{1}{2}$ гектара — 2 084 060. Из них только 97 153 самостоятельные земледельцы, а 1 287 312 — *наемные рабочие* (во всех отраслях народного хозяйства) по своему *главному* занятию. Хозяйств с количеством земли от $\frac{1}{2}$ до 2 гектаров — 1 294 449. Из них только 377 762 самостоятельные земледельцы, 535 480 наемные рабочие, 277 735 — мелкие промышленники, ремесленники, торговцы, 103 472 — служащие и представители «разных и неопределенных» занятий. Ясно, что обе эти группы составляют хозяйства, в массе своей пролетарские.

II. Хозяйства *крестьянские*. Сюда относим такие, у которых главная масса самостоятельные земледельцы, при-

чем число семейных рабочих больше числа наемных. Это будут группы, имеющие от 2 до 20 гектаров земли.

III. Хозяйства *капиталистические*. Сюда относим такие, у которых число наемных рабочих больше числа семейных.

Вот общие данные об этих трех группах:

Группы хозяйств	Всего хозяйств	Из них		Хозяйства, распределенные по числу рабочих			
		самостоятельные земледельцы	наемные рабочие	всего таких хозяйств	у них рабочих		
					всего	семейных	наемных
I. До 2 га	3 378 509	474 915	1 822 792	2 899 233	4 353 053	8 851 905	501 147
II. От 2 до 20 га	2 071 816	1 705 448	117 338	2 057 577	7 509 785	5 898 853	1 810 882
III. 20 и свыше га	285 757	277 000	737	285 331	3 908 782	870 850	2 435 912
<i>Всего</i>	5 736 082	2 457 423	1 940 867	5 012 140	15 169 549	10 621 608	4 547 941

Эта таблица дает нам картину экономического строя современного германского земледелия. Внизу пирамиды громадная масса, почти $\frac{3}{5}$ общего числа, «хозяйств» пролетарских; вверху ничтожное меньшинство ($\frac{1}{20}$) хозяйств капиталистических. Забегая вперед, укажем, что у этого ничтожного меньшинства больше половины всей земли и всей пашни. У него в руках пятая доля всего числа рабочих, занятых сельским хозяйством, и больше половины всего числа наемных рабочих.

II

ЧЕМ ЯВЛЯЕТСЯ НА ДЕЛЕ

БОЛЬШИНСТВО СОВРЕМЕННЫХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ «ХОЗЯЙСТВ».
(ПРОЛЕТАРСКИЕ «ХОЗЯЙСТВА»)

Из «хозяев», имеющих до 2 гектаров земли, *большинство* — наемные рабочие по главному своему занятию. Земледелие для них подсобный промысел. Из 3 378 509 предприятий этой группы 2 920 419 представляют из себя побочный промысел (Nebenbetriebe). Самостоятельных земледельцев, считая в том числе и таких, которые имеют *кроме того* побочный промысел в виде неземледельческих

занятий, совсем небольшое меньшинство, всего 14%: 475 тыс. из 3,4 миллиона.

... заметить, что число наемных рабочих... той группе *превышает* число самостоятельных земледельцев.

Это обстоятельство указывает на то, что статистика смешивает здесь с массой пролетариев немногих капиталистических земледельцев, ведущих крупное хозяйство на мелком участке земли. С таким типом мы встретимся еще неоднократно в дальнейшем изложении.

Спрашивается, какое значение имеют в общем строе земледелия эти массы пролетарских «хозяев»? Во-первых, в их лице воплощается связь крепостнической системы общественного хозяйства с капиталистической, их историческая близость и их родство, прямое переживание крепостничества в капитализме. Если мы видим, например, в Германии и особенно в Пруссии, что в число сельскохозяйственных предприятий попадают клочки земли (так наз. *Deputatland*), которые помещик дает батраку в счет заработной платы, то разве это не прямое переживание крепостничества? Как экономическая система, крепостничество именно тем и отличается от капитализма, что первое *наделяет* трудящегося землей, второй *отделяет* трудящегося от земли, первое *натурой* выдает трудящемуся (или заставляет его самого произвести на своем «наделе») средства для жизни, второй выдает рабочему денежную плату, на которую он *покупает* средства для жизни. Конечно, это переживание крепостничества в Германии совершенно ничтожно по сравнению с тем, что мы видим в России с ее знаменитой «отработочной» системой помещичьего хозяйства, но все же это есть переживание крепостничества. Перепись 1907 года насчитала в Германии 579 500 «сельскохозяйственных предприятий», принадлежащих *сельским рабочим и поденщикам*, причем из этого числа 540 751 падает на группу «хозяев», имеющих до 2-х гектаров земли.

Во-вторых, масса сельских «хозяев», имеющих такие ничтожные клочки земли, существовать с которых нельзя, которые представляют из себя лишь «подсобный промысел», составляет в общем строе капитализма часть *резервной армии безработных*. Это — *скрытая*, по выражению

* В этом месте край страницы рукописи оборван. Ред.

Маркса, форма такой армии¹²⁴. Неверно было бы представлять себе резервную армию безработных таким образом, как будто бы ее составляли только рабочие, не имеющие работы. К ней принадлежат и «крестьяне» или «мелкие хозяева», которые не могут существовать тем, что дает им их ничтожное хозяйство, которые *должны* добывать себе средства к жизни главным образом работой по найму. Огород или клочок земли под картофелем является для этой армии нищих средством пополнения своего заработка или средством существования в такое время, когда работы нет. Капитализму нужны эти «карликовые», «шарцелльные» якобы-хозяева, чтобы без всяких расходов иметь *всегда* в своем распоряжении массу дешевых рабочих рук. По переписи 1907 года из 2-х миллионов «хозяев», имеющих до $\frac{1}{2}$ гектара земли, 624 тысячи имеют исключительно огородную землю, 361 тыс. имеют исключительно картофельное поле. Вся пашня этих 2-х миллионов равняется 247 тысячам гектаров, из которых больше половины, именно 166 тыс. гектаров *под картофелем*. Вся пашня миллиона с четвертью «хозяев», которые имеют от $\frac{1}{2}$ до 2 гектаров, составляет 976 тыс. гектаров, из них *больше трети* — 334 тыс. га — под картофелем. Ухудшение народного питания (замена хлеба картофелем), удешевление рабочей силы для предпринимателей, вот что означает «хозяйство» трех миллионов сельских «хозяев» Германии из пяти.

Чтобы закончить обрисовку этих пролетарских хозяйств, добавим, что почти треть из них (1 млн. из 3,4) не имеют никакого скота, две трети (2,5 млн. из 3,4) не имеют крупного скота, свыше $\frac{9}{10}$ (3,3 млн. из 3,4) не имеют лошади. Доля этих пролетарских хозяйств в общей сумме сельскохозяйственного производства ничтожна: $\frac{3}{5}$ всего числа хозяйств имеют менее $\frac{1}{10}$ всего скота (2,7 млн. из 29,4 млн. голов, при переводе всего скота на крупный), около $\frac{1}{20}$ всей пашни (1,2 млн. из 24,4 млн. гектаров).

Можно себе представить, сколько путаницы и фальши вносит в вопрос такая статистика, которая *смешивает* в этой группе хозяйств, имеющих до 2 гектаров земли, *миллионы* пролетариев без лошади, без крупного скота, с одним огородом или клочком картофельного поля, и *тысячи* крупных хозяев, капиталистов, ведущих на 1—2 десятинах крупное скотоводческое или огородное и т. п.

предприятие. Что такие хозяева имеются в этой группе, это видно хотя бы из того, что из 3,4 миллионов (до 2 ha земли) 15 428 хозяев имеют каждый по 6 и более рабочих (семейных и наемных вместе), а все эти 15 тыс. — 123 941 рабочего, т. е. в среднем по 8 рабочих на хозяйство. Такое число рабочих указывает несомненно, если принять во внимание технические особенности сельского хозяйства, на крупное капиталистическое производство. Что среди пролетарской массы «хозяев», имеющих до 2 ha земли, есть крупные скотоводческие хозяйства, мне уже приходилось указывать на основании данных предыдущей переписи 1895 года (см. мою книгу: «Аграрный вопрос», СПб, 1908, стр. 239)*. Выделение этих крупных хозяйств было вполне возможно по данным и о количестве скота и о числе рабочих, но германские статистики предпочитают заполнять *сотни страниц* данными о *пяти* подразделениях группы владельцев до $1\frac{1}{2}$ гектара на *еще более мелкие* группы по количеству земли!

Социально-экономическая статистика — одно из самых могущественных орудий социального познания — превращается таким образом в уродство, в статистику ради статистики, в игру.

Принадлежность большинства или массы сельскохозяйственных предприятий к разряду карликовых, парцелльных, пролетарских хозяйств есть явление, общее многим, если не большинству европейских капиталистических стран, но не *всем* капиталистическим странам. В Америке, например, по данным переписи 1900 года, средний размер фермы составляет 146,6 акров (60 гектаров), т. е. в $7\frac{1}{2}$ раз больше, чем в Германии. Число же мельчайших хозяйств, если отнести к ним хозяйства до 20 акров (до 8 ha), составляет немногим более $\frac{1}{10}$ (11,8%). Даже число всех хозяйств размером до 50 акров (т. е. до 20 ha) составляет только треть общего числа. Для сравнения этих данных с германскими надо принять во внимание, что хозяйства размером до 3 акров (= 1,2 гектарам) считаются в Америке лишь тогда, когда валовой доход их составляет 500 долларов, т. е. громадная масса хозяйств до 3 акров не регистрируется вовсе. Поэтому надо и из германских данных исключить мельчайшие хозяйства.

* См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 87—202. Ред.

Отбросим все хозяйства даже до 2 га: из оставшихся 2357572 хозяйств будет 1006277 с 2—5 га, т. е. свыше 40% общего числа хозяйств суть мельчайшие хозяйства. В Америке дело обстоит совершенно иначе.

Очевидно, при отсутствии традиций крепостничества (или при более решительном уничтожении всех следов его), при отсутствии (или ослаблении) гнета поземельной ренты над сельскохозяйственным производством капитализм в земледелии может существовать и даже развиваться с особенной быстротой без создания миллионного кадра батраков и поденщиков с наделом.

III

КРЕСТЬЯНСКИЕ ХОЗЯЙСТВА ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

Мы отнесли к крестьянским хозяйствам такие группы, в которых, с одной стороны, большинство земледельцев принадлежит к самостоятельным хозяевам, а с другой стороны, число семейных рабочих больше числа наемных. Абсолютное число наемных рабочих у таких хозяев оказалось очень велико — 1,6 миллиона, больше трети всего числа наемных рабочих. Очевидно из всей массы (2,1 млн.) «крестьянских» хозяйств имеется немало капиталистических предприятий. Мы увидим ниже, каково приблизительно их число и их значение, теперь же остановимся подробнее на соотношении семейного и наемного труда. Посмотрим, как велико среднее число рабочих на одно хозяйство:

	Группы хозяйств	Среднее число рабочих на одно хозяйство		
		всего	семейных	наемных
Хозяйства пролетарские	{ До 0,5 га	1,3	1,2	0,1
	{ 0,5 — 2 »	1,9	1,7	0,2
Хозяйства крестьянские	{ 2 — 5 »	2,9	2,5	0,4
	{ 5 — 10 »	3,8	3,1	0,7
	{ 10 — 20 »	5,1	3,4	1,7
Хозяйства капиталистические	{ 20 — 100 »	7,9	3,2	4,7
	{ 100 и более »	52,5	1,6	50,9
<i>В общем</i>		3,0	2,1	0,9

Мы видим отсюда, как невелики вообще в сельском хозяйстве размеры предприятий по числу рабочих, сравнительно с промышленностью. Свыше 50 наемных рабочих

на хозяйство имеют только владельцы более 100 га: число их — 23 566, т. е. менее $\frac{1}{2}\%$ всего числа хозяйств. Число наемных рабочих у них — 1 463 974, т. е. немногим меньше, чем у 2-х миллионов крестьянских хозяйств.

Из крестьянских хозяйств сразу выделяется группа с 10—20 га: в среднем на одно хозяйство здесь приходится 1,7 наемного рабочего. Если выделить только постоянных наемных рабочих, то увидим, что число их составляет на 412 741 хозяйство этой группы (411 940 распределенных по числу рабочих) — 412 702. Это значит, что ни одно предприятие не обходится без *постоянного* употребления наемного труда. Вот почему мы выделяем эту группу как «гроссбуауэров», как крупнокрестьянские хозяйства или крестьянскую буржуазию. Обычно сюда относили владельцев 20 и более гектаров, но перепись 1907 г. доказала, что употребление наемного труда в земледелии распространено шире, чем принято думать, что граница, с которой начинается постоянное употребление наемного труда, должна быть значительно передвинута вниз.

Далее, рассматривая соотношение семейного и наемного труда, мы видим, что в пролетарских и крестьянских хозяйствах среднее число семейных рабочих постоянно возрастает параллельно росту числа наемных рабочих, а в хозяйствах капиталистических число семейных рабочих *начинает падать* при увеличении числа наемных. Явление это совершенно естественное, подтверждающее правильность нашего заключения о принадлежности хозяйств, имеющих более 20 гектаров, к капиталистическим, в которых не только число наемных рабочих больше числа семейных, но и среднее число семейных рабочих на 1 хозяйство *меньше*, чем у крестьян.

В русской литературе уже давно, еще при начале споров марксистов с народниками было установлено, по данным земской статистики, что в крестьянском хозяйстве семейная кооперация является базой для создания капиталистической кооперации, т. е. крепкие крестьянские хозяйства, отличающиеся особенно высоким числом семейных рабочих, превращаются в капиталистические хозяйства, применяя наемный труд все в больших и больших размерах. Теперь мы видим, что немецкая стати-

стика для всего германского земледелия подтверждает этот вывод.

Возьмем германские крестьянские хозяйства. Взятые вместе, они отличаются от хозяйств пролетарских, как предприятия, основанные на семейной кооперации (2,5—3,4 семейных рабочих на хозяйство), от предприятий одиночек. Пролетарские хозяйства должны быть названы хозяйствами одиночек, ибо в среднем не приходится даже и по два рабочих на хозяйство. Среди же крестьянских хозяйств конкуренция идет из-за того, кто больше привлечет наемных рабочих: чем крупнее размеры крестьянского хозяйства, тем выше число семейных рабочих и *тем быстрее* возрастает число наемных рабочих. Крупнокрестьянские хозяйства меньше чем в полтора раза превосходят мелкокрестьянские (2—5 га) по числу семейных рабочих, но более чем вчетверо превосходят их по числу наемных рабочих.

Мы видим здесь точное, статистическое, подтверждение того коренного различия между классом мелких хозяев вообще, мелких крестьян в частности, и классом наемных рабочих, которое всегда указывается марксистами и которого никак не могут усвоить буржуазные экономисты и ревизионисты. Вся обстановка товарного хозяйства ведет к тому, что мелкие крестьяне не могут существовать, не борясь за укрепление и расширение своего предприятия, а эта борьба означает борьбу за увеличение пользования чужой рабочей силой и за удешевление такого пользования. Вот почему вся масса мелких крестьян в каждой капиталистической стране, из которых ничтожное меньшинство «выходит в люди», т. е. становится настоящими капиталистами, проникается капиталистической психологией и идет в политике за аграриями. Буржуазные экономисты (а за ними и ревизионисты) поддерживают эту психологию; марксисты разъясняют мелким крестьянам, что им нет иного спасения кроме присоединения к наемным рабочим.

Чрезвычайно поучительны также данные переписи 1907 г. о соотношении числа постоянных и временных рабочих. В общем и целом число последних составляет ровно треть общего числа: 5 053 726 из 15 169 549. Из наемных рабочих временных 45%, из семейных — 29%. Но в хозяйствах различного типа эти отношения

существенно меняются. Вот данные по принятым нами группам:

Группы хозяйств	Процент временных рабочих к общему числу рабочих			
	семейных	наемных	всего	
I {	До 0,5 га	55	79	58
	0,5 — 2 »	39	78	45
II {	2 — 5 »	22	68	29
	5 — 10 »	11	54	24
	10 — 20 »	14	42	23
III {	20 — 100 »	14	32	25
	100 и более »	11	33	32
<i>В среднем</i>		29	45	33

Мы видим отсюда, что среди пролетарских хозяйств, имеющих менее $\frac{1}{2}$ гектара (всего таких хозяйств 2,1 миллиона!), временные рабочие составляют и среди семейных и среди наемных больше половины. Это — главным образом побочные хозяйства, которыми их владельцы занимаются лишь временно. И среди пролетарских хозяйств с 0,5—2 гектарами процент временных рабочих очень высок. По мере увеличения размеров хозяйства процент этот падает — с одним только исключением. Именно, среди наемных рабочих крупнейших капиталистических хозяйств процент этот немного повышается, а так как число семейных рабочих в этой группе совершенно ничтожно, то процент временных среди всех рабочих повышается значительно, с 25 до 32%.

Разница между крестьянскими и капиталистическими хозяйствами по общему числу временных рабочих не очень велика. Разница между семейными и наемными рабочими во всех хозяйствах очень значительна, и если принять во внимание, что среди временных семейных рабочих особенно высок, как сейчас увидим, процент женщин и детей, то эта разница окажется еще больше. Следовательно, наемные рабочие самый подвижный элемент...

IV

ЖЕНСКИЙ И ДЕТСКИЙ ТРУД В ЗЕМЛЕДЕЛИИ

... ведут сельское хозяйство. В крестьянском хозяйстве, говоря вообще, тоже преобладает женский труд, и только в крупнокрестьянских и капиталистических предприятиях мужчины составляют большинство.

Среди наемных рабочих женщины составляют вообще меньшую долю, чем среди семейных. Очевидно, капиталистические земледельцы во всех группах принадлежат к числу хозяев, обеспечивающих себе наилучшие рабочие силы. Если принять, что преобладание женщин над мужчинами есть одно из мерил стесненного положения хозяина и неудовлетворительного положения хозяйства, лишенного возможности пользоваться наилучшими рабочими силами (а такое предположение неизбежно вытекает из всех данных о жен...

V

РАСКИЩЕНИЕ ТРУДА В МЕЛКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

VI

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР
УПОТРЕБЛЕНИЯ МАШИН В СОВРЕМЕННОМ ЗЕМЛЕДЕЛИИ

VII

НИЗКАЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА
В МЕЛКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ И ЧРЕЗМЕРНАЯ РАБОТА

Значение данных об употреблении машин в сельском хозяйстве обыкновенно не оценивается достаточно в экономической литературе. Во-первых, игнорируют сплошь да рядом (всегда, если речь идет о буржуазном экономисте) капиталистический характер употребления машин, не исследуют соответственного вопроса, не умеют или не хотят даже *ставить* его. Во-вторых, употребление машин рассматривается изолированно, а не как *показатель* различных типов хозяйства, различных приемов культуры, различных *экономических* условий хозяйства.

Если мы видим, например, как общее правило, несравненно большее употребление машин в крупном производстве по сравнению с мелким и громадную концентрацию машин в капиталистических хозяйствах, а иногда даже почти монополизацию усовершенствованных орудий капиталистическими хозяйствами, то это указывает на *различие в уходе за землей* в хозяйствах разного типа. Среди машин, зарегистрированных германской переписью, значатся такие, как паровые плуги, рядовые сеялки, машины для посадки картофеля. Употребление их преимущественно

в капиталистическом земледелии означает, что здесь *уход за землей* лучше, техника обработки выше, производительность труда больше. Автор известной монографии о сельскохозяйственных машинах, Бензинг¹²⁵, рассчитал, опираясь на данные специалистов об опыте применения разных машин, что даже без изменения систем полеводства употребление машин, отдельно взятое, повышает *в десятки раз* чистую доходность хозяйства. Эти расчеты не опровергнуты никем и не могут быть, в основе своей, опровергнуты.

Мелкий производитель, не имеющий возможности применять усовершенствованных орудий, вынужден отставать *в уходе за землей*, а «догонять» крупного хозяина путем вложения большего труда в землю при сохранении старых орудий, путем увеличения «прилежания» и удлинения рабочего дня могут только единицы и десятки из сотен и тысяч. Статистика употребления машин *указывает*, следовательно, как раз на тот факт *чрезмерного труда* в мелком производстве, который (факт) всегда подчеркивают марксисты. Никакая статистика не сможет прямо учесть этого факта, но если посмотреть на данные статистики в их *экономическом значении*, то станет ясно, *какие типы* хозяйства *должны* складываться, не могут не складываться, в современном обществе при употреблении машин и при невозможности употреблять их.

Иллюстрацию сказанного дает нам венгерская статистика. Подобно германской переписи 1907 г. (а также 1882 и 1895 гг.), подобно датской статистике употребления машин 1907 г., подобно французской анкете 1909 года, венгерская перепись 1895 г., впервые собравшая точные данные по всей стране, показывает превосходство капиталистического земледелия, повышение процента хозяйств с машинами по мере увеличения размеров хозяйства. С этой стороны, здесь нет ничего нового, а есть лишь подтверждение германских данных. Но особенностью венгерской статистики является то, что сведения собраны не только о немногих усовершенствованных орудиях и машинах, а *обо всем*, или почти обо всем, мертвом инвентаре, о числе простейших и необходимейших орудий, плугов, борон, телег и т. д.

Благодаря таким исключительно подробным данным получается возможность установить с точностью показатель-

ное, так сказать, характеризующее весь строй хозяйства, значение сведений об употреблении немногих сельскохозяйственных машин и «редкостей» техники (вроде паровых плугов). Возьмем данные венгерской статистики* об употреблении плугов кроме паровых (которых было в 1895 г. всего 179 во всей Венгрии, из них 120 в 3 977 крупнейших хозяйствах).

Вот данные обо *всем* числе плугов и о числе простейших, наиболее примитивных, наименее прочных среди всех орудий этого рода (к простейшим отнесены однолемешные плуги с деревянным дышлом; прочие: те же с железным дышлом, затем 2-х- и 3-хлемешные, культиваторы, окучники, плуги для глубокой вспашки).

Группы хозяйств	Число хозяйств (всего)	Число плугов (всего)	В том числе простейших
Карликовые (до 5 йохов)	1 459 893	227 241	196 852
{ 5 — 10 йохов { 10 — 20 » { 20 — 50 » { 50 — 100 »	569 534	335 885	290 958
	467 038	398 365	329 416
	235 784	283 285	215 380
	38 862	72 970	49 312
всево мелкие	1 311 218	1 090 505	885 066
средние (100 — 1 000 йохов)	20 797	125 157	55 347
крупные (более 1 000 йохов)	3 977	149 750	51 565
<hr/>			
<i>Всего</i>	2 795 885	1 592 653	1 188 830

Не говоря уже о карликовых хозяйствах, мы видим, что у мелкокрестьянских (5—10 йохов, т. е. 2,8—5,7 га) 233 тыс. из 569 тыс. вовсе не имеют плугов, из среднекрестьянских 69 тыс. из 467 тысяч. Только высшие группы, т. е. крупнокрестьянские и капиталистические хозяйства обеспечены плугами, причем только у хозяйств свыше 100 йохов (таких хозяйств только 25 тыс. = 0,9% всего числа!) *преобладают* орудия более усовершенствованные.

* См. «Landwirtschaftliche Statistik der Länder der ungarischen Krone». Budapest («Сельскохозяйственная статистика земель венгерской короны». Будапешт. Ред.) 1900, томы 4 и 5. Венгерская статистика делит все хозяйства на 4 главные группы: 1) карликовые хозяйства (до 5 йохов; йох = 0,57 гектара); 2) мелкие хозяйства (5—100 йохов); 3) средние (100—1 000 йохов) и 4) крупные (свыше 1 000 йохов). Ясно, что вторая группа включает совершенно разнообразные хозяйства, и поэтому я привожу четыре подразделения ее.

У крестьянских хозяйств преобладают (и чем мельче хозяйство, тем значительнее это преобладание) простейшие орудия, наименее прочные, дающие наихудшую работу.

Оставляя в стороне карликовые хозяйства, составляющие большинство (52%) всех хозяйств, но занимающие ничтожную долю площади (7%), мы получаем такой вывод:

Свыше миллиона мелко- и среднекрестьянских хозяйств (5—20 йхов) *недостаточно* обеспечены даже простейшими орудиями для обработки почвы.

Четверть миллиона крупнокрестьянских хозяйств (20—100 йхов) обеспечены сносно орудиями простейшего рода. И только 25 тысяч капиталистических хозяйств (имеющих, правда, 55% всей земельной площади) вполне обеспечены орудиями усовершенствованными.

С другой стороны, венгерская статистика делает расчет, сколько приходится йхов пашни на одно земледельческое орудие и получает такие цифры (приведем данные только о плугах, боронах и телегах, оговариваясь, что картина их распределения между хозяйствами *совершенно* однородна с той, которую мы видели относительно плугов).

в хозяйствах	Приходится йхов пашни		
	на 1 плуг	на 1 борону	на 1 телегу
карликовых	7	8	7
мелких	12	13	15
средних	27	45	40
крупных	28	61	53

Это значит, что, *совершенно неудовлетворительно* обеспеченные *всеми* земледельческими орудиями, пролетарские и крестьянские хозяйства имеют их *непомерно много* по сравнению со всем количеством пахотной земли в их хозяйствах. Нищенская обеспеченность орудиями и невыносимая дороговизна содержания их — таков удел мелкого производства при капитализме. Совершенно точно так же статистика квартир в каждом большом городе покажет нам, что низшие классы населения, рабочие, мелкие торговцы, мелкие служащие и т. д., всего хуже живут, имеют самые тесные и самые плохие квартиры и *всего дороже* платят за 1 кубический фут. По расчету на единицу пространства квартиры фабричной казармы или любой трущобы для бедноты дороже шикарных квартир где-нибудь на Невском.

Отсюда вытекает и по отношению к Германии и по отношению ко всем капиталистическим странам следующий вывод. Если данные об употреблении немногих усовершенствованных орудий и сельскохозяйственных машин показывают нам, что их употребление растет с размерами хозяйств, то это значит, что мелкое производство в земледелии плохо обеспечено всеми необходимыми орудиями. Это значит, что в мелком производстве соединяется *расхищение труда* на содержание необъятной массы плохих и устарелых, годных лишь для крохотного хозяйства, орудий и *тяжелая нужда*, заставляющая надрываться крестьянина, чтобы кое-как продержаться с этими устарелыми, варварскими, орудиями на своем клочке земли.

Вот о чем говорят столь простые и столь знакомые всем данные об употреблении сельскохозяйственных машин, если вдуматься в общественно-экономическое значение этих данных.

Капитализм повышает технику земледелия и ведет его вперед, но он не может делать этого иначе, как разоряя, принижая и давя массу мелких производителей.

Чтобы иллюстрировать наглядно общественное значение и темп этого процесса, сравним в заключение данные трех германских переписей, 1882, 1895 и 1907 годов. Для такого сравнения придется взять данные о числе случаев употребления тех пяти сельскохозяйственных машин, которые регистрировались в течение всего этого периода (машины эти: паровые плуги, сеялки, косилки и жатки, паровые и прочие молотилки). Получаем такую картину:

Группы хозяйств		На сто хозяйств приходится число случаев употребления главнейших с.-х. машин		
		1882	1895	1907
I	До 2 ha	0,5	1,6	3,8
II	2 — 5 »	3,9	11,9	31,2
	5 — 10 »	13,5	32,9	71,1
	10 — 20 »	31,2	60,8	122,1
III	20 — 100 »	59,2	92,0	179,1
	100 и более »	187,1	208,9	271,9
<i>В среднем</i>		8,7	16,6	33,9

Прогресс кажется значительным: за четверть века число случаев употребления главнейших машин возросло,

в общем, почти вчетверо. Но, всматриваясь внимательно, мы должны будем сказать: понадобилось целых четверть века, чтобы сделать употребление хотя бы одной из пяти главных машин обычным явлением у небольшого меньшинства хозяйств, не обходящихся без постоянного употребления наемного труда. Ибо обычным можно назвать лишь такое употребление, когда число случаев его превосходит число хозяйств, а это мы видим лишь по отношению к капиталистическим и крупнокрестьянским хозяйствам. Взятые вместе, они составляют 12% всего числа хозяйств.

Масса мелких и средних крестьян, после четверти века капиталистического прогресса, осталась в таком положении, что только треть первых и две трети вторых могут пользоваться в течение года какой-либо из этих пяти машин.

(Конец 1-й статьи)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Всероссийская (Декабрьская) конференция РСДРП* (Пятая конференция РСДРП) состоялась в Париже 21—27 декабря 1908 года (3—9 января 1909 года). На ней присутствовало 16 делегатов с решающим голосом: 5 большевиков, 3 меньшевика, 5 польских социал-демократов и 3 бундовца. Представителем от ЦК РСДРП был Ленин. Ленин выступал на конференции с докладом «О современном моменте и задачах партии», а также с речами о думской с.-д. фракции, по организационному и другим вопросам. На конференции большевики вели борьбу против двух видов оппортунизма в партии: ликвидаторов и отцовистов. По предложению Ленина конференция осудила ликвидаторство и призвала все партийные организации к решительной борьбе с попытками ликвидировать партию.

Оценку решений конференции см. в статьях Ленина «На дорогу» и «Ликвидация ликвидаторства» (Сочинения, 4 изд., том 15, стр. 316—326; 417—424). — 1.

² *«Голос Социал-Демократа»* — заграничный орган меньшевиков-ликвидаторов; выходил в Женеве, затем в Париже с февраля 1908 года по декабрь 1911 года. — 1.

³ *«Дневник Социал-Демократа»* — неперIODический орган, издававшийся Г. В. Плехановым; выходил в Женеве с большими перерывами с марта 1905 года до апреля 1912 года; вышло 16 номеров. Издание «Дневника» было возобновлено в 1916 году в Петрограде; вышел один номер. — 1.

⁴ *«Пролетарий»* — нелегальная газета, основанная большевиками после IV (Объединительного) съезда партии. Выходила с 21 августа (3 сентября) 1906 года по 28 ноября (11 декабря) 1909 года под редакцией Ленина. «Пролетарий» носил название органа Московского и Петербургского комитетов, а некоторое время и Московского окружного, Пермского, Курского и Каванского комитетов. Фактически «Пролетарий» являлся Центральным Органом большевиков. Вышло 50 номеров газеты; первые 20 номеров были изданы в Финляндии (Выборг). С 13 (26) февраля по 1 (14) декабря 1908 года «Пролетарий» выходил в Женеве, с 8 (21) января по 28 ноября (11 декабря) 1909 года —

в Париже. В газете опубликовано свыше 100 статей и ваметок Ленина. В годы столыпинской реакции «Пролетарий» сыграл выдающуюся роль в сохранении и укреплении большевистских организаций. — 1.

- 5 «Правда» (венская) — меньшевистская газета, фракционный орган Троцкого; выходила в 1908—1912 годах в Вене (Австрия). Прикрываясь маской «внефракционности», газета по всем основным вопросам занимала ликвидаторскую позицию, а также поддерживала отзовистов и ультиматистов. В 1912 году Троцкий и его «Правда» явились организаторами антипартийного Августовского блока. — 2.
- 6 С. — Сильвестр Джибладзе — грузинский меньшевик-ликвидатор. — 2.
- 7 Г. В. Плеханов входил в состав редакции меньшевистского органа — «Голос Социал-Демократа». Эволюция «Голоса» в сторону ликвидаторства вызвала разногласия Плеханова с редакцией. В декабре 1908 года Плеханов фактически прекратил свое участие в «Голосе», заявив о выходе сначала из редакции издававшегося ликвидаторами пятитомника «Общественное движение в России», а затем и из редакции «Голоса». Формально Плеханов вышел из редакции ликвидаторского «Голоса Социал-Демократа» 13 (26) мая 1909 года. — 3.
- 8 *Открытое письмо Исполнительной комиссии Московского окружного комитета РСДРП* (датировано 17 (30) августа 1909 года) было написано в связи с обнаружившейся антипартийностью и фракционным характером каприйской школы. Исполнительная комиссия напоминала в «Письме» об обязательстве слушателей поддерживать тесную связь с МОК и требовала полного отчета о деятельности школы. «Письмо» было напечатано в «Пролетарии» № 47—48, 5 (18) сентября 1909 года вместе с примечанием Ленина: «От редакции».
- Каприйская школа* — фракционный центр отзовистов, ультиматистов и богостроителей, объединившихся для борьбы против большевизма; создана в 1909 году А. Богдановым (Максимовым), Алексинским и Луначарским при участии М. Горького на острове Капри (Италия). Прикрываясь флагом партийности, богдановцы добились от некоторых местных социал-демократических организаций присылки в школу 13 слушателей. Школа существовала около 4 месяцев (август—декабрь). В ноябре среди слушателей произошел раскол: часть их, во главе с рабочим Н. Е. Вилоновым, решительно отмежевалась от богдановцев. Слушатели-ленинцы послали в редакцию газеты «Пролетарий» протест против антипартийного поведения лекторов, за что были исключены из школы. В конце ноября (начале декабря) 1909 года по приглашению В. И. Ленина они приехали в Париж, прослушали цикл лекций, в том числе лекции Ленина: «Современный момент и наши задачи», «Аграрная политика Столыпина». Оставшаяся на Капри часть слушателей вместе

с лекторами образовала в декабре 1909 года антипартийную группу «Вперед».

Совещание расширенной редакции «Пролетария» осудило каприйскую школу как «новый центр откалывающейся от большевиков фракции». — 9.

- 9 На 21 сентября (4 октября) 1909 года в Петербурге были назначены дополнительные выборы в III Государственную думу вместо исключенного из состава Думы депутата от Петербурга, кадета А. М. Колобакина. — 10.
- 10 *«Речь»* — ежедневная газета, центральный орган партии кадетов; выходила в Петербурге с февраля 1906 года; закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года. — 12.
- 11 *«Вехи»* — кадетский сборник; вышел в Москве весной 1909 года со статьями Н. Бердяева, С. Булгакова, П. Струве, М. Гершензона и других представителей контрреволюционной либеральной буржуазии. В статьях о русской интеллигенции «веховцы» пытались опорочить революционно-демократические традиции лучших представителей русского народа, в том числе Белинского и Чернышевского; оплеывали революционное движение 1905 года и благодарили царское правительство за то, что оно «своими штыками и тюрьмами» спасло буржуазию «от ярости народной». Сборник призывал интеллигенцию на службу самодержавию. Ленин сравнивал программу «Вех» и в философии и в публицистике с программой черносотенной газеты «Московские Ведомости», называя сборник «энциклопедией либерального ренегатства», «сплошным потоком реакционных помоев, вылитых на демократию» (см. настоящий том, стр. 106—114). — 13.
- 12 Выражение «оппозиция его величества» принадлежит лидеру кадетской партии — П. Милюкову. В речи на завтраке у лорд-мэра Лондона, 19 июня (2 июля) 1909 года, Милюков заявил: «Пока в России существует законодательная палата, контролирующая бюджет, русская оппозиция останется оппозицией его величества, а не его величеству» («Речь» № 167, 21 июня (4 июля) 1909 года). — 13.
- 13 *Совещание расширенной редакции «Пролетария»* состоялось в Париже 8—17 (21—30) июня 1909 года. В нем приняли участие 9 членов Большевицкого Центра (избранного большевистской фракцией V (Лондонского) съезда РСДРП в 1907 году) во главе с Лениным, представители Петербургской, Московской областной и Уральской организаций. Совещание было созвано для обсуждения антипартийной позиции отзовистов и ультиматистов; проходило под руководством Ленина. Ленин выступал с речами по всем основным вопросам повестки дня. Отзовизм и ультиматизм на совещании отстаивали А. Богданов (Максимов), В. Шанцер (Марат). Двуручническую позицию занимали Каменев, Зиновьев, Рыков, Томский. Совещание

- осудило отзовизм и ультимативизм как «ликвидаторство слева». Оно также осудило богостроительство и постановило вести решительную борьбу с ним, равоблачая его антимарксистский характер. Вдохновитель отзовизма и ультиматизма Богданов был исключен из рядов большевиков. — 15.
- 14 *Исключительный закон против социалистов* был введен в Германии в 1878 году. Этим законом были запрещены все социал-демократические и массовые рабочие организации, закрыта рабочая печать, запрещена социалистическая литература. Под напором массового рабочего движения закон был отменен в 1890 году. — 16.
- 15 *Июльская конференция 1907 года* — Третья конференция РСДРП («Вторая общероссийская»); состоялась 21—23 июля (3—5 августа) 1907 года в Финляндии (Котка). На конференции присутствовало 26 делегатов: 9 большевиков, 5 меньшевиков, 5 польских и 2 латышских социал-демократа, 5 бундовцев. Конференция была созвана для определения тактики социал-демократии в связи с третьейюнским переворотом и созывом III Государственной думы. Против бойкота Думы на конференции выступал Ленин. Докладчиком от сторонников бойкота был А. Богданов (Максимов). Большинством голосов конференция приняла ленинскую резолюцию. — 24.
- 16 *Всеv.* (Всеволод) — псевдоним отзовиста В. П. Денисова. — 26.
- 17 *Стан.* (Станислав) — отзовист А. В. Соколов (Вольский), один из организаторов антипартийных школ на Капри и в Лондоне. — 26.
- 18 *«Рабочее Знамя»* — нелегальная большевистская газета, орган Областного бюро Центрально-промышленного района, Московского и Московского окружного комитетов РСДРП; выходила в Москве с марта по декабрь 1908 года; вышло 7 номеров. Начиная с № 5, на страницах газеты была открыта дискуссия по вопросу об отношении к Думе и к думской социал-демократической фракции. В этом номере была напечатана статья отзовиста «Письмо рабочего. (О плане партийной работы в связи с оценкой текущего момента)». Редактором статьи был лидер московских отзовистов Ст. Вольский (А. В. Соколов), в то время член Областного бюро Московского Центрально-промышленного района. Статья вызвала резкие протесты со стороны партийных организаций Центральной России и отповедь на страницах газеты «Пролетарий». Критику статьи дал В. И. Ленин в работе «По поводу двух писем» (Сочинения, 4 изд., том 15, стр. 261—276). — 27.
- 19 *Первый Всероссийский съезд фабрично-заводских врачей и представителей фабрично-заводской промышленности* состоялся 1—6 (14—19) апреля 1909 года в Москве. В числе делегатов съезда было 52 рабочих, избранных профессиональными союзами главным образом крупных промышленных центров. Выступления

рабочих делегатов, среди которых преобладали большевики, имели большое политическое значение и нашли отклик во всей стране. Особенно оживленные прения на съезде вызвали два вопроса: об организации санитарного надзора (была принята предложенная большевиками резолюция) и о выборах фабричной инспекции рабочими.

Съезд не закончил своих работ: он был закрыт полицией. — 28.

- 20 Ленин имеет в виду французского дипломата конца XVIII — начала XIX века Ш. Талейрана. — 29.
- 21 *Марат* — В. Л. Шанцер, член расширенной редакции газеты «Пролетарий», ультиматист, позднее один из участников антипартийной группы «Вперед». — 30.
- 22 «*Ер*» — А. В. Соколов (Вольский). — 33.
- 23 «*Вперед*» — большевистская массовая рабочая газета, руководимая Лениным; издавалась нелегально в Выборге редакцией газеты «Пролетарий» с 10 (23) сентября 1906 года по 19 января (1 февраля) 1908 года; вышло 20 номеров. Начиная с № 2, газета выходила как орган местных комитетов РСДРП: № 2 — Московского, Петербургского и Московского окружного, №№ 3—7 как орган Московского, Петербургского, Московского окружного, Пермского и Курского комитетов; №№ 8—19, кроме того, и как орган Казанского комитета; последний, 20, № газеты «Вперед» вышел с указанием вместо Пермского и Казанского — Уральского областного комитета. — 41.
- 24 Работа Ленина «*Отаовистско-ультиматистские штрейкбретеры*» не найдена. — 53.
- 25 Статья «*Петербургские выборы*» посвящена итогам дополнительных выборов в III Государственную думу, проведенных в сентябре 1909 года; напечатана без подписи в газете «Пролетарий» № 49, 3 (16) октября 1909 года.
Написанное Лениным примечание направлено против оппортунистической статьи Н. Иорданского «Без выхода», опубликованной в «Новом Дне» № 6. — 60.
- 26 «*Новый День*» — еженедельная легальная социал-демократическая газета; издавалась в Петербурге с 20 июля (2 августа) по 13 (26) декабря 1909 года; вышло 15 номеров. Газета была закрыта полицией. В «Новом Дне» Ленин напечатал две статьи: «Еще о партийности и беспартийности» и «О «Вехах»» (см. настоящий том, стр. 46—48 и 106—114). — 60.
- 27 Речь идет о «Введении» Ф. Энгельса к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции». При публикации «Введения» немецкими социал-демократами в 1895 году оно было извращено, а впоследствии истолковано ими как отказ от вооруженного восстания и баррикадной борьбы.

Полный текст «Введения» по рукописи Энгельса был впервые опубликован лишь в СССР (см. К. Маркс. «Классовая борьба во Франции», 1940, стр. 5—26; цитируемое Лениным место см. на стр. 23—24). — 60.

28 *«Проект резолюции об укреплении партии и ее единства»* был внесен Лениным на заседании редакции ЦО «Социал-Демократ» 21 октября (3 ноября) 1909 года. На этом заседании Ленин предложил поместить в качестве редакционной статью «О методах укрепления нашей партии и ее единства» (пока не найдена). В статье Ленин требовал решительной борьбы с ликвидаторством и отстаивал необходимость сохранения и укрепления самостоятельности большевистской организации. Большинство редакции, в лице скрытых агентов Троцкого (Зиновьев, Каменев, Варский) и меньшевика Мартова, отклонило статью Ленина как редакционную и предложило напечатать ее за подписью автора в дискуссионном порядке. Тогда Ленин поставил на обсуждение редакции общий вопрос об укреплении партии и ее единства и внес проект резолюции по этому вопросу. Проект, как и статья Ленина, был отклонен примиренчески-ликвидаторским большинством редакции (см. Ленинский сборник XXV, стр. 48—49). — 61.

29 *Центральный Орган РСДРП — «Социал-Демократ»* — нелегальная газета; издавалась с февраля 1908 года по январь 1917 года; вышло 58 номеров. Первый номер вышел в России, в дальнейшем издание было перенесено за границу, сначала в Париж, затем в Женеву. Редакция ЦО была составлена, согласно решению ЦК РСДРП, из представителей большевиков, меньшевиков и польских социал-демократов. В газете «Социал-Демократ» напечатано больше 80 статей и заметок Ленина. Внутри редакции газеты Ленин вел борьбу за последовательную большевистскую линию. Часть редакции (Каменев и Зиновьев) примиренчески относилась к ликвидаторам, пыталась сорвать проведение ленинской линии. Члены редакции, меньшевики Мартов и Дан, саботируя работу в редакции Центрального Органа, в то же время открыто защищали ликвидаторство в «Голосе Социал-Демократа». Непримиримая борьба Ленина против ликвидаторов привела к уходу Мартова и Дана в июне 1911 года из состава редакции «Социал-Демократа». С декабря 1911 года «Социал-Демократ» редактировался В. И. Лениным. В газете был напечатан ряд статей И. В. Сталина. — 61.

30 *Международное социалистическое бюро (МСБ)* — исполнительный орган II Интернационала; создано по решению Парижского конгресса 1900 года. Ленин, входивший в состав Международного социалистического бюро как официальный представитель РСДРП, выступал на одиннадцатой сессии его 7 ноября (н. ст.) 1909 года. О заседании Международного социалистического бюро см. статью Ленина «Одиннадцатая сессия Международного социалистического бюро», настоящий том, стр. 122—126. — 62.

- 31 *Бобриковцы* — сторонники полицейско-жандармского режима, проводившегося в Финляндии в 1898—1904 годах царским генерал-губернатором Н. И. Бобриковым. — 63.
- 32 *«Письмо слушателям школы на Капри»* написано Лениным в октябре 1909 года в ответ на два письма рабочих — слушателей школы, отмежевавшихся от богдановской группы. Письма слушателей-ленинцев были опубликованы вместе со статьей Ленина «Позорный провал» (см. настоящий том, стр. 69—70) в отдельном оттиске из № 50 газеты «Пролетарий», 28 ноября (11 декабря) 1909 года. — 66.
- 33 *«Марксизм» брентановский, зомбартовский и струвистский* — буржуазно-реформистское «учение», «признающее «школу капитализма», но отвергающее школу революционной классовой борьбы» (Ленин). Представителями этой разновидности буржуазного извращения марксизма являлись:
Луио Брентано — немецкий буржуазный экономист, сторонник так называемого «государственного социализма»; пытался доказать возможность осуществления социального равенства в рамках капитализма путем реформ и примирения интересов капиталистов и рабочих;
Вернер Зомбарт — немецкий буржуазный экономист, фальсификатор марксизма; оправдывая капитализм, изображал его как гармонически планомерную систему.
Прикрываясь марксистской фразеологией, Брентано, Зомбарт и их последователи являлись на деле защитниками капитализма, стремились подчинить рабочее движение интересам буржуазии. «Теории» Брентано и Зомбарта широко использовались и используются врагами марксизма.
П. Б. Струве — русский буржуазный либерал, в девяностых годах легальный марксист, позднее один из лидеров кадетской партии, а после Великой Октябрьской революции — белоэмигрант, ярый враг Советской власти. — 73.
- 34 Ленин цитирует слова меньшевика-ликвидатора Дана, который на Пятой («Общерусской 1908 года») конференции РСДРП при обсуждении вопроса «О современном моменте и задачах партии» заявил, что большевики «предлагают переть туда, где были раз разбиты». — 75.
- 35 Цитируется брошюра русского народника П. Н. Ткачева «Задачи революционной пропаганды в России», апрель 1874, стр. 16. — 76.
- 36 *Закон 9 ноября 1906 года* — столыпинский земельный закон о выделении крестьян из общины на хутора. Характеристику и оценку столыпинской земельной реформы см. в работе Ленина «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» (Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 195—396). — 76.

- 37 Г—г (Георг) — меньшевик-ликвидатор В. О. Левицкий (В. О. Цедербаум). — 83.
- 33 «Vorwärts» («Вперед») — газета, центральный орган германской социал-демократии; начала выходить с 1876 года под редакцией В. Либкнехта и других. На страницах газеты Ф. Энгельс вел борьбу против всяческих проявлений оппортунизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Энгельса, в «Vorwärts» систематически печатались статьи оппортунистов, господствовавших в германской социал-демократии и во II Интернационале. — 83.
- 39 «П.» — меньшевик-плекхановец Ф. И. Цедербаум (П. Н. Дневничный). — 83.
- 40 Для статьи «Голос Социал-Демократа» и Череванин» Ленин использовал свои пометки на книге Череванина «Современное положение и возможное будущее», особенно «сводку важнейших отметок», сделанную им на обложке в конце этой книги (см. Ленинский сборник XXVI, стр. 366—412). — 86.
- 41 Настоящий документ представляет собой начало статьи, написанной Лениным в конце ноября (начале декабря) 1909 года в Париже. Конец статьи не сохранился. Статья предназначалась для № 50 «Пролетария», но не была в нем напечатана. Вместо нее Ленин написал статью «О некоторых источниках современного идейного разброда», первую половину которой напечатал в газете «Пролетарий» № 50, 28 ноября (11 декабря) 1909 года (см. настоящий том, стр. 71—78). — 90.
- 42 Письмо «старого искровца и старого большевика», которое цитирует Ленин, было напечатано за подписью «Тр.» в газете «Пролетарий» № 50, 28 ноября (11 декабря) 1909 года («Письма из Петербурга. Письмо III»). — 91.
- 43 Речь идет о нападках А. С. Мартынова в органе ликвидаторов «Голос Социал-Демократа» на книгу В. И. Ленина (В. Ильина) «Развитие капитализма в России». — 101.
- 44 Ленин имеет в виду инцидент на заседании III Государственной думы 20 ноября (3 декабря) 1909 года при обсуждении законопроекта о неприкосновенности личности. Этот законопроект явился, по словам левых депутатов Думы, «уважением всех видов произвола, существовавших и существующих в России». Махрово-черносотенная речь Маркова (второго) 20 ноября (3 декабря) в защиту законопроекта вызвала негодование даже со стороны кадетов, покинувших в знак протеста зал заседания Думы. Обсуждение законопроекта в заседании 20 ноября (3 декабря) особенно обнажило черносотенный характер III Думы. — 103.

- 45 До появления настоящей статьи Ленин прочитал в Льеже 16 (29) октября 1909 года публичный реферат «Идеология контрреволюционной буржуазии». На эту же тему 13 (26) ноября 1909 года Ленин выступил с рефератом в Париже: «Идеология контрреволюционного либерализма (успех «Вех» и его общественное значение)». План парижского реферата изложен в афише, хранящейся в Архиве ИМЭЛ. Он разбивается на следующие разделы: I. С какой философией воюют «Вехи» и думские речи кадета Караулова. II. Белинский и Чернышевский, уничтоженные «Вехами». III. За что ненавидят либералы «интеллигентскую» русскую революцию и ее французский «достаточно продолжительный» образчик? IV. «Вехи» и «левые» в России. Кадеты и октябристы. «Святое дело» русской буржуазии. V. Что выиграла демократическая революция в России, потеряв своих либерально-буржуазных «союзников»? VI. «Вехи» и речи Милюкова на предвыборных собраниях в Петербурге. Как критиковал Милюков на этих собраниях нелегальную революционную газету. — 106.
- 46 *«Московские Ведомости»* — ежедневная газета; начала издаваться в 1756 году; с 60-х годов XIX века выражала взгляды наиболее реакционных монархических слоев помещиков и духовенства; с 1905 года — один из главных органов черносотенцев; закрыта вскоре после Октябрьской революции 1917 года. — 108.
- 47 *«Четырехзвездка»* — сокращенное название демократической избирательной системы, включающей четыре требования: всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право. — 111.
- 48 *«Новое Время»* — ежедневная газета; выходила в Петербурге с 1868 по октябрь 1917 года. Вначале умеренно-либеральная, с 1876 года она превратилась в орган реакционных дворянских и чиновно-бюрократических кругов. Газета вела борьбу не только против революционного, но и против либерально-буржуазного движения; с 1905 года — один из органов черносотенцев. Ленин называл «Новое Время» образцом продажных газет. — 112.
- 49 Слова «Обогащайтесь, господа, и вы станете избирателями» приписываются Гизо, главе французского правительства в годы июльской монархии (1830—1848). — 112.
- 50 Речь идет о резолюции Пятого (Лондонского) съезда РСДРП «Об отношении к непролетарским партиям» (см. «ВКП(б) в революциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 103—104). — 115.
- 51 *«Московский Еженедельник»* — журнал, орган буржуазно-помещичьей контрреволюционной «Партии мирного обновления»; издавался в Москве с 1906 по 1910 год. — 119.

52 *Группа «Вперед»* — антипартийная группа отаовистов, ультимативистов, богостроителей и эмпириомонистов (сторонников реакционно-идеалистических взглядов Маха и Авенариуса); организовалась в декабре 1909 года по инициативе Л. Богданова и Г. Алексинского; имела свой печатный орган того же названия. В 1912 году «впередовцы» вместе с меньшевиками-ликвидаторами объединились против большевиков в общий антипартийный блок (Августовский), организованный Троцким.

Не пользуясь поддержкой среди рабочих, группа фактически распалась еще в 1913 году. Окончательный и формальный распад ее произошел в 1917 году, после февральской революции. — 127.

53 *Пленум ЦК РСДРП*, известный под названием «Объединительного», состоялся 2—23 января (15 января — 5 февраля) 1910 года в Париже. Пленум был создан вопреки Ленину, при содействии скрытых союзников Троцкого: Зиновьева, Каменева, Рыкова. На нем присутствовали, кроме большевиков, представители всех фракций и фракционных группировок, а также представители национальных социал-демократических организаций. В противовес ленинскому плану сближения с меньшевиками-партийцами (плекхановцами) для борьбы с ликвидаторством, примиренцы, скрытые троцкисты, требовали роспуска всех фракций и объединения большевиков с ликвидаторами и троцкистами. Перевес на пленуме получили примиренческие элементы. Ленин оказался в меньшинстве. Только после настойчивого требования Ленина пленум принял постановление об осуждении ликвидаторства и отаовизма. Вопреки Ленину, пленумом были приняты решения о закрытии большевистского органа «Пролетарий» и роспуске Большевистского Центра. Ленин добился включения в постановление пленума условия о том, чтобы одновременно с ликвидацией Большевистского Центра были уничтожены фракционные центры «голосовцев» и «впередовцев». Пленум вынес решение оказать денежную поддержку венской «Правде» Троцкого, которую агенты Троцкого, Зиновьев и Каменев, пытались превратить в орган ЦК. В состав центральных учреждений, несмотря на протест Ленина, были выбраны и меньшевики-ликвидаторы.

О борьбе Ленина на пленуме с ликвидаторами, троцкистами и примиренцами см. его «Заметки публициста» (настоящий том, стр. 175—234). — 130.

54 Статья «*Голос ликвидаторов против партии*» написана Лениным в качестве редакционной для № 12 газеты «Социал-Демократ». Во второй половине марта статья была выпущена отдельным оттиском и затем уже напечатана в газете «Социал-Демократ». — 138.

55 «*Дискуссионный Листок*» — приложение к Центральному Органу РСДРП «Социал-Демократ»; выходил по постановлению Январского (1910) пленума ЦК РСДРП с 6 (19) марта 1910 года по 29 апреля (12 мая) 1911 года в Париже; вышло

- 3 номера. В номере 2 «Дискуссионного Листка» 25 мая (7 июня) 1910 года было напечатано «Письмо с Кавказа» И. В. Сталина (см. Сочинения, том 2, стр. 188—196). — 138.
- 56 *Григорий* — Г. Е. Зиновьев. — 140.
- 57 *Иннокентий* — П. Ф. Дубровинский. — 140.
- 58 *Письмо Заграничного бюро ЦК РСДРП «Ко всем товарищам за границей»* издано отдельной листовкой 3 (16) марта 1910 года.
- Заграничное бюро Центрального Комитета (ЗБЦК)* создано пленумом ЦК РСДРП в августе 1908 года в качестве общепартийного представительства за границей, подчиненного и подотчетного Русскому бюро ЦК. Вскоре после Январского пленума ЦК в составе ЗБЦК сложилось ликвидаторское большинство и ЗБЦК стало центром собирания антипартийных сил. Ликвидаторская тактика ЗБЦК заставила большевиков-ленинцев отозвать в мае 1911 года из его состава своего представителя. Несколькими позднее были отозваны представители польской и латышской социал-демократии. В январе 1912 года ЗБЦК самоликвидировалось. — 142.
- 59 *«Геростратовски знаменитый документ»* — «Открытое письмо» с проповедью ликвидаторских взглядов — подписали меньшевики: Августовский — С. О. Цедербаум-Ежов; Антон — М. С. Макадзюб; Вадим — В. К. Иков; В. Петрова — Л. Н. Радченко; Георгий — Б. С. Цейтлин-Батурский; Георг — В. О. Цедербаум-Левицкий; Евг. Га — аз — В. А. Гувовский-Маевский; Крамольников — Г. И. Пригорный; Д. Кольцов — Б. А. Гинзбург; Нат. Михайлова — Р. С. Гальберштадт; Роман — К. М. Ермолаев; Ромул — М. Л. Хейсин; Соломонов — С. Н. Португейс; Череванин — Ф. А. Липкин; Юрий — П. А. Брошштейн; Я. П — ий — Я. А. Пилецкий. — 143.
- 60 *Михаил* — меньшевик-ликвидатор И. А. Исув. — 143.
- 61 *«Один из действующих в России членов ЦК»* — В. П. Ногин. — 144.
- 62 См. введение Ф. Энгельса к английскому изданию его брошюры «Развитие социализма от утопии к науке» (Ф. Энгельс. «Развитие социализма от утопии к науке», 1940, стр. 24). — 148.
- 63 Н. Г. Чернышевский. «Пролог», ч. I (см. Н. Г. Чернышевский. Избранные сочинения, т. V, 1932, стр. 488). — 149.
- 64 См. резолюцию «О современном моменте и задачах партии», принятую Пятой («Общерусской 1908 года») конференцией РСДРП («ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 125—127). — 155.
- 65 *Младотурки* — политическая организация турецкой буржуазии, основана в 1894 году; стремилась к ограничению абсолютистской власти султана и к превращению феодальной

- империи в буржуазное конституционно-монархическое государство; в 1908 году возглавила революционный переворот, превративший Турцию в конституционную монархию, и стала правительственной партией; объявила себя распушенной после военного разгрома Турции в первой мировой войне (осень 1918). — 160.
- 66 *Вторая Парижская группа содействия РСДРП* образовалась в ноябре 1908 года. Она выделилась из общей с меньшевиками Парижской группы; объединяла только большевиков, в том числе членов Большевикского Центра, во главе с Лениным. Революция второй Парижской (большевистской) группы содействия РСДРП была принята на собрании 17 (30) марта 1910 года и напечатана отдельной листовкой. — 167.
- 67 *«Наша Заря»* — ежемесячный легальный журнал меньшевикоп-ликвидаторов; выходил в 1910—1914 годах в Петербурге. Вокруг *«Нашей Зари»* сложился центр ликвидаторов в России. — 171.
- 68 *«Необходимое дополнение к «Дневникам» Г. В. Плеханова»* — меньшевикско-ликвидаторский листок, выпущенный редакцией *«Голоса Социал-Демократа»* в апреле 1910 года и направленный против Г. В. Плеханова. — 171.
- 69 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, 1935, стр. 267 и 288. — 187.
- 70 *«Возрождение»* — журнал меньшевикоп-ликвидаторов; выходил с декабря 1908 года до июля 1910 года в Москве; вместо него издавались журналы *«Жизнь»* (1910) и *«Дело Жизни»* (1911). — 195.
- 71 *Второй вперевонец* — В. Л. Шандер (Марат). — 203.
- 72 Т. — Л. Тышко. — 206.
- 73 П. — И. Ф. Дубровинский. — 206.
- 74 *«Socialistische Monatshefte»* («Социалистический Ежемесячник») — журнал, главный орган оппортунистов немецкой социал-демократии и один из органов международного оппортунизма; выходил в Берлине с 1897 по 1933 год
Журнал критиковал направленную против ревизионизма революцию «О тактике партии», принятую на съезде германской социал-демократической партии в Дрездене (сентябрь 1903 год). Позднее эта революция была почти целиком воспроизведена на Международном социалистическом конгрессе в Амстердаме (август 1904 года) в революции по вопросу о «Международных правилах социалистической тактики». — 207.
- 75 Автор *«Письма с Кавказа»*, К. Ст. — И. В. Сталин. Его *«Письмо с Кавказа»* против тифлисских ликвидаторов было написано

еще в декабре 1909 года для «Социал-Демократа». Менше-вистская часть редакции отказалась поместить письмо в ЦО партии; оно было напечатано лишь 25 мая (7 июня) 1910 года в «Дискуссионном Листке» № 2 вместе с ответом на него лидера кавказских меньшевиков — Ана (Н. Жордания) (см. И. В. Сталин. Сочинения, том 2, 1946, стр. 188—196). — 208.

76 Имеется в виду резолюция Пятого (Лондонского) съезда РСДРП «Об отношении к непролетарским партиям» (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 103—104). — 211.

77 «*Безголовцами*» Ленин иронически называет «беззаглавцев».

«*Беззаглавцы*» — полукадетская группа (С. Прокопович, Е. Кускова, В. Богучарский и другие), издававшая в Петербурге еженедельный журнал «Без Заглавия» (1906 год). Объявляя себя приверженцами «критического социализма» — сторонниками ревизионистского крыла западноевропейской социал-демократии (Бернштейн и другие), «беззаглавцы» выступали против самостоятельной классовой политики пролетариата. В. И. Ленин называл «беззаглавцев» «меньшевиствующими кадетами» или «кадетствующими меньшевиками». — 211.

78 *Энесы* («народные социалисты») — мелкобуржуазная партия; образовалась в 1906 году, выделившись из правого крыла эсеров; выставляла умеренно-демократические требования, не выходившие из рамок конституционной монархии. Энесы отказывались от программного положения социализации земли, признавая отчуждение помещичьей земли на основе выкупа. В. И. Ленин называл энесов «мещанскими оппортунистами», «социал-кадетами», «эсеровскими меньшевиками». Лидерами энесов были: А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, Н. Ф. Анненский и другие. — 211.

79 «*Нашими Помоями*» Ленин иронически называет ликвидаторский журнал «Наша Заря».

Съезд прихлебателей от литературы — II Всероссийский съезд писателей, состоявшийся в Петербурге 21—28 апреля (4—11 мая) 1910 года с участием представителей «Нашей Зари» и меньшевистского «Современного Мира». По первому требованию полиции, съезд без всякого сопротивления снял с обсуждения революцию о борьбе за свободу печати.

Говоря о поссианцах, Ленин имеет в виду сотрудничество ликвидаторов в либерально-буржуазном журнале «Союз Потребителей», которым руководил кооператор — В. А. Поссе. — 213.

80 *И.* — меньшевик-ликвидатор Б. И. Горев-Гольдман. — 215.

81 *Азефщина* — политическое предательство, по имени провокатора Азефа, одного из лидеров партии эсеров. — 222.

- 62 Речь идет о статье Ф. Энгельса «4 мая в Лондоне» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, 1936, стр. 54—60); см. также письма Энгельса к Зорге от 29 ноября 1886 года и 11 мая 1889 года (К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 396—399; К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, 1935, стр. 608 и т. XXVIII, 1940, стр. 110). — 231.
- 63 «*Zihna*» («Борьба») — газета, центральный орган латышской социал-демократии; основана в марте 1904 года; выходила с большими перебоями в Риге, Брюсселе и Петрограде; с 1919 года — орган коммунистической партии Латвии. — 235.
- 64 Имеются в виду работы В. Е. Варзара «Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1905 год» и «Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906—1908 гг.», С.-Петербург, издание Министерства торговли и промышленности, 1908 и 1910. — 235.
- 65 *Международный социалистический конгресс в Копенгагене* заседал с 28 августа по 3 сентября (н. ст.) 1910 года. РСДРП на конгрессе представляли: Ленин, Плеханов, Мартов и другие. Для предварительного обсуждения и выработки резолюций по отдельным вопросам конгрессом было выделено несколько комиссий. Ленин работал в кооперативной комиссии. Его проект резолюции о кооперативах был положен в основу проекта резолюции, внесенного в кооперативную комиссию конгресса делегацией РСДРП. О работе кооперативной комиссии на конгрессе, а также текст проекта резолюции о кооперативах делегации РСДРП см. в статье Ленина «Вопрос о кооперативах на Международном социалистическом конгрессе в Копенгагене» (настоящий том, стр. 249—257); см. также Ленинский сборник XXV, стр. 245—267. — 239.
- 66 *Сажин* — впередовец И. А. Санжур. — 242.
- 67 «*Ткач И-1*» — И. В. Сысоев, социал-демократ; отзовист-ультиматист. — 243.
- 68 «*Рабочий Ар*» — впередовец Ф. И. Калинин. — 244.
- 69 *Воинов* — псевдоним А. В. Луначарского. — 245.
- 70 *Домов* — М. Н. Покровский. — 247.
- 71 Ленин приводит слова А. Бебеля из доклада о «Нападениях на основные взгляды и тактику партии» на съезде германской социал-демократии в Ганновере (9—14 октября (н. ст.) 1899 года). — 253.
- 72 *Штутгартский международный съезд* — VII Международный социалистический конгресс; происходил 18—24 августа (н. ст.)

- 1907 года. Ленин участвовал на конгрессе в качестве делегата от РСДРП (см. В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 59—77). — 255.
- 93 Протест против опубликования в газете «Vorwärts» статьи Троцкого с клеветой на РСДРП был составлен в дни заседаний Международного социалистического конгресса в Копенгагене. — 259.
- 94 «Товарищ» — ежедневная буржуазная газета; выходила в Петербурге в 1906—1907 годах при ближайшем участии С. Н. Прокоповича и Е. Д. Кусковой. Формально газета не являлась органом какой-либо партии, фактически же была органом левых кадетов. В газете принимали участие и меньшевики. — 259.
- 95 «Le Peuple» («Народ») — ежедневная газета, центральный орган бельгийской рабочей (реформистской) партии; выходит с 1884 года в Брюсселе. — 259.
- 96 «Рабочая Газета» — популярный орган большевиков; издавалась в Париже с 30 октября (12 ноября) 1910 года по 30 июля (12 августа) 1912 года; вышло 9 номеров. В газете принимали участие также меньшевики-партийцы. Основателем и руководителем «Рабочей Газеты» был Ленин. Ленин напечатал в газете более 10 статей. Пражская конференция РСДРП (январь 1912) отметила, что «Рабочая Газета» решительно и последовательно защищала партию и партийность, и объявила ее официальным органом ЦК РСДРП большевиков. — 263.
- 97 Речь идет о резолюции, написанной Лениным и принятой Советанием расширенной редакции «Пролетария» (июнь 1909) «Об отзовизме и ультиматизме» (см. Сочинения, 4 изд., том 15, стр. 408—411). — 267.
- 98 Ленин цитирует статью Ф. Энгельса «Социализм в Германии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, 1936, стр. 244—245). — 284.
- 99 «Польское коло» — группа польских депутатов в Государственных думах, объединившихся на почве требования автономии Польши. В I и во II Думах руководящая роль в этом объединении принадлежала народовцам — польским черносотенцам. По всем основным вопросам думской тактики польское коло поддерживало октябристов и правых. — 286.
- 100 «Русские Ведомости» — ежедневная газета; издавалась в Москве с 1863 года либеральными профессорами Московского университета и земскими деятелями; выражала интересы либеральных помещиков и буржуазии; с 1905 года — орган правых кадетов; закрыта после Октябрьской революции 1917 года. — 291.

- 101 *«Голос Москвы»* — ежедневная газета, орган октябристов, контрреволюционной партии крупной промышленной буржуазии и крупных помещиков; выходила в Москве с декабря 1906 по июнь 1915 года. — 291.
- 102 *«Господин Купон»* — образное название капитала и капиталистов в литературе 80- и 90-х годов. Впервые применено Глебом Успенским в очерках *«Грехи тяжкие»* (*«Русская Мысль»*, 1888, книга XII). — 295.
- 103 *Школа в Болонье* (Италия) — вторая антипартийная школа группы *«Вперед»* (конец 1910 — начало 1911); являлась продолжением каприйской школы — фракционного центра отзовистов и ультиматистов. — 298.
- 104 Статья *«Л. Н. Толстой и современное рабочее движение»* напечатана в газете *«Наш Путь»*.
«Наш Путь» — полуполюгальная большевистская газета; организована при участии Центрального бюро профсоюзов в качестве продолжения *«Вестника Труда»* (1909); выходила в Москве с 30 мая (12 июня) 1910 года по 9 (22) января 1911 года; редактировалась И. И. Скворцовым-Степановым; вышло 8 номеров. Выпуск газеты был прекращен после провала основного ядра сотрудников, выданных провокаторами Малиновским и Таниным. — 300.
- 105 Речь идет о телеграмме, посланной социал-демократическими депутатами III Думы на имя близкого друга и последователя Л. Н. Толстого, В. Г. Черткова, в Астапово: *«Социал-демократическая фракция Государственной думы, выражая чувства скорбистого и всего международного пролетариата, глубоко скорбит об утрате гениального художника, непримиримого и непоколебленного борца с официальной церковностью, врага произвола и порабощения, громко возвысившего свой голос против смертной казни, друга гонимых»*. — 300.
- 106 Статья *«Разногласия в европейском рабочем движении»* была напечатана в № 1 газеты *«Звезда»*, в разделе *«Заграничные письма»*.
«Звезда» — большевистская легальная газета, предшественница *«Правды»*; выходила в Петербурге с 16 (29) декабря 1910 года по 22 апреля (5 мая) 1912 года (сначала еженедельно, с января 1912 года — два раза и с марта — три раза в неделю). 26 февраля (10 марта) 1912 года, одновременно с *«Звездой»*, вышел № 1 *«Невской Звезды»*, явившейся после закрытия *«Звезды»* ее продолжением. Последний, 27-й, номер *«Невской Звезды»* вышел 5 (18) октября 1912 года. В газете *«Звезда»* сотрудничали: В. М. Молотов (Скрябин), М. С. Ольминский, Н. Н. Батурин, Н. Г. Полетаев, К. С. Еремеев, а также А. М. Горький. Вначале, до осени 1911 года, в *«Звезде»*

принимали участие меньшевики-партийцы (плекхановцы). Идейное руководство газетой осуществлял (из-за границы) В. И. Ленин. Ленин опубликовал в «Звезде» и «Невской Звезде» около 50 статей.

Весной 1912 года «Звезде» редактировал товарищ Сталин. За короткое время пребывания «на воле» И. В. Сталин напечатал в №№ 30, 31, 32 и 33 газеты 8 статей. Под руководством Ленина и Сталина легальная «Звезда» явилась боевой большевистской газетой, отстаивавшей программу нелегальной партии. «Звезда» широко поставила отдел рабочих корреспонденций, установив постоянную, крепкую связь с рабочими. Тираж отдельных номеров ее достигал 50—60 тысяч. Газета постоянно подвергалась правительственным репрессиям: из 96 номеров «Звезды» и «Невской Звезды» 39 было конфисковано, 10 оштрафовано. «Звезда» подготовила издание ежедневной большевистской газеты «Правда» и была закрыта в день выхода «Правды». Разница между «Звездой» и «Правдой» состояла лишь в том, что аудиторией «Правды», в отличие от «Звезды», служили не передовые рабочие, а широкие массы рабочего класса (Сталин). — 317.

- 107 *«Молодые»* в германской социал-демократии — мелкобуржуазная полуанархическая группа; образовалась в 1890 году. Основное ядро группы составляли «недоучившиеся студенты», молодые литераторы (отсюда и название группы). Группа выступила с платформой, отрицавшей всякое участие социал-демократов в парламенте. Ф. Энгельс называл «молодых» героями «революционной фразы», стремившимися «склокой и интригами дезорганизовать партию». В октябре 1891 года, на Эрфуртском съезде германской социал-демократии «молодые» были исключены из партии. — 321.
- 108 *Мост, Иоган* — немецкий социал-демократ; за дезорганизаторское поведение был исключен из партии на Баденском конгрессе в 1880 году; в 80-х годах примкнул к анархизму (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVI, 1935, стр. 483—485 и т. XXVII, 1935, стр. 62—66). — 321.
- 109 Речь идет о заявлении большевиков в Заграничное Бюро ЦК 22 ноября (5 декабря) 1910 года, с требованием немедленного созыва пленума ЦК для решения вопроса о возврате денежного имущества большевистской фракции. Заявление было подписано Лениным и другими участниками Январского пленума ЦК 1910 года. — 336.
- 110 Статья *«Герои «оговорочки»* напечатана в журнале «Мысль». «Мысль» — большевистский легальный ежемесячный философский и общественно-экономический журнал; издавался в Москве с декабря 1910 года. Журнал был создан Лениным в противовес ликвидаторским журналам и для борьбы с ними. Редактированием журнала В. И. Ленин руководил из-за границы. В первых четырех вышедших номерах «Мысли»

- В. И. Ленин поместил 6 статей, в том числе большую работу «О статистике стачек в России». Ближайшее участие в журнале принимали: В. В. Воровский, М. С. Ольминский, И. И. Скворцов-Степанов. В журнале сотрудничали также меньшевикопартийцы (Г. В. Плеханов и другие). Журнал издавался до апреля 1911 года; вышло 5 номеров. Последний, 5-й, номер был конфискован. — 338.
- 111 Статья «Исторический смысл внутривнутрипартийной борьбы в России» направлена против клеветнических статей Троцкого и Мартова, напечатанных в журнале «Die Neue Zeit» — органе германской социал-демократии. Ленин собирался ответить Троцкому и Мартову в том же журнале, но руководители «Die Neue Zeit» — Каутский и Вурм — не напечатали статьи Ленина. Она появилась только 29 апреля (12 мая) 1911 года в № 3 «Дискуссионного Листка». — 344.
- 112 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VI, 1930, стр. 340. — 346.
- 113 Ленин имеет в виду принятую IV (Объединительным) съездом РСДРП «Тактическую резолюцию по аграрному вопросу» (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 75). — 347.
- 114 Речь идет о статье К. Маркса «Берлинская контрреволюция», напечатанной 13 сентября 1848 года в «Новой Рейнской Газете» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VI, 1930, стр. 441—442). Статья эта вошла в III том изданного Ф. Мерингом — «Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassall», Stuttgart («Из литературного наследства Карла Маркса. Фридриха Энгельса и Фердинанда Лассаля», Штутгарт), 1902, стр. 192—196. Ссылаясь на «насмешки Меринга», Ленин имеет в виду введение Ф. Меринга к этому (III) тому», стр. 53—54. — 347.
- 115 Имеется в виду книга В. Е. Варзара «Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906—1908 гг.», С.-Петербург, 1910. — 351.
- 116 К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VI, 1930, стр. 82; см. также письмо К. Маркса Людвигу Кугельману от 17 апреля 1871 года (К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 264). — 353.
- 117 В статье «О статистике стачек в России» Ленин использовал данные официальной статистики, собранные В. Е. Варзаром. Разработкой статистических материалов Ленин занялся непосредственно в конце сентября 1910 года (см. его черновую тетрадь «Статистика стачек в России», Ленинский сборник XXV, стр. 129—155). Ленин предполагал на основе собранного материала написать очерк истории русской революции. По его

предположению очерк должен был составить книгу или брошюру до 300 страниц, которую он хотел перевести ватем на немецкий язык. Статья «О статистике стачек в России» явилась, по словам Ленина, «первым приступом к делу», «предварительными итогами одного опыта более детальной разработки». Полное изложение итогов Ленин откладывал «до другого места». Работы в намеченных размерах Ленину написать не удалось. — 361.

- 118 А. В. Погожев. «Учет численности и состава рабочих в России. Материалы по статистике труда», С.-Петербург, издание императорской Академии наук, 1906. — 369.
- 119 Эта же таблица приводится Лениным и в статье «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России» (настоящий том, стр. 351), но там Ленин относит смешанные стачки к стачкам политическим, как это сделано в правительственной статистике 1905 года. В статье же «О статистике стачек в России» Ленин исправляет эту неточность официальной статистики, относя смешанные стачки к экономическим. Этим объясняется разница в цифрах экономических и политических стачечников по кварталам 1905 года в обеих таблицах, при общем равном их итоге. — 376.
- 120 Статья «Капиталистический строй современного земледелия» представляет собой первую часть большой работы о капиталистическом земледелии в Германии, которую Ленин предполагал написать в качестве второго выпуска известного своего произведения «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск I. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки».
- В Сочинениях В. И. Ленина статья «Капиталистический строй современного земледелия» печатается впервые. Она была опубликована в 1932 году в журнале «Большевик» № 9 и в Ленинском сборнике XIX по обнаруженной части рукописи. До сих пор не найдены следующие части рукописи: конец III главы — «Крестьянские хозяйства при капитализме», начало и конец IV главы — «Женский и детский труд в земледелии», V и VI главы — «Расхищение труда в мелком производстве» и «Капиталистический характер употребления машин в современном земледелии».
- Конец статьи с подписью «В. Ильин», а также конец I главы («Общая картина экономического строя современного земледелия») и начало II («Чем является на деле большинство современных земледельческих «хозяйств» (пролетарские «хозяйства»)), отсутствовавшие при опубликовании статьи в 1932 году, теперь найдены, поэтому главы I, II и VII печатаются здесь впервые полностью. — 387.
- 121 «Киевская Мысль» — ежедневная газета буржуазно-демократического направления; выходила с 1906 по 1918 год в Киеве. Ближайшее участие в газете принимали меньшевики.

- Ленин имеет в виду статью ликвидатора Н. Валентинова «По поводу последней германской переписи», напечатанную в «Киевской Мысли» № 308. — 391.
- ¹²² «*Экономист России*» — еженедельный буржуазный журнал, посвященный экономическим и финансовым вопросам России и заграницы; выходил в 1909—1912 годах в Петербурге. — 392.
- ¹²³ См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1936, стр. 542—780. — 392.
- ¹²⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVII, 1937, стр. 704—712. — 399.
- ¹²⁵ Franz Bensing. «Der Einfluss der landwirtschaftlichen Maschinen auf Volks- und Privatwirtschaft», Breslau, 1897 (Франц Бензинг. «Влияние сельскохозяйственных машин на народное и частновладельческое хозяйство», Бреславль, 1897). — 406.
-

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В. И. ЛЕНИНА

(Сентябрь 1909 года — декабрь 1910 года)

1909

- Первая половина сентября.* Ленин отдыхает с семьей — Н. К. Крупской, ее матерью и М. И. Ульяновой в Вонвон (Франция, департамент Сены и Луары).
Ленин пишет статью «О фракции сторонников отзовизма и богостроительства».
- Сентябрь, 5 (18).* Статьи Ленина «Разоблаченные ликвидаторы», «К выборам в Петербурге» и примечание от редакции «По поводу открытого письма Исполнительной комиссии Московского окружного комитета» печатаются в № 47—48 газеты «Пролетарий».
- Сентябрь, до 11 (24).* Ленин возвращается из Вонвон в Париж.
- Сентябрь, 11 (24).* Статья Ленина «О фракции сторонников отзовизма и богостроительства» печатается в Приложении к № 47—48 газеты «Пролетарий».
- Сентябрь, 14 (27).* Статья Ленина «Еще о партийности и беспартийности» публикуется в № 9 газеты «Новый День».
- Сентябрь, 19 (октябрь, 2).* Ленин выступает в Париже с рефератом о дополнительных (сентябрьских) выборах в III Государственную думу в Петербурге.
- Сентябрь — октябрь.* Ленин ведет переписку с В. А. Карпинским о переводе партийной библиотеки из Женевы в Париж.
- Октябрь, 3 (16).* Статья Ленина «Беседа с петербургскими большевиками» публикуется в № 49 газеты «Пролетарий».

- Октябрь, 15 (28).* Ленин читает в Льеже для членов социал-демократических групп реферат «О положении дел в партии».
- Октябрь, 16 (29).* Ленин читает в Льеже публичный реферат на тему «Идеология контрреволюционной буржуазии».
- Октябрь, 21 (ноябрь, 3).* Ленин на заседании редакции ЦО «Социал-Демократ» вносит «Проект резолюции об укреплении партии и ее единства». Проект отвергается ликвидаторско-примиренческим большинством редакции.
- Октябрь, 22 (ноябрь, 4).* Ленин подает заявление о выходе из редакции ЦО и требует опубликования заявления в газете «Социал-Демократ» вместе с проектом резолюции об укреплении партии и ее единства.
- Октябрь, 23 (ноябрь, 5).* Ленин выезжает из Парижа в Брюссель на одиннадцатую сессию Международного социалистического бюро.
- Октябрь, 24 (ноябрь, 6).* Ленин сообщает в редакцию газеты «Социал-Демократ», что берет обратно свое заявление о выходе из редакции.
- Ленин принимает участие в Интернациональной конференции социалистических журналистов в Брюсселе.
- Октябрь, 25 (ноябрь, 7).* Ленин выступает на заседании 11-й сессии Международного социалистического бюро в Брюсселе по вопросу о расколе в голландской социал-демократической рабочей партии.
- Октябрь, 26 (ноябрь, 8).* Ленин принимает участие в заседании Межпарламентской комиссии при Международном социалистическом бюро.
- Позднее 26 октября (позднее 8 ноября).* Ленин возвращается из Брюсселя в Париж.
- Октябрь, 31 (ноябрь, 13).* Статья Ленина «Царь против финского народа» публикуется передовой в № 9 газеты «Социал-Демократ».
- Октябрь.* Ленин в письме группе слушателей каприйской школы выражает одобрение по поводу начавшегося раскола между большевиками-ленинцами и сторонниками Богданова.

- Ноябрь, 1 (14).* Ленин совместно с И. Ф. Дубровинским и другими членами ЦК пишет заявление в Заграничное бюро ЦК с требованием созыва пленума ЦК РСДРП в ближайшее время.
- Ноябрь, 3 (16).* Ленин беседует с Н. Е. Вилоновым, приехавшим в Париж после раскола в каприйской школе; в связи с этой беседой пишет письмо А. М. Горькому.
- Ноябрь, 13 (26).* Ленин читает в Париже публичный реферат на тему «Идеология контрреволюционного либерализма (Успех «Вех» и его общественное значение)».
- Ноябрь, 21 (декабрь, 4).* Ленин выступает с докладом об 11-й сессии Международного социалистического бюро на очередном собрании 2-й Парижской группы содействия РСДРП; избирается членом Комитета группы.
- Ноябрь, 28 (декабрь, 11).* Статьи Ленина: «О некоторых источниках современного идейного разброда», «Приемы ликвидаторов и партийные задачи большевиков», «Голос Социал-Демократа» и Череванин», «Басня буржуазной печати об исключении Горького» публикуются в № 50 газеты «Пролетарий».
- Статья Ленина «Позорный провал» публикуется в отдельном оттиске из № 50 газеты «Пролетарий».
- Конец ноября (начало декабря).* Ленин в Париже читает лекции 5 слушателям, исключенным из каприйской школы, на темы: «Современный момент и наши задачи», «Аграрная политика Столыпина».
- Конец ноября (начало декабря).* Ленин пишет статью «Об идейном распаде и разброде среди российской социал-демократии».
- Осень.* Ленин пишет «Объяснительную записку к проекту главных оснований закона о 8-ми часовом рабочем дне» для думской фракции.
- Декабрь, 3 (16).* Ленин пишет ответное письмо И. И. Скворцову-Степанову по вопросу о «прусском» или «американском» путях капиталистического аграрного развития России.
- Декабрь, 13 (26).* Статья Ленина «О «Вехах» публикуется в № 15 газеты «Новый День».
- Середина (конец) декабря — начало января 1910 года.* Ленин читает лекции «О современном моменте» и «Аграрная политика Столыпина» второй группе слушателей каприйской школы, приехавшей в Париж.

- Декабрь, 24*
(6 января
1910 года). Статьи Ленина «Последнее слово русского либерализма» и «Одиннадцатая сессия Международного социалистического бюро» публикуются в № 10 газеты «Социал-Демократ».
- Конец декабря*
(первая полови-
на января
1910 года). Ленин пишет заметку «О группе «Вперед».
- 1909 год.* Ленин работает в Сорбоннской библиотеке (Париж) над литературой по вопросам философии и естествознания.

1910

- Январь, 2—23*
(январь, 15 —
февраль, 5). Ленин участвует в работах пленума ЦК РСДРП в Париже; вносит проект резолюции «О положении дел в партии» с осуждением ликвидаторства и отзовизма. Ленин избирается пленумом в редакцию ЦО «Социал-Демократ» и представителем РСДРП в Международное социалистическое бюро.
- Конец января*
(начало фев-
рала). Ленин выступает на заседании редакции ЦО против опубликования в газете «Социал-Демократ» ликвидаторской статьи Ю. О. Мартова «На верном пути».
- Февраль, 13 (26).* Статья Ленина «К единству» с оценкой решений Январского пленума ЦК РСДРП публикуется в № 11 газеты «Социал-Демократ».
- Март, 6 (19).* В № 1 «Дискуссионного Листка» печатается первая часть работы Ленина «Заметки публициста. I. О «платформе» сторонников и защитников отзовизма».
- Март, 7 (20).* Ленин выступает на собрании 2-й, большевистской, группы содействия РСДРП в Париже при обсуждении доклада о пленуме ЦК, за объединение с меньшевиками-партийцами (плехановцами).
- Март, 14 (27).* Ленин пишет письмо Н. Е. Вилонову в Давос (Швейцария) об объединении большевиков с меньшевиками-партийцами (плехановцами) для борьбы с ликвидаторами.
- Март, 16 (29).* Ленин в письме Г. В. Плеханову предлагает встретиться с ним для переговоров о положении дел в партии.

- Март, 23*
(апрель, 5). Ленин посылает в Заграничное бюро ЦК РСДРП заявление по поводу конфликтов в редакции ЦО. Статьи Ленина «Голос» ликвидаторов против партии (Ответ «Голосу Социал-Демократа») и «За что бороться?» печатаются в № 12 газеты «Социал-Демократ».
- Март, ранее 27*
(апрель, ранее 9). Ленин на закрытом заседании 2-й Парижской, большевистской, группы содействия РСДРП предлагает резолюцию об исключении из партии 3 членов меньшевиков-ликвидаторов, отказавшихся войти в русскую коллегия ЦК. Резолюция Ленина принимается.
- Март, 28*
(апрель, 10). Ленин, от имени редакции ЦО, пишет письмо Главному правлению польской социал-демократии о борьбе с ликвидаторами.
- Март, 29*
(апрель, 11). Ленин пишет письмо А. М. Горькому о партийном объединении с оценкой работы Январского пленума ЦК РСДРП.
- Около 19 апреля*
(около 2 мая). Ленин пишет заявление в ЦК РСДРП о положении в редакции ЦО в связи с поведением ликвидаторской части редакции и настаивает на необходимости изменения состава редакции.
- Апрель, 26*
(май, 9). Статьи Ленина: «Поход на Финляндию», «Боятся за армию», «Партийное объединение за границей», «Одно из препятствий партийному единству» публикуются в № 13 газеты «Социал-Демократ».
- Май, 25*
(июнь, 7). В № 2 «Дискуссионного Листка» печатается вторая часть работы Ленина «Заметки публициста. II. «Объединительный кризис» в нашей партии».
- Июль, 9 или 10 — август, 10*
(июль, 22 или 23 — август, 23). В. И. Ленин отдыхает с Н. К. Крупской и ее матерью в приморском городке Порник (Франция) на берегу Бискайского залива.
- Между 19 и 23 июля (1 и 8 августа).* Ленин выезжает на о. Капри, к Горькому.
- Июль.* Статья Ленина «Юбилейному номеру «Zihna»» печатается в № 100 газеты «Zihna» («Борьба») — органе социал-демократической партии Латвии.
- Август, ранее 13 (26).* Ленин в Париже встречается и беседует с Г. В. Плехановым.

- Август, 13 (26).* Ленин приезжает в Копенгаген на VIII конгресс II Интернационала и участвует в заседании бюро Конгресса.
- Август, 15—21 (август, 28—сентябрь, 3).* Ленин участвует в работе Копенгагенского конгресса II Интернационала.
- Между 15 и 21 августа (28 августа и 3 сентября).* Ленин созывает совещание левых во II Интернационале для организации и сплочения революционных элементов в международном рабочем движении.
- Ленин совещается с Г. В. Плехановым, Н. Г. Полетаевым, И. П. Покровским по вопросу о создании «Рабочей Газеты» и «Звезды».
- Ленин, совместно с Плехановым, пишет письмо в Правление германской социал-демократической партии с протестом против опубликования в «Vorwärts» клеветнической статьи Троцкого.
- Август, 16 (29).* Ленин участвует в совещании представителей национальных секций Копенгагенского конгресса, в порядке дня которого стоят вопросы: 1) проверка мандатов, 2) назначение комиссий.
- Август, 16—19 (август, 29—сентябрь, 1).* Ленин участвует в работе кооперативной комиссии конгресса; составляет проект резолюции о кооперативах, выступает с поправками к резолюции кооперативной комиссии конгресса.
- Август, 20 (сентябрь, 2).* Ленин сообщает в Международное социалистическое бюро, что согласно постановлению Январского пленума ЦК РСДРП 1910 года представителем РСДРП в Международное социалистическое бюро, кроме В. И. Ленина, является и Г. В. Плеханов.
- Август, 30 (сентябрь, 12).* Статья Ленина «О фракции «впередовцев» публикуется в № 15—16 газеты «Социал-Демократ».
- Вторая половина августа (первая половина сентября).* Ленин пишет статью «Отзовистско-ультиматистские штрейкбрехеры» (статья не найдена).
- Сентябрь, 2 (15).* Ленин работает в Копенгагенской библиотеке над литературой по сельскому хозяйству.
- Сентябрь, 3—12 (16—25).* Ленин живет в Стокгольме, куда приезжает для свидания с матерью, М. А. Ульяновой, и сестрой, М. И. Ульяновой; выступает на собраниях

социал-демократических групп с докладами «О Международном социалистическом конгрессе в Копенгагене» и «О положении дел в партии».

*Сентябрь, 13
или 14 (26
или 27).*

Ленин в Копенгагене читает реферат о Международном социалистическом конгрессе.

Сентябрь, 15 (28). Ленин возвращается в Париж.

*Сентябрь, 21
(октябрь, 4).*

Ленин в письме к представителю большевиков в Заграничном бюро ЦК РСДРП, Н. А. Семашко, требует скорейшего созыва собрания большевиков для разрешения вопроса об издании «Рабочей Газеты».

*Сентябрь, 24
(октябрь, 7).*

Ленин пишет письмо Ю. Ю. Мархлевскому по поводу проектируемой статьи последнего в «Neue Zeit» против Ю. О. Мартова и дает ряд указаний к статье.

*Сентябрь, 25
(октябрь, 8).*

Статья Ленина «Вопрос о кооперативах на Международном социалистическом конгрессе в Копенгагене» и «О том, как некоторые социал-демократы знакомят Интернационал с положением дел в РСДРП» публикуются в № 17 газеты «Социал-Демократ».

*Сентябрь —
октябрь.*

Ленин работает над статьей «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России», которую предполагает опубликовать в «Neue Zeit». Статья печатается в № 3 «Дискуссионного Листна», 29 апреля (12 мая) 1911 г.

Ленин начинает работать над статистической стачен в России 1905—1908 гг.

*Сентябрь —
ноябрь.*

Ленин ведет переговоры с В. В. Воровским, И. И. Скворцовым-Степановым об организации издания в Москве легального большевистского журнала «Мысль».

*Октябрь, ранее
15 (28).*

Ленин выступает на собрании большевиков в Париже по вопросу о создании, совместно с плехановцами, «Рабочей Газеты».

*Октябрь, ранее
30 (ноябрь, ра-
нее 12).*

Ленин пишет статью «Объявление об издании «Рабочей Газеты»».

*Октябрь, 30
(ноябрь, 12).*

Статья Ленина «Уроки революции» печатается передовой в № 1 «Рабочей Газеты».

- Ноябрь, 1 (14).* Ленин посылает А. М. Горькому на Капри № 1 «Рабочей Газеты» и сообщает о подготовке к изданию, совместно с Плехановым, легального журнала «Мысль».
- Ноябрь, 16 (29).* Статьи Ленина: «Два мира», «О демонстрации по поводу смерти Муромцева», «Не начало ли поворота?», «Л. Н. Толстой» публикуются в № 18 газеты «Социал-Демократ».
- Ноябрь, 20 (декабрь, 3).* Ленин в письме «Товарищам — слушателям школы в Болонье» отказывается от чтения лекций в Болонье и приглашает учеников для занятий в Париж.
- Ноябрь, 22 (декабрь, 5).* Ленин подает заявление в Заграничное бюро ЦК РСДРП о возвращении большевикам «держательских» денег; Ленин требует немедленного созыва пленума ЦК для разрешения этого вопроса.
- Ноябрь, после 22 (декабрь, после 5).* Ленин от имени «Рабочей Газеты» пишет «Открытое письмо ко всем социал-демократам партиям» с характеристикой внутривнутрипартийного положения.
- Ноябрь, 28 (декабрь, 11).* Статья Ленина «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение» публикуется в № 7 газеты «Наш Путь».
- Декабрь, 16 (29).* Статья Ленина «Разногласия в европейском рабочем движении» печатается в № 1 газеты «Звезда».
- Декабрь, 18 (31).* Статьи Ленина: «Толстой и пролетарская борьба», «Начало демонстраций», «Что делается в деревне?», «Иван Васильевич Бабушкин (Некролог)» печатаются в № 2 «Рабочей Газеты».
- Декабрь.* Ленин пишет заявление в ЦК РСДРП о расторжении договора о распусчении фракций, заключенного на Январском пленуме ЦК.
В Москве выходит № 1 журнала «Мысль» со статьями Ленина «Герои «оговорочки»» и «О статистике стачек в России» (гл. I).
- Конец года.* Ленин пишет статью «Капиталистический строй современного земледелия».

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	VII
-------------------	-----

1909 г.

РАЗОБЛАЧЕННЫЕ ЛИКВИДАТОРЫ	1—8
ПО ПОВОДУ ОТКРЫТОГО ПИСЬМА ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ МОСКОВСКОГО ОКРУЖНОГО КОМИТЕТА	9
К ВЫБОРАМ В ПЕТЕРБУРГЕ (<i>Заметка</i>)	10—14
О ФРАКЦИИ СТОРОННИКОВ ОТЗОВИЗМА И БОГОСТРОИ- ТЕЛЬСТВА	15—45
I	15
II	19
III	23
IV	29
V	35
VI	40
VII	44
ЕЩЕ О ПАРТИЙНОСТИ И БЕСПАРТИЙНОСТИ	46—48
БЕСЕДА С ПЕТЕРБУРГСКИМИ БОЛЬШЕВИКАМИ	49—59
ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЫБОРЫ»	60
ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ОБ УКРЕПЛЕНИИ ПАРТИИ И ЕЕ ЕДИНСТВА	61

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО БЮРО ПО ВОПРОСУ О РАСКОЛЕ В ГОЛЛАНДСКОЙ С.-Д. РАБОЧЕЙ ПАРТИИ. По отчету «Бюллетеня» МСБ	62
ЦАРЬ ПРОТИВ ФИНСКОГО НАРОДА	63—65
ПИСЬМО СЛУШАТЕЛЯМ ШКОЛЫ НА КАПРИ	66—68
ПОЗОРНЫЙ ПРОВАЛ	69—70
О НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКАХ СОВРЕМЕННОГО ИДЕЙНОГО РАЗБОРОДА	71—78
ПРИЕМЫ ЛИКВИДАТОРОВ И ПАРТИЙНЫЕ ЗАДАЧИ ВОЛЬШЕВИКОВ	79—85
«ГОЛОС СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА» И ЧЕРЕВАНИН	86—88
БАСНЯ БУРЖУАЗНОЙ ПЕЧАТИ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ГОРЬКОГО	89
ОБ ИДЕЙНОМ РАСПАДЕ И РАЗБОРЕ СРЕДИ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ	90—92
ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К ПРОЕКТУ ГЛАВНЫХ ОСНОВАНИЙ ЗАКОНА О 8-МИЧАСОВОМ РАБОЧЕМ ДНЕ	93—99
ПИСЬМО И. И. СКВОРЦОВУ-СТЕПАНОВУ	100—105
О «ВЕХАХ»	106—114
I	107
II	109
ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА	115—121
ОДИНАДЦАТАЯ СЕССИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО БЮРО	122—126
1910 г.	
О ГРУППЕ «ВПЕРЕД». Конспект	127—128
К ЕДИНСТВУ	129—137
«ГОЛОС» ЛИКВИДАТОРОВ ПРОТИВ ПАРТИИ (Ответ «Голосу Социал-Демократа»)	138—145

ВА ЧТО ВОРОТЬСЯ?	146—151
ПОХОД НА ФИНЛЯНДИЮ.....	152—156
ВОЯТСЯ ЗА АРМИЮ	157—164
ПАРТИЙНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ.....	165—167
ОДНО ИЗ ПРЕПЯТСТВИЙ ПАРТИЙНОМУ ЕДИНСТВУ	168—169
В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ РСДРП	170—173
ЗАМЕТКИ ПУБЛИЦИСТА	175—234
I. О «платформе» сторонников и защитников отзо- визма.....	177
II. «Объединительный кризис» в нашей партии	187
1. Два взгляда на объединение	188
2. «Борьба на два фронта» и преодоление укло- нений	193
3. Условия объединения и кружковая дипло- матия	197
4. О параграфе 1-ом революции о положении дел в партии.....	204
5. Значение декабрьских (1908 г.) резолюций и отношение к ним ликвидаторов.....	209
6. О группе независимцев-легалистов	215
7. О партийном меньшевизме и об его оценке	226
8. Заключение. О платформе большевиков	233
ЮБИЛЕЙНОМУ НОМЕРУ «ЗИННА»	235—238
ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О КООПЕРАТИВАХ РОССИЙСКОЙ С.-Д. ДЕЛЕГАЦИИ КОПЕНГАГЕНСКОГО КОНГРЕССА.....	239—240
ПИСЬМО В МЕЖДУНАРОДНОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ БЮРО О ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ РСДРП	241
О ФРАКЦИИ «ВПЕРЕДОВЦЕВ».....	242—248
ВОПРОС О КООПЕРАТИВАХ НА МЕЖДУНАРОДНОМ СОЦИАЛИ- СТИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ В КОПЕНГАГЕНЕ	249—257
О ТОМ, КАК НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ ЗНАКОМЯТ ИНТЕРНАЦИОНАЛ С ПОЛОЖЕНИЕМ ДЕЛ В РСДРП.....	258—260
ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБ ИЗДАНИИ «РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ»	263—269

УРОКИ РЕВОЛЮЦИИ	270—277
ДВА МИРА	278—285
О ДЕМОНСТРАЦИИ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ МУРОМЦЕВА (Заметка)	286—290
НЕ НАЧАЛО ЛИ ПОВОРОТА?	291—292
Л. Н. ТОЛСТОЙ	293—297
ТОВАРИЦАМ — СЛУШАТЕЛЯМ ШКОЛЫ В БОЛОНЬЕ	298—299
Л. Н. ТОЛСТОЙ И СОВРЕМЕННОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ	300—302
ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО КО ВСЕМ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАМ ПАР- ТИЙЦАМ	303—314
РАЗНОГЛАСИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ	317—322
I	317
ТОЛСТОЙ И ПРОЛЕТАРСКАЯ БОРЬБА	323—324
НАЧАЛО ДЕМОНСТРАЦИЙ	325—328
ЧТО ДЕЛАЕТСЯ В ДЕРЕВНЕ?	329—330
ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ БАБУШКИН (<i>Некролог</i>)	331—334
В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ	335—337
ГЕРОИ «ОГОВОРочки»	338—343
ИСТОРИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЫ В РОССИИ	344—360
I	344
II	349
III	353
IV	357
О СТАТИСТИКЕ СТАЧЕК В РОССИИ	361—386
I	363
II	375

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ СТРОЙ СОВРЕМЕННОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ	387—410
<i>Статья первая</i>	391
I. Общая картина экономического строя современного земледелия.....	353
II. Чем является на деле большинство современных земледельческих «хозяйств». (Пролетарские «хозяйства»).....	397
III. Крестьянские хозяйства при капитализме.....	401
IV. Женский и детский труд в земледелии.....	404
V. Расхищение труда в мелком производстве.....	405
VI. Капиталистический характер употребления машин в современном земледелии.....	405
VII. Низкая производительность труда в мелком производстве и чрезмерная работа.....	405
<i>Примечания</i>	411—432
<i>Даты жизни и деятельности В. И. Ленина</i>	433—442

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Портрет В. И. Ленина. — 1910 г.	VIII—1
Первая страница рукописи «Объявление об издании «Рабочей Газеты». — Октябрь 1910 г.	261
Первая страница «Рабочей Газеты» № 1. — 1910 г.	271
Первая страница газеты «Звезда» № 1. — 1910 г.	315
Диаграмма числа бастовавших рабочих по четвертям года. — 1910 г.	376—377
Первая страница рукописи статьи «Капиталистический строй современного земледелия». — 1910 г.	389

Тираж 500 тыс. экз. (1—250 тыс.).
Подписано к печати 16/XII 1947 г.
Объем 281 $\frac{1}{2}$ п. л. + 2 вклейки (1, 4 п. л.),
25,23 уч.-изд. л.
Цена 6 р. 50 к.

★

2-я типография «Печатный Двор»
им. А. М. Горького треста «Поли-
графкнига» ОГИЗ при Совете
Министров СССР,
Ленинград, Гатчинская, 25.